РУССКАЯ ИСТОРІЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ТОМЪ 5

ИЗДАНІЕ Т-ВА „МІРЪ"
МОСКВА

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

М. Н. ПОКРОВСКАГО,

ПРИ УЧАСТІИ

Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

Томъ V.

Изданіе 2-е.

Изданіе Т-ва „МІРЪ".
МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва.

947
q P76/GB
t. 5

ГЛАВА XIX.

Крестьянская реформа.

1. Соціальная политика Николая I.

Соціальную исторію Россіи въ первой половинѣ XIX столѣтія нельзя понять, если мы упустимъ изъ виду прозаическій, но необычайно важный по своимъ послѣдствіямъ фактъ: двадцатые и тридцатые годы этого вѣка были періодомъ исключительно низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Ихъ паденіе носило, при томъ, почти катастрофическій характеръ; еще въ 1821 году центнеръ пшеницы на берлинской биржѣ расцѣнивали въ 6,63 марки (переводя на теперешнюю монету), а центнеръ ржи—въ 4,15 м. А въ 1825 году пшеница стоила въ Берлинѣ 4,14 марки за центнеръ, а рожь—2,65 м. Во Франціи гектолитръ пшеницы стоилъ: въ 1817 году—36,16 франка, въ 1821—17,79 фр., а въ 1825—15,74 фр. Но, разъ упавъ, цѣны долго держались на низкомъ уровнѣ: если принять берлинскія цѣны двадцатыхъ годовъ за 100, цѣны пшеницы въ 30-хъ годахъ будутъ выражаться цифрой 113,84, а ржи—115,70 *). Какъ видимъ, рѣзкій упадокъ цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи въ 20-хъ годахъ, вызвавшій даже назначеніе академіей наукъ особой преміи за изслѣдованіе на эту тему, отнюдь не былъ мѣстнымъ явленіемъ: во всей Европѣ было то же. „Въ Россіи цѣны на хлѣбъ до 1819 года возвышались, а съ 1820 стали понижаться“,—говоритъ Кеппенъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „О потребленіи хлѣба въ Россіи“. „Въ наше время (въ 1840 году) положеніе земледѣльца въ семъ отношеніи не измѣнялось; за исключеніемъ неурожайныхъ 1833 и 1834 годовъ, цѣны на хлѣбъ вообще оставались низкими, особенно въ тѣхъ стра-

*) См. Hansen. Untersuchungen über d. Preis d. Getreides. Iena, 1887 (Elsters Staatswirtschaftliche Studien, I Band) и Beaurieux. Les prix du blé en France au XIX-me siécle. Paris, 1909.

нахъ, гдѣ къ вывозу онаго еще не всѣ препятствія устранены". Опираясь на авторитетъ того же Кеппена, въ литературѣ, обыкновенно, отрицаютъ какое-либо вліяніе международнаго хлѣбнаго рынка на цѣны внутри Россіи: „вывозъ хлѣба за границу менѣе у насъ значителенъ, чѣмъ полагаютъ многіе, не изслѣдовавшіе сего предмета",—говоритъ Кеппенъ и доказываетъ, что этотъ вывозъ „не составляетъ и сотой части количества, нужнаго для потребленія въ самой имперіи". Не трудно, однако, догадаться, почему этотъ вывозъ, такъ быстро росшій въ первые годы XIX столѣтія, замеръ почти на одномъ уровнѣ въ два первыя десятилѣтія царствованія Николая, а съ нимъ замерло и развитіе помѣщичьяго хозяйства, сулившаго такія радужныя перспективы агрономамъ александровской эпохи *). Для характеристики этого застоя достаточно привести одинъ примѣръ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ **), что еще въ 1760-хъ годахъ Тверская губернія быстро шла впередъ въ дѣлѣ развитія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ. Еще въ 30-хъ годахъ на эту губернію возлагались особенныя надежды. Мордвиновъ, тогда предсѣдатель Вольнаго экономическаго общества, указывалъ, что „эта часть имперіи, по положенію своему, по качеству многоразличныхъ почвъ земли и по расположенію помѣщиковъ къ принятію лучшихъ системъ хозяйства, могла бы послужить разсадникомъ усовершенствованнаго земледѣлія вообще для всей Россіи,—могла бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ въ Англіи была область Норфольская". Теоретически разсужденія Мордвинова были совершенно правильны,—роль тверичей въ реформѣ 19 февраля блестяще оправдала его надежды на „эту часть имперіи". Но вотъ что представляла собою та же Тверская губернія въ 1838 году: „трехпольная система въ самомъ простомъ, первобытномъ видѣ; скотоводство скудно; въ навозѣ для удобренія полей такой недостатокъ, что пашни почти нигдѣ не удобряются, какъ бы слѣдовало. Особенно у самихъ поселянъ-хлѣбопащцевъ вездѣ одинаковое нерадѣніе, о которомъ достаточно можно судить изъ того, что въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ, доселѣ еще суще-

*) Вывозъ хлѣба изъ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка иллюстрируется такой таблицей:

Года.	Пшеница.	Рожь.
	(тысячи пудовъ)	
1810	1734	994
1820	13873	3924
1830	25506	8669
1840	18091	1409

**) См. „Русская исторія", т. IV, стр. 110.

ствуетъ непростительный обычай: жечь лѣсъ, чтобы на выжженныхъ мѣстахъ сѣять хлѣбъ. Если бы, по крайней мѣрѣ, наблюдался при этомъ какой-нибудь расчетъ и перемѣна въ посѣвахъ, съ надлежащимъ удобреніемъ полей, тогда можно было бы допустить, что въ семъ случаѣ уничтоженіе лѣса вознаграждается обильными жатвами и умноженіемъ хорошей пахотной земли. Напротивъ того, сіи поля безъ всякаго удобренія засѣваютъ разными хлѣбами до тѣхъ поръ, пока земля въ состояніи что-либо родить; когда же она истощится, то ее вовсе покидаютъ и взамѣнъ точно такъ же расчищаютъ новыя мѣста. Урожай ржи самъ-пятъ, а овса самъ-третей считается счастливымъ; между тѣмъ, какъ въ той же губерніи на хорошо воздѣланныхъ земляхъ родится самъ-8 и самъ-9" *).

Архаической техникѣ соотвѣтствовала и архаическая организація хозяйства. Это хозяйство, при данномъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ, давало слишкомъ мало денегъ, чтобы помѣщикъ имѣлъ какое-нибудь побужденіе перейти отъ барщины къ найму—отъ дарового труда къ покупному. Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, помѣщики 40-хъ годовъ, по крайней мѣрѣ болѣе образованная ихъ часть, отлично сознавали малую продуктивность барщиннаго труда; но онъ имѣлъ ту огромную выгоду, что не заставлялъ вынимать деньги изъ кармана, гдѣ ихъ и такъ было не много. Низкія хлѣбныя цѣны были лучшимъ оплотомъ крѣпостного права, нежели всяческія „крѣпостническія вожделѣнія" людей, власть имѣющихъ. Быстрый ростъ хлѣбныхъ цѣнъ—и, съ нимъ вмѣстѣ, быстрый ростъ русскаго хлѣбнаго вывоза—въ 50-хъ годахъ, былъ совершенно необходимымъ антецедентомъ реформы 19 февраля.

Въ субъективныхъ намѣреніяхъ Николая Павловича „вести процессъ противъ рабства", какъ онъ однажды красиво выразился въ одномъ частномъ разговорѣ, не можетъ быть сомнѣнія. Въ бумагахъ комитета, учрежденнаго имъ 6 декабря 1826 года и имѣвшаго всеобъемлющую задачу: „обозрѣть настоящее положеніе всѣхъ частей управленія, дабы изъ сихъ соображеній вывести правила къ лучшему ихъ устройству и исправленію",—сохранилась собственноручная записка Николая, на этотъ счетъ достаточно показательная. Въ ней предлагается: 1) „запретить продавать имѣнія, называя число душъ, но оговаривая число десятинъ и угодій; 2) въ банки принимать имѣнія въ закладъ не душами, а тоже десятинами

*) „Общее обозрѣніе Тверской губерніи". Журн. Министр. Внутр. Дѣлъ, ч. 27, стр. 449.

и прочими угодіями, вовсе не говоря про души; 3) сдѣлать особую ревизію однимъ дворовымъ людямъ; 4) послѣ сей ревизіи выдать указъ, запрещающій брать изъ крестьянъ въ дворовые; 5) съ дворовыхъ людей платить тройные подушные". Комитетъ 6 декабря долженъ былъ подготовить почву для изъятія людей изъ числа возможныхъ объектовъ собственности: таковъ былъ весьма ясный смыслъ этой записки. Ставя такъ задачу, Николай не выходилъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ вращались всѣ аристократическіе проекты эмансипаціи, начиная съ „молодыхъ друзей" и даже еще раньше — съ Вольнаго экономическаго общества 1760-хъ годовъ. Личное усмотрѣніе на практикѣ оказывалось отраженіемъ взглядовъ опредѣленной общественной группы—той самой, которая помогла Николаю сѣсть на престолъ 14 декабря 1825 года.

Секретаремъ „знати" по крестьянскому вопросу явился тотъ самый человѣкъ, который при Александрѣ I служилъ послѣднему своимъ перомъ противъ этой самой „знати": авторъ „плана государственнаго образованія" 1809 года, Сперанскій, представилъ въ комитетъ 6 декабря первый въ нашей офиціальной литературѣ систематически выработанный планъ освобожденія крестьянъ. Сперанскій стоялъ на исторической точкѣ зрѣнія: онъ видѣлъ въ развитіи крѣпостного права смѣшеніе крестьянства съ холопствомъ и предлагалъ начать съ раздѣленія этихъ двухъ элементовъ. Древнѣйшее крѣпостное право, по взгляду Сперанскаго, состояло въ томъ, что крестьянинъ былъ прикрѣпленъ не къ лицу владѣльца, а къ землѣ, и не могъ быть отъ нея отдѣленъ—проданъ отдѣльно отъ земли или взятъ во дворъ. Впослѣдствіи владѣльцы стали постепенно смѣшивать крестьянъ со своими холопами—употреблять ихъ для дворовой службы и продавать ихъ въ розницу, подобно холопамъ. Это злоупотребленіе было узаконено въ XVIII вѣкѣ, когда крестьяне были признаны движимымъ имуществомъ землевладѣльца: такъ сложилась новая, болѣе тяжелая форма крѣпостного права. Раскрѣпощеніе должно было идти по тому же пути, какъ и закрѣпощеніе, только въ обратномъ порядкѣ: сначала должно быть запрещено продавать крестьянъ безъ земли и брать ихъ во дворъ; потомъ безусловная зависимость крестьянина отъ владѣльца должна быть замѣнена условною — основанною на договорѣ, поставленномъ подъ охрану общихъ судовъ. Послѣднее возвращало крестьянину его гражданскія права: его экономическое положеніе обезпечивалось участкомъ земли, который уступалъ ему

помѣщикъ въ пользованіе за опредѣленныя повинности. Сперанскому казалось, что такимъ путемъ уравновѣшиваются интересы обѣихъ сторонъ: крестьянинъ получаетъ „свободу“, а помѣщикъ не лишается рабочей силы, которую ему давало въ руки крѣпостное право. Нѣтъ надобности объяснять читателю, что здѣсь юридической формѣ приписывалась магическая сила, какой въ дѣйствительности она, эта форма, разумѣется, не имѣла; но проекты „молодыхъ друзей“ были не лучше—и, ставъ изъ молодыхъ друзей старыми чиновниками *), они ничего не имѣли возразить противъ плана Сперанскаго. Ни въ Комитетѣ, ни въ Государственномъ совѣтѣ проектъ не встрѣтилъ сопротивленія. Рѣшено было сдѣлать первый шагъ—запретить продажу людей безъ земли. Но Николай Павловичъ не взялъ на свою личную отвѣтственность даже и этой мѣры: онъ счелъ долгомъ прежде снестись съ великимъ княземъ Константиномъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что «сильнѣйшая ограда коренныхъ законовъ и уставовъ государственныхъ есть ихъ древность. Посему Его Императорское Высочество полагаетъ, что касательно существенныхъ перемѣнъ, содержащихся въ тѣхъ проектахъ, лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени“. Дѣло было положено въ долгій ящикъ.

Записка Сперанскаго отразилась на всѣхъ правительственныхъ проектахъ эмансипаціи при Николаѣ I. Авторъ ея былъ уже въ могилѣ,—а его аргументація продолжала повторяться въ секретныхъ комитетахъ 40-хъ годовъ. Ея главная мысль: уничтожить крѣпостное право, какъ юридическій институтъ; сохранить за помѣщиками экономическія выгоды существующаго положенія,—легла въ основу единственной крупной мѣры Николая по крестьянскому вопросу, указа 2 апрѣля 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Указъ былъ проектированъ бывшимъ другомъ и покровителемъ декабристовъ, который при Николаѣ сталъ министромъ государственныхъ имуществъ и „начальникомъ штаба Его Величества по крестьянской части“, какъ шутилъ любившій все военное императоръ—Киселевымъ. По первоначальному проекту, помѣщикъ уступалъ крестьянамъ личную свободу; право собственности на всю землю оставалось за помѣщикомъ: но крестьянамъ уступались ихъ надѣлы въ вѣчное пользованіе, за опредѣленныя повинности. Административная власть помѣщика сохранялась во всей силѣ—въ этомъ пунктѣ киселевскій про-

*) Новосильцевъ и Кочубей при Николаѣ были предсѣдателями Государственнаго совѣта.

ектъ отставалъ отъ записки Сперанскаго, соединявшаго крестьянскую реформу съ „пересмотромъ земскаго управленія: ибо какой законъ можетъ произвести полезное дѣйствіе при настоящемъ образѣ исполненія?“ Въ сущности, проектъ 1840 года вполнѣ отвѣчалъ интересамъ крупнаго землевладѣнія, интересовавшагося не личностью крестьянина,—почти всѣ крупныя имѣнія были на оброкѣ,—а получавшимся отъ него доходомъ. Но неприкосновенность дохода достаточно гарантировалась проектомъ Киселева, который даже нашелъ нужнымъ особенно подчеркнуть, что „крестьяне не могутъ оставлять имѣнія, пока населеніе не превзойдетъ опредѣленной нормы“: значитъ, обязательные арендаторы были обезпечены землевладѣльцу. Но, за пятнадцать лѣтъ спокойнаго Николаевскаго царствованія, „знать“ успѣла поправѣть: проектъ, который въ наши дни назвали бы крѣпостническимъ, члены секретнаго комитета, учрежденнаго Николаемъ въ 1840 году, нашли страшно либеральнымъ. „Всѣмъ казалось“, пишетъ Корфъ, „что возвышенность цѣли и благотворность отдаленныхъ послѣдствій увлекли Киселева за предѣлы близкой возможности и скрыли отъ него трудность исполненія“. Рѣшено было въ указѣ совсѣмъ не поминать свободы крестьянъ, представить публикѣ все дѣло лишь, какъ дополненіе указа о „вольныхъ хлѣбопашцахъ“ (20 февраля 1803 г.), и предоставить помѣщикамъ заключать подобныя сдѣлки съ крестьянами лишь по ихъ, помѣщиковъ, доброй волѣ. При такихъ условіяхъ указъ являлся шагомъ назадъ сравнительно съ закономъ 1803 года: тотъ разрѣшалъ уступать крестьянамъ землю въ собственность, этотъ лишь въ постоянное пользованіе, право же собственности помѣщика на землю категорически подтверждалось. Даже великій князь Михаилъ Павловичъ находилъ мѣру „вполнѣ консервативной“ и былъ ею доволенъ. Но довѣренные люди императора Николая, кн. Васильчиковъ и бар. Корфъ, „не скрывали другъ отъ друга своихъ опасеній“ и утѣшали другъ друга тѣмъ, „что при разнесшихся въ публикѣ слухахъ о замышляемомъ, будто бы, освобожденіи крѣпостныхъ людей, необходимо для пресѣченія сего сдѣлать, по крайней мѣрѣ, что-нибудь, въ доказательство, что этимъ однимъ и ограничиваются намѣренія правительства, а потомъ уже рѣшительно прекратить всякое занятіе симъ дѣломъ...“ Для вящшаго успокоенія помѣщиковъ вмѣстѣ съ указомъ былъ изданъ циркуляръ губернаторамъ, гдѣ объяснялось, что указъ только то и имѣетъ въ виду, что въ немъ написано—добро-

вольные договоры помѣщиковъ съ крестьянами. Что это вовсе не замаскированная попытка освободить крестьянъ, какъ говорятъ люди злонамѣренные... Общество успокоилось,—и указъ остался мертвой буквой: нашелся лишь одинъ помѣщикъ, который отнесся къ нему серьезно,—гр. Воронцовъ, на собственномъ горькомъ опытѣ немедленно же убѣдившійся въ искренности, по крайней мѣрѣ, циркуляра. Для начала онъ выбралъ свое имѣніе подъ Петербургомъ, Мурино; съ крестьянами онъ сговорился „скоро и хорошо“ (вѣдь, положеніе ихъ почти не мѣнялось, ни въ ту, ни въ другую сторону); но „ни одинъ нотаріусъ не хотѣлъ засвидѣтельствовать акта, говоря, что это совершенная новость“; канцелярія предводителя дворянства не могла принять прошенія, потому, опять-таки, что это „новость“: только личное вмѣшательство губернскаго предводителя дворянства подвинуло дѣло въ этой инстанціи. Но оно должно было идти еще въ комитетъ министровъ... Прошелъ мѣсяцъ; дѣло не двигалось. Воронцовъ началъ уже опасаться, какъ бы оно не погибло въ рукахъ „филистимлянъ“,—и поручилъ его заботамъ самого творца указа, Киселева. Но бороться съ „осторожностью“ своихъ товарищей оказался безсиленъ и Киселевъ. Прошло полгода,—и Воронцовъ меланхолически писалъ тому же Киселеву: „что касается муринскаго дѣла, то я терпѣливо буду ждать, что изъ него выйдетъ; но способъ, какимъ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ, не можетъ поощрять другія заявленія такого же рода...“. И только еще черезъ полгода сдѣлка была, наконецъ, разрѣшена гр. Воронцову: трудно сказать, кто былъ этимъ болѣе доволенъ, Воронцовъ или крестьяне села Мурина. Во всякомъ случаѣ, теперь нельзя было сомнѣваться въ правдивости словъ циркуляра: указъ 2 апрѣля не только не помогалъ освобождать крестьянъ, но ставилъ на пути этого дѣла такія препятствія, что только огромныя связи и англійская выдержка Воронцова могли ихъ преодолѣть.

Самому императору указъ, повидимому, очень нравился,—особенно ему пріятно было, что обходилось названіе „свободныхъ хлѣбопашцевъ“, котораго онъ терпѣть не могъ, такъ какъ считалъ его „въ нѣкоторомъ смыслѣ несообразнымъ съ нашимъ государственнымъ устройствомъ и вообще внушающимъ ложныя понятія“. Онъ не могъ постичь, почему дворяне такъ мало пользуются этимъ указомъ, и рѣшилъ подвигнуть ихъ на это дѣло личными объясненіями. Случай представился, когда къ нему явилась въ 1847 г. депутація

отъ смоленскаго дворянства. Государь, вообще отклонявшій подобныя депутаціи, принялъ эту необыкновенно ласково. Онъ началъ съ похвалъ смоленскому дворянству за его „чувства и рыцарскія правила“. Потомъ заговорилъ о своемъ намѣреніи провести шоссе, которое для губерніи будетъ очень полезно, и усовершенствовать водяныя сообщенія, которыми Смоленская губернія соединялась съ Ригой. Послѣ этихъ пріятныхъ для смольнянъ вещей перешли къ непріятной: Николай, со всѣми возможными оговорками, поставилъ вопросъ о переходѣ крестьянъ въ обязанные. Онъ назвалъ при этомъ помѣщичью землю „нашей, дворянской землей: замѣтьте, что я говорю съ вами какъ первый дворянинъ въ государствѣ“; но прибавлялъ, что крестьянинъ не можетъ считаться „собственностью, а тѣмъ болѣе вещью“: въ переводѣ крестьянъ на „обязанное“ положеніе императоръ видѣлъ единственную возможность предотвратить „крутой переломъ“. Все это говорилось келейно: Николай нѣсколько разъ повторилъ это слово и посовѣтовалъ самимъ дворянамъ поговорить между собою такимъ же способомъ. Такіе пріемы могли только ободрить тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые не хотѣли никакой перемѣны: и результатомъ „келейнаго“ совѣщанія смоленскихъ дворянъ была записка смоленскаго предводителя кн. Друцкаго-Соколинскаго, который рисовалъ самую мрачную картину того переворота, какой произведетъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ переходъ крестьянъ въ обязанные: „...количество произведеній съ помѣщичьихъ полей, главнѣйшихъ источниковъ хлѣбныхъ запасовъ, уменьшится до того, что ихъ недостанетъ не только для отпуска за границу, но и для внутренняго потребленія въ государствѣ. Скотоводство и конноводство уничтожатся, лѣса отъ недосмотра подвергнутся истребленію... Фабрики и заводы лишатся въ обѣднѣвшихъ помѣщикахъ своихъ потребителей. Сколько погибнетъ капиталовъ, какое сдѣлается замѣшательство во всей государственной экономіи!“. Въ другой запискѣ, поданной вслѣдъ за первой, Друцкой-Соколинскій, старался доказать, что въ Россіи рабства и нѣтъ вовсе, что его придумали „витіи европейскіе... вслѣдствіе зависти къ могуществу и благосостоянію Россіи...“.

Какъ ни дико покажется намъ теперь послѣднее мнѣніе, оно отнюдь не было индивидуальнымъ. Дурасовъ, авторъ доклада, читавшагося въ 1842 году въ Вольномъ экономическомъ обществѣ, изобразивъ положеніе русскихъ крѣпостныхъ—необыкновенно, будто бы, привлекательное по сравненію съ англійскими батраками,—восклицаетъ: „при такомъ положеніи

Декабристъ К. Ѳ. Рылѣевъ (1795—1826 гг.).

Оригиналъ портрета К. Ѳ. Рылѣева, принадлежащій С. И. Органовой, представляетъ собою акварельный рисунокъ работы О. А. Кипренскаго (послѣднее, впрочемъ, съ полною достовѣрностью утверждать нельзя). Поэтъ-идеалистъ, пѣвецъ, вступившій на почву гражданской грусти, пѣвецъ русскаго историческаго чувства, какъ оно могло подниматься въ первой четверти XIX столѣтія, отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ, 32 лѣтъ, былъ повѣшенъ въ ночь на 13 іюля 1826 года въ Петербургѣ... Рылѣева знаютъ всѣ, говорить что-либо о немъ значитъ или писать новое изслѣдованіе, или повторять старыя слова... Гораздо цѣннѣе привести нѣкоторыя документальныя данныя... Въ такъ называемомъ «*Донесеніи Слѣдственной Комиссіи*» говорится, что въ числѣ лицъ, способныхъ на злодѣйство, Поджіо назвалъ «Рылѣева, исполненнаго отваги, какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умы сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катехизиса свободнаго человѣка». На основаніи мало содержательнаго и богатаго ошибками *Донесенія* такъ называемый «*Докладъ Верховнаго Уголовнаго Суда*» присуждалъ Рылѣева «къ смертной казни четвертованіемъ» и такъ формулировалъ его вину: «Умышлялъ на цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи и пріуготовлялъ къ тому средства.—Усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества; управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить монифестъ о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительные пѣсни и стихи и принималъ членовъ.—Пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь» (изъ официальной газеты «Русскій Инвалидъ» 1826 г.). Въ «*Донесеніи комиссіи для основанія разрядовъ*» и приведено указанное выше обвиненіе, но съ примѣчаніемъ: «воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію разбить питейные домы, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ». Въ особой запискѣ А. Д. Боровкова, правителя дѣлъ Слѣдственной Комиссіи, сдѣлана сводка данныхъ писаныхъ матеріаловъ о Рылѣевѣ. Записка начинается общей характеристикой: «Рылѣевъ принятъ въ общество коллежскимъ ассессоромъ Пущинымъ въ началѣ 1823 года, когда оно состояло изъ немногихъ членовъ и безъ всякаго дѣйствія готово было уничтожиться. Съ самаго вступленія онъ оказался дѣятельнымъ и рѣшительнымъ, споспѣшествовалъ возстановленію общества и доставилъ сному многихъ членовъ. Въ 1823 году было первое совѣщаніе у Пущина, гдѣ разсуждали о различныхъ распоряженіяхъ по обществу и предлагали членамъ избрать занятія. Такимъ образомъ Николай Тургеневъ обѣщалъ написать объ уголовномъ судопроизводствѣ, Никита Муравьевъ хотѣлъ сообщить планъ своей конституціи, Оболенскій взялся написать объ обязанностяхъ гражданина, а впослѣдствіи Рылѣевъ принялъ на себя соста-

вить катехизисъ вольнаго человѣка, писалъ возмутительныя пѣсни и вольнодумныя стихотворенія. Послѣ того Рылѣевъ былъ въ собраніи у Митькова, гдѣ говорили о новомъ устройствѣ общества. Изъ членовъ Южнаго общества, пріѣзжавшихъ въ С.-Петербургъ въ 1823 и 1824 гг., видѣлся съ Поджіо, Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Пестелемъ. Переговоры были о соединеніи Южнаго общества съ Сѣвернымъ, о чемъ одинъ разъ происходило у него совѣщаніе, въ которомъ полагали, что соединеніе и полезно, и необходимо; но главное препятствіе находили въ противоположности конституцій Никиты Муравьева и Пестелевою. Въ семъ совѣщаніи говорили также, чтобы введеніе новаго порядка вещей произвесть посредствомъ временнаго правленія и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Рылѣевъ утверждаетъ, что ни въ совѣщаніяхъ, при немъ бывшихъ, ни въ частныхъ разговорахъ никто положительно не сказывалъ ему о намѣреніи Южнаго общества ввести республику, истребивъ государя и всю царствующую фамилію. Хотя онъ и изъявилъ по сему свои подозрѣнія Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Трубецкому, Никитѣ Муравьеву и Оболенскому, но всѣ говорили, что они также подозрѣваютъ Южное общество, а Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, хотя и защищалъ республиканское правленіе, но часто не выдавая за мнѣніе своего общества. Рылѣевъ съ своей стороны былъ того мнѣнія, что Россія еще не созрѣла для республиканскаго правленія, защищалъ ограниченную монархію, хотя душевно предпочиталъ ей правленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, признавая оное приличнѣйшимъ для Россіи. Онъ соглашался на республику съ императоромъ, котораго власть не должна превосходить власти президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, тогда только, когда уставъ ея одобрится большинствомъ народныхъ представителей. На вопросъ, что дѣлать съ императоромъ, если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ, Рылѣевъ сказалъ: не вывезти ли за границу? на что согласились и присутствовавшіе въ совѣщаніи члены. Напротивъ того другіе показываютъ»... Далѣе Боровковъ приводитъ выписки изъ показаній о Рылѣевѣ декабристовъ Матвѣя Муравьева-Апостола, Александра Бестужева-Рюмина, Каховскаго, Торсона, Оболенскаго. Боровковъ заканчиваетъ свою записку словами: «Въ заключеніе должно сказать, что Рылѣевъ былъ пружиною возмущенія въ С.-Петербургѣ, воспламенялъ всѣхъ своимъ воображеніемъ и подкрѣплялъ настойчивостью, давалъ приказанія, какъ не допускать солдатъ къ присягѣ и какъ поступать на площади. Признаюсь чистосердечно, говорилъ самъ Рылѣевъ, я почитаю себя главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо я могъ остановить оное, и не только сего не подумалъ сдѣлать, а напротивъ, еще преступною рѣшимостью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ». Психологическая сторона этого послѣдняго показанія Рылѣева не была понята ни слѣдователями, ни судьями... Никто не обратилъ вниманія на ненормальное преувеличеніе имъ своей роли въ событіи 14 декабря 1825 года.....

Кондр. Фед. Рылѣевъ

крестьянъ одно невѣдѣніе иностранцевъ можетъ приписывать имъ невольничество". Барщинное хозяйство и въ 40-хъ годахъ, казалось, попрежнему было идеаломъ, какъ и во дни Швиткова. Одно примѣчаніе русскаго переводчика къ сочиненію Тэера: „Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства" (вышло по-русски въ 1830 году) вскрываетъ передъ нами причину этого консерватизма, а кстати и объективныя условія, стоявшія поперекъ дороги всякимъ попыткамъ Николая „измѣнить крѣпостное состояніе". „Работа наемными людьми въ Россіи,—говорится здѣсь,—будетъ самымъ неосновательнымъ и разорительнымъ предпріятіемъ, доколѣ цѣна хлѣба не возвысится, цѣна наемныхъ работниковъ не уменьшится, и число ихъ не увеличится... Въ Россіи нѣтъ другого средства производить полевыя работы, какъ осѣдлыми крестьянами" *).

Но изъ того же основного факта — застойности русскаго сельскаго хозяйства въ силу неотвратимыхъ объективныхъ условій—вытекалъ и рядъ другихъ заключеній, которыя столь отчетливо формулировалъ одинъ современникъ, что мы предпочитаемъ говорить его словами. „...Россія до сего времени почиталась государствомъ единственно земледѣльческимъ",—писалъ одинъ сотрудникъ „Журнала Мануфактуръ и Торговли" въ 1827 году. „Мнѣніе сіе укоренилось вѣками; да и впредь Россія надолго еще ограничивалась бы симъ тѣснымъ удѣломъ, если бы неожиданное событіе не разстроило совершенно существовавшей до сего времени теоріи и не измѣнило всего вида вещей открытіемъ для нашего государства обширнѣйшаго и блистательнѣйшаго поприща... Всѣ иностранныя государства, кои прежде по большей части отъ насъ получали земныя произведенія, нынѣ уже съ примѣрнымъ успѣхомъ занимаются собственнымъ земледѣліемъ, употребляя всѣ старанія къ усиленію онаго; ибо которое государство не пожелаетъ сбросить съ себя иго монопольной зависимости?... На столь богатой естественными произведеніями землѣ, какова есть въ обширной Россіи, при столь многихъ благопріятствующихъ мѣстныхъ положеніяхъ и климатахъ, мануфактуры и промышленность должны избрать въ ней свою вѣковѣчную столицу" **)...

Тѣ же двадцатые годы, которые были свидѣтелями такой катастрофы на хлѣбномъ рынкѣ, видѣли не менѣе катастро-

*) Семевскій. „Крестьянскій вопросъ", II, стр. 342.
**) В. Пелчинскій. „Мануфактурная Россія или состояніе россійскихъ мануфактуръ въ 1827 году". „Журн. Мануфакт. и Торг.," 1827 г., № 10.

фическій, по своему темпу, подъемъ прядильной и ткацкой промышленности въ Россіи. Тотъ же авторъ даетъ двѣ слѣдующія таблички привоза въ Россію сырья, съ одной стороны, фабрикатовъ—съ другой:

Сырья и полуфабрикатовъ привезено:	въ 1820 году:	въ 1824 году:	въ 1826 году:
хлопка . . . . . на	135.000 р.	1.418.905 р.	2.324.830 р.
бумажн. пряжи. . . „	25.976.748 р.	37.223.625 р.	39.825.107 р.
шелку, сырца и пряжи „	2.617.873 р.	4.436.643 р.	6.314.207 р.
а издѣлій привезено:			
бумажныхъ . . . . . на	20.773.485 р.	10.408.299 р.	12.627.635 р.
шелковыхъ . . . . „	10.109.873 р.	6.687.327 р.	6.749.655 р.
шерстяныхъ: сукна . „	13.307.744 р.	2.516.218 р.	2.644.652 р.
разныхъ . . . . . „	7.632.427 р.	5.680.515 р.	6.644.474 р.

„Въ 1820 году выдѣлано: тонкихъ суконъ 261.965, солдатскаго же и прочихъ 3.683.881 аршинъ; а въ 1825 году выдѣлано: тонкихъ суконъ 895.559 аршинъ, а солдатскихъ и разныхъ другихъ 15.499.666 аршинъ. Слѣдственно, въ теченіе 5 лѣтъ количество тонкихъ, на фабрикахъ нашихъ выработанныхъ, суконъ увеличилось болѣе, нежели втрое, а солдатскихъ и другихъ сортовъ почти впятеро“.

Въ 1812 году въ Россіи считалось 2332 фабрики, въ 1814—уже 3253 (а въ промежуткѣ лежало разореніе отъ „нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ“!). Въ 1828 году мануфактурный совѣтъ насчиталъ уже „фабричныхъ разнаго рода заведеній“ 5244. Число рабочихъ возросло съ 119.093 человѣкъ (1812 годъ) до 225.414 чел. (въ 1828 году). За пятнадцать лѣтъ, такимъ образомъ, и число фабрикъ, и число рабочихъ увеличилось, примѣрно, вдвое. „Не далѣе какъ въ 1823 году введена была въ Москвѣ первая жакардова машина и пріобрѣтена за 10.000 рублей“,—говоритъ отчетъ „о состояніи россійскихъ мануфактуръ“, читавшійся при открытіи мануфактурнаго совѣта въ 1828 году. „Нынѣ таковыхъ становъ въ Московской губерніи до 2500 и оные обходятся уже и съ установкою не болѣе 75 или 85 руб. Ленты, газовыя и узорчатыя матеріи ткутся нынѣ у насъ столь превосходно, что равняются во всѣхъ отношеніяхъ съ лучшими иностранными, и изяществу нашихъ шелковыхъ издѣлій отдана справедливость на самой даже Лейпцигской ярмонкѣ, куда оныя въ истекающемъ году посланы были“ *).

*) Что это не было офиціальное самохвальство, показываетъ отзывъ того же отчета о суконныхъ фабрикахъ: „россійскія сукна до сихъ поръ не могутъ выдержать совмѣстничества съ иностранными. Дешевыя наши сукна не хороши, а хорошія дороги въ сравненіи съ иностранными“...

Мечта петровскаго меркантилизма о заграничномъ рынкѣ начала становиться дѣйствительностью къ столѣтней годовщинѣ смерти „Преобразователя“. И, какъ это было и при Петрѣ, появленіе промышленнаго капитализма въ Россіи дало тотчасъ же свое отраженіе на внѣшней политикѣ. Но прежде, чѣмъ перейти къ этой послѣдней, необходимо остановиться на результатахъ того же процесса внутри Россіи.

Союзъ буржуазіи съ правящей группой начался, собственно, еще до 14 декабря: покровительственный тарифъ 1822 года, смѣнившій фритредерскій тарифъ 1819 г. (мы видѣли, какимъ общественнымъ бѣдствіемъ былъ этотъ послѣдній въ глазахъ россійскихъ капиталистовъ), всѣми современниками разсматривался какъ одно изъ главныхъ условій промышленнаго расцвѣта 20-хъ годовъ. Николаю оставалось идти дальше по тому же пути — и онъ это сдѣлалъ. Комитетъ 6 декабря 1826 года занялся не только крестьянами: въ своемъ проектѣ „закона о состояніяхъ“ онъ сдѣлалъ замѣчательную попытку создать изъ крупнаго купечества нѣчто въ родѣ промежуточнаго сословія между дворянствомъ и податными классами, притомъ ближе къ первому, чѣмъ къ послѣднимъ. „Именитые граждане“ этого проекта получали почти всѣ дворянскія права—кромѣ права владѣть крѣпостными и, разумѣется, участвовать въ дворянской корпоративной организаціи. Чтобы еще больше сгладить разницу, въ составъ „именитыхъ гражданъ“ предполагалось включить и чиновничество, кромѣ самаго высшаго: длиннополый сюртукъ, до тѣхъ поръ почтительно стоявшій на вытяжку передъ всякимъ фракомъ со свѣтлыми пуговицами, вдругъ становился ему ровней и могъ съ нимъ обращаться за панибрата... Тенденціи комитета нашли себѣ очень рельефное выраженіе въ замѣчаніяхъ его на проектъ кн. Куракина, предлагавшаго вовсе отнять у купечества его сословный характеръ—предоставивъ право торговли всѣмъ сословіямъ подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ пошлинъ. „Для лучшей, прочнѣйшей связи въ составѣ политическаго общества нужна правильная, по возможности, близкая постепенность между классами принадлежащихъ къ оному гражданъ“, разсуждалъ комитетъ; „а въ семъ порядкѣ наравнѣ съ другими началами необходимо и знатное купечество, отличающееся отъ простыхъ ремесленниковъ и мелкихъ торгашей не только богатствомъ и родомъ занятій, но и особыми, закономъ опредѣленными, преимуществами и самимъ наименованіемъ, съ коимъ у многихъ сливаются понятія о должностяхъ и чести“.

Въ цѣломъ видѣ „законъ о состояніяхъ“ не прошелъ,—какъ остался мертвой буквой и другой, еще болѣе радикальный, проектъ Комитета 6-го декабря, объ уничтоженіи чиновъ. Но въ русской сословной іерархіи онъ оставилъ свой слѣдъ—въ сохранившихся доселѣ званіяхъ потомственныхъ и личныхъ почетныхъ гражданъ. Во всякомъ случаѣ, тому унизительному положенію купечества, на какое жаловался „благонамѣренный и опытный россійскій коммерсантъ“ въ извѣстной намъ запискѣ, былъ положенъ конецъ. Высочайшія награды стали изливаться и на купцовъ—правда, награды, такъ сказать, второго сорта: не ордена, а больше медали, если же чины, то не изъ крупныхъ; но для тѣхъ, кого вчера еще въ глаза самое мелкое начальство величало „аршинниками“ и „надувалами морскими“, это былъ уже большой шагъ на пути къ почестямъ. Еще гораздо важнѣе было то, что николаевское законодательство на первыхъ же порахъ поспѣшило осуществить другое пожеланіе той же записки, организовавъ мануфактурный совѣтъ съ участіемъ представителей отъ фабрикантовъ и заводчиковъ — „представителей“, правда, назначенныхъ сверху, а не выборныхъ: но важно было уже то, что буржуазія, какъ классъ, получила голосъ при рѣшеніи, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ образомъ касающихся ея дѣлъ. Рядъ „покровительственныхъ“ мѣръ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: организація мануфактурныхъ выставокъ (первая была въ 1829 году въ Петербургѣ), учрежденіе Технологическаго института для подготовки высшаго служебнаго персонала фабрикъ, а позже—реальныхъ гимназій, предназначавшихся, прежде всего, для образованія купеческихъ дѣтей—дорисовываетъ эту „буржуазную политику“ Николая I, вообще интересовавшагося этой областью больше, нежели можно было ожидать. Недаромъ онъ явился однимъ изъ первыхъ піонеровъ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи (правда, больше, кажется, изъ военныхъ соображеній—соблазненный быстротою мобилизаціи при желѣзныхъ дорогахъ) — и былъ изобрѣтателемъ столь популярнаго въ русской исторіи кредитнаго билета: какъ бы не ассигнаціи, но въ то же время и не настоящей металлической монеты; этого промежуточнаго знака хватило слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ...*)

*) Реформа 1839 года разсматривается нашими финансистами обыкновенно, какъ возстановленіе *металлическаго* обращенія въ Россіи. Это было не совсѣмъ такъ даже и съ формально-юридической точки зрѣнія: размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото былъ неограниченнымъ лишь въ Петербургѣ, въ другихъ городахъ не разрѣшалось выдавать въ однѣ руки болѣе извѣстной суммы звонкой монетой (въ Москвѣ—3000 рублей, въ провинціальныхъ казначействахъ даже болѣе 100 рублей).

Кюстинъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1839 году, отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что „теперь Петръ Великій въ большой модѣ въ Россіи“. Помня эту моду, онъ, разговаривая съ Николаемъ, не позабывалъ ввернуть и Петра,—которому Николай являлся, будто бы, преемникомъ: упоминаніе было принято благосклонно. Параллели Николаевскаго и Петровскаго царствованій недавно можно было встрѣтить и въ современной намъ литературѣ — правда, не спеціально-исторической. Параллель, какъ видимъ, оправдывается не одними придворными или эстетическими соображеніями. Николаевская эпоха, какъ и петровская, представляетъ собою крупный этапъ въ развитіи русскаго капитализма: въ первомъ случаѣ промышленнаго, тогда какъ во второмъ это былъ капитализмъ торговый. Какъ при Петрѣ вліяніе торговаго капитала, такъ при Николаѣ ростъ капитала промышленнаго привели къ своеобразному и довольно сходному сочетанію силъ; правившее и въ томъ и въ другомъ случаѣ страною крупное землевладѣніе нашло для себя выгоднымъ вступить въ союзъ съ буржуазіей,—союзъ, направленный, по крайней мѣрѣ отчасти, противъ землевладѣнія средняго. Николай ласкалъ купечество и—, кажется, первый изъ русскихъ царей,—посѣтилъ нижегородскую ярмарку,—при чемъ посѣщеніе было обставлено такою офиціальной помпой и такъ усердно комментировалось офиціальной публицистикой, что въ демонстративномъ его характерѣ сомнѣваться нельзя. Это, конечно, была одна изъ самыхъ невинныхъ „петровскихъ“ чертъ, какую только можно себѣ вообразить. Но „купеческая“ политика угрожала дворянству, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, правда, и послѣдствіями весьма серьезными. Мы видѣли, какъ много хлопотали при Николаѣ объ освобожденіи крестьянъ—и какъ мало изъ этого вышло. Но развитіе промышленнаго капитализма подводило къ этой же самой проблемѣ съ другой стороны — давая аргументы въ пользу

Само по себѣ уже это не свидѣтельствуетъ о сильномъ желаніи николаевскаго правительства видѣть металлическую монету въ повсемѣстномъ обращеніи: совершенно опредѣленное нежеланіе этого засвидѣтельствовано тѣми преніями по вопросу о минимальномъ размѣрѣ кредитныхъ билетовъ, какія происходили въ засѣданіи секретнаго комитета 17 февраля 1843 г. (См. сборникъ Р. И. О-ва, т. XCVIII, стр. 194 ссл.). Канкринъ очень хотѣлъ пустить въ дѣйствительное, а не номинальное только, обращеніе, по крайней мѣрѣ, цѣлковики—и остановился, поэтому, на трехрублевыхъ билетахъ: мельче не было. Николай, опираясь на подавляющее большинство комитета, настоялъ на рублевкахъ; такимъ образомъ, бумажныя деньги продолжали циркулировать, наравнѣ съ металлическими, до самыхъ мелкихъ платежей. Между тѣмъ, особенностью странъ, имѣющихъ настоящее, не показное только, металлическое обращеніе, является, именно, отсутствіе *мелкихъ* банковыхъ билетовъ: ни въ Англіи, ни во Франціи ихъ нѣтъ. Зато въ Италіи—сколько угодно...

экономической необходимости реформы, если хотять, чтобы промышленность „избрала свою вѣковѣчную столицу въ Россіи“. Вопросъ о преимуществахъ „вольнаго“, т.-е. наемнаго, труда передъ крѣпостнымъ, какъ мы видѣли, былъ окончательно погребенъ въ нашей дворянской, помѣщичьей публицистикѣ съ первыхъ лѣтъ XIX столѣтія: доводы противъ барщины можно было услыхать только изъ академическихъ круговъ, — всѣ хозяева-практики были за нее. Только съ сороковыхъ годовъ мнѣнія на этотъ счетъ начинаютъ колебаться—параллельно съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ. Органъ промышленниковъ, офиціальный „Журналъ мануфактуръ и торговли“, начинаетъ разрабатывать ту же тему гораздо раньше—уже съ начала тридцатыхъ годовъ. „Всякая работа, въ которой принужденіе есть единственная пружина, никогда не будетъ производиться успѣшно“, читаемъ мы въ статьѣ „О соотношеніи мастеровыхъ къ ихъ хозяевамъ“, напечатанной въ 6-й книжкѣ этого журнала за 1832 годъ. Авторъ беретъ нѣсколько воображаемыхъ примѣровъ фабричной организаціи, — останавливаясь больше всего на положеніи крѣпостныхъ мастеровыхъ. Сначала онъ рисуетъ—и не безъ живости—вотчинную фабрику, классическій образчикъ помѣщичьей индустріи XVIII вѣка. На ней „издѣлія вырабатывались грубо, количество оныхъ по числу рукъ слишкомъ мало, содержаніе и ремонтъ годъ отъ году дороже, доходу меньше“. Владѣлецъ самъ поселился на фабрикѣ и взялъ завѣдываніе ею непосредственно въ свои руки: „онъ ввелъ лучшій распорядокъ въ работахъ, бережливость въ хозяйствѣ и самую вѣрную отчетность. Со всѣмъ тѣмъ и это мало помогло: работа производилась такъ же худо, небрежно, множество траты, издѣлья мало. Наконецъ, по совѣту добрыхъ своихъ знакомыхъ, рѣшился онъ назначить мастеровымъ задѣльную плату: въ первый же годъ и больше издѣлій и лучшаго качества! Мастеровые одни передъ другими старались выработать больше и лучше, чтобъ заслужить больше задѣльной платы. Помѣщикъ, несмотря на то, что производилъ жалованье своимъ рабочимъ — крѣпостнымъ своимъ людямъ, чего прежде никогда не было,— увеличилъ свои доходы втрое и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и состояніе рабочихъ примѣтно улучшилось. Теперь онъ открылъ настоящую пружину дѣятельности человѣческой—собственную пользу каждаго“. Затѣмъ берется случай, повидимому, болѣе новый: помѣщикъ часть крестьянъ — въ данномъ примѣрѣ половину—заставляетъ отбывать барщину

на устроенной имъ фабрикѣ, вмѣсто работы въ полѣ, при чемъ фабричная и земледѣльческая барщина отбывается всѣми крестьянами по очереди, такъ что каждый изъ нихъ бываетъ попеременно то фабричнымъ рабочимъ, то землепашцемъ. Въ результатѣ разоряется какъ фабрикантъ-помѣщикъ, такъ и его крестьяне. Третій баринъ—якобы сосѣдъ второго—тоже утилизируетъ на фабрикѣ трудъ своихъ крѣпостныхъ, но только шесть мѣсяцевъ въ году и притомъ зимою, когда нѣтъ полевыхъ работъ,—а главное, работники получаютъ плату, хотя лишь вполовину противъ вольнонаемныхъ. „Надобно быть свидѣтелемъ, какъ охотно крестьяне идутъ на фабрику, какъ прилежно работаютъ, и какъ успѣшно идетъ фабричное дѣло. Фабрика дѣйствуетъ только шесть зимнихъ мѣсяцевъ; въ прочее время дѣйствіе останавливается; но помѣщикъ получаетъ отъ нея болѣе прибыли, нежели его нерасчетливый сосѣдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьяне живутъ въ довольственномъ состояніи,—и все это единственно отъ задѣльной платы!“

Намъ кажется крайне наивнымъ этотъ панегирикъ буржуазной формѣ хозяйства сравнительно съ феодальнымъ: но безъ такого опоэтизированія „вольнаго“ труда нельзя себѣ представить крестьянской реформы. Если вѣрить автору замѣтки „о состояніи рабочихъ въ Россіи“, напечатанной въ томъ же „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли“ за 1837 годъ, фабричная барщина къ этому времени была признана невыгодной большинствомъ помѣщиковъ: „благодаря Богу, владѣльцы сами оставляютъ эту систему, обоюдно невыгодную, и постановляютъ плату болѣе или менѣе высокую за труды всякаго рода“. Такъ ли это было на всѣхъ фабрикахъ, пользовавшихся крѣпостнымъ трудомъ, не принялъ ли авторъ своего горячаго желанія за дѣйствительность,—ручаться нельзя. Но по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ одному разряду крѣпостныхъ рабочихъ мы имѣемъ не однѣ статьи и замѣтки, а совершенно объективный фактъ: очень значительное число, вѣроятно, даже большинство, этихъ рабочихъ сдѣлались свободными задолго до 19 февраля 1861 года—съ разрѣшенія правительства, но по почину самихъ фабрикантовъ. Такова была участь рабочихъ посессіонныхъ. Владѣніе фабриками на „посессіонномъ“ правѣ было компромиссомъ между радикальнымъ закономъ Петра I, разрѣшавшимъ купцамъ прямо покупать крѣпостныхъ къ фабрикамъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій, и не менѣе

радикальнымъ указомъ Петра III, категорически признававшаго право владѣть крѣпостными только за дворянами. „Поссессіонныя“ фабрики съ приписанными къ нимъ мастеровыми могли принадлежать и дворянамъ и купцамъ, безразлично: но владѣніе крѣпостными рабочими было въ этомъ случаѣ обставлено цѣлымъ рядомъ ограничительныхъ условій. Рабочіе были неотдѣлимы отъ фабрики—ихъ нельзя было продавать отдѣльно, какъ крестьянъ можно было продавать безъ земли; эксплуатировать ихъ можно было только на фабрикѣ,—никакую другую барщину они не обязаны были дѣлать, и по оброку ихъ отпустить было нельзя; наконецъ, владѣлецъ обязанъ былъ платить имъ денежную плату, размѣры которой, впрочемъ, всецѣло опредѣлялись его, владѣльца, усмотрѣніемъ. Всѣ эти стѣсненія нужно, конечно, принимать во вниманіе, встрѣчаясь съ поразительнымъ, на первый взглядъ, фактомъ—настойчиваго желанія фабрикантовъ отдѣлаться отъ своихъ крѣпостныхъ рабочихъ. Но условія владѣнія поссессіонными фабриками были тѣ же и въ первые годы вѣка,—и тогда поссессіонное право цѣнилось, его добивались не только купцы, но, какъ это ни странно, иногда и дворяне. Переворотъ въ положеніи русской промышленности къ 30-мъ—40-мъ годамъ въ томъ и выразился, что *право* обратилось въ *бремя*, въ тяжелую и скучную обязанность. Поссессіонные фабриканты прямо заявили, что присутствіе „дешевыхъ“ крѣпостныхъ рабочихъ страшно удорожаетъ производство и мѣшаетъ его расширенію. Въ 1833 году казанскій суконный фабрикантъ Осокинъ увѣрялъ присланнаго къ нему на фабрику чиновника министерства финансовъ, что „введеніе прядильныхъ и трепальныхъ машинъ чрезвычайно удешевило бы производство; тѣмъ не менѣе, хотя у него имѣются 33 машины, готовыя къ употребленію, онъ можетъ пускать изъ нихъ въ дѣйствіе не болѣе 7, такъ какъ, если бы употреблялось для работы большее число машинъ, то многіе мастеровые остались бы совсѣмъ безъ дѣла, а плату они продолжали бы получать прежнюю“. Купцы Ефимовы, владѣльцы шелковой фабрики, домогавшіеся освобожденія своего отъ поссессіонныхъ рабочихъ въ 1846 году, мотивировали это „совершенной невыгодностью производить работы посредствомъ поссессіонныхъ фабричныхъ, коихъ содержаніе, сравнительно съ вольнонаемнымъ, обходится слишкомъ дорого и падаетъ на цѣну издѣлій“. Всего обстоятельнѣе разъясняли дѣло купцы Хлѣбниковы, владѣльцы парусинополотняной фабрики (парусинныя фабри-

ки когда-то всѣ возникли на крѣпостномъ трудѣ). „Какъ духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ на оныхъ (фабрикахъ) механизмъ, замѣняющій ручныя работы", писали они министру финансовъ въ 1846 году, „то и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца. А потому мы, предполагая парусинополотняную нашу фабрику устроить болѣе на коммерческихъ правахъ и выдѣлывать издѣлія машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанныхъ къ фабрикѣ крестьянъ предоставить въ казну" *). Слишкомъ понятно при такихъ условіяхъ, почему законъ 18 іюня 1840 года о поссессіонныхъ фабрикахъ имѣлъ совершенно иную участь, нежели его близнецъ, законъ 3 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ: и тотъ и другой только предоставляли владѣльцамъ отпускать своихъ крѣпостныхъ, отнюдь не принуждая ихъ къ этому. Но тогда какъ послѣднимъ воспользовались только отдѣльныя лица, при явномъ сопротивленіи того класса, къ которому они принадлежали, по закону 1840 года было освобождено около 15.000 душъ поссессіонныхъ фабричныхъ, т.-е. большая ихъ половина (ихъ всѣхъ считалось въ 1826 году нѣсколько менѣе 30 тысячъ).

Но уже раньше, въ 1835 году, вольнонаемные рабочіе составляли столь видный разрядъ фабричнаго населенія, что юридическое положеніе ихъ нашли нужнымъ урегулировать особымъ закономъ (Высочайше утвержденное 24 мая 1835 года мнѣніе государственнаго совѣта). „Положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и рабочими людьми, поступающими на оныя по найму", изданное сначала для столицъ и столичныхъ губерній, но понемногу распространенное и на другія промышленныя губерніи (въ 1840 году, напримѣръ, его ввели въ Тверской губерніи), на долгіе годы легло въ основу русскаго фабричнаго законодательства. Кое-что изъ него сохранилось до нашихъ дней,— напримѣръ, требованіе, чтобы при расчетѣ рабочіе предупреждались за двѣ недѣли, или, чтобы правила внутренняго распорядка фабрики были вывѣшены на стѣнахъ фабричныхъ помѣщеній. При отсутствіи фабричной инспекціи какъ эти, такъ и другія старанія „положенія" оградить рабочаго отъ хозяйскаго произвола имѣли больше, какъ говорится, „прин-

*) Туганъ-Барановскій. „Русская фабрика", стр. 126 и 135.

ципіальный“ характеръ. Но съ этой „принципіальной“ точки зрѣнія законъ очень любопытенъ. Какой-нибудь неопытный въ русскихъ дѣлахъ иностранецъ, читая его, ни за что не догадался бы, что большая часть фабричныхъ рабочихъ того времени не перестала еще быть частной собственностью или самихъ фабрикантовъ, или помѣщиковъ, отпустившихъ ихъ на фабрику по оброку. Только однажды въ текстѣ „Положенія“ упоминается, что „рабочіе люди“, такъ свободно, совсѣмъ по-европейски, заключающіе контракты съ предпринимателями, имѣютъ своихъ „владѣльцевъ“: но упоминаніе это направлено, характернымъ образомъ, именно къ ограниченію правъ этихъ владѣльцевъ—въ пользу, правда, не рабочихъ, а фабрикантовъ. Согласно § 2 „Положенія“ владѣльцы теряли право „отзывать обратно или требовать съ фабрики или заведенія порядившагося работника до истеченія назначеннаго въ паспортѣ срока, или до окончанія договорнаго срока, если оный истекаетъ прежде паспортнаго“. Предприниматель, нанявшій оброчнаго крестьянина, былъ, такимъ образомъ, гарантированъ отъ произвола со стороны барина этого послѣдняго: при столкновеніи феодальнаго права съ буржуазнымъ контрактомъ уступать должно было первое. Такъ далеко по направленію къ „буржуазной монархіи“ шла уже имперія Николая Павловича... Но чтобы читатель не впалъ въ заблужденіе, представляя себѣ эту имперію черезчуръ буржуазной страной, надо отъ юридическаго положенія „свободнаго рабочаго“ николаевской Россіи обратиться къ фактическому. У насъ есть великолѣпный случай для этого: подробное изображеніе распорядковъ одной изъ очень извѣстныхъ фабрикъ того времени, „начертанное“ съ неподражаемымъ самодовольствомъ самимъ фабрикантомъ и апробованное высшимъ начальствомъ всѣхъ фабрикантовъ, департаментомъ мануфактуръ и торговли. Напечатанное въ журналѣ этого послѣдняго „донесеніе“ табачнаго фабриканта Жукова рисуетъ намъ россійскаго пролетарія тридцатыхъ годовъ до такой степени опутаннымъ „отеческимъ попеченіемъ“ владѣльца фабрики, что ничего лучшаго не могла бы дать не только самая благоустроенная крѣпостная вотчина, но даже, пожалуй, арестантскія роты. Каждый шагъ рабочаго былъ обставленъ бдительнѣйшимъ надзоромъ со стороны какъ всевозможныхъ наблюдателей, начиная съ „украшеннаго крестами и медалями отставного Унтеръ-Офицера“ (такъ, съ большой буквы, пишетъ это высокое званіе фабрикантъ Жуковъ), и кончая простыми сторожами, такъ и со стороны его товарищей; взаимное шпіонство возведено было

въ систему и поощрялось всѣми способами. „Означенныя мѣры надзора дополняются окончательно безусловнымъ убѣжденіемъ рабочаго: 1) что за сокрытіе въ товарищѣ своемъ буйства, непотребства и похищенія сокрыватель непремѣнно увольняется вмѣстѣ съ сокрываемымъ, и 2) что открытіе одного изъ подобныхъ проступковъ непремѣнно награждается или единовременною выдачею суммы, соразмѣрной важности открытія, или прибавкою жалованья. О сказанныхъ преступленіяхъ какъ старшій, такъ часовые и всякой рабочій имѣютъ обязанность доносить мнѣ немедленно: о прочихъ же менѣе важныхъ проступкахъ старшій и часовые представляютъ мнѣ письменныя замѣчанія свои, въ присутствіи провинившихся, ежемѣсячно при выдачѣ жалованья. При семъ нужнымъ считаю дополнить, что для поддержанія взаимнаго согласія между рабочими доносители, кромѣ старшаго, часовыхъ и дневальныхъ, остаются неизвѣстными“. „При увольненіи рабочихъ по праздникамъ съ фабрики всѣ они обязаны: 1) быть у обѣдни; 2) послѣ обѣдни, отлучаясь со двора, имъ не позволено ходить ни поодиночкѣ, ни большими толпами, для того, чтобы въ первомъ случаѣ всякой изъ нихъ имѣлъ свидѣтеля своему внѣ фабрики поведенію, а въ послѣднемъ большинство партіи не могло внушать имъ ни малѣйшей мысли о превосходствѣ передъ кѣмъ бы то ни было въ силѣ физической. Если же, по приказанію моему, и отправляютъ куда-либо рабочихъ въ значительномъ числѣ, то всегда сопровождаетъ ихъ или старшій, или прикащикъ, отвѣтствующій за соблюденіе рабочими всевозможнаго благочинія“. Нѣтъ надобности говорить, что на самой фабрикѣ, во время работы, надзоръ былъ еще болѣе пристальнымъ. Во время производства работы старшій (упомянутый „Унтеръ-Офицеръ“), прохаживаясь по всей фабрикѣ, находится въ ней безотлучно, наблюдая, чтобы, съ одной стороны, работы не останавливались безъ основательной причины, а съ другой,—чтобы не происходило между рабочими никакого крику, празднословія и препирательства. Всѣ эти предупредительныя мѣры приводили, по словамъ Жукова, къ тому, что ему—какъ онъ съ гордостью заявляетъ—нико-

гда не приходилось прибѣгать къ мѣрамъ карательнымъ: на его фабрикѣ не было даже тюрьмы, по его убѣжденію, составляющей необходимую принадлежность большинства заграничныхъ фабрикъ.

Эта идиллія заканчивается описаніемъ рабочаго дня въ предпріятіи Жукова — описаніемъ, которое интересно уже не только для характеристики положенія рабочихъ, но—и еще болѣе—для характеристики политическаго настроенія ихъ хозяевъ. „Работы вообще начинаются всеобщею, въ 6 часовъ утра, молитвою и продолжаются до 8 часовъ; 9-й часъ употребляется для завтрака; 10, 11 и 12 продолжается работа; для обѣда и отдыха назначено 2 часа; съ двухъ до 8 часовъ вечера работы опять продолжаются, оканчиваясь молитвою и пѣніемъ какого-либо церковнаго пѣснопѣнія или народнаго гимна о здравіи и долгоденствіи государя императора. Такимъ образомъ, сохраняя молчаніе и изрѣдка прерывая его, по желанію хозяина или почтеннаго посѣтителя, какою-нибудь благопристойною русской пѣснею, рабочіе состоятъ на работѣ 11 часовъ въ сутки, исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней, соблюдаемыхъ съ назидательнымъ для рабочихъ раченіемъ, которое и пріучаетъ ихъ вмѣстѣ къ благочестію и къ тому благоговѣнію, которымъ они обязаны монарху, какъ вѣрные подданные, располагаемые къ сердечной преданности своему государю за тѣ отдыхи, которыми пользуются по случаю дней тезоименитства и рожденія высокихъ особъ императорской фамиліи“.

Если императоръ Николай читалъ „донесеніе“ Жукова, онъ долженъ былъ почувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Развитіе капитализма въ Россіи, очевидно, пока еще отнюдь не угрожало потрясеніемъ основъ.

Но помѣщики имѣли разумное основаніе поддерживать сильную центральную власть: эта власть обезпечивала порядокъ внутри страны, т.-е. безпрекословное подчиненіе крѣпостного крестьянина своему барину. Только съ превращеніемъ крестьянина въ вольнонаемнаго работника на барской пашнѣ открывалась возможность внести перемѣны въ политическій строй: оттого освобожденіе крестьянъ и сдѣлалось интегральной частью русской либеральной программы первой

половины XIX вѣка. И поскольку экономически неосуществима была хозяйственная перемѣна, постольку оставалась чистой теоріей и эта программа. Но наши фабриканты и заводчики сами, по собственному почину, перешли къ вольнонаемному труду; въ обрабатывающей промышленности это было возможно экономически. Мало того—здѣсь это былъ единственный возможный выходъ, какъ это отлично сознавалось даже тогдашней высшей администраціей. „Вездѣ и во всѣ времена земледѣльческія и другія несложныя работы, часто съ пользою, производились въ большихъ размѣрахъ людьми несвободными и по наряду", писалъ еще въ 1835 г. знакомый намъ гр. Воронцовъ въ одной офиціальной запискѣ: „но нигдѣ и никогда не было еще примѣра, чтобы такимъ способомъ полученъ былъ большой успѣхъ на фабрикахъ". Экономическое основаніе буржуазно-либеральной программы здѣсь, такимъ образомъ, давалось само собой. Почему же, однако, здѣсь самой программы не было? Почему буржуазные фабриканты оказывались политически столь же консервативными, какъ и крѣпостническое (отчасти поневолѣ) дворянство? Мы никогда этого не поймемъ, если не броснмъ взгляда на внѣшнюю политику императора Николая I; лишь она дастъ намъ отвѣтъ на вопросъ, почему сильная власть была одинаково дорога въ тѣ дни и дворянину, и купцу—хотя по различнымъ основаніямъ.

Въ офиціальной перепискѣ кавказскихъ властей съ центральнымъ правительствомъ, въ 30-хъ годахъ, много мѣста занимаетъ вопросъ о закавказскомъ транзитѣ. Съ цѣлью развитія торговли въ Закавказьѣ, правительство Александра I въ свое время разрѣшило ввозъ въ эту часть Россіи иностранныхъ товаровъ съ уплатою незначительной только пошлины: протекціонный тарифъ 1822 г. Закавказья не коснулся. Это былъ подарокъ мѣстной, преимущественно армянской буржуазіи. Русскіе фабриканты смотрѣли на эту привилегію закавказскихъ купцовъ очень косо: по ихъ мнѣнію, въ Закавказьѣ пропадалъ отличный рынокъ для русскихъ товаровъ, а главное, черезъ Закавказье лежали пути въ Персію и Азіатскую Турцію. Аргументируя въ пользу включенія Закавказья въ общерусскую таможенную черту, одна докладная записка 30-хъ годовъ приводитъ такой примѣръ: „Впрочемъ, выгоды сбыта и цѣнность нашихъ издѣлій на Востокѣ, могутъ быть доказаны оборотами тифлисскаго купца Посыльнаго, который въ продолженіе пяти лѣтъ пріобрѣлъ огромные капиталы, доставляя въ Персію ситцы, нанки и другія

произведенія нашихъ фабрикъ". Перевранная южно-русскимъ чиновникомъ фамилія, хорошо знакома исторіи города Шуи. „Мануфактуръ-совѣтникъ А. П. Посылинъ", писалъ по поводу шуйскихъ фабрикъ извѣстный статистикъ К. Арсеньевъ, въ 40-хъ годахъ: „одинъ изъ всѣхъ мануфактуристовъ русскихъ въ этомъ родѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ отправлялъ непосредственную обширную торговлю съ краемъ Закавказскимъ и съ Персіею, и имѣлъ свои факторіи въ Рештѣ, Гиланѣ и Тавризѣ; за честное отправленіе торговли онъ почтенъ самимъ правительствомъ персидскимъ и украшенъ орденомъ Льва и Солнца". Одинъ фабрикантъ, спеціализировавшійся на торговлѣ съ Персіей, это еще немного, конечно. Но есть цѣлый рядъ указаній на то, что однимъ Посылинымъ дѣло ни въ какомъ случаѣ не ограничивалось. Англійскій торговый агентъ, бывшій въ Персіи въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, нашелъ тамъ всю торговлю въ русскихъ рукахъ. Не только русскія издѣлія, но и заграничные, нѣмецкіе товары съ Лейпцигской ярмарки, напримѣръ, проникали туда черезъ Россію; русскій „червонецъ" былъ единственной ходячей золотой монетой. Обычаи, установившіеся въ торговлѣ съ русскими купцами, являлись нормой, и англичанъ заставляли имъ подчиняться. „Такъ русскіе дѣлаютъ, такъ принято въ торговлѣ съ Россіей", слышали они на каждомъ шагу. Надо прибавить, что Россія была „наиболѣе благопріятствуемой" державой: съ русскихъ брали минимальныя пошлины. Англичане оцѣнивали ежегодные обороты русско-персидской торговли въ полтора милліона фунтовъ стерлинговъ; русская офиціальная статистика 40-хъ годовъ даетъ около 4 милліоновъ рублей серебромъ. Но офиціальная таможенная статистика на Закавказской границѣ едва ли была особенно точной,—притомъ 40-ые годы были временемъ уже упадка русско-персидской торговли. То дѣло, котораго піонеромъ былъ цитировавшійся нами англійскій агентъ, налаживаніе независимой отъ Россіи торговой дороги въ Персію черезъ Черное море и Трапезунтъ, къ сороковымъ годамъ было поставлено уже прочно и дало свои плоды. „Къ сожалѣнію,—продолжаетъ писавшій въ 1844 г. Арсеньевъ свою справку о Посылинѣ,—его торговыя отправленія въ Персію прекратились по ихъ безвыгодности: англійскіе торговцы, водворившіеся въ М. Азіи и занявшіе всѣ торговые посты отъ Трапезунта до столицы персидской, овладѣли всею торговлею съ Персіей и своими фабриками наводнили и нашъ закавказскій край". „Вообще, всѣ шуйскіе фабриканты жалуются

на разныя обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ наши фабрики, не имѣя возможности достаточно укрѣпиться и усовершенствоваться безъ совмѣстничества, не могутъ выдерживать соперничествъ на иностранныхъ рынкахъ и должны по необходимости ограничиться сбытомъ своихъ издѣлій только на рынкахъ отечественныхъ" *).

То, что намъ теперь кажется естественнымъ назначеніемъ русскихъ мануфактуръ, обслуживаніе внутренняго рынка, было результатомъ своего рода самоотреченія. Въ 30-хъ годахъ русское правительство еще очень хлопотало о завоеваніи для русской промышленности внѣшняго, азіатскаго, турецкаго и персидскаго, рынка. Еще въ 1835 году Трапезунтъ пытались „отбить" у англичанъ. „Что касается до возможности выгоднаго сбыта русскихъ мануфактурныхъ произведеній въ Трапезондѣ, то въ семъ случаѣ, я полагаю, не предстоитъ ни малѣйшаго сомнѣнія", писалъ русскій чиновникъ, ссылавшійся на карьеру Посылина. „Вообще товары, назначенные для восточной торговли и привозимые европейцами, принадлежатъ къ самому низкому разряду; достоинство ихъ обыкновенно оцѣняется по наружному виду, не принимая въ соображеніе настоящей доброты, и Германія и Англія сбываютъ въ сихъ странахъ все то, что не можетъ служить къ потребленію Европы. А потому трудно было бы думать, что издѣлія нашихъ фабрикъ не могутъ стать наряду съ самыми посредственными ихъ произведеніями". Эту точку зрѣнія вполнѣ раздѣлялъ и государственный совѣтъ. „Нѣтъ сомнѣнія,—читаемъ мы въ журналѣ Гос. совѣта отъ 11 мая 1836 г.,—что при настоящемъ усовершенствованіи фабрикъ и мануфактуръ, издѣлія наши могутъ начинать соперничество съ иностранными, приготовляемыми собственно для азіатскаго торга, какъ въ добротѣ, такъ и въ цѣнѣ". Воронцовъ, отрицательно относившійся къ домогательствамъ мануфактуристовъ, насчетъ значенія трапезунтской торговли совершенно сходился со своими оппонентами: только онъ надѣялся перевести этотъ выгодный торгъ въ русскія руки путемъ не ограничительныхъ мѣръ, а, наоборотъ, свободы торговли. Нельзя не замѣтить, какъ, подъ именами русскихъ администраторовъ—министровъ, генералъ-губернаторовъ и намѣстниковъ—здѣсь сражались въ сущности интересы различныхъ группъ капиталистовъ. Отстаивавшіе свободу торговли одесскій ген.-губернаторъ Воронцовъ и кавказскій главнокомандующій бар. Розенъ представляли

*) „Журн. Мин. Внутр. Дѣл." 1844 г., № VII.

собою торговый капиталъ, которому былъ важенъ торговый барышъ и все равно было, чѣмъ торговать: русскимъ ситцемъ или нѣмецкимъ сукномъ; а за спиной министерства финансовъ, во главѣ котораго тогда стоялъ Канкринъ, нетрудно разглядѣть русскій промышленный капиталъ, всего больше хлопотавшій объ устраненіи „совмѣстничества“; пусть меньше покупаютъ, да зато русское. Въ междувѣдомственной борьбѣ побѣда осталась за капиталомъ промышленнымъ,—тарифъ 1822 года, вопреки Розену, былъ распространенъ и на Закавказье. Въ борьбѣ международной результатъ получился иной. Но прежде, чѣмъ съ этимъ результатомъ примирились, интересы русской промышленности были, не всегда сознаваемой дѣйствующими лицами, но всегда ясной для сколько-нибудь внимательнаго посторонняго наблюдателя, исходной точкой цѣлаго ряда дипломатическихъ шаговъ, постепенно складывавшихся въ опредѣленную политическую линію. А на концѣ этой линіи былъ Севастополь.

Царствованіе Николая Павловича открылось, какъ извѣстно, двумя войнами: Персидской 1826—28 гг. и Турецкой 1828—29 гг. Обѣ дали извѣстные результаты и въ коммерческой области. Туркманчайскій договоръ привелъ къ учрежденію въ Персіи цѣлаго ряда русскихъ консульствъ и закрѣпилъ за русскими то положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, съ которымъ мы уже знакомы. Адріанопольскій трактатъ освободилъ русскіе товары въ Турціи отъ всякихъ внутреннихъ пошлинъ, болѣе всего стѣснявшихъ торговлю въ имперіи султана: уплативъ 5% съ цѣны товара при ввозѣ на границѣ, русскій купецъ далѣе не былъ уже обязанъ ничего платить. И въ Турціи и въ Персіи оба трактата были не заключеніемъ, а началомъ: не подводили итогъ, а открывали новыя перспективы. Въ Персіи эти перспективы оказались довольно близкой реальностью. Народныя массы въ Персіи отнеслись къ туркманчайскому миру очень остро— памятникомъ ихъ отношенія осталось убійство Грибоѣдова. Персидская династія, наоборотъ, разочарованная въ англичанахъ, поддерживавшихъ ее во время русско-персидской войны, не видѣла теперь себѣ другого прибѣжища противъ внутреннихъ враговъ, кромѣ русскаго императора. Россія гарантировала шаху и его наслѣдникамъ неприкосновенность ихъ положенія, и русскій посланникъ въ Тегеранѣ сдѣлался всемогущимъ; параллельно съ этимъ персидскіе купцы опять стали ѣздить за европейскими товарами на Нижегородскую ярмарку— и мы видѣли уже отчасти, какихъ хлопотъ стоило

Декабристъ П. И. Пестель.

Павелъ Ивановичъ Пестель (съ портрета, находящагося въ «Альбомѣ Пушкинской Выставки») — декабристъ, полковникъ, командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка (род. въ Москвѣ 24 іюня 1793 г.; повѣшенъ въ Петербургѣ 13 іюля 1826 г.), участникъ Отечественной войны, тяжело раненый въ битвѣ при Бородинѣ 26 августа 1812 г., участникъ заграничныхъ походовъ 1813 и 1814 г.г., адъютантъ графа П. Х. Витгенштейна. Александръ I имѣлъ какое-то особенное мнѣніе о Пестелѣ, ибо А. А. Закревскій въ одномъ изъ писемъ къ П. Д. Киселеву предупреждалъ послѣдняго противъ увлеченія умомъ и способностями Пестеля, прибавляя: «Возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его кажется хорошо знаетъ.» Пестель былъ арестованъ 13 декабря 1825 г., не успѣвъ вполнѣ закончить своего капитальнаго труда, извѣстнаго подъ именемъ «Русской Правды», которая, согласно его опредѣленію, есть «верховная всероссійская грамота, опредѣляющая всѣ перемѣны, въ государствѣ послѣдовать имѣющія, всѣ предметы и статьи, уничтоженію и ниспроверженію подлежащія и, наконецъ, коренныя правила и начальныя основы, долженствующія служить неизмѣннымъ руководствомъ при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія». «Русская Правда» есть вмѣстѣ съ тѣмъ «наказъ или наставленіе временному верховному правленію для его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ». Приговоромъ Верховнаго Уголовнаго суда осужденъ «къ смертной казни четвертованіемъ» за такія вины: «Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе императорской фамиліи и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ.—Учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; составлялъ планы, уставы, конституцію; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ». А. Д. Боровковъ въ особой запискѣ о Пестелѣ писалъ: «Полковникъ Пестель на вопросы, данные ему въ Тульчинѣ, отвѣчалъ отрицательно; но въ продолженіе изслѣдованія въ С.-Петербургѣ сознался, что онъ былъ въ числѣ основателей тайнаго общества, составившагося здѣсь въ 1816 году, и написалъ для онаго уставъ. Въ 1818 году общество сіе вошло въ составъ Союза Благоденствія или Зеленой книги, въ которомъ онъ былъ кореннымъ членомъ (такъ назывались присутствовавшіе при учрежденіи общества). Пестель, отправившись на службу въ Тульчинъ, началъ тамъ дѣйствовать для распространенія общества, и въ 1819 году въ совокупности съ полковникомъ Бурцевымъ завелъ управу. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣленныя, почему въ 1820 году въ коренной думѣ, имѣвшей законодательную власть и собравшейся въ С.-Петербургѣ, Пестель изложилъ всѣ выгоды и невыгоды монархическаго и республиканскаго правленія. Послѣ долгаго разсужденія и многихъ споровъ всѣ единогласно приняли республику, почему онъ, по прибытіи въ Тульчинъ, объявилъ о томъ своимъ сочленамъ и склонилъ ихъ къ сей преступной мысли. Пестель тогда же въ бытность его въ столицѣ, при разсужденіи въ одномъ частномъ собраніи членовъ о цареубійствѣ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, что сіе повлечетъ за собою безначаліе и безпорядки, старался успокоить тѣмъ, что отвратитъ оное учрежденіемъ *временнаго правленія*, которое должно быть составлено изъ членовъ общества. Въ мартѣ 1821 года, когда Комаровъ и Бурцевъ, возвратившись изъ Москвы съ бывшаго тамъ общаго съѣзда членовъ, объявили объ уничтоженіи Союза Благоденствія и сами удалились, Пестель первый возсталъ противъ сего, доказывая, что московскіе члены не имѣли права уничтожить союзъ, который онъ рѣшается продолжать. Вспомоществуемый Юшневскимъ и Аврамовымъ, онъ безъ труда согласилъ на то прочихъ членовъ. При семъ случаѣ предложилъ вопросъ: измѣняетъ ли общество прежнюю республиканскую цѣль? Всѣ единодушно и безъ противорѣчія подтвердили поддер-

живать ее, при чемъ самъ Пестель говорилъ въ ея пользу и до того воспламенилъ умы, что успѣлъ исторгнуть согласіе на упраздненіе престола съ изведеніемъ тѣхъ лицъ, кои представятъ въ себѣ непреодолимыя препоны къ достиженію предположенной цѣли. Въ томъ же собраніи Пестель съ Юшневскимъ были избраны предсѣдателями съ полною властію надъ членами. Здѣсь для дѣятельности Пестеля открылось обширное поприще; онъ завелъ сношенія съ другими обществами, поощрялъ членовъ къ дѣйствію, составлялъ и одобрялъ различные планы. Такимъ образомъ въ Кіевѣ на контрактахъ 1822 года склонялъ присоединившихся къ республикѣ и объяснялъ главныя черты составляемой имъ Русской Правды. Въ продолженіе 1823 года члены Южнаго общества собирались въ Кіевѣ на контракты и въ селеніи Давыдова, въ Каменкѣ. Пестель объяснялъ свою Русскую Правду, и притомъ предлагалъ введеніе республиканскаго правленія посредствомъ революціи съ истребленіемъ государя и всей императорской фамилии; для убѣжденія членовъ въ необходимости сихъ ужасныхъ мѣръ Пестель представлялъ, что, если останутся великіе князья, то произойдетъ междоусобная война, ибо не только въ войскахъ, но и въ народѣ нашлись бы люди, которые, составя партіи, воспрепятствовали бы введенію республики. Разсуждая о способѣ исполненія столь преступнѣйшаго предложенія, считалъ нужнымъ составить отрядъ рѣшительныхъ. Тогда же съ согласія Пестеля Бестужевъ-Рюминъ открылъ сношенія съ Польскимъ обществомъ, которыя впослѣдствіи продолжалъ лично самъ Пестель. Условія были слѣдующія:

1) независимость Польши съ уступкою провинцій, отъ нея къ Россіи присоединенныхъ;
2) взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны;
3) одинаковый образъ правленія;
4) полякамъ поступить съ цесаревичемъ такъ, какъ русскіе поступятъ съ великими князьями;
5) поляки должны увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ чужеземными обществами и никакихъ съ ними условій безъ предварительнаго согласія Южнаго общества не заключать».

Далѣе въ запискѣ Боровкова подобраны показанія разныхъ декабристовъ о Пестелѣ, и она заканчивается словами: «Изъ показаній Пестеля и его сообщниковъ открывается, что онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ императорскаго дома, словомъ онъ былъ главою общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій». Протоіерей казанскаго собора Мысловскій въ своихъ запискахъ отнесся къ Пестелю иначе, чѣмъ люди, стоявшіе въ сферѣ вліяній Верховнаго Уголовнаго Суда. «Сей преступникъ, записалъ Мысловскій, есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости духа... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокій, тактикъ военный превосходный. Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ.

англичанамъ вернуть себѣ потерянную въ 1828 г. позицію. Въ Турціи дѣло обѣщало сначала пойти тѣмъ же путемъ. „Вполнѣ можно сказать, что Россія на европейскомъ востокѣ извлекла изъ адріанопольскаго мира всю пользу, какую только могла“, говоритъ новѣйшій историкъ царствованія Николая I: „дружественныя отношенія къ Турціи, политическій компасъ которой опредѣлялся петербургскимъ магнитомъ, исключающее почти всякую конкуренцію вліяніе въ Румыніи, Сербіи, Черногоріи, Греціи, благодарная роль защитника всѣхъ угнетенныхъ христіанскихъ подданныхъ Турціи,—таковы были плоды политики императора“ *). Но этого было мало: судьба, казалось, отдавала султана въ такое же полное и безконтрольное обладаніе Россіи, въ какомъ былъ персидскій шахъ. У турецкаго государя были внутренніе враги, не менѣе страшные, чѣмъ у персидскаго. Самымъ страшнымъ былъ египетскій паша, Мегеметъ-Али, при помощи французскихъ офицеровъ создавшій себѣ армію и флотъ по европейскому образцу. Послѣ пораженія турокъ въ войнѣ 1828—29 гг. всѣ надежды мусульманъ на реваншъ сосредоточивались около этого военнаго возрожденія Египта. Насколько султанъ Махмудъ былъ ненавидимъ собственными подданными, настолько Мегеметъ-Али среди нихъ былъ популяренъ. Опираясь на эту популярность и на свои военныя силы, египетскій паша, когда-то вѣрный вассалъ своего константинопольскаго сюзерена (въ 1827 году египетскіе корабли дрались бокъ-о-бокъ съ турецкими противъ англичанъ, французовъ и русскихъ, при Наваринѣ), сталъ все далѣе и далѣе расширять сферу своего вліянія, и въ 1832 г. заявилъ притязанія на Сирію. Султанъ имѣлъ неосторожность примѣнить крутыя мѣры: объявилъ Мегемета-Али мятежникомъ и послалъ противъ него войско. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ султанской арміи не осталось и слѣда, а египетская стояла почти въ виду Константинополя. Порта чувствовала себя въ безвыходномъ положеніи: но русское правительство внимательно слѣдило за тѣмъ, что происходило на ближнемъ Востокѣ. При первыхъ извѣстіяхъ объ успѣхахъ египетскаго паши, русскій представитель въ Александріи далъ ему понять, что Россія не потерпитъ не только разгрома Турціи, но и вообще серьезнаго нарушенія status quo въ этихъ краяхъ. А затѣмъ, сначала въ Константинополѣ, а потомъ и въ Александріи появился спеціальный уполномоченный импе-

*) Schiemann. „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I“, II, 395.

ратора Николая, генералъ Муравьевъ, съ представленіями еще болѣе энергичнаго характера. Мегеметъ-Али воевать съ Россіей не собирался, его практическія притязанія, въ сущности, не шли дальше Сиріи (относительно которой русское правительство дало понять, что ею оно мало интересуется: ему важно было только, чтобы въ Константинополѣ на мѣстѣ слабаго султана Махмуда не появился новый, смѣлый и предпріимчивый государь): словомъ, въ принципѣ онъ уступилъ довольно быстро. Но сношенія въ то безтелеграфное время, были медленныя—пока шла дипломатическая переписка, египетскія войска тоже шли впередъ, паника въ Константинополѣ усиливалась, и Россія получила поводъ для внушительной военной демонстраціи, сильно подѣйствовавшей на воображеніе не однихъ турокъ, а и западной Европы. Черноморскій флотъ пришелъ въ Босфоръ, и русскій вспомогательный корпусъ высадился въ окрестностяхъ Константинополя. Злые языки поговаривали, что русскіе не прочь были и остаться на этихъ выгодныхъ позиціяхъ. Такъ это было, или не такъ, но Порта настолько была перепугана необычайной энергіей своего союзника, что поспѣшила уступить египетскому пашѣ все, чего онъ только требовалъ: послѣ разговоровъ съ генераломъ Муравьевымъ, паша, мы знаемъ, былъ склоненъ къ умѣренности. А чтобы окончательно избавиться отъ неудобнаго присутствія на Босфорѣ русскихъ кораблей и солдатъ, турецкое правительство поспѣшило подписать новый договоръ съ Россіей (т. наз. Ункіаръ-Искелесскій, 26 іюня 1833 г.). Гласно, этимъ договоромъ Россія и Турція обязывались взаимно охранять территоріальную неприкосновенность обоихъ государствъ. Фактически, конечно, это значило, что Россія гарантируетъ территоріальную неприкосновенность Турціи—ибо трудно было себѣ представить случай, при которомъ Турція могла бы оказать Россіи подобную услугу. Но гораздо важнѣе была дополнительная секретная статья: въ силу этой статьи султанъ обязанъ былъ, по требованію Россіи, закрывать доступъ въ Дарданеллы и Босфоръ (и, стало быть, въ Черное море) военнымъ судамъ другихъ державъ. Черное море окончательно становилось русско-турецкимъ озеромъ, т.-е., при данномъ соотношеніи силъ, русскимъ озеромъ, ибо Турція, какъ морская держава, не могла идти въ счетъ. А султанъ становился сторожемъ на русской службѣ при единственной калиткѣ изъ этого озера: при чемъ, если, по требованію Россіи, эта калитка всегда могла захлопнуться снаружи, то, по тому же требованію—этого не

было въ трактатѣ, но это разумѣлось само собою—она могла легко открыться изнутри. Ни французская, ни англійская эскадры не могли войти теперь въ Черное море безъ разрѣшенія русскаго императора: но ничто не мѣшало кораблямъ этого послѣдняго появиться на морѣ Средиземномъ.

Ункіаръ-Искелесскій договоръ намѣтилъ собою первую трещину въ отношеніяхъ Россіи и Англіи, казавшихся столь прочными всего за десять лѣтъ до этого. Уже на слѣдующій годъ послѣ его заключенія англійская средиземноморская эскадра явилась „производить маневры“ у самаго входа въ Дарданеллы; маневры были очень продолжительные и обстоятельные, произведенъ былъ и примѣрный десантъ, для чего былъ привезенъ съ о. Мальты спеціальный отрядъ сухопутныхъ войскъ. Рядъ слѣдующихъ лѣтъ наполненъ сплошь различными дипломатическими непріятностями, доведшими въ 1836 году русскаго представителя въ Лондонѣ до заявленія, что „война“ между Россіей и Англіей, „хотя и невѣроятна, но, тѣмъ не менѣе, возможна“. А наиболѣе горячіе изъ англійскихъ публицистовъ увѣряли, что война не только возможна, но совершенно неизбѣжна, и что Англія покроетъ себя позоромъ, если согласится терпѣть долѣе то положеніе, въ которое ставитъ ее Россія.

Маленькій случай, подавшій поводъ къ наиболѣе громкимъ и непріятнымъ для Россіи разговорамъ, даетъ возможность заглянуть глубже въ причины этого страннаго, на первый взглядъ, явленія: неожиданной ссоры двухъ державъ, дружба которыхъ казалась неразрывно скрѣпленной не только Отечественной войной и низложеніемъ Наполеона, но и гораздо болѣе свѣжимъ „братствомъ по оружію“,—совмѣстнымъ выступленіемъ въ Греціи въ 1827 году, когда при Наваринѣ русская эскадра подъ командой англійскаго адмирала жгла турецкій флотъ. Въ концѣ 1835 г. нѣсколько англійскихъ негоціантовъ снарядили судно, которое должно было отвезти товары къ берегамъ западнаго Кавказа: номинально русскимъ владѣніямъ со временъ адріанопольскаго мира, фактически же занятымъ черкесскими племенами, упорно не желавшими считать себя подданными Россіи, войскамъ которой они пока удачно, въ общемъ, сопротивлялись (западный Кавказъ былъ окончательно покоренъ, какъ извѣстно, въ 1864 году). На англійскомъ суднѣ офиціально была, главнымъ образомъ, соль, неофиціально было извѣстно, что на немъ отправляется грузъ пороху для черкесовъ, воевавшихъ съ русскими. Русскій крейсеръ, посланный ловить англійскаго контрабандиста,

однако же, опоздалъ: порохъ былъ уже выгруженъ, когда онъ пришелъ. Но и не имѣя поличнаго, русскія власти не затруднились конфисковать судно со всѣмъ его остальнымъ, уже легальнымъ, грузомъ, и выставляли, какъ особую милость русскаго правительства, что экипажъ судна не былъ арестованъ и отданъ подъ судъ за контрабанду, а отвезенъ даже на русскій казенный счетъ въ Константинополь. Русское правительство стало, такимъ образомъ, на ту точку зрѣнія, что не только Закавказье, но и непокоренныя еще русскими области западнаго Кавказа входятъ въ русскую таможенную черту. Сами по себѣ черкесы были неинтересны—съ ними много не наторгуешь: но, постепенно растягиваясь, русская таможенная линія обнаруживала явную тенденцію охватить все Черное море, превративъ его, не только въ военномъ, но и въ коммерческомъ отношеніи, въ „русское озеро“. Вотъ отчего горячившіеся англійскіе публицисты и получали основаніе говорить, что „вопросъ интереса обнимаетъ собою всю область нашихъ коммерческихъ отношеній съ Турціей, Персіей и Левантомъ. Три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ вкладываются ежегодно въ эту торговлю, и дѣло идетъ о 25 тысячахъ тоннъ нашего торговаго флота“ *). Подъ именемъ „русскаго варварства“, о защитѣ противъ котораго англійскіе публицисты взывали къ общественному мнѣнію и своей страны, и всей Европы, рѣчь шла, въ сущности, о борьбѣ съ русскимъ промышленнымъ протекціонизмомъ.

Тотъ же, сейчасъ цитированный нами, англійскій публицистъ ставитъ вопросъ, во всей его широтѣ, въ другой своей статьѣ: цитата изъ этой послѣдней даетъ больше для пониманія русско-англійскихъ отношеній 30—40-хъ годовъ, чѣмъ длинныя разсужденія. „Въ то время какъ британская торговля съ другими европейскими государствами болѣе или менѣе быстро росла, торговля съ Россіей оставалась на одномъ уровнѣ или даже становилась менѣе значительной.. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ (т.-е., хочетъ сказать авторъ, до константинопольской блокады) нашъ ввозъ въ Россію состоялъ всецѣло изъ англійскихъ шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій и изъ металлическихъ издѣлій; въ настоящее время Россія беретъ, вмѣсто этого, только краски и другіе сырые продукты или же колоніальные товары, которые выписыва-

*) Статья—по всей вѣроятности, Уркуорта—въ „Portfolio“, т. V, стр. 87 франц. изданія 1837 года.

ютъ только изъ-за низкаго фрахта, какимъ довольствуются корабли, приходящіе изъ Англіи. Въ предыдущую эпоху, о которой идетъ рѣчь, Россія потребляла по два или по три милліона (фунтовъ стерлинговъ) нашихъ товаровъ. Въ 1831 г. она ввезла ихъ только на 1.906.099 ф. ст., въ томъ числѣ на 1.251.887 ф. ст. пряжи, для фабрикаціи матерій, предназначенныхъ, отчасти, для того, чтобы вытѣснить наши матеріи съ азіатскихъ рынковъ; наши же мануфактурныя издѣлія привозятъ теперь въ Россію въ количествѣ, впятеро меньшемъ, чѣмъ прежде; и однако же, населеніе Россіи увеличилось за этотъ періодъ на десять или двѣнадцать милліоновъ душъ да столько же новыхъ подданныхъ было включено въ русскую таможенную черту". „Своими новѣйшими тарифами Россія почти исключила возможность ввоза англійскихъ товаровъ въ ея предѣлы; она распространила эту систему на Польшу, куда шла прежде значительная часть нашего ввоза черезъ Германію и ганзейскіе города. Бессарабія присоединена къ русскимъ владѣніямъ и перестала, такимъ образомъ, для насъ существовать, какъ рынокъ; княжества Молдавія и Валахія (теперешняя Румынія) окружены русскимъ санитарнымъ кордономъ, который въ значительной степени упраздняетъ ихъ прежнюю свободу торговли. Берега Кавказа („Черкесіи" въ подлинникѣ) получали иногда англійскій товаръ черезъ Германію: теперь они въ постоянной блокадѣ. Грузія была для нашихъ продуктовъ, шедшихъ съ германскихъ рынковъ, большой дорогой въ Персію и центральную Азію; Россія намъ отрѣзала этотъ путь, она не могла только лишить насъ той обходной дороги, которая открылась для насъ недавно черезъ Турцію (авторъ имѣетъ въ виду упоминавшійся выше путь черезъ Трапезунтъ—онъ еще не зналъ, что Россія и его собирается прибрать къ рукамъ). Каспійское море, издавна принадлежавшее государству, гдѣ торговля была свободна, теперь, съ тѣхъ поръ, какъ оно перешло во власть Россіи, потеряно для англійскихъ товаровъ. И Россія только что отняла у Турціи территорію всего въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ нашей дороги въ Персію, а ея вліяніе въ Турціи было и есть направлено, и съ успѣхомъ, къ тому, чтобы сдѣлать ресурсы этой страны почти безполезными для насъ и помѣшать намъ получать всякаго рода сырье изъ этой страны дешевле, чѣмъ изъ Россіи" *)...

---

*) „Portfolio", т. II, статья „О торговомъ контролѣ, которымъ обладаетъ Англія по отношенію къ Россіи".

Какъ нарочно въ это самое время главное сырье, какого искала Англія на русскомъ рынкѣ, хлѣбъ, было дешево въ Западной Европѣ. Уже благодаря одному этому, Россія была Англіи болѣе не нужна; благодаря расцвѣту русской промышленности послѣ 1812 года, она была, или, по крайней мѣрѣ, казалась вредна и опасна. И вотъ, эта вредная и опасная страна обнаруживала явную наклонность расширять свое вліяніе въ такомъ направленіи, гдѣ лежали тогда жизненные центры колоніальной Англіи. Къ этимъ центрамъ не принадлежалъ еще тогда Дальній Востокъ: предвосхищая будущее, русскіе появились уже и тамъ. Русская миссія работала въ Пекинѣ, и у Воронцова уже былъ готовъ проектъ—опіумомъ изъ Малой Азіи черезъ Россію вытѣснить съ китайскаго рынка англійскій опіумъ, въ началѣ 40-хъ годовъ въ буквальномъ смыслѣ слова „завоевавшій“ себѣ этотъ рынокъ. Но это была почва для конфликтовъ скорѣе въ будущемъ. Въ настоящемъ для англичанъ крайне неудобна была уже позиція, занятая русской дипломатіей въ Александріи. Египетскій паша былъ такимъ же сторожемъ при воротахъ на англо-индійской торговой дорогѣ, какъ султанъ на дорогѣ изъ Средиземнаго моря въ Черное. Уже то, что Мегеметъ-Али легко поддавался французскому вліянію, было непріятно: но Франція не была прямо соперницей—мы сейчасъ увидимъ, что скорѣе она готовилась стать союзницей Англіи въ этихъ краяхъ. Что Мегеметъ-Али начиналъ слушаться и русскихъ, это былъ симптомъ гораздо болѣе тревожный. Но когда въ 1836 году русскіе появились въ Афганистанѣ, на самой границѣ Индіи, а въ 1839 г. гр. Перовскій своимъ неудачнымъ на первый разъ походомъ на Хиву началъ завоеваніе Средней Азіи, англо-русскія отношенія должны были натянуться до крайнихъ предѣловъ *). Съ этой поры и до самаго Севастополя война носится въ воздухѣ. При чемъ—характерный фактъ, который стоитъ отмѣтить,—въ роли наступающей стороны являлась Россія, англичане лишь отстаивали позиціи, которыя еще недавно казались имъ совершенно неприкосновенными и недоступными никакому непріятелю.

Въ русской исторической литературѣ стало общимъ мѣстомъ, что Россія была къ этой войнѣ не готова, что война свалилась ей, какъ снѣгъ на голову. Послѣ всѣхъ перечисленныхъ фактовъ это свидѣтельствовало бы о крайней непре-

---

*) Афганскій эпизодъ русской политики 30-хъ годовъ подробно разобранъ у Шимана, цитир. соч., т. III, стр. 296—300.

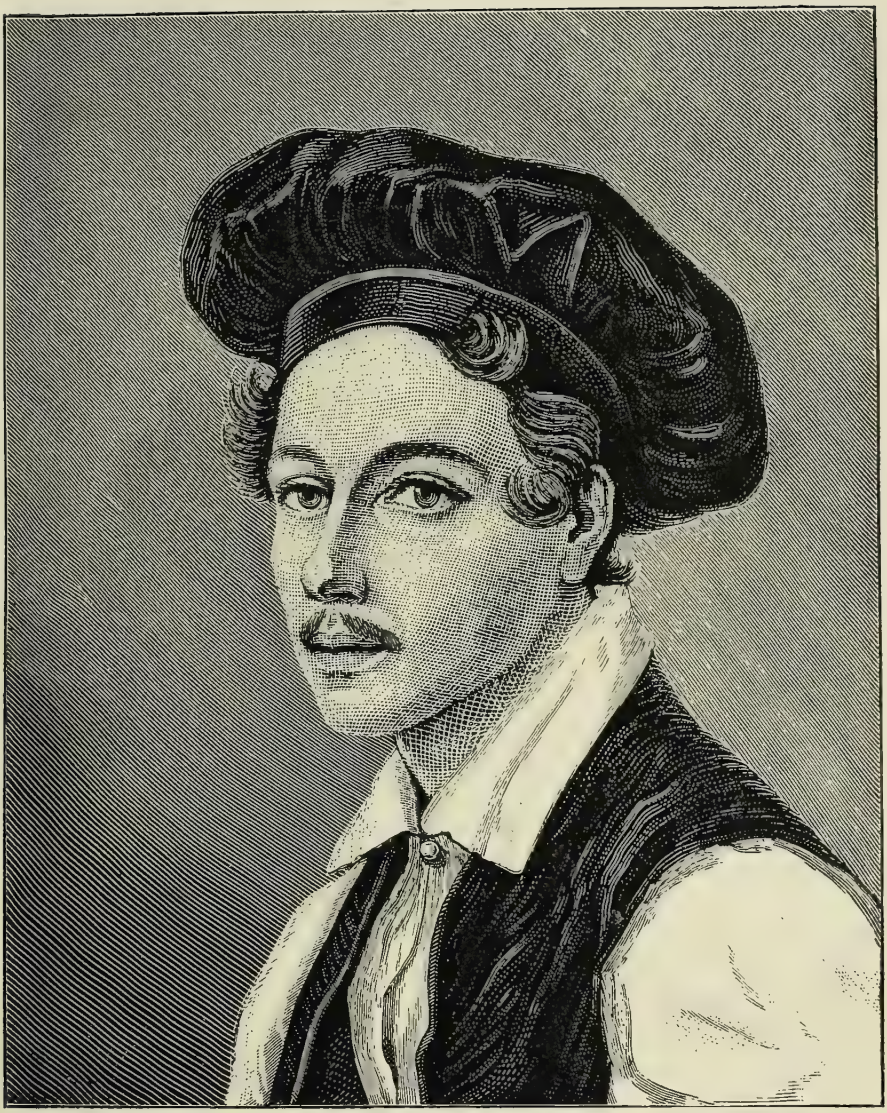
дусмотрительности русскаго правительства тѣхъ дней: въ этой непредусмотрительности обвинять его было бы несправедливо. Тотчасъ послѣ Ункіаръ-Искелесскаго договора въ 1833 г. Николай Павловичъ писалъ Паскевичу о войнѣ съ Англіей, какъ о возможномъ дѣлѣ. И онъ не только говорилъ объ этомъ, а и принималъ въ виду этой возможности опредѣленныя практическія мѣры. Къ тому же 1833 году относится новая русская судостроительная программа, согласно которой ежегодно должны были закладываться 2 линейныхъ корабля и 1 фрегатъ на петербургскихъ верфяхъ и 1 линейный корабль съ 1 фрегатомъ въ Архангельскѣ. Между тѣмъ, уже въ 1830 году русскій балтійскій флотъ состоялъ изъ 28 кораблей и 11 фрегатовъ; правда, нѣкоторые изъ нихъ были очень старой постройки, но въ тѣ дни военныя суда старѣли далеко не такъ быстро, какъ въ наше время. Программа 1833 года учитывала, однако же, и тѣ усовершенствованія, какія со времени Трафальгара успѣли появиться въ военно-морскомъ дѣлѣ. Былъ усиленъ калибръ морскихъ орудій—рядомъ съ 36-ти фунтовыми были введены 48 фунтовыя и даже 2-хъ пудовыя (для береговыхъ батарей)—и число ихъ: раньше типомъ линейнаго корабля было 74-хъ пушечный, теперь стали строить 120 пушечные и не ниже 84-хъ пушечныхъ. Уже на маневрахъ 1836 года были военные колесные пароходы (винтъ тогда не былъ еще изобрѣтенъ). Характерно, что уже въ то время, и именно въ Россіи, начали, по крайней мѣрѣ, говорить о желательности панцырныхъ судовъ (въ связи съ усиленіемъ дѣйствій артиллеріи). Но не касаясь области разговоровъ и предположеній, и то, что было въ дѣйствительности, казалось достаточно внушительнымъ. Вотъ, что писалъ, по поводу тѣхъ же маневровъ 1836 года, присутствовавшій на нихъ англійскій морской агентъ: „Когда я сравниваю состояніе русскаго флота теперь и раньше и вспоминаю, какъ мало мы сдѣлали въ тотъ же промежутокъ времени, чтобы поддержать наше превосходство на морѣ, я чувствую, что русскіе опередили насъ, и что мы не можемъ игнорировать этотъ фактъ. Есть ли у насъ флотъ для защиты нашихъ береговъ, который былъ бы въ состояніи отразить такую морскую силу? И какая отличная возможность представляется для Россіи покрыть издержки на постройку своего флота, захвативъ наши купеческія суда еще раньше, чѣмъ нашъ военный флотъ въ состояніи будетъ ихъ защищать! Я утверждаю со всей опредѣленностью, что въ настоящее время мы не обладаемъ сказаннымъ превосходствомъ, и что намъ

нужно огромное напряженіе, чтобы достигнуть этого превосходства по отношенію къ сосѣду, чувства котораго къ намъ далеко не всегда дружественныя, который три мѣсяца въ году сильнѣе насъ и живетъ всего въ 8 дняхъ пути отъ нашихъ береговъ“ *). Если прибавить сюда не менѣе грандіозныя оборонительныя мѣры: радикальную перестройку кронштадской крѣпости и постройку заново севастопольской (съ моря обѣ оказались неприступными и въ 1854—55 гг.), передъ нами развернется широкая картина военной подготовки. Считали, что ея хватитъ надолго—и въ этомъ ошибались. Техническое нововведеніе, значеніе котораго едва ли понимали русскіе морскіе авторитеты того времени (его не сразу поняли даже и англичане) уже къ 40-мъ годамъ обезсмыслило всю флотскую программу 1833 года. Этимъ нововведеніемъ былъ пароходный винтъ. Когда пароходы двигались исключительно при помощи колесъ, они, каково бы ни было ихъ коммерческое значеніе, на войнѣ не могли конкурировать съ парусными судами. У колеснаго парохода машина помѣщается выше ватерлиніи: достаточно одного удачно попавшаго ядра, чтобы ее испортить и сдѣлать пароходъ безпомощнѣе любого паруснаго судна, тогда какъ послѣднее, даже получивъ десятки пробоинъ, могло держаться на водѣ и продолжать бой. Оттого военные пароходы 30-хъ годовъ и предназначались не для сраженій, а для посылокъ, развѣдокъ и т. д., ихъ роль была вспомогательная. Машины винтового корабля расположены ниже ватерлиніи и, въ нормальныхъ условіяхъ, были неуязвимы для артиллеріи противника (тогдашнія морскія пушки навѣснымъ огнемъ стрѣлять не могли). Линейный корабль съ винтовымъ двигателемъ могъ оперировать, не считаясь съ направленіемъ вѣтра, и съ такою же увѣренностью, притомъ, какъ его парусный противникъ: умѣло выбравъ позицію, онъ могъ уничтожить послѣдняго раньше, чѣмъ тотъ успѣетъ воспользоваться своей артиллеріей. Выходить на парусникахъ противъ винтовыхъ кораблей—значило идти на вѣрную гибель: вотъ что иммобилизировало въ гаваняхъ огромный флотъ Николая Павловича въ 1854—55 гг. Не хватало не энергіи и предусмотрительности—не хватало техники. Но техника данной страны всегда опредѣляется ея экономическимъ развитіемъ; ключъ къ катастрофѣ русской внѣшней политики первой половины XIX вѣка приходится искать, какъ и къ самой этой политикѣ, въ экономической области.

*) Ibid., стр. 284.

Декабристъ
М. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ приговорѣ Верховнаго Уголовнаго Суда говорится, что штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, 26 лѣтъ, «принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.—Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту». Это былъ человѣкъ разносторонних интересовъ; изучилъ множество языковъ и ремеслъ, сельское хозяйство, исторію, философію, много писалъ въ прозѣ и въ стихахъ, изобрѣлъ «стѣнную азбуку» для перестукиванія между заключенными; ему же приписываютъ изобрѣтеніе «бестужевки»—телѣжки-сидѣйки. Сосланный въ Сибирь, онъ выбрался изъ нея только въ 1867 г., хотя могъ бы уѣхать оттуда еще въ 1856 г. Онъ умеръ въ Москвѣ въ 1871 г., проживъ много времени среди тяжкихъ условій каторги и ссылки; богатый силами, онъ не могъ и не умѣлъ цѣлесообразно приложить ихъ къ дѣйствительности, характеризуя собой русскаго человѣка XIX столѣтія, которому не нашлось надлежащихъ мѣста и рода дѣятельности среди отечественной обстановки.



Остается выяснить одинъ вопросъ. Достаточныя экономическія основанія для русско-англійскаго конфликта намѣтились уже въ 30-хъ годахъ. Слово „война“ уже тогда было произнесено; а фактически война началась только въ 50-хъ. Что отсрочило такъ развязку кризиса? Дѣло въ томъ, что Англіи никогда, ни въ то время, ни послѣ, не могла улыбаться перспектива единоборства съ Россіей. При ничтожности русскаго коммерческаго флота и громадности англійскаго, послѣдній всегда могъ въ десятки разъ больше пострадать отъ русскихъ крейсеровъ, если бы только таковые оказались налицо; а мы знаемъ, что у Николая I корабли были. Пусть бы ихъ не хватило для нападеній на Англію, какъ мерещилось цитированному нами выше англійскому капитану, все же на морѣ схватка могла гораздо дороже обойтись Англіи, чѣмъ Россіи: въ то же время никакихъ существенныхъ результатовъ эта схватка не дала бы. Достать Николая, какъ нѣкогда Наполеона, Англія могла только на сухомъ пути: какъ и въ дни наполеоновскихъ войнъ, ей нужны были континентальные союзники. Въ поискахъ союзника на материкѣ Европы противъ Россіи заключалась основная задача, стоявшая передъ англійской дипломатіей въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Одинъ, по крайней мѣрѣ, союзникъ, кажется, навертывался самъ собою: это была Франція. Дурныя отношенія Николая Павловича къ Людовику-Филиппу слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы стоило о нихъ распространяться здѣсь. Къ тому же знакомый намъ Мегеметъ-Али былъ почти кліентомъ Франціи, тогда какъ Россія поддерживала его противника султана Махмуда. И однако же, при Людовикѣ-Филиппѣ дурныя отношенія между Россіей и Франціей никогда не доходили до открытаго разрыва; а при Наполеонѣ III, когда личныя отношенія стали несравненно лучше, дѣло дошло до войны *).

*) Въ русской исторической литературѣ долго держалась легенда (отъ вліянія которой не ушелъ въ свое время и пишущій эти строки), приписывавшая Николаю I чрезвычайно агрессивное отношеніе ко второй французской республикѣ 1848—51 гг. и, по крайней мѣрѣ, враждебное отношеніе къ Наполеону III. Новѣйшія архивныя изысканія—особенно книга E d m. B a p s t („Les origines de la guerre de Crimée“. Paris, 1912) совершенно разрушили эту легенду. Февральской революціи въ Петербургѣ, правда, въ первую минуту сильно испугались; но когда первый испугъ прошелъ, о нападеніи на Францію не было рѣчи. Имп. Николай неоднократно высказывалъ даже, что республикѣ онъ сочувствуетъ больше, нежели монархіи Луи-Филиппа. А послѣ іюньскихъ дней 1848 г. симпатія эта такъ возросла, что русскій государь счелъ возможнымъ полуофиціально (черезъ посредство министерства иностр. дѣлъ) засвидѣтельствовать свои дружественныя чувства правительству ген. Кавеньяка. Смѣна этого послѣдняго принцемъ Луи-Наполеономъ сначала поразила непріятно—напоминаніемъ о Наполеонѣ I. Но послѣ 2 декабря 1851 г. и онъ примирилъ съ собою петербургскій дворъ. Споры изъ-за титула и т. под., которымъ придавали прежде такое большое значеніе, на самомъ дѣлѣ былъ лишь симптомомъ все ухудшавшихся по другимъ

Рѣшающимъ моментомъ была не отрицательная сторона—враждебность къ Россіи—а положительная: дружба съ Англіей. Не только въ 30-хъ, но даже и въ 60-хъ годахъ Франція еще не отказывалась отъ мануфактурнаго соперничества съ Англіей, и именно на Востокѣ; прорытіе Суэзскаго канала (1869 г.) даже оживило надежды на экономическое завоеваніе Индіи французами. Пока интересы мануфактуристовъ господствовали надъ французской внѣшней политикой, какъ они господствовали надъ русской, солидарности между Англіей и Франціей было не болѣе, чѣмъ между Англіей и Россіей. Еще въ 1840 году отношенія изъ-за Египта обострились чуть не до войны. Но въ 40-хъ годахъ французскій капитализмъ находитъ себѣ новое поприще. Пока существовалъ исключительно парусный флотъ, англійская морская торговля была внѣ конкуренціи; къ пароходамъ англійскіе моряки, на первыхъ порахъ, приспособлялись гораздо медленнѣе—и въ этой новой области морского транспорта Франція въ серединѣ XIX столѣтія оказалась впереди Англіи. Въ то время, какъ въ Англіи число пароходовъ, съ 1840 по 1860 г., увеличилось на 417%, во Франціи это увеличеніе составляло 613%. Открытіе парового двигателя создало новую эру во французской морской торговлѣ:

Ростъ французскаго торговаго флота.

Годы.	Число судовъ.	Тоннажъ. (тысячи тоннъ).
1827	14.322	692
1837	15.617	679
1847	14.321	670
1857	15.175	1.052.

Все царствованіе Людовика-Филиппа было, въ этой области, періодомъ застоя. Съ конца 40-хъ годовъ картина рѣзко мѣняется. За 10 лѣтъ Франція уходитъ впередъ гораздо дальше, чѣмъ за предшествующія 20*). Вмѣстѣ съ тѣмъ интересы французскаго капитализма перемѣщаются: вмѣсто того, чтобы соперничать съ англичанами своими товарами, для Франціи становится выгоднѣе возить англій-

---

причинамъ отношеній. А главной изъ этихъ причинъ были упорныя симпатіи Наполеона III къ Англіи, съ которой онъ все время шелъ рука объ руку, и ради которой онъ не задумался нанести даже личную обиду Николаю Павловичу, не безъ грубости отклонивъ его приглашеніе французской военной миссіи въ Россію. Опредѣляющимъ моментомъ являлся, такимъ образомъ, англо-французскій союзъ—экономическія основанія котораго см. выше въ текстѣ.

*) Не менѣе показателенъ ростъ торговли Марселя: въ 1827 г. — 849 тыс. тон., въ 1847—2.932 тыс. т., въ 1862—3.473 тыс. т.

скіе товары на своихъ пароходахъ. Въ 20-хъ годахъ участіе французскаго флота въ морской торговлѣ Франціи выражалась цифрою 29%, тогда какъ 80% англійскихъ товаровъ перевозилось на англійскихъ же корабляхъ. Въ 50-хъ годахъ первая цифра поднялась до 44, а вторая упала до 57%. И, параллельно съ этимъ, Востокъ съ его портами и торговыми путями вдругъ сталъ особенно интересенъ для французскаго правительства. Почти въ одно и то же время французскій инженеръ Лессепсъ ставитъ на очередь прорытіе Суэзскаго перешейка на французскіе капиталы, а Наполеонъ III вспоминаетъ о традиціонномъ правѣ французскихъ государей покровительствовать проживающимъ въ Турціи католикамъ. Какъ извѣстно, на почвѣ вмѣшательства Франціи въ палестинскія дѣла, по поводу этого покровительства, и произошло формальное столкновеніе между новымъ французскимъ императоромъ и Николаемъ I: ключи виѳлеемскаго храма отперли сорокъ лѣтъ запертый храмъ бога войны. Но едва ли бы эти ключи имѣли такое магическое дѣйствіе, если бы Средиземное море не бороздили въ то время французскіе пароходы. А въ то же время въ Австріи французскіе инженеры на французскіе капиталы строили желѣзную дорогу, и Франція оказывалась втянутой въ игру съ другого конца: ибо на Дунаѣ русскіе были такими же антагонистами въ торговлѣ австрійцевъ, какъ въ Персіи и Турціи—англичанъ. И Австрія, только что „спасенная отъ гибели“ русскими штыками, покончившими съ венгерской революціей, готовилась „изумить міръ неблагодарностью“, отнявъ у своей избавительницы устья Дуная, сжатыя мертвой петлей русскаго таможеннаго кордона. Тройственный союзъ Англіи, Франціи и Австріи подготовила промышленная политика Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка: и недаромъ, въ числѣ прочаго, Севастопольская война принесла съ собою фритрэдерскій тарифъ 1857 года. А въ то же время французскіе инженеры явились и въ Россію, строили и тамъ желѣзныя дороги, по уполномочію парижскаго торговаго дома Перейра и К°. Французскій капитализмъ новаго типа завоевалъ себѣ подъ стѣнами Севастополя новую область расширенія. „Ключи“ къ этому времени были основательно позабыты...

---

2. Кризисъ барщиннаго хозяйства.

Тридцатилѣтняя пауза, отдѣляющая дворянское движеніе пятидесятыхъ годовъ отъ эпохи тайныхъ обществъ, была политическимъ эквивалентомъ тѣхъ экономическихъ условій, въ какія было поставлено помѣщичье хозяйство съ двадцатыхъ по сороковые годы. Зажатому въ тиски аграрнымъ кризисомъ помѣщику было не до политики. Возставать противъ власти, являвшейся единственнымъ кредиторомъ всего дворянскаго сословія, было бы безуміемъ въ такую минуту, когда только кредитъ, и возможно болѣе дешевый кредитъ могъ спасти помѣщичье хозяйство отъ гибели. Тотъ же кризисъ заставлялъ дорожить старыми соціальными формами. Даровой крестьянскій трудъ, какъ бы ни былъ онъ плохъ, казался единственнымъ возможнымъ базисомъ крупнаго сельскаго хозяйства: и въ экономикѣ, какъ въ политикѣ, приходилось жить по пословицѣ—„не до жиру, быть бы живу“. Аграрный кризисъ сразу дѣлалъ николаевскаго дворянина и вѣрноподданнымъ, и крѣпостникомъ.

Подъ этой совершенно застывшей, на первый взглядъ, поверхностью уже давно, однако, происходило движеніе. Живая струя пробивалась въ крѣпостное хозяйство съ той именно стороны, гдѣ сосредоточивалась вся экономическая жизнь

Россіи въ первую половину николаевскаго царствованія: изъ обрабатывающей промышленности. „Постоянное уменьшеніе требованій заграничными государствами главнѣйшихъ продуктовъ нашего земледѣлія“, говоритъ авторъ цитированной уже нами замѣтки „О состояніи рабочихъ въ Россіи“ *), „такъ же, какъ болѣе близкое изученіе средствъ промышленныхъ собственной страны, были главными причинами того, что помѣщики старались обратить часть своихъ людей въ предпріятія промышленныя разнаго рода. Это—почти общее направленіе нынѣшняго времени; многія изъ подобныхъ учрежденій со стороны дворянства теперь украшаютъ значительную уже промышленность Россіи въ важнѣйшихъ ея частяхъ“. Но владѣлецъ крѣпостной фабрики давно уже, какъ мы видѣли на предыдущихъ страницахъ, пришелъ къ „манчестерской“ идеѣ—о преимуществахъ „вольнаго“ труда передъ крѣпостнымъ. Черезъ посредство дворянъ-предпринимателей „манчестерскія“ идеи должны были постоянно проникать въ дворянскую массу: и нѣтъ факта, лучше обоснованнаго и болѣе общеизвѣстнаго, чѣмъ дворянское манчестерство сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ. Барщинное хозяйство—одна изъ невыгоднѣйшихъ формъ сельскохозяйственнаго производства, въ одинъ голосъ твердили едва ли не всѣ „сознательные“ помѣщики конца николаевскаго царствованія—твердили съ такимъ же единодушіемъ и упорствомъ, съ какимъ современники Михайлы Швиткова пѣли панегирикъ этому самому барщинному труду. „Взглянемъ на барщинную работу“, писалъ трезвый и расчетливый Кошелевъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ 1847 года: „придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше,—ему не дѣло дѣлать, а день убить. На господина работаетъ онъ три дня и на себя также три дня. Въ свои дни онъ обрабатываетъ земли больше, справляетъ всѣ домашнія дѣла и еще имѣетъ много свободнаго времени. Господскія работы, особенно тѣ, которыя не могутъ быть урочными, приводятъ усерднаго надсмотрщика или въ отчаяніе, или въ ярость. Наказываешь нехотя, но прибѣгаешь къ этому средству, какъ къ единственно возможному, чтобы дѣло впередъ подвинуть. Съ этой работой сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ; матеріаловъ не наготовишься;

*) „Журналъ мануф. и торговли“ 1837 г., № XI—XII.

времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина; отдохнутъ они болѣе его; но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отчего? — Охота пуще неволи". „Смѣло можно сказать", писалъ въ 1852 году псковскій помѣщикъ Воиновъ, „что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ и за себя, и за другихъ, т.-е. что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени". Къ концу пятидесятыхъ годовъ подобныя разсужденія становятся общимъ мѣстомъ. Редакціонныя комиссіи исходятъ, какъ изъ аксіомы, изъ положенія, что вольнонаемный трудъ несравненно производительнѣе обязательнаго. Полемизируя съ редакціонными комиссіями, Унковскій въ основу своихъ расчетовъ кладетъ тотъ, по его мнѣнію неоспоримый, фактъ, что наемныхъ работниковъ помѣщику, послѣ эмансипаціи, понадобится лишь двѣ трети, сравнительно съ числомъ барщинныхъ крестьянъ. Многіе утверждаютъ, что помѣщики при этомъ обойдутся только половиной, говоритъ Унковскій: лишь во избѣжаніе ошибки онъ принимаетъ двѣ трети. Во времена редакціонныхъ комиссій доказывать подобнаго рода вещи значило ломиться въ открытую дверь: двадцатью годами раньше такія доказательства казались не безполезными, и стоитъ привести нѣсколько статистическихъ примѣровъ изъ извѣстной записки Заблоцкаго-Десятовскаго, относящейся къ 1840 году. „Въ Тульской губерніи у помѣщика А—ва дается на каждое тягло по 2 дес. въ каждомъ полѣ, 1 десят. покосу и 1 десят. подъ усадьбу; всего 8 десят. Въ томъ же имѣніи свободная земля отдается въ наемъ по 19, 20 и даже 22 руб. за десятину. Положивъ еще менѣе, 18 руб. за десятину, каждое тягло стоитъ помѣщику 144 руб. Слѣдовательно, годовой работникъ съ работницей будутъ стоить 288 руб. (такъ какъ тягло даетъ въ этомъ имѣніи три рабочихъ дня въ недѣлю). Въ тѣхъ же мѣстахъ хорошаго работника и работницу можно нанять за

	60 руб.
Пища имъ	40 „
Процентъ, издержки на лошадь, сбрую, орудія, наконецъ, на помѣщенія сихъ людей могутъ быть оцѣнены не свыше	70 „
Итого	170 руб.

Слѣдовательно, менѣе противъ крестьянскаго тягла на 118 руб". Въ Московскомъ уѣздѣ одинъ благоразумный и прони-

цательный владѣлецъ обрабатывалъ одну часть своей земли крѣпостными, а другую—наемными работниками. По его расчисленію, переведенному на рожь, оказалось:

тягло крѣпостное стоило помѣщику . . . 21 четв. ржи.
вольнонаемные мужчина и женщина . . 20½ „ „

Доходу помѣщикъ получалъ:

отъ крѣпостного тягла . . . . . 15½ „ „
отъ вольнонаемныхъ работника и р-цы . 43 „ „ *)

Тутъ же рядомъ приводятся примѣры буржуазныхъ (купеческихъ) хозяйствъ, дающихъ 15—20, а одно такъ даже 57% на оборотный капиталъ. Въ этомъ послѣднемъ имѣніи—для него даются подробные расчеты—на каждаго работника пахалось болѣе 9 десятинъ, тогда такъ въ сосѣднемъ имѣніи кн. К—въ „при самой усиленной барщинѣ (на помѣщика обрабатывается вдвое больше, нежели на крестьянъ), ежегодная запашка на одного работника простирается не свыше 5 десятинъ".

Мы не будемъ входить въ обсужденіе того, насколько были правильны всѣ эти расчеты: для насъ важно, что такъ думали всѣ помѣщики тѣхъ лѣтъ, которые вообще думали о своемъ хозяйствѣ, а не вели его по рутинѣ. Критиковать Заблоцкаго-Десятовскаго мы собираемся такъ же мало, какъ мало мы критиковали Швиткова. Одинъ фактъ неоспоримъ: буржуазная идеологія сдѣлала, за время кризиса, обширныя завоеванія въ умахъ владѣльцевъ крѣпостныхъ имѣній. Когда же кризисъ, къ концу сороковыхъ годовъ, началъ слабѣть, русское помѣщичье хозяйство оказалось лицомъ къ лицу съ условіями конкуренціи, совершенно непохожими на то, что было въ дни Александра I. Мѣсто Россіи на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ оспаривалось цѣлымъ рядомъ буржуазныхъ странъ,—европейскихъ и внѣевропейскихъ—и соперничество съ ними вело неизбѣжно къ тому же выводу: необходимости перехода къ буржуазнымъ отношеніямъ и въ самой Россіи. „Съ уничтоженіемъ въ Англіи перемѣнныхъ пошлинъ съ иностраннаго хлѣба", говоритъ одинъ современный авторъ, „соперничество для русскихъ портовъ вообще и въ особенности для южныхъ неимовѣрно усилилось, потому что даже страны, не принимавшія никакого

*) Заблоцкій-Десятовскій. „Гр. П. Д. Киселевъ и его время", т. IV „приложенія", стр. 281—283.

участія въ хлѣбной торговлѣ или мало занимавшіяся земледѣліемъ, съ усиліемъ принялись за этотъ промыселъ. Египетъ возстановилъ плодородіе своей почвы и началъ стремиться къ сбыту хлѣбныхъ продуктовъ; отпускъ хлѣбовъ изъ дунайскихъ княжествъ еще болѣе усилился; въ Румеліи жители принялись за земледѣліе для сбыта продуктовъ за границу; даже Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты (!очень хорошо звучитъ это „даже“ для читателя начала XX вѣка...) стали съ большою пользою сбывать свою муку и кукурузу въ Западной Европѣ. При такихъ обстоятельствахъ, сердце русскаго человѣка невольно сжималось отъ опасеній насчетъ будущей участи какъ здѣшнихъ портовъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго благосостоянія южной и западной Россіи, преимущественно земледѣльческихъ“ *).

Сердце русскаго человѣка сжималось напрасно: на вновь открывшемся съ конца сороковыхъ годовъ хлѣбномъ рынкѣ всѣмъ нашлось мѣсто—и конецъ аграрнаго кризиса открылъ самыя блестящія перспективы, именно передъ южной и юго-западной Россіей. Горизонтъ дѣйствительно омрачился только гораздо позже, лѣтъ тридцать спустя, когда случайно забредшій на европейскую хлѣбную биржу чужестранецъ, янки, началъ на этой биржѣ самодержавно царствовать, диктуя цѣны русскому помѣщику, какъ и прусскому юнкеру. Пока за ближайшую будущую участь русскаго сельскаго хозяйства опасаться не приходилось. Нѣкоторое ослабленіе кризиса чувствовалось уже съ конца тридцатыхъ годовъ, какъ покажетъ слѣдующая маленькая табличка:

Средняя цѣнность русскаго хлѣбнаго вывоза за 1824—1838 гг. (по Кеппену).	Вывозъ: 1836 г.	1837 г.	1838 г.
30.171.000 руб. ассигн.	25.498.000 руб. ассигн.	38.929.000 руб. ассигн.	53.048.000 руб. ассигн.

Вывозъ за 1838 годъ былъ слишкомъ вдвое выше, по цѣнности, вывоза 1836 года и почти вдвое выше средняго за пятнадцать лѣтъ. Хлѣбныя цѣны тоже окрѣпли: „цѣна на пшеницу въ С.-Петербургѣ возвысилась отъ 22 до 31 рубля за четверть, въ Ригѣ отъ 22 р. 50 к. до 36 р., а въ Одессѣ отъ 18 до 26 р. за четверть. Возвышеніе цѣнъ на рожь въ С.-Петербургѣ и Ригѣ также было значительно“ **). Но насто-

*) „Хлѣбная торговля въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ южной Россіи“, Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ 1854 г., часть IV.

**) „О внѣшней торговлѣ Россіи 1838 года“, Журналъ Мануфактуръ и Торговли 1839 г., № 8.

ящую революцію на хлѣбномъ рынкѣ произвели отмѣна хлѣбныхъ законовъ въ Англіи и знаменитый неурожай въ Западной Европѣ въ 1846 и 1847 гг. Съ перваго изъ этихъ фактовъ цитированный уже нами авторъ статьи о хлѣбной торговлѣ въ портахъ южной Россіи начинаетъ новый періодъ своей исторіи. „Послѣдній періодъ", говоритъ онъ, „начинается уничтоженіемъ или измѣненіемъ въ Англіи, а послѣ въ Бельгіи, Голландіи и другихъ государствахъ перемѣнныхъ хлѣбныхъ пошлинъ. Торговля этимъ продуктомъ становится прочною и можетъ быть вѣрнѣе разсчитанною, чѣмъ другими статьями ввоза. Законъ этотъ обезпечиваетъ не только самихъ торговцевъ хлѣбомъ, тѣхъ, у кого они покупаютъ его, и тѣхъ, кому продаютъ, но даже развиваетъ обмѣнъ въ такихъ размѣрахъ, какіе до тѣхъ поръ были неизвѣстны". Катастрофическое значеніе 1847 г. покажетъ слѣдующая табличка:

Года.	Цѣна четверти пшеницы				ржи			
	въ Одессѣ.		въ Тамбовской губ.		въ Одессѣ.		въ Тамбовской губ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1846	5	93	4	37	3	44	1	94
1847	8	14	4	42	4	17	4	42
1848	5	42	6	34	3	50	3	65
1849	5	74	4	66	3	56	1	96
1850	5	57	6	10	3	28	2	12

Мы видимъ, до какой степени мало обоснованнымъ является утвержденіе, заимствованное нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями у Кеппена, будто отпускъ хлѣба за границу не игралъ никакой—или очень незначительную—роль въ хлѣбной торговлѣ дореформенной Россіи. Самъ Кеппенъ прекрасно опровергъ наиболѣе эффектный изъ своихъ аргументовъ — ничтожную, относительно, цифру вывозимаго хлѣба (менѣе „сотой части количества, нужнаго для потребленія въ самой имперіи"). По его расчетамъ, вообще на рынокъ могло поступать въ Россіи не болѣе 10 милліоновъ четвертей всякаго хлѣба, при общемъ среднемъ урожаѣ около 180 милліоновъ. И, однако же, „сей-то остатокъ (немногимъ болѣе 5%!), большимъ или меньшимъ на него требованіемъ, имѣетъ въ обыкновенные годы такое сильное вліяніе на цѣны хлѣбовъ". Катастрофически-быстро вздувшійся въ концѣ 40-хъ годовъ спросъ на хлѣбъ за границей произвелъ настоящій ураганъ на внутреннемъ хлѣбномъ рынкѣ. Потрясеніе испыталъ даже такой національный хлѣбъ, какъ рожь, въ одинъ годъ под-

нявшаяся въ Тамбовѣ (мы нарочно выбрали этотъ медвѣжій уголъ) въ два съ половиною раза,—принимая цѣну 1846 года за 100, мы для 1847 имѣемъ 228,—и лишь постепенно дошедшая снова до нормальнаго уровня. Но по отношенію ко ржи, несомнѣнно, дѣйствовали „возмущающіе факторы“: мѣстный урожай или неурожай и внутреннее потребленіе. Скрещеніе этихъ „возмущающихъ факторовъ“ съ вліяніемъ заграничнаго спроса приводило къ тому, что, напримѣръ, въ Петербургѣ цѣны на рожь за весь конецъ 40-хъ годовъ только „держались твердо“, не показывая большихъ колебаній ни въ ту, ни въ другую сторону: около 6 рублей серебромъ за четверть (тогда какъ средняя цѣна за пятнадцатилѣтіе 1824—1838 гг. была 4 р. 25 к.) *). Что касается пшеницы, хлѣба вывозного по преимуществу, колебанія ея цѣны, въ зависимости отъ заграницы, поражаютъ своею правильностью: стоило Одессѣ поднять отмѣтку,какъ Тамбовъ, съ опозданіемъ ровно на годъ (читатель не забудетъ, что желѣзными дорогами между Тамбовомъ и Одессою тогда и не пахло), реагировалъ на это отмѣтками, повышенными, отъ полноты черноземнаго чувства, еще сильнѣе. Какъ ни убѣдительна статья Кеппена своею массой точныхъ, превосходно подобранныхъ цифръ, она все же является чисто публицистическимъ этюдомъ—отраженіемъ той агитаціи въ пользу постройки желѣзныхъ дорогъ, которая съ такою энергіей велась въ концѣ 30-хъ годовъ и такъ жалко разбилась о каменный лобъ окружавшей Николая „знати“.

Вліяніе катастрофы 1847 года могло бы быть преходящимъ—если бы она не была лишь обостреніемъ конъюнктуры,

---

*) Но на первыхъ порахъ и въ Петербургѣ толчокъ почувствовался сильно. „Цѣна на хлѣбъ возвысилась почти вдвое“.

		Пшеница за четверть.	Рожь за четверть.
Сентябрь	1846	8 р. до 9 р. 15 к.	5 р. 25 к. до 5 р. 75 к.
Май	1847	13 р. „ 14 р. 30 к.	8 р. 90 к. „ 9 р. 15 к.

Авторъ цитируемой здѣсь статьи („Цѣны на хлѣбъ въ С.-Петербургѣ и въ низовыхъ губерніяхъ“, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, ч. XVIII) сѣтуетъ, что черноземныя губерніи совсѣмъ не воспользовались благами новой конъюктуры,—и приводитъ низкія хлѣбныя цѣны низовыхъ, поволжскихъ губерній, какъ доказательство этого. Но доброе русское сердце и въ этомъ случаѣ слишкомъ поторопилось сжаться: годъ спустя благодать западно-европейскаго неурожая дошла и сюда. Въ 1846 году четверть ржи стоила:

	Въ Саратовской губерніи.	Въ Казанской губерніи.	Въ Симбирской губерніи.	Въ Пензенской губерніи.
	1 р. 28 к.	2 р. 05 к.	2 р. — к.	1 р. 80 к.
А въ 1848:	3 р. 56 к.	3 р. 86 к.	4 р. — к.	4 р. 30 к.
Четверть пшеницы:				
1846 г.	2 р. 87 к.	3 р. 10 к.	3 р. — к.	?
1848 г.	5 р. 09 к.	5 р. 20 к.	5 р. — м.	?

создававшейся болѣе длительными и устойчивыми причинами. Оттого, хотя цѣны и упали нѣсколько послѣ первой горячки, разъ данный толчокъ продолжалъ дѣйствовать и послѣ того, какъ горячка миновала. Считая цѣны 20-хъ годовъ за 100, мы получаемъ для послѣдующихъ десятилѣтій слѣдующія прогрессивныя повышенія:

Десятилѣтія.	Пшеница.	Рожь.
1831—40	113,84	115,70
1841—50	138,06	141,26
1851—60	174,14	190,13 *).

Это—колебанія цѣнъ на берлинской биржѣ: но какъ и въ 1847 году, заграница продолжала революціонизировать нашу хлѣбную торговлю, а за нею и наше сельское хозяйство. Русскій хлѣбный вывозъ росъ со сказочной быстротой. 1838 годъ, какъ мы знаемъ, былъ исключительно хорошимъ годомъ по вывозу: однако же въ этомъ году было вывезено только 20 съ небольшимъ милліоновъ пудовъ пшеницы. Тогда какъ въ 1851 году было вывезено болѣе 22 милліоновъ пудовъ, въ 1852—съ лишнимъ 40 милліоновъ и, наконецъ, въ 1853—64½ милліона! И, какъ это было и въ области цѣнъ, движеніе массъ хлѣба за границу сдвигало съ мѣста еще большія массы внутри Россіи. По даннымъ главнаго управленія путей сообщенія, было отправлено по воднымъ путямъ Россіи:

	Въ 1851 г.	Въ 1852 г.	Въ 1853 г.
	Тысячи четвертей.		
Пшеницы . . .	2542	4761	6061
Ржи	1095	2454	2362

Этимъ цифрамъ нельзя, конечно, придавать абсолютнаго характера: одна и та же четверть ржи или пшеницы отмѣчена здѣсь по нѣскольку разъ—однажды въ Саратовѣ, напримѣръ, другой разъ въ Рыбинскѣ, третій—на Вышневолоцкомъ каналѣ. Но отношеніе онѣ иллюстрируютъ отлично: за три года обороты съ хлѣбомъ увеличились въ два съ половиною раза.

Изъ аграрнаго тупика Россія, наконецъ, вышла. Ея провиденціальное назначеніе—быть „житницей Европы“,—намѣтившееся въ первой четверти столѣтія и столь скомпрометированное потомъ, къ началу третьей четверти не оставляло, повидимому, болѣе никакихъ сомнѣній. Крѣпостное имѣніе вновь заработало для рынка, энергичнѣе, чѣмъ когда

*) Hansen, цит. сочин.

бы то ни было: странно было бы, если бы это не отразилось на внутреннемъ строѣ этого имѣнія, — притомъ не отразилось въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Крупное сельское хозяйство на крѣпостномъ трудѣ становится все болѣе буржуазнымъ: въ немъ все большую и большую роль начинаетъ играть капиталъ. Задолженность дворянскаго землевладѣнія достигла уже очень значительныхъ размѣровъ во время кризиса: къ 1833 году было заложено въ различныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ того времени (государственный заемный банкъ, опекунскіе совѣты и приказы общественнаго призрѣнія) около 4 милліоновъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ; подъ эти души было выдано казною до 950 милліоновъ рублей ассигнаціями — около 270 милл. р. серебр. Этимъ путемъ дворянство добывало деньги, ставшія уже для него необходимостью, за невозможностью добыть ихъ путемъ нормальнымъ — посредствомъ сбыта своего хлѣба на рынкѣ. Кто читалъ переписку Пушкина, тотъ помнитъ, какъ часто въ ней говорится о деньгахъ. По ней мы можемъ составить себѣ довольно наглядное представленіе о размѣрахъ денежнаго запроса у тогдашняго высшаго дворянства,—къ которому не принадлежалъ, но за которымъ вынужденъ былъ тянуться Пушкинъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ свой минимальный годичный расходъ въ 30.000 рублей; въ другомъ говоритъ о 80.000 какъ о предѣлѣ своихъ желаній — имѣй онъ ихъ, онъ былъ бы удовлетворенъ вполнѣ: упоминаются и 125.000, но это уже какъ мечта, по поводу доходовъ одного пріятеля — вовсе не изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, однако имѣвшаго столько. Чтобы эти цифры были для насъ понятнѣе, надо перевести ассигнаціонные рубли 30-хъ годовъ въ современные: т.-е. помножить ихъ на $^3/_4$,—потому что таково приблизительно отношеніе тогдашняго ассигнаціоннаго и теперешняго металлическаго рублей. Выйдетъ, что уже восемьдесятъ лѣтъ назадъ 60.000 рублей считались только, только приличной рентой для большого петербургскаго барина. Само собою разумѣется, что имѣнія, какъ самого Пушкина, такъ и всѣхъ его родныхъ, о которыхъ упоминается въ письмахъ, были въ залогѣ,—и мы застаемъ иногда поэта за весьма прозаическими хлопотами объ уплатѣ процентовъ въ ломбардъ. Но не одни важные петербургскіе господа были въ долгу, какъ въ шелку: тотъ провинціальный сосѣдъ, по поводу котораго Пушкинъ трунилъ надъ женой,—„человѣкъ лѣтъ 36, отставной военный или служащій по выборамъ, съ пузомъ и въ

картузѣ", словомъ, совсѣмъ не аристократъ,—„имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать по случаю неурожая". Съ возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ, въ концѣ 40-хъ годовъ, помѣщичьи денежныя затрудненія, казалось, должны были бы кончиться: и если бы дворяне занимали исключительно съ потребительными цѣлями, какъ обыкновенно думаютъ, это должно было бы отразиться пониженіемъ ихъ задолженности. Не тутъ-то было—она росла еще быстрѣе. Съ 270 милліоновъ рублей (уже серебряныхъ на этотъ разъ) въ 1833 г. она поднялась до 398 милліоновъ къ 1855 году и до 425 милліоновъ,—къ 1859-му. Къ этому году уже 65% всѣхъ „душъ", принадлежавшихъ помѣщикамъ, были въ залогѣ, и были губерніи, гдѣ незаложенное имѣніе являлось рѣдкостью. И это какъ разъ были губерніи черноземныя, гдѣ въ силу требованій международнаго рынка имѣніе все больше и больше превращалось въ „хлѣбную фабрику". На первомъ мѣстѣ въ спискѣ стоятъ губерніи: Казанская (84% заложенныхъ душъ), Орловская, Пензенская и Саратовская (80%), Тульская, Калужская, Рязанская, Тамбовская (всѣ болѣе 70%). Ихъ рядъ нарушается только однимъ исключеніемъ—но оно стоитъ правила: выше трехъ послѣднихъ губерній, по задолженности, стоитъ Пермская—старинное гнѣздо горныхъ заводовъ, работавшихъ исключительно на крѣпостномъ трудѣ. На черноземѣ и на Уралѣ кредитъ былъ почти исчерпанъ—а потребность въ капиталахъ не только не уменьшилась, а съ каждымъ годомъ оказывалась болѣе жгучею. Вопросъ: откуда достать денегъ на дальнѣйшее веденіе хозяйства? сталъ вопросомъ классоваго самосохраненія русскаго дворянства. На такой почвѣ возникъ первый практическій планъ крестьянской реформы, исходившій не отъ юридическихъ или моральныхъ соображеній, а отъ чисто экономическаго расчета. Этотъ планъ принадлежалъ крупнѣйшему, безъ сомнѣнія, представителю стараго крѣпостническаго капитализма—богатому рязанскому помѣщику и откупщику, Кошелеву. Мы видѣли далекаго предтечу этого плана въ декабристѣ Якушкинѣ: но что тотъ дѣлалъ или собирался дѣлать по мелочамъ и кустарнымъ способомъ, теперь проектировалось въ грандіозномъ масштабѣ и должно было осуществиться силою государственной власти. Продать крестьянамъ ихъ свободу и вмѣстѣ тѣ надѣлы, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ—и, этимъ путемъ расквитавшись со старымъ долгомъ, получить новый такой же капиталъ, уже не въ долгъ, а безъ возврата: такова была

основная идея этого геніальнаго плана, подъ перомъ дворянскихъ и буржуазныхъ публицистовъ получившаго красивое названіе—„освобожденія крестьянъ съ землей“. По расчетамъ Кошелева, нѣсколько даже преувеличивавшаго задолженность помѣщичьяго землевладѣнія, это послѣднее, переведя весь свой долгъ на освобожденныхъ крестьянъ, могло пріобрѣсти еще до 450 милліоновъ рублей серебромъ—сохранивъ при этомъ въ неприкосновенности совершенно очищенную отъ всякихъ долговъ барскую запашку. Мы увидимъ, что проекты Кошелева немногимъ отличались отъ того, что дѣйствительно реализовало 19 февраля—притомъ отличались въ сторону бо̀льшей скромности: помѣщикамъ удалось получить больше, нежели надѣялся самый расчетливый и предпріимчивый изъ ихъ представителей. Правда, при этомъ помѣщики теряли право и на подневольный, барщинный трудъ крестьянъ: но этотъ трудъ цѣнили настолько низко, преимущества буржуазнаго способа веденія хозяйства настолько били въ глаза, что—фактъ, неоспоримо засвидѣтельствованный съ разныхъ сторонъ — въ черноземныхъ губерніяхъ имѣніе безъ крестьянъ цѣнилось не дешевле, а иногда и дороже имѣнія съ крестьянами. Быть можетъ, не цѣня вовсе этихъ послѣднихъ, дворяне манчестерскаго направленія и ошибались: въ этомъ желали бы насъ увѣрить нѣкоторые изслѣдователи—хотя, нужно сказать, такая массовая ошибка явилась бы событіемъ, въ исторіи совершенно исключительнымъ. Но для интересующагося исторіей, а не теоріей хозяйства, важенъ самый фактъ: всѣ такъ думали, и сообразно со своимъ убѣжденіемъ поступали. Поперекъ дороги освобожденію крестьянъ стояла теперь только косность наиболѣе отсталыхъ слоевъ дворянства: сила ихъ инерціи была настолько велика, что вынудила ввести въ реформу рядъ оговорокъ, позволявшихъ, мѣстами, свести „освобожденіе“ на нѣтъ,—но все же не настолько, чтобы остановить реформу въ принципѣ. Послѣдняя была бы мыслима въ 1854 году совершенно такъ же, какъ и въ 1861-мъ: если понадобилось семь лѣтъ отсрочки и четыре года борьбы, для того, чтобы прогрессивная часть дворянства могла осуществить свой планъ, въ этомъ виновато было не общество, а правительство, употребляя ходячую терминологію. Правильнѣе выражаясь, та соціальная группа, которая стояла у власти съ 1825 года и, не обнаруживъ большихъ политическихъ талантовъ въ предшествующее время, къ пятидесятымъ годамъ кончила, какъ политическая сила, совершеннымъ банкротствомъ.

Между тѣмъ, кошелевскій планъ предполагалъ непремѣнное участіе правительства во всей операціи. Читатель, вѣроятно, давно уже задался вопросомъ: почему, если помѣщики находили „вольный“ трудъ выгоднѣе барщиннаго, не освободили они попросту крестьянъ собственными средствами, пользуясь закономъ 1803 года? Юридически, никто имъ не мѣшалъ это сдѣлать, но экономически предпріятіе было совершенно неосуществимо. Для веденія хозяйства на „вольномъ“ трудѣ помѣщику нужны были деньги: не менѣе 50 рублей на „душу“ стараго счета, по вычисленіямъ того же Кошелева. Откуда бы досталъ эти деньги помѣщикъ? Владѣлецъ оброчнаго имѣнія, гдѣ крестьяне, привыкшіе ходить въ отхожіе промыслы, цѣнили свою индивидуальную свободу, могъ заставить ихъ путемъ всяческаго законнаго и внѣ-законнаго давленія эту свободу выкупить. Но кризисъ какъ разъ былъ въ барщинныхъ,а не въ оброчныхъ имѣніяхъ;владѣльцы оброчныхъ имѣній относились весьма безразлично къ реформѣ, ничего не мѣнявшей въ ихъ хозяйствѣ. Откуда бы достали денегъ барщинные, не ходившіе въ отхожіе промыслы, мужики—даже предположивъ, что у нихъ явилось бы массовое стремленіе к у п и т ь себѣ свободу—въ чемъ можно сомнѣваться: какъ увидимъ ниже, они, повидимому, предпочитали другіе способы освобожденія. Далѣе, какъ было ихъ увѣрить, что земля, на которой они и ихъ отцы сидѣли испоконъ вѣку, не ихъ, крестьянская, а помѣщичья—и ее еще нужно купить у помѣщика? Какъ было перевести на крестьянъ долги землевладѣльцевъ—долги г о с у д а р с т в е н н ы м ъ учрежденіямъ—не получивъ согласія государственной власти? Съ какой точки зрѣнія ни подойти къ вопросу—рѣшить его можно было только при содѣйствіи правящаго центра, совершенно независимо даже отъ р а з м ѣ р о в ъ операціи, далеко превышавшей средства не только частнаго лица, но даже, по тогдашнимъ временамъ, любой частной компаніи или общества. Какъ ни отрицательно относились къ „чиновникамъ“ помѣщики кошелевскаго типа, безъ „чиновниковъ“ нельзя было двинуться съ мѣста. Но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ оказалось, что николаевскіе чиновники, послѣ двадцатилѣтней возни съ проектами освобожденія крестьянъ, никуда двигаться не желаютъ: что пока власть остается въ тѣхъ рукахъ, въ чьихъ она была до сихъ поръ, никакого содѣйствія отъ нея прогрессивные дворяне ждать не должны.

Мы видѣли, что николаевское правительство отнюдь не было анти-буржуазнымъ по своимъ тенденціямъ: что оно, на-

противъ, опиралось на боржуазію и служило ея интересамъ, насколько умѣло. Но оно требовало, чтобы и буржуазія служила ему—отказалась отъ либеральныхъ тенденцій, которыя не были ей чужды въ 20-хъ годахъ, и сдѣлалась „опорой порядка“. Что касается русской торговой и промышленной буржуазіи, она выполнила это условіе: облагодѣтельствованные запретительнымъ тарифомъ, награждаемые медалями и чинами, наши буржуазные заводчики и фабриканты 30-хъ и 40-хъ годовъ не разсуждали болѣе о конституціи и ревностно насаждали благонамѣренность въ средѣ эксплуатируемыхъ ими рабочихъ—мы это видѣли на примѣрѣ Жукова. Но буржуазія, какъ европейская сила, все болѣе и болѣе оказывалась въ противоположномъ имп. Николаю лагерѣ: онъ могъ въ этомъ убѣдиться и во время польскаго возстанія 1831 года, когда такъ ярко сказались симпатіи французской буржуазіи къ полякамъ, и безчисленное количество разъ послѣ. Даже не буржуазные европейцы, какъ Кюстинъ, несмотря на всѣ попытки ихъ „приласкать“, не поддавались очарованію и, вернувшись домой, писали и печатали объ имп. Николаѣ вещи, которыхъ не въ силахъ были опровергнуть тогдашніе офиціозные публицисты: и тотъ колоссальный успѣхъ, какимъ пользовались ихъ книжки (книга Кюстина „Россія въ 1839 году“ выдержала въ три года три изданія—не считая контрафакцій), еще рѣзче подчеркивалъ отношеніе европейскаго общественнаго мнѣнія къ Николаю. Вотъ отчего тѣнь мысли о зависимости отъ западной буржуазіи была для Николая и его окружающихъ совершенно невыносима. Къ какимъ послѣдствіямъ велъ этотъ соціальный антагонизмъ въ экономической области, показываетъ извѣстный эпизодъ съ желѣзными дорогами. Вопросъ объ ихъ постройкѣ возникъ у насъ въ то же время, какъ и въ другихъ континентальныхъ странахъ: русскія разстоянія слишкомъ на это наталкивали. Тогдашняя публицистика видѣла въ паровомъ транспортѣ единственный выходъ изъ аграрнаго кризиса. „Въ наше время главнымъ средствомъ къ усовершенствованію гражданскаго быта можно считать облегченіе сношеній“; писалъ Кеппенъ въ 1840 году. Разстоянія чрезъ то уменьшаются, тяжести удобно перевозятся съ одного мѣста на другое, фабрики отдаляются отъ городовъ, путешествія дѣлаются прогулками, и человѣческая жизнь становится соразмѣрно продолжительнѣе... Россія, въ своемъ юношескомъ могуществѣ, поспѣшаетъ вслѣдъ за прочею Европою. Необходимость облегченія сообщеній и у насъ давно

Декабристъ П. Г. Каховскій.

Петръ Григорьевичъ Каховскій (изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова; въ томъ же собраніи имѣется портретъ К. Ѳ. Рылѣева)—декабристъ, «революціонеръ-романтикъ», какъ его называетъ П. Е. Щеголевъ, посвятившій Каховскому спеціальную статью, происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1797 г.; учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ... Основная черта его характера—«безпредѣльная дерзость», къ тому же онъ «не имѣлъ никакихъ родственныхъ связей и былъ совершенно одинокъ». 24 марта 1816 года Каховскій поступилъ на военную службу въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ юнкеромъ, въ декабрѣ того же года былъ разжалованъ въ рядовые; въ походахъ не бывалъ, а въ штрафахъ «за разныя шалости» очень часто. 24 апрѣля 1821 года вышелъ въ отставку и въ 1823 и 1824 гг. путешествовалъ за границей. Въ приговорѣ Верховнаго Уголовнаго Суда говорится, что отставной поручикъ Петръ Каховскій, 27 лѣтъ,—«умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи и, бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго государя императора, не отрекся отъ сего избранія и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался.—Участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ.—Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера». Самъ Каховскій о своемъ вольномъ образѣ мыслей сказалъ слѣдующее: «Мысли формируются съ лѣтами; опредѣлительно я не могу сказать, когда понятія мои развернулись. Съ дѣтства изучая исторію грековъ и римлянъ, я былъ воспламененъ героями древности. Недавніе перевороты въ правленіяхъ Европы сильно на меня дѣйствовали. Наконецъ, чтеніе всего того, что было извѣстнымъ въ свѣтѣ по части политической, дало наклонность мыслямъ моимъ. Будучи въ 1823 и 1824 годахъ за границей, я имѣлъ много способовъ читать и учиться: уединеніе, наблюденія и книги были мои учителя». 13 іюля 1826 года Каховскій былъ повѣшенъ. При первомъ томѣ книги Н. К. Шильдера приложенъ снимокъ очень грубаго рисунка Шарлеманя, принадлежащаго графу Г. А. Милорадовичу: на рисункѣ изображенъ П. Г. Каховскій стрѣляющимъ въ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора графа М. А. Милорадовича. Личность Каховскаго представляется въ нашей литературѣ слабо изученной.

В. Стор.

уже признана, и съ какою дѣятельностью стараются объ улучшеніи большихъ дорогъ! Теперь наступило время пароходства и дорогъ желѣзныхъ; въ непродолжительномъ времени и по Россіи устроится сѣть новыхъ дорогъ сего рода: что нынѣ кажется еще мечтою, скоро можетъ сдѣлаться истиною и необходимостью... Когда мы будемъ имѣть средства съ удобностью перевозить наши произведенія, тогда сбытъ ихъ облегчится, и цѣны произведеній лучше будутъ держаться на степени, выгодной для поселянина". Николай Павловичъ лично на себѣ испыталъ ужасы тогдашняго бездорожья: одинъ разъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, онъ ѣхалъ изъ Рязани въ Москву (200 верстъ)—двое сутокъ! Другой разъ его коляска опрокинулась на ухабѣ, и онъ нѣсколько недѣль долженъ былъ пролежать въ уѣздномъ городѣ Чембарахъ со сломанными ребромъ и ключицей. Лично ему очень улыбалась постройка желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ, съ военной точки зрѣнія: быстроты мобилизаціи. Тѣшила его и перспектива: съѣздить пообѣдать въ Москву, и къ ночи вернуться домой (перспектива, слишкомъ, конечно, смѣлая и для теперешнихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ). Но все это моментально затуманилось, какъ только возникъ вопросъ: на какія деньги будетъ строиться русская желѣзнодорожная сѣть? Оказывалось, что безъ проклятой буржуазной Европы не обойдешься: окружающіе, съ министромъ финансовъ Канкриномъ во главѣ, немедленно указали на это Николаю. Тому такъ нравились желѣзныя дороги, что онъ пробовалъ спорить,—но по существу, видимо, убѣдился доводами своихъ министровъ, потому что планъ постройки цѣлой сѣти канулъ въ воду. Рѣшились строить пока одну дорогу, экономически наименѣе важную, между прочимъ,—изъ Петербурга въ Москву,—которую можно было соорудить средствами казны. Канкринъ, правда, былъ и противъ нея: по его мнѣнію, николаевская желѣзная дорога „не составляла предмета естественной необходимости, а только искуственную надобность и роскошь", усиливавшую „наклонность къ ненужному передвиженію съ мѣста на мѣсто, выманивая притомъ излишнія со стороны публики издержки". Но Николай настоялъ.

Страхъ передъ вторженіемъ въ Россію европейскихъ капиталовъ, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто правилъ страною при Николаѣ, имѣлъ хорошія основанія: вся „система" могла держаться, какъ консервъ, только въ герметически закупоренной коробкѣ. Стоило снять крышку—и разложеніе началось бы съ молніеносной быстротой: эра

буржуазныхъ реформъ 60-хъ годовъ доказала это на опытѣ. Но въ такой грандіозной финансовой операціи, какой рисовалась выкупная, немыслимо казалось обойтись безъ заграничнаго кредита. А затѣмъ, переходъ къ капиталистическому сельскому хозяйству велъ немедленно же опять-таки къ постройкѣ желѣзнодорожной сѣти—гдѣ снова безъ европейскихъ капиталовъ было не обойтись. Какъ видимъ, реформы 60-хъ годовъ представляли собою органическое цѣлое, и это цѣлое было сплошнымъ отрицаніемъ предшествовавшей системы, основнымъ положеніемъ которой являлась изоляція Россіи отъ внѣшняго міра.

Въ бумагахъ Погодина сохранилось чрезвычайно характерное освѣщеніе крестьянскаго вопроса, именно, съ этой стороны—принадлежащее одному изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ николаевской системы, министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову. Вотъ что записалъ, со словъ Уварова, Погодинъ:

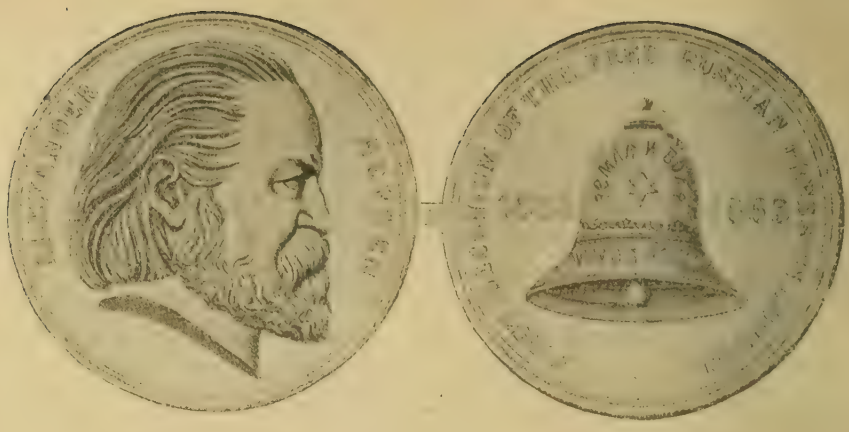
„Вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова... Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, а нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденія гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія. Кто поручится, что тотчасъ не возникнетъ какой-нибудь тамбовскій Мирабо или костромской Лафайетъ, хотя и въ своихъ костюмахъ. Оглянутся тогда на сосѣдей и начнутся толки, что и какъ тамъ устроено. Наши революціонеры или реформаторы произойдутъ не изъ низшаго класса, а въ красныхъ и голубыхъ лентахъ. Уже слышатся ихъ желанія даже и безъ этого повода... Правительство не пріобрѣтетъ ничего посредствомъ этого дѣйствія. Низшій классъ и теперь ему преданъ, а бояться его ни въ какомъ случаѣ нечего: крестьяне могутъ поджечь домъ, поколотить исправника, но не болѣе. Правительство не пріобрѣтетъ ничего, а потерять можетъ много. Другая оппозиція опаснѣе ему... *).

Это была, какъ видитъ читатель, цѣлая программа—и не лишенная дальновидности съ точки зрѣнія той общественной группы, которая ее выработала. Въ этомъ можно было убѣдиться весьма скоро—въ той запискѣ 1855 года, которую мы цитировали выше, Кошелевъ говорилъ имп. Александру II:

---

*) Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", IX, стр. 305—308.

„Пусть царь созоветъ въ Москву, какъ настоящій центръ Россіи, выборныхъ отъ всей земли Русской, пусть онъ прикажетъ изложить дѣйствительныя нужды отечества,— и мы всѣ готовы пожертвовать собою и всѣмъ своимъ достояніемъ для спасенія отечества...“ Видите, могъ бы сказать Уваровъ: не правъ ли я былъ? По своему, повторяемъ, окружавшіе имп. Николая Уваровы были дальновидны; къ ихъ несчастію, только поле ихъ зрѣнія было необычайно узко. „Вопросъ о крестьянахъ лопнулъ“, сказалъ Киселевъ своему племяннику Милютину лѣтомъ 1848 года: а какъ разъ въ эти, именно, годы для помѣщичьяго хозяйства вопросъ о крестьянахъ только что народился.



3. 19-е февраля.

Наканунѣ Крымской войны крестьянскій вопросъ находился въ тупикѣ: экономическіе интересы массы дворянъ требовали ликвидаціи крѣпостного права, политическій интересъ верхняго ихъ слоя требовалъ совершенной неподвижности и сохраненія „основъ“ во всей неприкосновенности— въ томъ числѣ и крѣпостного права. Налицо былъ въ высшей степени любопытный, соціологически, конфликтъ между „экономикой“ и „политикой“: какъ всегда, торжество осталось за первой. Соціологъ могъ бы удовлетвориться этимъ: такъ должно было быть, такъ и было. Историкъ не можетъ ограничиться констатированіемъ правильности общаго итога— ему приходится имѣть дѣло не только съ общимъ, а и съ индивидуальнымъ: онъ не можетъ не подвергнуть нѣкоторому анализу тѣхъ слагаемыхъ, которыя въ этотъ итогъ вошли. Современное реформѣ общественное мнѣніе — голосъ самихъ помѣщиковъ, иными словами — безъ колебаній приписывало выходъ изъ тупика именно войнѣ. „Въ 1853 году началась война съ Турціей и предчувствовалась борьба съ Европою. Уничтоженіе турецкаго флота подъ Синопомъ всѣхъ русскихъ нѣсколько оживило. Правительство, занятое военными приготовленіями и дѣйствіями, менѣе обращало вниманія на дѣла внутренняго управленія. Казалось, что изъ томительной, мрачной темницы мы какъ будто выходимъ если и не на свѣтъ

Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 году, послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не слишкомъ огорчили, ибо мы были убѣждены, что даже пораженіе Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти и безсознательное, было въ томъ же родѣ" *). Такъ чувствовали и такъ смотрѣли на дѣло снизу: наверху должно было быть какъ разъ обратное; здѣсь настроеніе поднималось, тамъ оно должно было упасть. Неудача войны, такъ самонадѣянно начатой, — Николай разсчитывалъ вначалѣ черезъ мѣсяцъ быть въ Константинополѣ, и даже послѣ вмѣшательства Англіи и Франціи, наканунѣ высадки союзниковъ въ Крыму, былъ еще увѣренъ, что Севастополь въ совершенной безопасности — должна была сильно обезкуражить правящую группу, къ концу войны оставшуюся и безъ своего вождя, трагически погибшаго, именно, вслѣдствіе военной неудачи **). Всю глубину растерянности этой группы можно оцѣнить, читая разсказъ объ извѣстномъ совѣщаніи министровъ Александра II, доставшихся ему въ наслѣдство отъ Николая Павловича, передъ началомъ мирныхъ переговоровъ, послѣ полученія ультиматума изъ Вѣны: не рѣшились даже спасти себя отъ формальнаго униженія, обратившись непосредственно къ Франціи — соглашеніе съ нею рѣшало все дѣло,—и безропотно подчинились ультиматуму державы, которая сама въ данный моментъ боялась войны не меньше, чѣмъ Россія! Вызвать на бой всю Европу—и въ страхѣ убѣжать отъ картоннаго пугала, оба эти психологическіе полюса пережили, на протяженіи двухъ лѣтъ, одни и тѣ же люди. Страшно надменные еще вчера, сегодня они готовы были за полверсты уступать дорогу самому безобидному прохожему. Само собою разумѣется, что такой упадокъ духа не могъ ограничиться географически — предѣлами заграничной политики. Въ политикѣ внутренней должно было повториться то же: чѣмъ раньше бравировали, въ томъ теперь готовы были видѣть опасность,

---

*) Кошелевъ, Записки, стр. 81—82.

**) Версія самоубійства Николая I находитъ себѣ почти рѣшающее подтвержденіе въ томъ, что разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. П. Семеновъ со словъ в. кн. Елены Павловны. См. „Вѣстн. Евр.", 1911, мартъ, 21—36.

гораздо большую дѣйствительной. Благодаря этой психологической перемѣнѣ то, что раньше задерживало реформу, политическій моментъ, теперь должно было оказаться плюсомъ на ея сторонѣ. Мы видѣли, съ какимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ относилась „знать“ къ крестьянскимъ волненіямъ: побьютъ исправника, сожгутъ усадьбу — экая бѣда, разсуждалъ Уваровъ около 1854 года. Десять лѣтъ спустя, для окружающихъ императора, сверстниковъ того же Уварова, не было страха, страшнѣе крестьянскихъ волненій. „Главное опасеніе“ имп. Александра Николаевича, по его собственному признанію, состояло въ томъ, чтобы освобожденіе крестьянъ „не началось само собою снизу“. Эта записка императора *) совершенно устраняетъ предположеніе, будто, говоря на ту же тему передъ московскими дворянами 30 марта 1856 года, онъ только хотѣлъ попугать этихъ послѣднихъ: онъ и самъ опасался этого. Отсюда его нетерпѣливое отношеніе къ медленности секретнаго комитета по крестьянскому вопросу—комитета, составленнаго изъ николаевскихъ дѣятелей и работавшаго темпомъ, усвоеннымъ для крестьянскаго вопроса при имп. Николаѣ I. „Желаю и требую отъ вашего комитета общаго заключенія, какъ къ сему дѣлу приступить, не откладывая дѣла подъ разными предлогами въ долгій ящикъ“; „буду ожидать съ нетерпѣніемъ, что комитетъ по дѣлу этому рѣшитъ. Повторяю еще разъ, что положеніе наше таково, что медлить нельзя“; „надѣюсь, что послѣ этого дѣло будетъ подвигаться, и прошу, чтобы возложенная работа на мин. вн. дѣлъ и государ. имуществъ была ими представлена безъ излишняго замедленія“. Такими высочайшими отмѣтками усѣяны журналы комитета,— при чемъ въ подлинникѣ онѣ имѣютъ видъ еще болѣе нетерпѣливый, ибо имп. Александръ Николаевичъ подчеркивалъ почти каждое слово **). Но въ основѣ медленности комитета лежало то же самое психологическое состояніе. Когда комитетъ, по настоянію императора, выработалъ извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 года, чѣмъ стяжалъ первое одобреніе имп. Александра II („благодарю гг. членовъ за первый рѣшительный приступъ къ сему важному дѣлу“),—предсѣдателемъ ко-

*) Воспроизведенная у г. Попельницкаго, въ статьѣ „Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“. Вѣстн. Евр. 1911 г., февраль, стр. 63—64.

**) См. у г. Попельницкаго, цитир. статья, passim.

митета кн. Орловымъ овладѣлъ паническій ужасъ: онъ, — разсказывали тогда въ Петербургѣ, — явился во дворецъ и, добившись аудіенціи, сталъ „самымъ сильнымъ и настойчивымъ образомъ“ говорить противъ опубликованія документа, въ составленіи котораго онъ только что принималъ участіе. „Почти на колѣняхъ“ онъ умолялъ государя „не открывать эры революціи, которая поведетъ къ рѣзнѣ, къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія, и быть можетъ, и самой жизни, а его величество утратитъ престолъ“ *). Имп. Александръ Николаевичъ и здѣсь, какъ въ знаменитомъ совѣщаніи послѣ австрійскаго ультиматума, показалъ себя выше слугъ его покойнаго отца: тогда онъ настаивалъ на продолженіи войны, теперь онъ настоялъ на опубликованіи рескрипта. Но и долго послѣ онъ былъ убѣжденъ, что рискнуть на освобожденіе крестьянъ можно только, введя во всей странѣ нѣчто въ родѣ осаднаго положенія. Онъ горячо сочувствовалъ составленному его любимцемъ, Ростовцевымъ, проекту созданія, на время реформы, генералъ-губернаторовъ съ чрезвычайными полномочіями и—былъ недоволенъ, когда министерство внутреннихъ дѣлъ, ревнивое къ своей полицейской монополіи, начало этотъ проектъ оспаривать. Отчасти перспектива распыленія его власти, отчасти вліяніе болѣе трезвыхъ буржуазныхъ элементовъ, имѣвшихъ на тогдашнее министерство внутреннихъ дѣлъ вліяніе черезъ Н. А. Милютина, сдѣлали министра Ланского, тоже стараго николаевскаго служаку, храбрѣе его коллегъ. „Народъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства“, писалъ по поводу ростовцевскаго проекта Ланской. На этомъ мѣстѣ его доклада Александръ II и положилъ свою знаменитую резолюцію: „все это такъ, пока народъ находится въ ожиданіи, но кто можетъ поручиться, что когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданія его, т.-е. свобода по его разумѣнію, не сбылись, не настанетъ ли для него минута разочарованія? Тогда уже будетъ поздно посылать отсюда особыхъ лицъ для усмиренія. Надобно, чтобы они были уже на мѣстахъ. Если Богъ помилуетъ и все останется спокойно, тогда можно будетъ отозвать всѣхъ временныхъ генералъ-губернаторовъ, и все войдетъ опять въ законную колею“. Положеніе получалось прямо-таки отчаян-

*) См. зап. Кошелева, стр. 91.

ное: не освобождать крестьянъ — они взбунтуются, и дѣло „начнется снизу“; освободить — они опять же взбунтуются, ибо нельзя ихъ освободить „по ихъ разумѣнію“, т.-е. такъ, какъ самимъ крестьянамъ нужно.

Было ли въ настоящемъ конца пятидесятыхъ годовъ что-нибудь, оправдывавшее опасенія имп. Александра II и его министровъ? Главнымъ условіемъ—повторимъ еще разъ—былъ толчокъ, данный Крымской войной. Одна записка, возникшая тогда въ высшихъ сферахъ Петербурга, прямо ставитъ необходимость крупныхъ реформъ, какъ средства загладить тотъ конфузъ, который только что испытала Россія подъ Севастополемъ. Но въ связи съ этимъ же Севастополемъ современники отмѣчали факты, реально тревожные и напоминавшіе начало только что неблагополучно окончившагося царствованія. „Недовольство всѣхъ классовъ растетъ,—писалъ Кавелинъ Герцену въ августѣ 1857 года,—въ особенности озлоблена масса офицеровъ, высылаемыхъ изъ гвардіи и арміи, по случаю усиленнаго сокращенія войскъ, на голодную смерть. Какое-то тревожное ожиданіе тяготитъ надъ всѣми, но ожиданіе безсильное: словомъ, всѣ признаки указываютъ въ будущемъ, повидимому недалекомъ, на страшный катаклизмъ, хотя и невозможно предсказать, какую онъ приметъ форму и куда насъ поведетъ“. Такъ оцѣнивала положеніе петербурская интеллигенція; а вотъ какъ смотрѣли на дѣло въ глухой провинціи. „Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, — писалъ министру внутреннихъ дѣлъ рязанскій предводитель дворянства Селивановъ,— тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войскъ, кромѣ двухъ баталіоновъ, во всей губерніи нѣтъ Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую полицію положиться невозможно“. Вотъ почему не Богъ вѣсть какіе серьезные крестьянскіе безпорядки 1854—55 гг. (по случаю сначала „морского“, а потомъ государственнаго ополченія) имѣли такое капитальное значеніе въ исторіи крестьянской реформы.

Подготовка акта 19 февраля 1861 г. происходила, какъ извѣстно, почти параллельно въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, въ теченіе 1858—1860 годовъ. Но было бы ошибкой думать, что выработка основныхъ принциповъ реформы началась только въ это время, и что боровшіяся стороны,—комитеты и комиссіи,

приступили къ своему дѣлу съ пустыми руками. Въ значительной степени самый конфликтъ между комитетами и комиссіями былъ раздутымъ: не то, чтобы поводовъ для конфликта вовсе не было, но они, эти поводы, лежали въ чисто политической области; на экономической почвѣ боролись не „чиновники“ комиссій и „помѣщики“ комитетовъ (первые сами были, по большей части, помѣщиками, а вторые, по большей части, были люди государственной службы), а двѣ группы дворянства, интересы которыхъ получили формулировку и обоснованіе еще въ періодъ дѣйствій секретнаго комитета, и отчасти даже до него — въ 1855—57 годахъ. Въ этотъ періодъ два теченія, возникшія среди самаго землевладѣльческаго класса, нашли себѣ выраженіе въ запискахъ, частнаго характера, но составлявшихъ матеріалъ для сужденій правительственнаго комитета. Одно изъ этихъ теченій можно назвать феодальнымъ, другое буржуазнымъ. Первое заботилось главнымъ образомъ о сохраненіи за помѣщиками земли—въ максимальномъ количествѣ и во что бы то ни стало; второе ставило на первое мѣсто обезпеченіе землевладѣльцевъ капиталомъ и рабочими руками—хотя бы и цѣною нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу крестьянства въ земельномъ вопросѣ. Была и третья точка зрѣнія, компромиссная между двумя первыми, надѣявшаяся обезпечить помѣщиковъ нужными капиталами безъ уступки земли крестьянамъ—или съ уступкою чисто фиктивною. Наиболѣе обнаженно, а потому наиболѣе ярко, выступаетъ феодальная точка зрѣнія въ представленной секретному комитету запискѣ кн. Гагарина. „Помѣщики, какъ поземельные собственники, составляютъ собою твердую опору престола и государства, слѣдовательно, всякое стѣсненіе ихъ интересовъ и владѣльческихъ правъ не можетъ оставаться безъ вліянія на бытъ имперіи“, писалъ Гагаринъ: дотронуться до дворянской земли—значитъ потрясать основы. „Дарованіе помѣщикамъ права освобождать крестьянъ безъ условій и безъ земли есть мѣра самая благодѣтельная, такъ какъ она упрочиваетъ за помѣщиками право земельной собственности и оставляетъ крестьянъ подъ тѣмъ вліяніемъ, съ которымъ они свыклись и которое охраняло общій интересъ въ государствѣ...“ Избѣжать пролетаризаціи крестьянства при безземельномъ освобожденіи было очень легко, по мнѣнію Гагарина: стоило оставить имъ—въ пользованіе—ихъ усадьбы и дома. Впрочемъ, къ вопросу о пролетаріатѣ князь вообще относился

легко: „сельскаго пролетаріата нигдѣ не было и быть не могло“,—думалъ онъ,—„а въ Россіи количество земли такъ значительно, что землепахарь не можетъ опасаться не имѣть работы“. Подъ „пролетаріемъ“ князь Гагаринъ, въ простотѣ души, понималъ „безработнаго“...

Простота души кн. Гагарина отнюдь не является только комическимъ дивертисментомъ: она чрезвычайно характерна, давая намъ возможность оцѣнить ту подготовку, съ какой приступали къ сложнѣйшей русской реформѣ XIX-го столѣтія николаевскіе сановники. Изъ министровъ Николая I, остававшихся въ живыхъ къ 1857 году, кое-что понималъ въ крестьянскомъ вопросѣ только гр. Киселевъ, въ это время удаленный — по утвержденію нѣкоторыхъ современниковъ, удаленный намѣренно — весьма далеко отъ театра дѣйствія: онъ былъ тогда посломъ въ Парижѣ. Но и онъ, нужно сказать, понималъ именно только „кое-что“. „Я полагаю“,—писалъ онъ тому же секретному комитету,—„что даровать полную свободу 22 милліонамъ крѣпостныхъ людей обоего пола не должно и невозможно. Не должно потому, что эта огромная масса людей не подготовлена къ законной полной свободѣ; невозможно потому, что хлѣбопашцы безъ земли перешли бы въ тягостнѣйшую зависимость землевладѣльцевъ и были бы ихъ полными рабами или составили пролетаріатъ, невыгодный для нихъ самихъ и опасный для государства. Надѣлъ крестьянъ землею или сохраненіе за ними той, которую они имѣютъ отъ помѣщиковъ, невозможно безъ вознагражденія, а вознагражденіе едва ли доступно въ финансовомъ отношеніи. Посему я полагаю, что вопросъ о полной свободѣ подымать не слѣдуетъ...“ *). И Киселевъ, и Гагаринъ, оба одинаково являлись представителями того разряда землевладѣльцевъ, которые, живя постоянно въ Петербургѣ, сами хозяйства не вели, будучи по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ имѣніямъ простыми получателями оброка. Этотъ оброкъ они и стремились увѣковѣчить. При крѣпостномъ правѣ платежъ имъ ренты былъ юридической обязанностью сидѣвшихъ на ихъ землѣ крестьянъ; при безземельномъ освобожденіи арендовать барскую землю становилось для этихъ крестьянъ экономической необходимостью. Такъ какъ хозяйственныя условія имѣнія при этомъ не измѣнялись ни на іоту, то гагаринскій способъ освобожденія былъ, не только субъективно,

*) Всѣ цитаты о дѣятельности секретнаго комитета—по статьѣ г. Попельницкаго, впервые опубликовавшаго о немъ подробныя данныя.

наиболѣе консервативнымъ: вотъ почему есть всѣ основанія назвать этотъ типъ реформы феодальнымъ. Тѣмъ болѣе, что и Гагаринъ, какъ Киселевъ въ своемъ проектѣ николаевскихъ временъ, оставлялъ во всей неприкосновенности полицейскую власть помѣщика, предоставляя „освобожденному“ крестьянину лишь право жалобы на него, но и то—главѣ всѣхъ помѣщиковъ, уѣздному предводителю дворянства, превращавшемуся проектомъ Гагарина въ мирового судью.

Критика феодальной программы освобожденія, съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ самихъ помѣщиковъ, была дана уже одновременно съ ея возникновеніемъ —въ запискахъ Кавелина (1855 года) и Кошелева (1857 года). „Нѣкоторые предлагаютъ выкупить помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ тѣмъ лишь количествомъ земли, какое нужно для удержанія ихъ осѣдлыми на теперешнемъ ихъ мѣстѣ жительства, но котораго было бы совершенно недостаточно для прокормленія ихъ съ семействомъ“, писалъ первый. „Цѣль та, чтобы, воспользовавшись привязанностью крестьянъ къ ихъ родинѣ, землѣ и двору, побудить ихъ поневолѣ нанимать землю у сосѣднихъ землевладѣльцевъ... Послѣдствіемъ этого было бы одно изъ двухъ: или бывшіе крѣпостные впали бы въ крайнюю нищету и обратились въ бездомниковъ и бобылей—нѣчто въ родѣ сельскихъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ покуда, слава Богу, очень мало, — или они стали бы толпами выселяться въ другія губерніи и края имперіи...“ Экономическая истина у Кавелина, по его обыкновенію, затушевана морально-политическими соображеніями: онъ называетъ феодальный проектъ „коварной мѣрой“, говоритъ о томъ, что, благодаря ему, правительство было бы „вовлечено въ несравненно бо́льшія издержки, чѣмъ выкупивъ ихъ (крестьянъ) съ самаго начала со всею землею“, и т. под. Съ кристальной экономической ясностью ставитъ дѣло Кошелевъ. „Эта мѣра“,— говоритъ онъ,—„разорила бы въ край половину помѣщиковъ, т.-е. почти всѣхъ, имѣющихъ свои земли въ промышленныхъ губерніяхъ, ибо крестьяне, лишенные своей вѣковой осѣдлости, ушли бы въ страны болѣе хлѣбородныя, и мы, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, увидѣли бы повтореніе тѣхъ народо-переселеній, которыя изумляютъ насъ въ исторіи среднихъ вѣковъ“ *). Мѣтче

*) См. Кавелинъ, „Сочиненія“, т. II, стр. 45, и Кошелевъ, „Записки“, прилож., стр. 96.

нельзя было указать точку разрыва, угрожавшаго самой дворянской массѣ. И Кавелинъ уже отчетливо сознавалъ, что феодальная программа найдетъ себѣ сторонниковъ среди не однихъ феодаловъ гагаринскаго типа. „Такая система выкупа“,—говоритъ онъ о замаскированномъ безземельномъ освобожденіи,—„въ губерніяхъ почти исключительно земледѣльческихъ могла бы, можетъ быть (мы видимъ, какъ непріятно признаваться въ этомъ Кавелину!), дѣйствительно принести пользу владѣльцамъ...“ Въ представленномъ секретному комитету проектѣ полтавскаго помѣщика— бывшаго статсъ-секретаря Николая I—Позена, мы находимъ уже очень удачный образчикъ амальгамированія феодальной и буржуазной точекъ зрѣнія. Позенъ индивидуально представлялъ весьма благодарную, въ этомъ отношеніи, фигуру, совмѣщая въ себѣ крупнаго землевладѣльца, талантливаго финансиста—и человѣка, тысячью нитей связаннаго со „знатью“. Большая часть послѣдней—мы видѣли это на примѣрѣ Киселева—считала выкупъ финансовой утопіей. Лучше знакомый съ биржевымъ міромъ Позенъ ни на секунду не убоялся этой утопіи: выкупъ, т.-е. снабженіе помѣщика капиталомъ при помощи крестьянской эмансипаціи, онъ считалъ дѣломъ вполнѣ возможнымъ и даже не труднымъ. Но онъ надѣялся получить этотъ капиталъ въ обмѣнъ не за весь крестьянскій надѣлъ, а только за одну усадьбу. Пролетаризаціи крестьянства, какъ и Гагаринъ, онъ вовсе не боялся: и чего было бояться ея черноземному помѣщику, когда онъ, еще при крѣпостномъ правѣ, успѣлъ пролетаризировать добрую долю—а иногда и большинство—своихъ крестьянъ? „По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ мѣстнаго начальства, въ Полтавской губерніи 83.193 хозяевъ, надѣленныхъ землею полевою и усадебною, 47.674 имѣвшихъ только усадьбу и 24.940 неимѣвшихъ даже усадьбы. Число крестьянъ, надѣленныхъ землею, относится къ числу ненадѣленныхъ, какъ 1,9 : 1. Въ Черниговской губерніи надѣлены полевой землей 100,059 хозяевъ, только усадьбой—5.456 и неимѣющихъ и усадебъ—33.447; число крестьянъ надѣленныхъ относится къ числу ненадѣленныхъ, какъ 2,5 : 1. Умноженіе ненадѣленныхъ вовсе не зависѣло отъ многоземельности имѣній; напротивъ того, въ многоземельныхъ уѣздахъ гораздо болѣе ненадѣленныхъ... Почти нѣтъ ни одного имѣнія въ Малороссіи, въ которомъ бы всѣ крестьяне были надѣлены землею...“ Въ сосѣдней Харьковской губерніи была иная система, но приводившая къ весьма сходнымъ результатамъ. „Здѣсь почти

всѣ крестьяне надѣлены землею, а потому классъ безземельныхъ очень малочисленъ", писали редакціонныя комиссіи. Но вотъ что отвѣчали имъ представители харьковскихъ помѣщиковъ, депутаты отъ харьковскаго губернскаго комитета: „Въ Харьковской губерніи помѣщичьихъ крестьянъ 189.495 душъ; изъ этого числа тяголъ, имѣющихъ воловъ или лошадей, только 49.909; это достаточно обнаруживаетъ, какъ мало крестьяне имѣютъ скота. Можетъ быть, здѣсь послѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ помѣщики могли обрабатывать остальное количество земли?—Почти всѣ помѣщики имѣли свой рабочій скотъ, которымъ работали крестьяне, не имѣющіе скота. Другой вопросъ: чѣмъ будутъ освобожденные крестьяне, не имѣющіе скота, обрабатывать свою землю"?—Выводъ отсюда былъ ясенъ: „Не объемъ земли, данной крестьянину, дѣлаетъ его богатымъ, а условія, на которыхъ она ему предоставлена, и свободный трудъ; дайте сколько угодно земли крестьянину въ пользованіе, онъ все-таки не будетъ чувствовать свой бытъ улучшеннымъ, потому что желаніе имѣть собственность не будетъ удовлетворено. Что не количество земли, данной крестьянину въ пользованіе, обогащаетъ его, — это можно доказать тысячами примѣровъ и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что чѣмъ имѣніе менѣе земельно, тѣмъ благосостояніе крестьянъ выше, ибо помѣщикъ, имѣя мало земли, довольствуется малымъ количествомъ крестьянскаго труда; крестьяне же, за недостаткомъ земли, занимаются промыслами, приносящими имъ постоянный доходъ, независимый отъ случайностей (!). Кто знаетъ бытъ харьковскихъ крестьянъ въ натурѣ, тотъ въ этомъ не усомнится..." *).

Само собою разумѣется, что на основаніи всѣхъ этихъ соображеній харьковскіе представители, Хрущовъ и Шретеръ, „предоставленіе крестьянамъ большого количества земли находили вреднымъ". На ихъ примѣрѣ особенно ярко видно, какъ наивно обычное раздѣленіе помѣщиковъ конца 50-хъ годовъ на „крѣпостниковъ" и „либераловъ". Хрущовъ и Шретеръ были самыми ярко-красными либералами, какихъ только можно было найти среди тогдашняго дворянства. Ихъ подписи стоятъ подъ наиболѣе „лѣвымъ" изъ адресовъ, подан-

*) Скребицкій, „Крестьянское дѣло", т. II, ч. I, стр. 46 и сл. На стр. 60 см. таблицу, нѣсколько поправляющую холерическіе выводы Хрущова и Шретера: изъ нея видно, что безхозяйные крестьяне составляли въ Харьковской губерніи около трети.

ныхъ губернскими депутатами Александру II: подъ адресомъ, который былъ охарактеризованъ императоромъ какъ „ни съ чѣмъ несообразный и дерзкій до крайности". Тамъ требовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ мѣстное самоуправленіе, судъ присяжныхъ, свобода печати и прочее—что въ 1859 году Александръ Николаевичъ искренно считалъ „западными дурачествами". Доказывая, что мужику тѣмъ лучше, чѣмъ земли у него меньше, они, попутно, не преминули воздать должное почтеніе буржуазной крестьянской собственности,—а подводя итогъ своей экспропріаторской аргументаціи, они заключали, что „отъ всей души сочувствуютъ полному освобожденію крѣпостныхъ, но въ то же время пламенно желаютъ, чтобы возведеніе ихъ въ полноправныхъ гражданъ произошло правомѣрно и на почвѣ законности". Совсѣмъ англичане! А подпись ихъ подъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ" адресомъ стоитъ рядомъ съ подписью наиболѣе рельефнаго представителя буржуазнаго типа эмансипаціи—тверского делегата Унковскаго. Интересы нарождавшейся аграрной буржуазіи на югѣ и на сѣверѣ были неодинаковы,—на этомъ и сыграли феодалы, въ конечномъ счетѣ не одержавшіе полной побѣды, но избѣгнувшіе и полнаго пораженія.

Но мы довольно далеко ушли отъ того хронологическаго пункта, къ которому относится наша характеристика. Унковскій высказался вполнѣ только въ губернскомъ комитетѣ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ—въ слѣдующую фазу реформы. Уже раньше появленія тверичей на сцену буржуазная точка зрѣнія была отчетливо формулирована въ двухъ, упоминавшихся нами выше, запискахъ—Кавелина и Кошелева. Вторая—экономически солиднѣе, но первая больше имѣла практическаго значенія, по близкимъ связямъ ея автора съ Николаемъ Милютинымъ, тогда — фактически — товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и, какъ выяснилось очень скоро, главнымъ дѣятелемъ реформы со стороны правительства. Въ то же время и лично Кавелинъ является болѣе разносторонним выразителемъ тогдашней аграрно-буржуазной идеалогіи, чѣмъ Кошелевъ. Помѣщикъ, публицистъ, профессоръ, другъ Герцена—и въ то же время другъ Николая Милютина и учитель наслѣдника русскаго престола, Кавелинъ имѣлъ страшно широкій районъ наблюденій—и рѣдко можно было встрѣтить человѣка, который бы такъ живо воспринималъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ, и быстрѣе дѣлалъ изъ видѣннаго и слышаннаго выводы, которые далеко шли за предѣлы понятнаго большинству его современниковъ. Благодаря исключительной

обстановкѣ того края, гдѣ ему пришлось хозяйничать, какъ помѣщику, онъ очень рано натолкнулся на тотъ подводный камень, о который должно было сокрушиться русское буржуазное землевладѣніе четверть вѣка спустя—на рабочій вопросъ. Если харьковскія условія воспитывали „англичанъ“, то Новоузенскій уѣздъ Самарской губерніи, гдѣ было имѣніе Кавелина, уже въ пятидесятыхъ годахъ былъ образчикомъ „американскаго“ типа аграрной эволюціи. Читая замѣчательныя „Письма изъ деревни“ Кавелина (1860 года), вы съ трудомъ представляете себѣ, что рѣчь идетъ о Россіи еще до отмѣны крѣпостного права: такъ мало феодальнаго во всей картинѣ. Подъ вліяніемъ аграрнаго подъема пятидесятыхъ годовъ самарцы съ азартомъ биржевой игры принялись за производство пшеницы, за которую платили на рынкѣ „огромныя цѣны“. Азартъ усиливался тѣмъ, что при экстенсивномъ хозяйствѣ („земля воздѣлывается кое какъ и не навозится“) успѣхъ зависѣлъ исключительно отъ погоды: „весь секретъ въ томъ, чтобы подъ хорошій годъ имѣть какъ можно больше земли подъ посѣвами. А какъ его угадаешь—хорошій годъ!“ Но зато на одномъ хорошемъ урожаѣ можно было разбогатѣть—и въ результатѣ „все здѣсь нанимаетъ землю и сѣетъ“, говоритъ Кавелинъ:—„и дворовый, и вдова, и пастухъ, и кучеръ, и кухарка—хоть десятину, да сѣетъ“. Но посѣянное, когда Богъ послалъ урожай, нужно было жать—и вотъ передъ нами картина совсѣмъ американскаго „дальняго запада“. „Наемъ рабочихъ, особливо жнецовъ,—любопытнѣйшая вещь въ нашемъ краю. Приспѣла жатва—и всюду начинается усиленная дѣятельность и необыкновенное столпленіе народа. Хозяева спѣшатъ на базары—пункты, гдѣ нанимаются жнецы; для насъ такимъ базаромъ служитъ преимущественно Вольскъ, уѣздный городъ Саратовской губерніи, въ 70-ти верстахъ отсюда. Въ то же время рабочіе тысячами идутъ въ глубь степи искать работы. Въ послѣдніе годы наемныя цѣны на жнецовъ страшно возвысились: съ 3-хъ руб. сер. за сороковую десятину, какъ бывало прежде, онѣ поднялись до 6, 6½ и 7 рублей. Въ третьемъ году жали по 8-ми, а въ отдаленныхъ мѣстахъ по 10, 12 и даже по 15 цѣлковыхъ за десятину. Во все время работы вы должны кормить жнецовъ, и кормить хорошо—пирогами (какъ называются здѣсь пшеничные хлѣбы), съ приваркомъ изъ пшена или гороха (иные не станутъ ѣсть гороха), съ саломъ, въ постные дни—съ масломъ, иногда и съ бараниной. Если же вы наняли ихъ не у себя, а на базарѣ, то издержки еще больше: вы должны

доставить къ себѣ на своихъ лошадяхъ и угостить водкой, по здѣшнему—дать магарычу, не говоря уже о пирогахъ во время ряды и въ продолженіе пути. А найма на базарѣ рѣдко избѣжишь: рабочіе могутъ и не придти, когда нужно. Что тогда дѣлать? Вы видите, что издержки огромны, и при платѣ за землю деньгами, онѣ должны быть затрачены впередъ... Я еще не все сказалъ о жнецахъ и работникахъ. То, что они всѣмъ нужны въ самую горячую пору, дѣлаетъ ихъ требовательными, нахальными и своевольными въ высшей степени; о римскомъ правѣ они не имѣютъ никакого понятія, вѣроятно потому, что не были въ университетѣ. Святость контракта, вѣрность данному слову не существуетъ даже по имени. Когда поспѣваетъ пшеница—все думаетъ только о томъ, какъ бы зашибить копейку жнитвомъ. Вы нанимаете во время жатвы няньку; она вамъ преспокойно говоритъ: заплатите мнѣ, сколько платятъ жнецамъ, а не то я пойду жать. Вы наняли работника еще съ осени на годъ и на условіяхъ для него выгодныхъ, но имѣли неосторожность не заплатить ему денегъ впередъ, такъ чтобы во время жатвы у него оставались незаработанныя деньги: берегитесь, онъ у васъ не останется, и вы въ самое нужное время лишитесь его: онъ пойдетъ жать. Да если и впередъ дадите, то и это васъ не спасетъ: онъ все-таки уйдетъ жать. Пойдите, судитесь съ нимъ, когда каждая минута рубля стоитъ...“ *).

Маленькія причины иногда имѣютъ большія слѣдствія: строптивый новоузенскій жнецъ, для котораго не существовало святости контракта даже по имени, крѣпко засѣлъ въ памяти друга Герцена и корреспондента „Колокола“. То скептическое отношеніе къ вольному крестьянину, которое стало общимъ мѣстомъ въ 70-хъ—80-хъ годахъ, знакомо было Кавелину еще въ 50-хъ,—когда къ рабочему вопросу въ деревнѣ весьма легкомысленно относились даже такіе люди, какъ Унковскій, наивно воображавшій, что рабочихъ послѣ эмансипаціи будетъ сколько угодно—хоть отбавляй: по расчетамъ Унковскаго, на всю Россію еще 800.000 лишнихъ должно было остаться. Никто, кажется, изъ публицистовъ, одного съ Кавелинымъ направленія не отстаивалъ съ такой силой идеи о необходимости твердой и сильной власти въ минуту эмансипаціи и непосредственно послѣ нея. Конституціонныя,—а тѣмъ паче революціонныя,—иллюзіи его современниковъ внушали Кавелину величайшее недовѣріе и даже

*) „Сочиненія“, II, стр. 665—667.

Декабристъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ (изъ собранія портретовъ В. Р. Зотова)—декабристъ. Въ приговорѣ Верховнаго Уголовнаго Суда значится, что «Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 29 лѣтъ, имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы государя императора.—Участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.—Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ». С. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ повѣшенъ 13 іюля 1826 г., при чемъ онъ, а также Рылѣевъ и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ были повѣшены дважды «благодаря неумѣлымъ приготовленіямъ и еще болѣе неумѣлому исполненію»: они сорвались съ петель, пишетъ Н. К. Шильдеръ (стр. 452), и «кромѣ страшныхъ ушибовъ, имъ пришлось испытать два раза предсмертныя муки».

Упомянутый выше Михаилъ Павловичъ Бестужевъ-Рюминъ въ приговорѣ Верховнаго Уголовнаго Суда изображенъ такъ: «Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Михайло Бестужевъ-Рюминъ, 26 лѣтъ, имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти государя императора и нынѣ царствующаго государя императора; избиралъ и назначалъ лицъ къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе императорской фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха; имѣлъ умыселъ на изгнаніе императорской фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти государя императора и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія.—Участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лжекатехизиса; возбуждалъ и приготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвеныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ имперіи и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.—Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ».

отвращеніе. „Дурачье не понимаетъ, что ходитъ на угольяхъ, которыхъ не нужно расшевеливать, чтобы не вспыхнули и не произвели взрыва“,—писалъ онъ по поводу дворянскаго либерализма Герцену.— „Аресты меня не удивляютъ и, признаюсь тебѣ, не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолѣетъ. Революціонная партія считаетъ всѣ средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами... Я бы хотѣлъ, чтобы ты былъ правительствомъ и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты сталъ дѣйствовать противъ партій, которыя стали бы противъ тебя работать тайно и явно. Чернышевскаго я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ“. Чтобы избѣжать повторенія въ Россіи французской революціи („формула русской исторіи страшно какъ напоминаетъ формулу французской: читаешь книгу Токвиля — и дрожь пробѣгаетъ по жиламъ...“), надо дѣйствовать сверху, а не снизу. Кавелинъ вовсе не былъ „аполитическимъ“ мыслителемъ—совсѣмъ напротивъ: онъ вѣрилъ „тайному голосу, который еще съ дѣтства предсказывалъ ему политическую будущность“. Но чтобы идти по этой дорогѣ, отнюдь не надо было становиться „политическимъ агитаторомъ, главою партіи“ — какъ сталъ Герценъ, котораго Кавелинъ горько за это упрекалъ. Путь буржуазнаго публициста былъ иной—нужно было вести долгія дружескія бесѣды съ шефомъ жандармовъ (не подававшимъ Кавелину руки), раскрывать свою душу передъ фрейлиной императрицы: вѣнцомъ благополучія было поговорить съ этою послѣдней лично, съ глазу на глазъ. Настроеніе Кавелина послѣ такой бесѣды можно описать только его же словами. „Того волненія, восторженности, которыя возбуждены были во мнѣ этимъ послѣднимъ двухчасовымъ разговоромъ (съ императрицей Маріей Александровной, въ Дармштадтѣ, въ августѣ 1857 года), я передать не въ состояніи. До сихъ поръ я точно въ чаду, и если бы кто-нибудь вдругъ сильно взялъ меня теперь за руку или ударилъ по плечу, я готовъ былъ бы думать, что проснулся, и что все происходившее со мною былъ сонъ, удивительный, очаровательный, навѣянный огромнымъ самолюбіемъ и такою же огромною любовью къ родинѣ“. Не мудрено, что помѣщенному въ „Колоколѣ“ письму къ государынѣ Кавелинъ придаетъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ агитаціоннымъ статьямъ того же „Колокола“: „кто можетъ сказать, что это письмо не будетъ имѣть значенія для будущаго Россіи? вѣдь это письмо такъ тепло...“ Въ противоположность „ша-

таніямъ влѣво“ либеральныхъ помѣщиковъ типа Унковскаго или даже Кошелева, Кавелинъ твердо ставитъ, какъ идеалъ прогрессивной буржуазіи, не конституцінную, а самодержавную Россію.

Абсолютизмъ и отреченіе отъ политической свободы при максимумѣ гражданской свободы, какъ необходимое условіе дальнѣйшаго капиталистическаго развитія безъ революціи: эта была программа на двадцать лѣтъ впередъ. Только не теряя изъ виду этихъ политическихъ предпосылокъ, мы будемъ въ состояніи правильно оцѣнить и буржуазную программу освобожденія крестьянъ.

Различные проекты эмансипаціи мотивировали ее весьма различными соображеніями. Въ бюрократическихъ кругахъ наиболѣе популярной была мотивировка полицейская—отъ „опасности внутреннему спокойствію“, которому угрожаетъ дальнѣйшее сохраненіе рабства. Имп. Николай Павловичъ съ этого мотива началъ свою рѣчь передъ государственнымъ совѣтомъ — по поводу закона объ „обязанныхъ“ крестьянахъ (1842 г.) *). Изъ интимныхъ замѣтокъ Уварова мы знаемъ, что при Николаѣ мотивировка не была искренней—но послѣ его смерти стали бояться уже не въ шутку. Проекты частнаго характера пытались возвыситься отъ полицейской до политической точки зрѣнія. Такъ, Самаринъ неудачу въ Крыму склоненъ былъ приписать, главнымъ образомъ, крѣпостному праву: которое, нужно сказать, было въ этомъ именно виновато меньше, чѣмъ многое другое,—арміи Александра I, составленныя изъ крѣпостныхъ мужиковъ, били, однако, тѣхъ же французовъ при другихъ условіяхъ. Но Самарину казалось, вѣроятно, что такая аргументація больше тронетъ высокопоставленныхъ читателей, на которыхъ онъ разчитывалъ: не освободите крестьянъ, потеряете всякое вліяніе въ Европѣ, грозился онъ. Заблоцкій-Десятовскій, въ свое время, пытался доказать, что крѣпостное право невыгодно помѣщи-

---

*) „Пугачевскій бунтъ доказалъ, до чего можетъ доходить буйство черни. Позднѣйшія событія и попытки въ такомъ родѣ до сихъ поръ всегда были счастливо прекращаемы, что, конечно, и впредь будетъ точно также предметомъ особенной и, съ помощью Божіей, успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, что теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынѣшнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда“.

камъ: при всей своей экономической обоснованности—аргументъ тоже „шкурнаго“ характера. Даже наиболѣе близкій къ Кавелину трезвый Кошелевъ рядомъ съ „современными требованіями промышленности и народнаго благосостоянія“ нашелъ нужнымъ говорить и объ „общественной совѣсти“, и о „государственной безопасности“. Исходной точкой Кавелина является чисто буржуазное понятіе—свободы труда. Съ этого онъ начинаетъ. „Многіе убѣждены, что Россія по своимъ естественнымъ условіямъ—одна изъ самыхъ богатыхъ странъ въ мірѣ, а между тѣмъ едва ли можно найти другое государство, гдѣ бы благосостояніе было на такой низкой ступени, гдѣ бы меньше было капиталовъ въ обращеніи и бѣдность была такъ равномѣрно распространена между всѣми классами народа... Причинъ нашей бѣдности очень и очень много... Всѣ эти причины дѣйствуютъ болѣе или менѣе гибельно. Но ни одна не проникаетъ такъ глубоко въ народную жизнь, ни одна такъ не поражаетъ промышленной дѣятельности народа въ самомъ ея зародышѣ, ни одна такъ не убиваетъ всякій нравственный и матеріальный успѣхъ въ Россіи, какъ крѣпостное право, которымъ опутана цѣлая половина сельскаго народонаселенія имперіи. Двадцать пять съ половиною милліоновъ жителей мужского и женскаго пола въ нашемъ отечествѣ лишены самыхъ первыхъ, самыхъ скромныхъ зачатковъ гражданской свободы—права по своему усмотрѣнію заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ и произвольно отлучаться изъ своего мѣста жительства; вопреки всякому здравому смыслу они лишены самаго дѣйствительнаго побужденія къ занятію промыслами—права требовать плату или вознагражденіе за свой трудъ, чего онъ дѣйствительно стоитъ“. Совершенно логично къ „крѣпостнымъ“, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ, Кавелинъ причисляетъ и другіе разряды населенія, лишенные свободы труда: крестьянъ удѣльныхъ и дворцовыхъ, военныхъ поселянъ, мастеровыхъ казенныхъ заводовъ, и т. д. Онъ пытается даже опредѣлить, что теряетъ русское народное хозяйство отъ крѣпостной зависимости всѣхъ этихъ людей, и „по самому умѣренному исчисленію“ опредѣляетъ ежегодный убытокъ „по крайней мѣрѣ въ 96½ руб. сер.“. Не менѣе логически было вывести отсюда необходимость полнаго возстановленія свободы труда для всей этой массы населенія: „крѣпостныхъ слѣдовало бы освободить вполнѣ, совершенно, изъ-подъ зависимости отъ ихъ господъ“ — таковъ первый принципъ, устанавливаемый Кавелинымъ. Но бур-

жуазія не только требуетъ „свободы труда“ — она уважаетъ собственность. „Государство не можетъ ни желать, ни допустить освобожденія крестьянъ безъ вознагражденія владѣльцевъ, и на это имѣетъ самыя основательныя причины. Освобожденіе крестьянъ безъ вознагражденія помѣщиковъ, во-первыхъ, было бы весьма опаснымъ примѣромъ нарушенія права собственности, котораго никакое правительство нарушить не можетъ, не поколебавъ гражданскаго порядка и общежитія въ самыхъ основаніяхъ; во-вторыхъ, оно внезапно повергло бы въ бѣдность многочисленный классъ образованныхъ и зажиточныхъ потребителей въ Россіи, что, по крайней мѣрѣ сначала, могло бы во многихъ отношеніяхъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для всего государства; въ-третьихъ, владѣльцы тѣхъ имѣній, гдѣ обработка земли наймомъ больше будетъ стоить, чѣмъ приносимый ею доходъ, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ совсѣмъ лишатся дохода отъ этихъ имѣній. Не получивъ вознагражденія, многіе изъ нихъ на первый разъ, а иные можетъ быть и навсегда, были бы осуждены на самое бѣдственное существованіе...“ Отсюда третье, „главное основаніе“ Кавелина: „освобожденіе можетъ совершиться во всякомъ случаѣ не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ“. На первый взглядъ, какъ будто выпадаетъ изъ этой строго-буржуазной логики второй принципъ эмансипаціи: крестьянъ „надлежало бы освободить не только со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ, но и непремѣнно съ землею“. Можетъ показаться, что тутъ вторгся посторонній элементъ— изъ области полицейскихъ страховъ: „...въ видахъ общественной тишины и порядка, правительство не можетъ допустить сохраненія хотя бы тѣни зависимости бывшихъ крѣпостныхъ отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ“, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Кавелинъ. Но это только литературная манера опытнаго публициста—сплетать моральныя и политическія разсужденія, апеллируя не только къ разсудку, но и къ эмоціямъ своего читателя. Самъ авторъ ни на минуту не сбивается со своей колеи. Не нужно упускать изъ виду главной цѣли всей эмансипаціонной компаніи, поскольку она велась помѣщиками: полученія, путемъ эмансипаціи, капитала для перестройки своего хозяйства на новыхъ основаніяхъ. Кавелинъ такъ же опредѣленно ставитъ эту цѣль, какъ и цитированный нами выше Кошелевъ. „Освобожденіе крѣпостныхъ“, — говоритъ онъ,—„потребуетъ немедленнаго поставленія нашихъ помѣ-

щичьихъ хозяйствъ на коммерческую ногу, а это можно сдѣлать не иначе, какъ съ помощью болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ, чрезвычайныхъ издержекъ, которыя понадобятся почти въ ту же самую минуту, когда совершится освобожденіе. При всеобщей бѣдности и разореніи нашего дворянства, ему неоткуда взять капиталовъ, необходимыхъ для покрытія такихъ чрезвычайныхъ издержекъ. Поэтому, если вся выкупная сумма не будетъ уплачена владѣльцамъ при самомъ освобожденіи ихъ крестьянъ, сельское хозяйство въ Россіи понесетъ весьма чувствительный вредъ, отъ котораго не скоро оправится..." „Сумму" долженъ былъ уплатить владѣльцамъ спеціально учрежденный для этой цѣли государствомъ банкъ--а „выплаченная владѣльцамъ изъ банка сумма зачисляется долгомъ на выкупленномъ имѣніи, съ уплатою въ 37-лѣтній или другой, болѣе продолжительный срокъ..." Экономическое значеніе крестьянскаго надѣла здѣсь совершенно ясно: это — и обезпеченіе выданнаго изъ банка капитала, и средство его постепенной уплаты. Кавелинъ путемъ подробныхъ вычисленій старается установить, что дохода отъ крестьянскаго надѣла вполнѣ хватитъ для этой цѣли—и даже съ избыткомъ. Это примѣрное вычисленіе любопытно одной деталью: изъ него видно, что „душа" крестьянина въ нечерноземной полосѣ цѣнилась въ три раза дороже его земли: первая, для выбраннаго Кавелинымъ примѣра (Смоленская губернія), стоила 117 рублей, а вторая—всего 35 р. 75 коп. Позднѣйшія выкупныя оцѣнки были, такимъ образомъ, вполнѣ предвидимы уже въ 1855 году...

Само собою разумѣется, что такого рода выкупная операція могла совершиться только сверху, силою власти, которой всѣ привыкли безпрекословно повиноваться. Кавелинъ обдумалъ и эту сторону дѣла — и, вполнѣ сознавая неспособность николаевскихъ министровъ, продолжавшихъ править Россіей и при имп. Александрѣ II, разрѣшить трудную задачу („даже предположивъ въ такихъ лицахъ полную добрую волю и желаніе привести крестьянскій вопросъ къ разрѣшенію, они, очевидно, не въ состояніи были бы это сдѣлать по недостатку свѣдѣній"),—онъ первый высказалъ идею

учрежденія, которому суждено было сыграть такую выдающуюся роль въ исторіи реформы: редакціонныхъ комиссій. Въ учрежденіи этомъ должны были быть сосредоточены всѣ, кто своими спеціальными познаніями могъ быть полезенъ дѣлу, какъ служащіе, такъ и не служащіе (позднѣйшіе „члены-эксперты"). Кавелинъ даетъ и ихъ списокъ, во многомъ опять-таки совпадающій съ позднѣйшимъ дѣйствительнымъ составомъ редакціонныхъ комиссій. Но всѣ эти лица должны были получить свои полномочія сверху, отъ правительства—и отнюдь не снизу, отъ помѣщиковъ или крестьянъ.

Такимъ образомъ, „бюрократическій" способъ рѣшенія крестьянскаго дѣла былъ предложенъ изъ буржуазнаго лагеря. Напротивъ, мысль о необходимости „общественной самодѣятельности", въ чемъ многіе видятъ чуть ли не главную причину большей успѣшности почина имп. Александра II сравнительно съ попытками его отца—эта либеральная мысль пришла изъ лагеря „крѣпостниковъ" и была предложена не кѣмъ другимъ, какъ бывшимъ государственнымъ секретаремъ и довѣреннымъ человѣкомъ имп. Николая I, барономъ Корфомъ. Именно онъ, въ Секретномъ комитетѣ, предлагалъ, „для успѣха новыхъ мѣръ по устройству крестьянъ, чтобы онѣ (мѣры) спущены были не сверху, а выросли снизу, отъ указаній опыта,—разослать отъ минист. вн. дѣлъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства циркуляръ о предоставленіи опытности и добрымъ намѣреніямъ дворянства разрѣшенія вопросовъ о средствахъ исполненія и о порядкѣ примѣненія по различію мѣстностей обширной имперіи дѣла объ измѣненіи положенія крестьянъ" *). Что толкнуло феодальную группу на этотъ путь, оказавшійся, какъ очень скоро обнаружилось, довольно скользкимъ? На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ тутъ поставить, конечно, страхъ. Слѣдующимъ, послѣ страха, удручавшимъ обстоятельствомъ „сферы", была ея совершенная теоретическая безпомощность,—которою Кавелинъ мотивировалъ свой проектъ „редакціонныхъ комиссій": блестящимъ образчикомъ этого каче-

*) См. у г. Попельницкаго, цит. статья, В. Е. 1911, февраль, стр. 59.

ства феодальной группы была извѣстная намъ записка Гагарина. Проектъ Позена долженъ былъ показаться феодаламъ лучомъ свѣта въ окружавшемъ ихъ экономическомъ мракѣ: вотъ, какую поддержку можно получить отъ помѣщиковъ! Значитъ, не надо пренебрегать ихъ содѣйствіемъ: съ Божьей помощью въ каждой губерніи можетъ оказаться свой Позенъ, и буржуазное меньшинство будетъ благополучно задавлено. Убѣжденіе же, что освобожденія по буржуазному типу, т.-е. съ землей, обезпечивающей въ дальнѣйшемъ выкупные платежи, желаетъ лишь меньшинство помѣщиковъ, было наверху очень сильно—недаромъ глава феодаловъ, Муравьевъ (будущій виленскій генералъ-губернаторъ), тоже по примѣру имп. Александра II, совершилъ поѣздку по губерніямъ, вербуя себѣ сторонниковъ.

Южные, черноземные, комитеты, нужно сказать, и оправдали въ значительной мѣрѣ ожиданія: въ Херсонской и Таврической губерніяхъ, гдѣ, въ среднемъ, на душу населенія приходилось 24,4 и 56 десятинъ, соглашались отдать крестьянамъ въ Херсонской отъ 1,3 до 3 десятинъ, а въ Таврической отъ 3 до 5 десятинъ на душу! Въ Екатеринославской губерніи изъ 18,9 десятины, приходившихся на душу въ крѣпостныхъ имѣніяхъ, помѣщики не находили возможнымъ уступить болѣе 3. Воронежскіе дворяне себѣ оставляли 2.000.000 десятинъ, а крестьянамъ давали 240.000. Тамбовскіе требовали отрѣзки отъ $^1/_2$ до $^2/_3$ существующаго надѣла. Если таковы были аппетиты послѣ того, какъ политическій конфликтъ далъ наверху перевѣсъ буржуазному типу эмансипаціи, можно себѣ представить, что было бы безъ этого? Но между феодальной группой и даже этими — ихъ можно назвать „правыми“—комитетами все же не оказывалось полной солидарности. Поскольку въ комитетахъ были представлены интересы мѣстныхъ помѣщиковъ-хозяевъ, имъ не могъ улыбаться тотъ способъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, какой считали наиболѣе для себя выгоднымъ Гагаринъ и его товарищи. Тѣ желали превращенія крѣпостного крестьянина въ вѣчнаго невольнаго арендатора помѣщичьей земли. Въ этомъ, именно, смыслѣ былъ редактированъ знаменитый рес-

криптъ 20 ноября 1857 года, основныя положенія котораго были сдѣланы обязательными для губернскихъ комитетовъ— появившихся на свѣтъ Божій, какъ извѣстно, именно благодаря этому рескрипту. Согласно ему, за помѣщиками сохранялось право собственности на всю землю: крестьянинъ получалъ въ собственность лишь усадьбу (за выкупъ, размѣръ котораго опредѣлялся не только цѣнностью усадебной земли и строеній, но и „промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ“: другими словами, выкупъ усадьбы былъ замаскированнымъ выкупомъ личности крестьянина и всѣхъ „выгодъ“, которыя обладаніе этою личностью доставляло помѣщику); надѣлъ же предоставлялся крестьянину лишь въ пользованіе за опредѣленныя повинности, при чемъ феодалы надѣялись, очевидно, удовлетворить владѣльцевъ и барщинныхъ имѣній, сохранивъ, въ качествѣ одной изъ такихъ повинностей, барщину. Это лишній разъ свидѣтельствовало объ ихъ экономическомъ невѣжествѣ: какъ разъ въ кризисѣ барщины и заключался узелъ всего вопроса. Если барщина крестьянъ, составлявшихъ собственность помѣщика, не представляла для этого послѣдняго большой цѣны, можно себѣ представить, что́ стоила бы барщина крестьянъ, юридически свободныхъ, по отношенію къ которымъ у помѣщика не оставалось никакихъ средствъ принужденія. Вотъ почему, при всемъ разногласіи черноземныхъ и нечерноземныхъ комитетовъ насчетъ количества земли, которое можно было уступить крестьянамъ, всѣмъ имъ—говоря словами Кошелева по поводу „депутатовъ перваго призыва“—„отдача помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянъ за неизмѣнныя повинности казалось ничѣмъ неоправдываемымъ нарушеніемъ права собственности. Большинство... требовало обязательнаго выкупа, какъ единственнаго средства произвести освобожденіе на законномъ основаніи и удовлетворительно для помѣщиковъ и для крестьянъ. Меньшинство, соглашаясь на отдачу мірскихъ земель въ безсрочное пользованіе крестьянамъ, требовало переоцѣнки или земли, или, по крайней мѣрѣ, денежныхъ повинностей... Депутаты опасались, что если разъ установится безсрочное пользованіе крестьянъ помѣщичьими землями за неизмѣнныя повинности, то правительство успокоится и долго-долго не озаботится устройствомъ выкупа“ *). Такимъ образомъ, только меньшинство оброчныхъ

*) Изъ брошюры: „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“. Перепечатана въ „Запискахъ“, приложенія, см. стр. 191—192.

помѣщиковъ склонялось къ феодальной точкѣ зрѣнія, но и то съ поправками: владѣльцы барщинныхъ имѣній, при всей разницѣ въ размѣрахъ ихъ земельнаго аппетита, были на сторонѣ типа буржуазнаго.

Между тѣми, кто началъ крестьянскую реформу и считалъ себя полнымъ хозяиномъ дѣла, и тѣми, въ чьи руки попало дѣло съ образованіемъ губернскихъ комитетовъ (первымъ возникъ, какъ извѣстно, нижегородскій комитетъ, въ декабрѣ еще 1857 года,—если не считать западныхъ губерній, къ которымъ непосредственно и былъ обращенъ рескриптъ 20 ноября; въ теченіе 1858 года комитеты образовались постепенно во всѣхъ губерніяхъ), уже въ экономической области не было, такимъ образомъ, полнаго единодушія. Когда работа комитетовъ развернулась мало-по-малу, дѣло осложнилось политическимъ конфликтомъ. У „манчестерскаго" настроенія передовыхъ помѣщичьихъ круговъ была своя логика. Оно, это настроеніе, не могло ограничиться вопросомъ о барщинѣ—и вообще тѣсными предѣлами помѣщичьяго хозяйства. „Ежели болѣе или менѣе патріархальное управленіе помѣщиковъ признается несовременнымъ, тягостнымъ для крестьянъ",—писалъ одинъ изъ членовъ тверского комитета,—„то тѣмъ больше вредно и невозможно начало бюрократическое въ управленіи свободными обществами. Чиновникъ-бюрократъ и членъ общества—два существа совершенно противоположныя". „Чтобы оправдать довѣріе государя и осуществить его ожиданія",—писалъ одинъ членъ владимірскаго комитета,—„на дворянахъ лежитъ священная обязанность указать твердыя основанія къ благоденствію страны и, возрождая народъ, дать ему не одни только средства къ жизни, но вполнѣ оградить его отъ всякаго произвола и стѣсненій—указать ему широкій путь къ разумному развитію и положить конецъ злоупотребленіямъ". Министръ внутреннихъ дѣлъ такъ резюмировалъ эти тенденціи въ своемъ докладѣ Александру II: „не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые дѣйствительно желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное правленіе въ рѣшеніе дѣлъ государственныхъ". Исходною точкой, очевидно, должно было послужить то собраніе дворянскихъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, которому Александръ Николаевичъ пообѣщалъ предоставить „обсужденіе" крестьянской реформы въ окончательной инстанціи. Объ этой опасности позабыли въ минуту паники и хлопотъ о своихъ хозяйственныхъ интересахъ: те-

перь приходилось спѣшно воздвигать укрѣпленія съ той стороны, откуда не ожидали никакого нападенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что опасность—благодаря, вѣроятно, долгой отвычкѣ отъ всякой дворянской оппозиціи—была страшно преувеличена. Впослѣдствіи, когда дѣло дошло до подачи „адресовъ“ императору — кульминаціонный пунктъ дворянскаго броженія 1858—60 годовъ,—изъ двадцати четырехъ депутатовъ, подписавшихъ эти адреса, только шестеро дали свои подписи адресамъ политическаго характера. При чемъ „конституціонализмъ“ наиболѣе толковаго адреса „пяти“ (знакомыхъ уже намъ Унковскаго, Хрущова и Шретера—и еще двухъ ярославскихъ депутатовъ, Дубровина и Васильева) никакъ не приходится писать безъ ковычекъ, ибо представительства, даже совѣщательнаго, и они не требовали: ихъ пожеланія не шли дальше всесословнаго земства, суда присяжныхъ и „печатной гласности“ (не свободы печати!). Это, въ сущности, была кавелинская платформа—соціальный строй буржуазнаго общества безъ политической свободы: очень скоро логика событій заставила само правительство Александра II выполнить эту программу. А наиболѣе нелѣпый, „олигархическій“—по оцѣнкѣ императора, адресъ Шидловскаго только наивно настаивалъ на томъ всероссійскомъ дворянскомъ собраніи для рѣшенія крестьянскаго вопроса, которое тѣмъ же императоромъ и было обѣщано. Зато адресъ большинства—„восемнадцати“—не заключалъ въ себѣ ровно ничего политическаго, да еще довольно значительное меньшинство уклонилось отъ подписанія какого бы то ни было адреса... Съ такими революціонерами нетрудно было справиться. Но у страха глаза велики: дабы избѣжать въ Россіи введенія „представительнаго правленія“ черезъ посредство дворянскихъ комитетовъ, на минуту бросились въ объятія той „буржуазіи“, съ которой, на экономической почвѣ, было для феодаловъ гораздо труднѣе столковаться. Плодомъ этого акта отчаянія и явились знаменитыя „редакціонныя комиссіи“.

Для того, чтобы понять, психологически, этотъ зигзагъ, описанный „руководившею“ крестьянскимъ дѣломъ феодальной группой, надо опять-таки припомнить постановку эмансипаціи при Николаѣ I—на другой день 14 декабря. Дворянинъ забунтовалъ—его нужно взять въ руки: однимъ изъ средствъ было обласкать крестьянина и оказать ему защиту противъ барскаго произвола. Николай Павловичъ, учреждая Третье отдѣленіе, одновременно напоминалъ помѣщикамъ объ

ихъ обязанностяхъ по отношенію къ крестьянамъ — „какъ христіанъ и вѣрноподанныхъ“. Какъ только наверху заподозрили, что въ проектахъ губернскихъ комитетовъ могутъ быть „отступленія вообще отъ духа государственныхъ узаконеній“, сейчасъ же вспомнили, что, вѣдь, помѣщику нетрудно и обидѣть беззащитнаго мужичка: „дѣйствительно ли улучшается“ проектами комитетовъ „бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, и въ чемъ именно?“ Съ помѣщиковъ велѣно было взять честное слово, что они заботятся, въ самомъ дѣлѣ, объ интересахъ крестьянъ, а не своего кармана. Строжайше запрещено было говорить о выкупѣ „душъ“: свобода должна была явиться для крестьянъ подаркомъ—и, конечно, не подаркомъ „господъ“. Вѣнцомъ всего было рѣшеніе взять всю реформу „въ свои руки“. Неблагонадежные комитеты могутъ тамъ стряпать, что хотятъ: мы освободимъ крестьянъ сами. Но это оказалось не такъ просто. Помѣщики, засѣдавшіе въ комитетахъ, имѣли практическое знакомство съ хозяйственными условіями деревни и могли предложить практическія мѣры. Наверху смутно слышали, что есть какой-то надѣлъ, какая-то община, какая-то черезполосица: но самый довѣренный агентъ власти, Ростовцевъ, чуть не наканунѣ своего назначенія въ главные крестьянскіе благодѣтели, былъ убѣжденъ, что позеновскій проектъ—идеалъ эмансипаціи; сравнительно, кн. Гагаринъ оказывался еще „глубокимъ экономомъ“. Нужны были люди, которыхъ можно было бы противопоставить комитетскимъ крамольникамъ. Тутъ благонамѣренная буржуазія типа Кавелина нашла свое призваніе. Правда, ея главный литературный представитель былъ слишкомъ скомпрометированъ своею дружбой съ Герценомъ и, кромѣ того, имѣлъ безтактность напечатать свою записку раньше, чѣмъ она удостоилась апробаціи: этого имп. Александръ II не могъ ему простить. Но помимо него въ томъ же лагерѣ нашлось достаточно людей, которымъ можно было оказать довѣріе: они и составили проектированное Кавелинымъ учрежденіе, которое хотя и носило скромное названіе редакціонныхъ комиссій, но, въ сущности, было тѣмъ секретаремъ при знатномъ губернаторѣ, который имѣетъ вліянія гораздо боль-

ше, чѣмъ самъ этотъ послѣдній. Чтобы читатель имѣлъ представленіе о политической физіономіи этого учрежденія, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ переписки его главныхъ дѣятелей: наиболѣе талантливаго члена-эксперта изъ помѣщиковъ, Юрія Самарина, и самаго замѣчательнаго изъ представителей администраціи въ „комиссіяхъ“, Николая Милютина. Вотъ какъ характеризовалъ политическое положеніе первый изъ нихъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ: „Теперь, какъ двѣсти лѣтъ назадъ, на всей русской землѣ есть только двѣ живыя силы: личная власть наверху и сельская община на противоположномъ концѣ; но эти двѣ силы, вмѣсто того, чтобы быть соединенными, раздѣлены всѣми посредствующими слоями. Эта нелѣпая среда, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ теченіе вѣковъ цѣплявшаяся за вершину, начинаетъ храбриться и дерзко хорохориться передъ своей собственной, единственной опорой (доказательство — дворянскія собранія, университеты, пресса и т. д.). Ея крикливыя выходки напрасно пугаютъ власть и раздражаютъ массы. Власть отступаетъ, дѣлаетъ уступку за уступкой безъ всякой пользы для общества, которое дразнитъ власть изъ удовольствія ее дразнить. Но это не можетъ длиться долго, иначе нельзя избѣжать сближенія двухъ полюсовъ—самодержавія и простонародья, сближенія, которое смететъ и раздавитъ все, что находится въ промежуткѣ,—а въ промежуткѣ вся образованная Россія, вся наша культура. Хорошее будущее, нечего сказать!“ Итакъ, не только радикалы (пресса), но и либералы (дворянскія собранія) вели Россію не болѣе, не менѣе, какъ къ культурной гибели. Единственной живой силой, какъ при царѣ Петрѣ, оказывалось самодержавіе. Можно себѣ представить, что испытывали люди этого типа, очутившись лицомъ къ лицу съ настоящей революціей. Какъ извѣстно, послѣ самой Россіи, дѣятелямъ редакціонныхъ комиссій пришлось проводить крестьянскую реформу въ Польшѣ, въ разгаръ возстанія въ 1863—64 гг. „Ты не повѣришь“,—писалъ Н. Милютинъ женѣ изъ Варшавы (въ ноябрѣ 1863 г.),—„до чего политически развращены здѣсь всѣ классы общества. Всюду ложь, лице-

мѣріе, низость, жестокость. Если больше не убиваютъ на углахъ улицъ, то это потому, что революціонные комитеты отозвали въ лѣса всѣхъ своихъ кинжальщиковъ, напуганныхъ послѣдними казнями. Что за общество, гдѣ можно чего-нибудь добиться только страхомъ!..“ „...Низшій классъ населенія—единственный, который можетъ насъ утѣшить и ободрить. Все остальное: дворянство, духовенство, евреи (и мелкая буржуазія, какъ видно изъ другого письма) намъ такъ враждебно и до такой степени развращено и деморализовано, что съ теперешнимъ поколѣніемъ уже ничего не сдѣлаешь. Страхъ—единственная узда для общества, въ которомъ всѣ моральные принципы перевернуты кверху ногами, такъ что ложь, лицемѣріе, грабежъ, убійство возведены въ доблесть и признаются актами героизма“. Незараженные „развратомъ“ крестьяне одни радовали своимъ веселымъ и довѣрчивымъ видомъ русскихъ чиновниковъ, явившихся возвѣстить имъ свободу (возвѣщенную, впрочемъ, уже раньше польскимъ революціоннымъ правительствомъ): „женщины плакали и обнимали наши колѣни“. Но поѣздку освободителей къ освобождаемымъ опять стоитъ описать словами самого Милютина. „Въ ночь съ субботы на воскресенье я отправился по Вѣнской желѣзной дорогѣ съ Самаринымъ и Черкасскимъ... На зарѣ мы пересѣли въ двѣ открытыя коляски и отправились въ галопъ, эскортируемые полуэскадрономъ уланъ и полусотней линейныхъ казаковъ. Весь день, съ восьми часовъ утра до шести вечера, мы ѣздили изъ деревни въ деревню и изъ мѣстечка въ мѣстечко, останавливаясь всюду, чтобы разспрашивать и осматривать, пугать войтовъ и бурмистровъ и знакомиться съ народомъ (съ которымъ они могли объясняться, какъ видно изъ другого мѣста письма, только при помощи переводчика)... Вся мѣстность, по которой мы ѣздили, охвачена возстаніемъ. Въ мѣстечкахъ кишитъ населеніе, изъ котораго формируются банды. Мы посѣтили нѣмецкія колоніи, гдѣ эти „хищники“, какъ называютъ ихъ наши казаки, убили нѣсколькихъ земледѣльцевъ... Намъ удалось завязать сношенія съ народомъ (чрезъ переводчика, не забудьте этого...), и это привело насъ всѣхъ въ хорошее настроеніе и придало намъ бодрости. Военное начальство принимало насъ съ распростертыми объятіями. Что касается

солдатъ, не говоря уже о линейныхъ казакахъ, которые привели насъ въ восторгъ своимъ мужествомъ, понятливостью и ловкостью, мы были поражены неистощимой веселостью и смѣлостью всѣхъ войскъ безъ исключенія...“ Возвращался въ Варшаву Милютинъ уже подъ конвоемъ не казаковъ и улановъ, а стрѣлковъ, которые „все время не переставали дурачиться и пѣть „пойдемъ Польшу покорять“ и другія подобныя пѣсни, такъ что обратное путешествіе совершилось самымъ веселымъ образомъ“.

Итакъ, кромѣ крестьянъ, припадавшихъ къ ногамъ своихъ освободителей, послѣдніе нашли въ Польшѣ еще одно „отрадное явленіе“: то были усмирявшіе „хищниковъ“ солдаты. Помимо почтительныхъ крестьянъ и бравыхъ солдатъ, все остальное населеніе Польши состояло изъ до мозга костей развращенныхъ представителей „латинской и шляхетской культуры“, совершавшихъ „убійства“ и „грабежи“. Читателю, нѣсколько знакомому съ исторіей возстанія 1863—4 годовъ, эта психологія, вѣроятно, напомнила уже одну изъ крупнѣйшихъ фигуръ, выдвинутыхъ на арену битвы съ русской стороны: читая изліянія Милютина, невольно вспоминаешь М. Н. Муравьева. И дѣйствительно, эти два человѣка, казавшіеся еще вчера, въ разгаръ русской реформы, непримиримыми антагонистами, на полѣ сраженія съ революціей живо поняли другъ друга. Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Вильно Милютинъ провелъ съ Муравьевымъ „почти цѣлый день“. „Наше свиданіе и наши объясненія имѣли самый сердечный характеръ. Мы даже коснулись прошлаго (т.-е. споровъ передъ 19 февраля)—и оказались совершенно согласны. Вообще все, что онъ мнѣ сказалъ, было очень разумно и для меня поучительно. Помимо яснаго пониманія людей и вещей, которые его окружаютъ, онъ, дѣйствительно, обладаетъ замѣчательными административными способностями. Въ энергіи также у него нѣтъ недостатка, но я былъ пораженъ въ немъ какимъ-то оттѣнкомъ печали, котораго я не замѣчалъ у него прежде, и который объясняется постояннымъ нервнымъ напряженіемъ. По его словамъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ казнено сорокъ восемь человѣкъ...“ Само собою разумѣется, что Милютинъ эти казни одобряетъ—потому что онѣ, вѣдь, предупредили еще большее кровопролитіе—и удивляется на европейскую печать, находившую об-

разъ дѣйствій Муравьева негуманнымъ. Но у него очень скоро оказались точки соприкосновенія не съ однимъ Муравьевымъ, а и со всей „камарильей“, еще вчера только выжившей Милютина изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Въ прошлую субботу императоръ собралъ нѣсколько человѣкъ и ясно выразилъ передъ ними свое одобреніе общей программѣ, изложенной въ нашемъ рапортѣ“, — писалъ Милютинъ Самарину уже изъ Петербурга, въ январѣ 1864 года.—„Оппозиція замерла. Одинъ князь Горчаковъ (министръ иностранныхъ дѣлъ) дѣлалъ оговорки... Князь Гагаринъ поддерживаетъ насъ самымъ энергическимъ образомъ, Чевкинъ тоже... Гр. Панинъ (другой вчерашній врагъ Милютина, бывшій предсѣдатель „редакціонныхъ комиссій“), несмотря на легкій оппозиціонный оттѣнокъ, былъ чрезвычайно милъ и любезенъ. Словомъ, все прошло такъ хорошо, какъ только возможно“. По старой памяти, Милютинъ еще высказываетъ дальше нѣкоторый скептицизмъ,—но онъ былъ совершенно напрасенъ: на политической почвѣ ему и его вчерашнимъ врагамъ было нечего дѣлить, а раздѣлившій ихъ ранѣе экономическій вопросъ теперь не игралъ роли, ибо дѣло шло не о русскихъ помѣщикахъ, а о польскихъ, только что учинившихъ революцію *).

Мы привели всѣ эти выписки, конечно, не для того, чтобы очернить передъ читателями „честнаго кузнеца-гражданина“: въ полной его искренности не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. И эти письма носятъ всѣ совершенно интимный характеръ—въ нихъ Милютинъ отразился съ фотографической подлинностью. Въ борьбѣ съ „конституціонными вожделѣніями“ камарилья могла на него положиться. А такъ какъ зимою 1858—59 годовъ политическій моментъ неожиданно опять выдвинулся на первый планъ, то феодальная камарилья просто не сообразила, что, отдавая дѣло въ руки Милютина и его товарищей изъ буржуазной группы, она сажаетъ себѣ на спину своихъ экономическихъ противниковъ. Когда феодалы понемногу поняли это—особенно должно было стать это ясно послѣ того, какъ „редакціонныя комиссіи“ выжили изъ своей среды представителей феодальной группы, кн. Паскевича и гр. Шувалова, и обнаружилось, что даже Позенъ не имѣетъ въ „комиссіяхъ“ никакого вліянія, — когда, съ другой стороны, встрѣтившись

*) Всѣ цитаты изъ писемъ Милютина и Самарина по Leroy-Beaulieu „Un homme d'Etat russe“, Paris, 1884. Нѣкоторыя изъ писемъ опубликованы впослѣдствіи и въ русскомъ оригиналѣ, но у насъ былъ подъ руками только французскій текстъ.

лицомъ къ лицу съ дворянскими „революціонерами“, они убѣдились въ полной безобидности огромнаго большинства этихъ послѣднихъ, — „камарилья“ поспѣшила дать задній ходъ: дѣло снова было взято, съ самой грубой безцеремонностью, изъ рукъ милютинскаго кружка и снова забрано было въ надежныя феодальныя руки. Будь камарилья и губернскіе комитеты экономически солидарны между собою, реформа, несмотря на всѣ усилія Милютина, все же прошла бы по гагаринскому типу: ее спасло то, что и въ комитетахъ было множество сторонниковъ буржуазной программы, изъ чрезвычайно видныхъ дѣятелей, притомъ—начиная съ Кошелева и Унковскаго. Работу редакціонныхъ комиссій спасъ какъ разъ тотъ элементъ, къ которому эти комиссіи относились съ такимъ недовѣріемъ.

Пока дѣло „освобожденія“ крестьянъ было въ рукахъ комитетовъ, Милютинъ относился къ его возможному исходу съ чрезвычайнымъ скептицизмомъ. „Въ какихъ теперь все это рукахъ?“—писалъ онъ въ началѣ 1858 года своему дядѣ, знакомому намъ гр. П. Д. Киселеву.—„Что за безсмыслiе и неурядица! Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство, корыстное, неподготовленное, неразвитое, предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себѣ представить, что выйдетъ изъ этого, безъ руководства и направленія, при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей“. Всеспасающая „общественная инiціатива“ не внушала, такимъ образомъ, пріятелю Кавелина никакого довѣрія: единственной силой, отъ которой онъ чего-либо ждалъ, была личная власть. „Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который одинъ обуздываетъ настоящую реакцію и силу инерціи“. Можно подумать, что съ переходомъ эмансипаціи подъ просвѣщенное „руководство и направленіе“ кавелинскаго кружка все пошло совершенно иначе. Мы не можемъ судить, правда, что сдѣлалъ бы самъ Кавелинъ (если не считать того, что въ своемъ собственномъ имѣніи онъ, впослѣдствіи, использовалъ всѣ „поправки“, внесенныя въ реформу кн. Гагаринымъ): въ „редакціонныя комиссіи“ его не пустили. Благодаря этому, руководящая теоретическая роль въ комиссіяхъ досталась „славянофиламъ“ —главнымъ образомъ Ю. Ѳ. Самарину: такъ, по крайней мѣрѣ, утверждало тогдашнее общественное мнѣніе. Но для того, чтобы померкъ тотъ ореолъ, которымъ доселѣ окружена дѣятельность редакціонныхъ комиссій на страницахъ либеральной публицистики, нѣтъ ни малѣйшей надобности пускаться въ

Слава Россіи.

При первомъ взглядѣ на гравюру А. Грачева „*Слава Россіи*“ кажется, что сюжетъ ея переноситъ насъ въ героическія времена XVIII столѣтія, когда вычурность конкурировала съ кощунствомъ, ложь съ изяществомъ, холопство съ преступленіемъ, исторія съ сочинительствомъ, земля съ небомъ... Въ облакахъ также видимъ героевъ XVIII вѣка, Александра I, на землѣ колѣнопреклоненный, павшій ницъ народъ, плоды, фрукты, цвѣты, небесно-восторженныя лица,—тотъ же совершенно неизбѣжный храмъ славы съ коринѳскими колоннами, возносящееся къ небу крылатое существо, которое неистово трубитъ славу.... Четверкой лихихъ лошадей въ колесницѣ управляетъ амуръ съ огненнымъ языкомъ на головѣ... На колесницѣ изображенъ молодой императоръ Николай Первый въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ въ лѣвой рукѣ... По разбросаннымъ и разбрасываемымъ по землѣ розамъ бѣшено мчится аллегорическая колесница, а огненно-язычный амуръ съ растерявшимся личикомъ не знаетъ, какъ ему сдержать колесницу, ибо еще одно мгновенье—налетитъ она на безногаго съ костылемъ солдата, сомнетъ его и неудержимо налетитъ на дуло громадной пушки, которая по какому-то дикому капризу художника очутилась какъ разъ на дорогѣ славы.

теоретическій анализъ ихъ трудовъ. Имъ была дана практическая директива, позволявшая, казалось бы, сдѣлать изъ реформы настоящее освобожденіе крестьянъ, безъ ковычекъ. Вырванный у феодальной группы знакомымъ намъ припадкомъ паники журналъ главнаго комитета 4 декабря 1858 г. ставилъ задачей новаго курса предоставить бывшимъ крѣпостнымъ „право свободныхъ сословій, лично, по имуществу и по праву жалобы“—признавая, въ то же время, необходимость „стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались земельными собственниками“. Шли ли комиссіи неуклонно въ этомъ,—не разрѣшенномъ, а формально предписанномъ имъ—направленіи: созданія въ Россіи класса свободныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ? Весьма осторожно и съ большими зигзагами. Въ основу юридической характеристики новаго „свободнаго сословія“ комиссіи положили—какъ это ни покажется страннымъ—старомосковскую идею „тягла“, ту самую идею, что лежала въ основѣ крѣпостного права. „На основаніи дѣйствующихъ законовъ“,—разсуждали комиссіи,—„всѣ свободныя сословія, несмотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они, отъ высшихъ до низшихъ, непосредственно тянутъ (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство русской земли и единство правящей ею верховной власти“. Можно было бы спросить редакціонныя комиссіи, въ чемъ же заключалось въ 1860 году „тягло“ не только дворянъ, но хотя бы купцовъ или городского мѣщанства? Къ серединѣ XIX вѣка „тяглыми“ оставались только крестьяне,—реформа, юридически, въ томъ и состояла, чтобы сравнять ихъ съ остальными обывателями; но для редакціонныхъ комиссій такой шагъ былъ слишкомъ рѣзкимъ и радикальнымъ. Для крестьянъ были сохранены сословныя учрежденія—волостное правленіе и волостной судъ,—а въ рукахъ этихъ учрежденій и старый аппаратъ воздѣйствія на новыхъ „государевыхъ тяглецовъ“: розги. Цѣлый рядъ губернскихъ комитетовъ, притомъ вовсе не особенно буржуазныхъ, какъ московскій, напримѣръ, оказались въ этомъ отношеніи лѣвѣе друзей Кавелина, категорически настаивая на отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Такъ было со „свободой“; въ томъ же родѣ шло дѣло и съ „земельной собственностью“. Кавелинскаго принципа—сохраненія въ рукахъ крестьянъ всей земли, какою они пользовались въ моментъ освобожденія, ибо было совершен-

но ясно, какъ увидимъ далѣе, что и она могла служить лишь минимальнымъ обезпеченіемъ выкупныхъ платежей,—этого принципа комиссіи провести до конца не сумѣли. Еще въ первомъ періодѣ своей дѣятельности, до столкновенія съ представителями губернскихъ комитетовъ, комиссіи, въ засѣданіи 20 іюня 1859 года, значительнымъ большинствомъ высказались за отрѣзку, т.-е. за принципіальное право помѣщика уменьшать, въ извѣстныхъ случаяхъ, надѣлъ своихъ крестьянъ при освобожденіи. Онѣ утѣшали себя тѣмъ, что случаи эти должны были оставаться исключительными; но во второмъ періодѣ дѣятельности комиссій, послѣ ихъ столкновенія съ губернскими комитетами (въ августѣ—октябрѣ 1859 года), и это утѣшеніе оказалось призрачнымъ. По установленнымъ комиссіями, подъ давленіемъ комитетовъ, нормамъ максимальнаго надѣла, отрѣзка, по цѣлому ряду черноземныхъ уѣздовъ, должна была коснуться трети, половины, мѣстами даже большинства имѣній (въ отдѣльныхъ случаяхъ до 80%!): „исключеніе“ оказывалось распространеннѣе правила. Комиссіи утѣшали себя еще тѣмъ, что, зато, оцѣнили онѣ отходящую къ крестьянамъ землю дешевле, чѣмъ помѣщики. Но, во-первыхъ, разница не такъ ужъ велика: курскій комитетъ, напримѣръ, желалъ получить за надѣлъ 80—93 рубля, комиссіи оцѣнили его въ 64—81 рубль; калужскій—отъ 100 до 150, комиссіи отъ 111—120; московскій отъ 160 до 179, комиссіи отъ 76 до 120. Кромѣ Москвы, столкновеніе было довольно рѣшительнымъ въ Ярославлѣ: ярославскіе дворяне (очень либеральные, какъ мы видѣли) желали получить за мужицкую землю отъ 196 до 270 руб., комиссіи не давали больше 75—166 руб. Зато въ рядѣ случаевъ оцѣнки комитетовъ и комиссій сходятся чрезвычайно близко: въ Тульской губерніи 69—137 р. (комитетъ) и 66—139 р. (комиссіи); въ Харьковской—96 р. (комитетъ) и 71—101 р. (комиссіи) *). Но всѣ эти ариѳметическіе подвиги ступевываются передъ тѣмъ фактомъ, что принципъ оцѣнки крестьянской земли выше ея дѣйствительной стоимости, т.-е. замаскированный выкупъ личности вполнѣ признавали и комиссіи. „При уступкѣ земель крестьянамъ въ собственность за выкупъ“,—писали они,—„помѣщикъ лишится... дохода, а потому и долженъ получить соразмѣрное вознагражденіе. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить высшій размѣръ выкупной суммы не оцѣнкою выкупаемыхъ угодій, а

*) Цифры по Скребицкому, т. IV, стр. 1232. Мы не различали большинства и меньшинства комитетовъ—такъ какъ въ данномъ случаѣ это не интересно.

суммою постояннаго дохода или денежнаго оброка, установленнаго на основаніи Положенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ во многихъ случаяхъ будетъ превышать дѣйствительную стоимость поземельныхъ угодій, такъ какъ для опредѣленія размѣра крестьянскихъ оброковъ редакціонныя комиссіи приняли за исходную точку не поземельную ренту, а нынѣшнія повинности, установившіяся подъ вліяніемъ крѣпостного права".

Если прибавить, что и въ вопросѣ о самомъ выкупѣ была сдѣлана крупная уступка феодальной сторонѣ: выкупъ былъ сдѣланъ комиссіями обязательнымъ для крестьянъ, но не для помѣщика—отъ его воли зависѣло, пустить землю въ своемъ имѣніи на выкупъ, или нѣтъ,—то позиція комиссій, какъ промежуточная между феодальной и буржуазной группами, обрисуется передъ нами съ полной отчетливостью. Всеросійское дворянское собраніе, о которомъ мечтали помѣщики, вѣроятно, дало бы точно такую же картину компромисса,—ибо ни освобожденіе вовсе безъ земли, ни съ черезчуръ малымъ земельнымъ надѣломъ вовсе не отвѣчало выгодамъ всѣхъ или даже большинства дворянъ. Быть можетъ, крестьяне изъ рукъ этого собранія вышли бы еще меньше „землевладѣльцами", но зато по части „свободы" они, пожалуй, выиграли бы: проекты комитетовъ были ближе къ буржуазнымъ отношеніямъ въ деревнѣ и дальше отъ идеи старо-московскаго „тягла", нежели крестьянское „самоуправленіе" по проектамъ комиссій. Кромѣ того, непосредственное столкновеніе съ феодалами, безъ всякаго промежуточнаго буфера, внѣ сомнѣній, подвинуло бы еще влѣво буржуазно настроенную часть помѣщиковъ: редакціонныя же комиссіи, ближайшимъ образомъ, достигли лишь того, что этой буржуазной части былъ просто зажатъ ротъ. Ибо весьма склонный къ компромиссамъ въ экономической области, по части „свободы" Милютинъ былъ неумолимъ: именно онъ, вопреки даже мнѣнію значительной части членовъ комиссій, въ томъ числѣ Самарина, настаивалъ на томъ, чтобы депутатамъ отъ комитетовъ, съѣхавшимся въ Петербургъ въ августѣ 1859 года, не давать никакого голоса въ рѣшеніи дѣла, даже не разговаривать съ ними по существу, а ограничиться формальнымъ отобраніемъ у нихъ справокъ по нѣсколькимъ второстепеннымъ вопросамъ. При такихъ условіяхъ депутатамъ ничего не оставалось, какъ апеллировать, черезъ голову комиссій къ правительству. Насколько усиливалась этимъ позиція феодальной группы,

нетрудно оцѣнить, если вспомнить, что среди этихъ „депутатовъ перваго призыва“ были такіе люди, какъ Кошелевъ и Унковскій. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ было то, что въ самихъ комитетахъ окрѣпло феодальное теченіе — и депутаты „второго приглашенія“ довольно единодушно стремились уже къ обезземеленію крестьянъ. Милютинъ, конечно, не хотѣлъ быть орудіемъ камарильи, но роль такого орудія онъ, помимо своей воли и сознанія, все же сыгралъ.

Если члены комиссій не сознавали логики своего положенія вначалѣ, — они должны были понять, ее увидавъ, какъ кончилось дѣло. Едва комиссіи кончили заданную имъ работу—собрали нужное количество экономическаго и юридическаго матеріала, выработали технику реформы и обуздали крамольные комитеты,—какъ отъ нихъ поспѣшили отдѣлаться съ невѣроятной безцеремонностью: 10 октября 1860 года онѣ были закрыты почти экспромтомъ, и ни одинъ изъ ихъ членовъ не былъ допущенъ въ то учрежденіе, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ,—въ Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, преобразованный изъ знакомаго намъ „секретнаго“ комитета и, въ сущности, тоже „секретный“, ибо его пренія составляли тайну для всѣхъ, не исключая и бывшихъ членовъ комиссій... Милютинъ и его товарищи должны были частнымъ путемъ разузнавать, что дѣлаютъ съ проектомъ, куда они вложили всю душу. Принципіальной борьбы съ этимъ проектомъ засѣдавшему въ Главномъ комитетѣ феодальному синклиту, впрочемъ, не пришлось вести: комиссіи предупредительно оставили всѣ нужныя „крѣпостникамъ“ лазейки. Только Панинъ, внукъ усмирителя пугачевщины, министръ юстиціи Николая I и бывшій, послѣ смерти Ростовцева, предсѣдатель редакціонныхъ комиссій (еще болѣе номинальный предсѣдатель, впрочемъ, чѣмъ былъ Ростовцевъ) еще немного покромсалъ крестьянскіе надѣлы—гдѣ на полдесятины, гдѣ на четверть. Да кн. Гагаринъ вбилъ послѣдній гвоздь, проведя право помѣщиковъ освобождать крестьянъ почти безъ земли — съ одной четвертью надѣла. Въ дальнѣйшемъ и Главный комитетъ и, сыгравшій роль чисто формальной инстанціи, Государственный совѣтъ остались на почвѣ проекта комиссій. Благодаря тому, что эти послѣднія поставили выкупъ, т.-е. окончательную ликвидацію отношеній между бариномъ и его бывшими крѣпостными, въ зависимость отъ согласія помѣщика, въ Положеніи 19 февраля оказались узаконенными сразу оба типа „освобожде-

нія": николаевскій, по которому крестьяне оставались „обязанными" (какъ по закону 1842 года), и болѣе новый,— буржуазный—дѣлавшій изъ крестьянъ, на бумагѣ, „свободныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ". И тѣ и другіе оставались, конечно, одинаково привязанными къ мѣсту— ибо сохранена была круговая порука въ дѣлѣ уплаты податей и повинностей, и крестьянинъ не могъ уйти изъ деревни безъ согласія „міра",—а міръ имѣлъ всѣ побужденія его не выпускать. Но зато помѣщикъ былъ совершенно не связанъ въ выборѣ системы хозяйства — онъ могъ вести его по-новому, наемными работниками, или по-старому, оброкомъ, либо барщиной. Ликвидація крѣпостного хозяйства, такимъ образомъ, была всецѣло предоставлена иниціативѣ землевладѣльцевъ; этого не нужно забывать, когда мы слышимъ, что крѣпостное право было отмѣнено „сверху". Право—да; хозяйство—нѣтъ. Относительно хозяйства былъ устроенъ своего рода плебисцитъ между помѣщиками: и вотъ какіе результаты далъ этотъ плебисцитъ. Къ 1 мая 1864 года „Положеніе 19 февраля" было введено во всѣхъ—или почти во всѣхъ—имѣніяхъ европейской Россіи. Изъ 109.758 имѣній съ 9.765.925 душами крестьянъ остались на „обязанномъ" положеніи:

75.412 имѣній съ 5.300.000 душами.

Перешли на выкупъ или воспользовались гагаринской оговоркой о четвертномъ (дарственномъ) надѣлѣ:

34.301 имѣніе съ 4.465.739 душами.

Для того, чтобы правильно оцѣнить эти цифры *), надобно принять въ соображеніе, съ одной стороны, что въ западныхъ губерніяхъ послѣ польскаго возстанія 1863 года выкупъ былъ сдѣланъ обязательнымъ (во всей Россіи онъ сталъ обязательнымъ только въ 1881 году). Съ другой стороны, что для владѣльцевъ оброчныхъ имѣній (составлявшихъ около $^1/_3$ общаго числа), вообще менѣе другихъ заинтересованныхъ въ ликвидаціи крѣпостного права, было создано лишнее побужденіе отложить эту ликвидацію, въ видѣ обѣщанія пересмотра — само собою разумѣется, повышенія—крестьянскаго оброка черезъ 20 лѣтъ. Кто сталъ бы рѣзать курицу, которая могла еще снести золотое яйцо? Произведя соотвѣтствующіе вычеты, мы увидимъ, что за „свободный трудъ" высказалось немедленно же послѣ реформы до поло-

*) Онѣ заимствованы нами изъ ст. г. Попельницкаго „Какъ принято было Положеніе 19 февраля крестьянами", „Совр. Міръ", 1911 г., мартъ, стр. 187. Данныя ниже оттуда же.

вины помѣщиковъ. Это даетъ намъ мѣрку распространенности „манчестерскихъ“ взглядовъ среди тогдашняго дворянства.

Сохраненіе „обязанныхъ“ отношеній, буде того пожелаетъ помѣщикъ, послужило главнымъ источникомъ „недоразумѣній“ при проведеніи реформы на мѣстахъ: Киселевъ воочію могъ убѣдиться, къ какому хаосу привелъ бы сочиненный имъ при Николаѣ планъ освобожденія крестьянъ, если бы онъ осуществился. Система выкупныхъ платежей (детальнѣе мы коснемся ея въ слѣдующей главѣ) была такъ сложна, что не однимъ крестьянамъ не сразу было догадаться о дѣйствительномъ ихъ значеніи: скрывающемся за выкупомъ земли выкупѣ личности. Но быть отъ царя объявленнымъ свободнымъ человѣкомъ—и въ то же время продолжать ходить на барщину или платить оброкъ: это было вопіющее противорѣчіе, бросавшееся въ глаза. „Обязанные“ крестьяне твердо вѣрили, что эта воля — не настоящая: придетъ „слушный часъ“, и тогда самъ царь (а не помѣщики, чиновники и попы) объявитъ настоящую волю. Единственнымъ средствомъ убѣдить крестьянъ, что Положеніе 19 февраля и есть настоящая воля, были розги. Посланный въ Калужскую губернію генералъ Казнаковъ (реформа проводилась при помощи высочайше командированныхъ на мѣста генераловъ и флигель-адъютантовъ — отголосокъ неосуществившагося проекта о генералъ-губернаторахъ) доносилъ, что онъ „противъ своего убѣжденія и даже безъ надежды на успѣхъ рѣшился на испытаніе розогъ и, къ счастью и удивленію его, достаточно было не страшнаго числа ударовъ, а легкаго наказанія въ предѣлахъ, ниже дозволенныхъ закономъ даже полицейско-исправительной власти, для преодолѣнія непонятнаго до того упорства крестьянъ“. Никогда такъ много не сѣкли, по словамъ современниковъ, какъ въ первые три мѣсяца послѣ объявленія „воли“: и у крестьянъ даже сложилось убѣжденіе, что въ самомъ „Положеніи“ есть статья, предписывающая пороть всякаго мужика, осмѣлившагося это „Положеніе“ прочесть. Но не всегда и розогъ оказывалось достаточно: за два года составленія „уставныхъ грамотъ“ въ 2115 селеніяхъ пришлось примѣнять военную силу, при чемъ временами доходило до настоящихъ военныхъ дѣйствій, съ десятками убитыхъ и раненыхъ—со стороны крестьянъ, разумѣется. И тѣмъ не менѣе, изъ 97.539 уставныхъ грамотъ 45.825 было не подписано крестьянами: почти половина ихъ отказалась отъ „свободнаго труда“ въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ манифестомъ 19 февраля 1861 года.

ГЛАВА XX.

Шестидесятые годы.

1. Пореформенная экономика.

„Удача“ или „неудача“ крестьянской реформы всецѣло зависѣла отъ того, удержится или не удержится экономическая конъюнктура, на почвѣ которой созрѣла, среди помѣщиковъ, самая идея реформы. Ибо не нужно забывать, что если теоретически преимущества „свободнаго труда“ были демонстрированы еще въ 60-хъ годахъ предшествующаго вѣка, если правительство, по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, носилось съ планами „освобожденія“ уже въ первые годы XIX столѣтія, то хозяева-практики согласились на реформу лишь къ сороковымъ годамъ, даже къ концу ихъ, а разговоры о реформѣ, пока не было на нее согласія непосредственныхъ

владѣльцевъ крѣпостного труда, были простымъ сотрясеніемъ воздуха. Обманулъ или не обманулъ ожиданія русскихъ дворянъ „свободный трудъ“? Наиболѣе заинтересованныя лица, сами дворяне, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка отвѣчали на это утвердительно. О томъ, что дворянство что-то „потеряло“ отъ реформы, можно было прочесть даже въ очень благонамѣренныхъ историческихъ книжкахъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы истекшаго столѣтія. Художественная литература, толкуя объ „оскудѣніи“, якобы постигшемъ россійскаго помѣщика послѣ „воли“, вторила этимъ утвержденіямъ. Дѣйствительное оскудѣніе эпохи Александра III отбросило мрачную тѣнь на двадцать лѣтъ назадъ. Коротка память у людей, и свѣжая бѣда заставляетъ ихъ забывать долгіе годы предшествовавшаго этой бѣдѣ благополучія.

Если мы отъ колеблющихся настроеній перейдемъ къ твердымъ, объективнымъ даннымъ, отъ психологіи къ статистикѣ, мы сразу увидимъ, когда началось „оскудѣніе“—и можно ли говорить о немъ для двухъ десятилѣтій, непосредственно слѣдовавшихъ за 19 февраля 1861 года. Мы видѣли, что крестьянская „свобода“ была прямымъ отвѣтомъ на высокія хлѣбныя цѣны, установившіяся въ Западной Европѣ съ сороковыхъ годовъ: а международный хлѣбный рынокъ уже тогда командовалъ болѣе тѣснымъ и узкимъ русскимъ рынкомъ. Сравните два ряда цифръ въ нижеслѣдующей табличкѣ—и оскудѣніе, настоящее оскудѣніе станетъ передъ вами со всей рельефностью, можно сказать, автоматически отмѣчая свою дѣйствительную хронологическую дату.

Годы.	Цѣна гектолитра пшеницы во франкахъ.				
	Франція.	Англія.	Пруссія.	Италія.	Соед. Шт.
1862—71	21,67	21,96	22,98	21,03	20,17
1891—1900	16,80	12,11	15,48	17,88	8,97

Это—конечные результаты: бѣда уже пришла. Она подбиралась постепенно, и та же статистика даетъ намъ возможность замѣтить ея приближеніе издалека. Если, какъ мы это дѣлали раньше, мы примемъ хлѣбныя цѣны 20-хъ годовъ XIX вѣка за 100, мы получимъ такія соотношенія:

Годы.	Пшеница.	Рожь.
1861—70	168,20	177,80
1871—80	181,38	191,03
1881—84	159,97	179,37

Цѣны стали падать, такимъ образомъ, только съ начала 80-хъ годовъ: съ конца 50-хъ годовъ и до этого времени

онѣ, хотя и съ колебаніями, все время поднимались *). Поднимался, само собою разумѣется, и русскій хлѣбный вывозъ:

Трехлѣтія.	Тысячи четвертей.	Трехлѣтія.	Тысячи четвертей.
1848—50	3.896	1863—65	8.708
1851—53	7.569	1866—68	13.154
1857—59	8.780	1869—71	18.154
1860—62	8.859	1872—74	21.080

Если мы примемъ вывозъ послѣдняго трехлѣтія (1857—59 гг.) передъ 19 февраля за 100, вывозъ трехлѣтія 1872—74 г. выразится цифрой 240 **). Еще два года спустя, къ 1876 году, эта цифра дошла до 287—пореформенный вывозъ увеличился сравнительно съ дореформеннымъ почти втрое за 15 лѣтъ.

Но, скажетъ читатель, что же тутъ удивительнаго? За эти пятнадцать лѣтъ Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, подвозъ хлѣба къ портамъ сталъ во много разъ удобнѣе и дешевле,—возможно, что такіе же результаты были бы достигнуты и при крѣпостномъ правѣ. Дѣйствительно, изъ 26 милліоновъ четвертей хлѣба, вывезеннаго за границу въ 1874 году, 17 милліоновъ было доставлено по желѣзной дорогѣ, и лишь 9—водяными путями или на лошадяхъ: почти тѣ же 9 милліоновъ четвертей вывозились ежегодно и въ 1859—61 годахъ, когда желѣзныхъ дорогъ въ Россіи почти еще не было. И, тѣмъ не менѣе, результаты не могли бы быть такими же, потому что хлѣба для вывоза въ распоряженіи населенія было бы меньше. „Манчестерское“ предположеніе помѣщиковъ о большей доходности „вольнаго“ труда оправдывается статистическими данными въ такой же мѣрѣ, въ какой ими опровергается „упадокъ“ русскаго сельскаго хозяйства послѣ реформы. Для провѣрки „манчестерскаго“ предразсудка у насъ имѣются два ряда цифръ. Во-первыхъ, имѣются данныя объ урожайности въ различныхъ губерніяхъ Россіи до и послѣ реформы. Данныя неполныя и, можетъ быть, не вполнѣ точныя, но такъ какъ точность ихъ всюду нарушена въ одномъ направленіи, въ сторону излишняго оптимизма, то неточность абсолютныхъ цифръ не мѣшаетъ отношеніямъ быть весьма поучительными. Послѣ „осво-

*) Первая табличка взята нами у Beaurieux, вторая у Hansen'a, цитиров. сочиненія.

**) Бліохъ. „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи“, II, стр. 42. Мы нѣсколько округлили подсчетъ Бліоха, вычисленный съ точностью до 0,01%, и пропустили трехлѣтіе 1854—56 гг.—годы Крымской войны.

божденія" крестьянъ земля стала родить больше, это не подлежитъ сомнѣнію:

Губерніи:	Урожай („самъ-сколько"). 1857—66 гг. Озимые хлѣба вообще.	1870—82 гг. Оз. рожь.	Оз. пшеница.
Воронежская	4,0	4,2	4,0
Полтавская	3,9	4,8	4,3
Рязанская	3,4	4,2	5,1
Орловская	3,9	4,4	5,1
Курская	3,5	5,3	5,7
Тамбовская	3,9	5,3	5,3
Пензенская	4,1	5,1	3,8

Урожайность ржи повысилась вездѣ, урожайность пшеницы понизилась въ одной Пензенской губерніи, да въ Воронежской осталась на прежнемъ уровнѣ: и это—чрезвычайно характерное обстоятельство. Пшеница—барскій хлѣбъ, рожь—мужицкій; на крестьянскихъ земляхъ пшеницей засѣяна, считая на всю Россію, лишь одна пятая общей площади, рожью—$^4/_5$, тогда какъ на помѣщичьихъ земляхъ подъ пшеницею треть и подъ рожью $^2/_3$. При чемъ крестьянскіе посѣвы пшеницы уже въ 80-хъ годахъ все уменьшались и уменьшались *). Ростъ урожайности „мужицкаго" хлѣба при всѣмъ извѣстной застойности крестьянской земледѣльческой техники за этотъ періодъ, можетъ быть отнесенъ исключительно на счетъ производительности труда, въ самомъ тѣсномъ и прямомъ значеніи этого слова. Земля стала родить больше, когда съ нея сняли барщину. И, несмотря на быстрый въ Россіи ростъ населенія, хлѣба на каждую душу стало оставаться больше:

Губерніи:	Производство зерна (четвертей на душу чистаго сбора). 1864—66	1870—79	1883—87
южныя степныя	2,09	2,14	3,42
нижневолжскія и заволжскія	2,12	2,96	3,35
средне-черноземныя	3,32	3,88	3,28

Чистый остатокъ въ рукахъ населенія увеличился; такимъ образомъ, увеличилось и количество хлѣба, которое могло быть вывезено за границу. Мы нарочно сохранили и третій столбецъ таблички, выходящей за хронологическіе предѣлы нашихъ наблюденій: онъ намѣчаетъ не только время, но и мѣсто начинавшагося оскудѣнія. Раньше всего

*) Nicolas-on. „Histoire du développement économique de la Russie". Paris, 1902, pp. 154—155. Французское изданіе полнѣе русскаго изданія „Очерковъ".

сталъ падать старый земледѣльческій центръ; „колоніи“ удержались лучше *).

Итакъ, „манчестерцы“ оказались правы: земледѣльческій трудъ въ Россіи сталъ производительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ „свободнымъ“, хотя бы и въ ковычкахъ. Что было бы, если бы онъ сталъ свободнымъ въ подлинномъ смыслѣ слова, мы съ трудомъ можемъ себѣ представить. Но это были бы праздныя мечтанія: вернемся къ реальности. Наряду съ предразсудкомъ насчетъ оскудѣнія помѣщиковъ непосредственно послѣ реформы и благодаря ей, прочно живетъ и другой, гласящій, что „манчестерцы“, наговоривъ либеральныхъ фразъ, подъ шумокъ все-таки сохранили старую барщину, въ видѣ знаменитыхъ отработковъ. „Отрѣзавъ“ у крестьянъ, по Положенію 19 февраля, земли, для тѣхъ абсолютно необходимыя,—луга, выгоны, даже мѣста для прогона скота къ водопою, помѣщики заставляли ихъ арендовать эти земли не иначе, какъ подъ работу, съ обязательствомъ вспахать, засѣять и сжать на помѣщика опредѣленное количество десятинъ. Что на такихъ началахъ велось помѣщичье хозяйство нечерноземной полосы въ 70-хъ годахъ, это категорически подтверждаетъ Энгельгардтъ (его „Письма изъ деревни“, какъ извѣстно, единственный въ своемъ родѣ памятникъ экономической исторіи Россіи въ пореформенную эпоху). Онъ говоритъ, что, когда онъ сѣлъ на землю и началъ хозяйничать, ни одинъ разумный помѣщикъ въ его округѣ (и онъ самъ въ томъ числѣ) не сдавалъ крестьянамъ „отрѣзковъ“ за деньги. Многіе жили только „отрѣзками“; одинъ хвасталъ, что его отрѣзки охватываютъ, какъ кольцомъ, 18 деревень, которыя всѣ у него въ кабалѣ; едва пріѣхавшій арендаторъ-нѣмецъ въ качествѣ одного изъ первыхъ русскихъ словъ запоминалъ atreski и, арендуя имѣніе, прежде всего справлялся, есть ли въ немъ эта драгоцѣнность. Но работа крестьянъ за арендуемую у барина землю—это, говорятъ, та же барщина: гдѣ уцѣлѣли отработки, тамъ сохранилось, попрежнему, барщинное хозяйство. Однако, во-первыхъ, это не одно и то же,—хотя поводъ къ смѣшенію и подалъ такой авторитетъ, какъ Марксъ, разсматривающій отработки и барщину, какъ двѣ разновидности одного типа хозяйства. На самомъ дѣлѣ это два разныхъ типа, и Марксъ въ другомъ мѣстѣ указалъ совершенно правильный принципъ

*) Первая табличка составлена нами по даннымъ, приложеннымъ ко II тому извѣстной книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ и т. д.“. Вторая—заимствована у В. Ильина: „Развитіе капитализма въ Россіи“, первое изданіе, стр. 186.

различенія этихъ двухъ типовъ, установивъ разницу экономическаго и внѣ-экономическаго принужденія. Крѣпостные крестьяне юридически были обязаны отбывать барщину—экономически они вовсе не были къ этому вынуждены; хотя, теоретически, надѣлъ барщиннаго крестьянина и можетъ разсматриваться, какъ обезпеченіе его барщинной повинности, но на практикѣ въ русскомъ крѣпостномъ имѣніи онъ обезпечивалъ вовсе не ее, а повинности крестьянина передъ казной, подати (которыя иначе помѣщикъ вынужденъ былъ бы платить изъ своего кармана). Едва ли можно указать случай, чтобы у крестьянской семьи былъ отобранъ надѣлъ, т.-е. чтобы крестьянское хозяйство было разорено, изъза того, что члены данной семьи плохо работали на барщинѣ: примѣнившій такую „мѣру взысканія“ помѣщикъ вполнѣ уподобился бы высѣкшей самое себя унтеръ-офицершѣ. За плохую барщину можно было смѣнить большака, что и дѣлалось, отдать семью подъ надзоръ другой, болѣе исправной, взыскать со всей общины, наконецъ, по круговой порукѣ: но если помѣщикъ иногда обезземеливалъ крестьянъ, онъ дѣлалъ это внѣ всякой связи съ тѣмъ, исправны или не исправны они на барщинѣ. Съ отработками дѣло обстояло совершенно иначе. Юридически крестьянинъ вовсе не обязанъ былъ снимать отрѣзки у барина и за то на него работать: но безъ отрѣзковъ онъ не могъ вести своего крестьянскаго хозяйства; въ силу этого отработки являлись для него экономической необходимостью. Въ сущности, все равно, что заставляетъ человѣка продавать свой трудъ, и если не все равно, что́ онъ за этотъ трудъ получаетъ, то тутъ именно разница видовая, а не родовая. Отработочный крестьянинъ, батракъ съ надѣломъ, сельскій пролетарій—это три послѣдовательныя ступени развитія наемнаго труда въ земледѣліи. При чемъ даже и настоящій наемный работникъ можетъ получать свою плату, или часть ея, не деньгами, а натурой: блестящимъ примѣромъ этого является скотникъ Энгельгардта *). Отработочное хозяйство—не простая замаскировка крѣпостного: это, экономически, хозяйство полу-буржуазное. И очень характерно, что двадцать пять лѣтъ послѣ реформы даже это полу-буржуазное хозяйство въ Россіи не являлось уже пра-

*) Скотникъ получалъ въ годъ „60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мѣръ ржи, 2 куля овса, $1^1/_2$ куля ячменя“, кромѣ того, держалъ на хозяйскомъ корму корову и овцу, получалъ землю для огорода и для посѣва одной мѣрки льна и одной осьмины картофеля, и т. д., и т. д.

виломъ. По даннымъ 1883—1887 гг. всѣ губерніи Россіи можно было раздѣлить на три такія группы:

	Число губ. (а) черн., б) нечерн.)	Количество посѣва.
I. Губерніи съ преобладаніемъ капиталистической системы	19(а— 9,б—10)	7.407 тыс. десят
II. Губерніи со смѣшанной системой	7(а— 3,б— 4)	2.222 „ „
III. Губерніи съ преобладаніемъ отработочной системы .	17(а—12,б)— 5)	6.281 „ „

Но сюда входятъ данныя и о мелкопомѣстномъ хозяйствѣ, лучше всего консервировавшемъ остатки крѣпостного права. Если мы возьмемъ примѣръ съ одними средними или крупными имѣніями, преобладаніе капиталистической системы станетъ еще рельефнѣе. Цитируемый нами авторъ приводитъ 4 уѣзда Курской губерніи, гдѣ наемный трудъ примѣнялся такъ:

Уѣзды.	% имѣній, пріобрѣтающ. рабочихъ по вольному найму.		% имѣній, держащихъ батраковъ.	
	Среднихъ.	Крупныхъ.	Среднихъ.	Крупныхъ.
Дмитровскій . .	53,3	84,3	68,5	85,0
Фатежскій . . .	77,1	88,2	86,0	94,1
Льговскій . . .	58,7	70,8	73,1	96,9
Суджанскій . .	53,0	81,1	66,9	90,5

Такимъ образомъ, только ничтожное меньшинство крупныхъ имѣній держалось здѣсь отработочной системы—и рѣшительное большинство среднихъ также перешло уже къ наемному труду *). Крупное землевладѣніе въ черноземной полосѣ оказывалось наиболѣе буржуазнымъ: наблюденіе, важность котораго мы оцѣнимъ, если вспомнимъ, что большая часть дворянской земли была (и есть теперь) въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. По даннымъ середины 70-хъ годовъ только одна четырнадцатая дворянской земли принадлежала помѣщикамъ, имѣвшимъ менѣе 100 десятинъ на черноземѣ и менѣе 500 десятинъ въ нечерноземной полосѣ, т.-е. бывшимъ мелкопомѣстнымъ: а сами эти помѣщики составляли болѣе трехъ четвертей (76,5%) всей массы дворянъ-землевладѣльцевъ (90.225 изъ 114.716). Зато 10% дворянъ, имѣв-

*) Объ таблицы см. у Ильина, цит. соч., стр. 133—134.

шихъ каждый болѣе 1.000 десятинъ земли, владѣли тремя четвертями всей площади (74,5%). Въ рукахъ средняго землевладѣнія (100—500 дес. на черноземѣ и 500—1000 на суглинкѣ) было 20% всей земли *). Сопоставленіе этихъ цифръ даетъ ключъ къ цѣлому ряду политическихъ и экономическихъ явленій эпохи реформъ. Во-первыхъ, мы начинаемъ понимать, почему „знать“ такъ же прочно держала бразды правленія въ своихъ рукахъ послѣ 19 февраля, какъ и при Николаѣ Павловичѣ: экономически это была сильнѣйшая часть дворянства, притомъ далеко сильнѣйшая. Это еще болѣе подчеркивается распредѣленіемъ земельной собственности между отдѣльными группами самихъ крупныхъ землевладѣльцевъ: изъ общей массы принадлежавшей имъ земли (55 милліоновъ десятинъ) три пятыхъ (32 милліона) принадлежало крупнѣйшимъ собственникамъ, владѣвшимъ болѣе 5.000 десятинъ на каждаго.

Совершенно понятно, далѣе, почему, несмотря на всѣ „реформы“, основныя черты политическаго строя остались у насъ неизмѣнными и въ 60—70 годахъ: земельные магнаты, еще въ первой четверти столѣтія имѣвшіе случай убѣдиться въ крамольности средняго землевладѣнія, цѣпко держались за абсолютную монархію, для нихъ непосредственно, въ концѣ-концовъ, наиболѣе выгодную. Напротивъ, для этого средняго дворянства, составлявшаго незначительное меньшинство въ своемъ сословіи, крайне трудно было провести свою политическую программу, не опираясь на другіе общественные слои: въ 60-хъ годахъ повторялось то же, что было и 14 декабря. Ближайшимъ союзникомъ опять могла бы быть буржуазія. Но буржуазія торгово-промышленная при Александрѣ II, какъ и при Николаѣ I, попрежнему продолжала обнаруживать высшую степень благонамѣренности: мы увидимъ, дальше, что ей „сильная власть“ была какъ нельзя болѣе необходима въ это время. Буржуазія же аграрная, юридически появившаяся у насъ при Александрѣ I, но ставшая играть нѣкоторую соціальную роль лишь послѣ 19 февраля, развивалась очень туго. Къ числу обычныхъ признаковъ „оскудѣнія“ причисляется всегда и массовый переходъ барскихъ усадебъ въ руки Колупаевыхъ и Разуваевыхъ: на утрированность этой картины обращали вниманіе уже въ 90-хъ годахъ. Процентъ дворянскихъ земель, перешедшихъ въ не-дворянскія руки за тридцать лѣтъ послѣ „освобожде-

*) „Дворянство въ Россіи“, „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., т. II.

нія", правда, довольно значителенъ: изъ 79 милліоновъ десятинъ, считавшихся за дворянами передъ 1861 годомъ, убыло къ 1895 году 28 милліоновъ—болѣе 35%. Но, во-первыхъ, почти половина этого количества (до $12^1/_2$ милліоновъ дес.) перешла въ руки крестьянъ, непосредственно—не считая той земли, которая была перепродана крестьянамъ же маклаками-скупщиками. Притомъ, съ теченіемъ времени крестьянскія пріобрѣтенія все болѣе и болѣе росли на счетъ купеческихъ, которыя приходится считать основнымъ типомъ буржуазныхъ, хотя, конечно, „купецъ" и „буржуа"—не одно и то же. Крестьянскія и купеческія покупки распредѣляются по десятилѣтіямъ такъ:

		1863—72 гг.	1873—82 гг.	1883—92 гг.
Въ среднемъ покупалось ежегодно . .	крестьянами	155 тыс. дес.	340 тыс. дес.	550 тыс. дес.
	купцами . .	400 „ „	380 „ „	172 „ „

Ростъ буржуазнаго землевладѣнія на счетъ дворянскаго, и безъ того не быстрый, шелъ не ускоряясь, а замедляясь *). Причины—съ 80-хъ годовъ особенно созданіе Крестьянскаго банка, вздувшаго цѣны на землю,—мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Сейчасъ для насъ важенъ самый фактъ. Далѣе, географически буржуазное землевладѣніе въ Россіи распредѣлялось далеко не равномѣрно. По той же статистикѣ середины семидесятыхъ годовъ купеческое землевладѣніе было распространено въ губерніяхъ, во-первыхъ, промышленныхъ (Владимірская 27,4%, Московская 19,4%, Костромская 18,8%), во-вторыхъ, нижне-волжскихъ и новороссійскихъ (Самарская 20,2%, Саратовская 15,2%, Таврическая 17,8%, Бессарабская 17,9%, Херсонская 12,9%): т.-е. въ „колоніяхъ", которыя были гнѣздомъ буржуазнаго землевладѣнія отчасти и раньше 19 февраля (Саратовская и Таврическая губерніи). Въ „метрополіи" дворяне цѣпко держали земли въ своихъ рукахъ—процентъ купеческихъ имѣній на черноземѣ значителенъ только въ Тамбовской губерніи (15,4), въ остальныхъ черноземныхъ губерніяхъ мы встрѣчаемъ отъ 4 до 9% купеческой земли на 65—90% дворянской. А масса скупленныхъ и разоренныхъ Колупаевыми усадебъ? У насъ нѣтъ подъ руками данныхъ о количествѣ экспропріированныхъ помѣщиковъ, но вполнѣ можно допустить, что ихъ было много. Только разорялись, преимущественно, мелкіе землевладѣльцы-дворяне: крупное землевладѣніе оказывалось и болѣе прогрессивнымъ,

*) „Землевладѣніе въ Россіи", „Вѣстникъ Европы", 1904, январь.

и наиболѣе устойчивымъ въ то же время — одно тѣсно связано съ другимъ.

Перевѣсъ крупной дворянской собственности надъ имѣніями средняго размѣра даетъ намъ ключъ и къ исходу крестьянской реформы. Какъ бы ни была слаба феодальная программа теоретически, какъ бы ни были невѣжественны и отсталы ея выразители,—ихъ экономическое могущество обезпечивало имъ всю ту долю побѣды, какая была совмѣстима съ объективными условіями: ибо, не нужно этого забывать, безземельное освобожденіе крестьянъ грозило разореніемъ всѣмъ нечерноземнымъ помѣщикамъ,—а въ ихъ средѣ было достаточно и очень крупныхъ землевладѣльцевъ. Зато на черноземѣ (по вычисленіямъ г. Лосицкаго) было отрѣзано у крестьянъ до 30% надѣльной земли: и такъ какъ четверть надѣла готовы были отдать своимъ мужикамъ и феодалы—поправка кн. Гагарина,—то послѣдніе уступили, фактически, меньше чѣмъ наполовину (70% — 25% = 45%: эта цифра и выражаетъ, ариѳметически, долю уступки феодаловъ на черноземѣ). Мы видѣли, при этомъ, что побѣда феодальной программы вовсе не выражала еще собою побѣды феодальнаго типа хозяйства: напротивъ, феодалы скорѣе приспособились къ буржуазной обстановкѣ, чѣмъ мелкіе землевладѣльцы. Статистика даетъ намъ еще болѣе парадоксальный выводъ: „освобожденіе“ по феодальному типу болѣе способствовало развитію буржуазныхъ отношеній въ деревнѣ, чѣмъ реформа по типу буржуазному. Извѣстныя наблюденія г. Щербины надъ крестьянскими бюджетами (ограничивающіяся, къ сожалѣнію, очень тѣсной площадью—въ сущности, лишь нѣсколькими уѣздами Воронежской губерніи) даютъ нѣкоторую возможность прослѣдить развитіе денежнаго хозяйства въ крестьянской средѣ:

Разрядъ крестьянъ.	Земли на душу муж. пола дес.	Приходъ		Расходъ	
		натурой.	деньгами.	натурой.	деньгами.
1) б. государственные . .	1,57	63%	37%	57,3%	42,7%
2) „Собственники“ (б. помѣщичьи, получившіе надѣлы)	1,02	59,5%	40,5%	51,3%	48,7%
3) „Дарственники“ (получившіе $^1/_4$ надѣла)	0,30	26,6%	73,4%	23,2%	76,8%

„Дарственникъ“, „освобожденный“ по гагаринскому проекту, велъ хозяйство болѣе „денежное“, нежели щедрѣе его надѣленный землею „собственникъ“: другими словами, пер-

Всадница.

Оригиналъ картины К. П. Брюллова „*Всадница*“ находится въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ. Первоначально нами предполагалось дать другую картину того же художника, имѣющую за собой очень шумное прошлое, именно „*Разрушеніе Помпеи*„ (находится въ музеѣ императора Александра III, въ Петербургѣ). Послѣдняя картина характерна по тѣмъ восторгамъ, которые она когда-то вызывала среди извѣстной части русской публики. *Всадница* представляется, несомнѣнно, болѣе цѣнной для исторіи русской живописи вообще и въ частности портретной, ею отлично можно представить брюлловскую кисть, столь выразительную и мощную въ портретѣ; это старое произведеніе все еще *ново* по тѣмъ эстетическимъ эмоціямъ, которыя оно способно прозводить даже въ наше время... На фонѣ старой крѣпостной обстановки и обязательныхъ аксессуаровъ стараго портрета фигуры брызжутъ неподражаемой силой и жизненностью; отъ дѣвочки, схватившейся за металлическую рѣшетку и вонзившей наивно-простодушно-удивленный взоръ въ восхитительнаго коня, нельзя оторвать взора. При всей необычайной страстности дѣтскаго впечатлѣнія, еще не умѣющаго скрыться подъ маской условныхъ приличій, и коня, умѣющаго показать свою красоту въ выразительномъ бѣшенствѣ, выдвигается спокойная, величавая и красивая фигура всадницы, которую какъ будто ничто не трогаетъ, которая ничего не боится и создана исключительно «для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Съ художникомъ вмѣстѣ умерло его прошлое, но результатъ его творчества продолжаетъ восторженно, сказочно и красочно обрисовывать передъ современнымъ зрителемъ обстановку давно ушедшаго отъ насъ общества и напоминать объ исчезнувшей, но временами все еще соблазняющей прелести отвлеченно-эстетическаго впечатлѣнія.

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ“.

Изд. Т-ва „МІРЪ“

вый былъ ближе къ чистому пролетарію капиталистическаго общества, тогда какъ послѣдній являлся промежуточною ступенью не между пролетаріемъ и мелкимъ собственникомъ, какъ это было бы въ условіяхъ развитого буржуазнаго строя, а между пролетаріемъ и крестьяниномъ феодальнаго типа, вмѣстѣ съ натуральнымъ хозяйствомъ сохранившимъ, конечно, и феодальную идеологію во всей ея неприкосновенности... Не даромъ еще Чернышевскій задумывался надъ вопросомъ: не была ли бы полная побѣда феодальной программы—освобожденіе безъ земли — въ конечномъ счетѣ для крестьянъ выгоднѣе?

Но нѣтъ надобности поднимать общаго вопроса: что было бы выгоднѣе для крестьянъ—оказаться совсѣмъ обезземеленными или получить надѣлъ. Достаточно присмотрѣться къ условіямъ, какими обставлено было полученіе этого надѣла, чтобы намъ стало ясно, что сдѣлаться такимъ „собственникомъ“, во всякомъ случаѣ, было менѣе выгодно, нежели просто стать пролетаріемъ. Читатель, вѣроятно, еще хорошо помнитъ, какое значеніе усваивалось крестьянскому надѣлу „буржуазной“ программой: это было обезпеченіе не столько крестьянскаго хозяйства, сколько того долга, который ложился на „освобождаемаго“ крестьянина, выражая собою, номинально, стоимость „уступленной“ помѣщикомъ крестьянину земли, а фактически—стоимость и самого „освобождаемаго“. Какая доля долга приходилась на землю, какая на „душу“, это мы теперь можемъ опредѣлить, для всей крестьянской массы, съ большой степенью ариѳметической точности. У г. Лосицкаго мы находимъ такую таблицу *):

Губерніи.	Площадь надѣла (тыс. дес.).	Цѣнность надѣла (милліоны рублей).	Выкупная сумма.
Нечерноземныя	12.286	180	342
Черноземныя	9.841	284	342
Западныя	10.141	184	183
Всего:	32.268	648	867

Въ западной Россіи, гдѣ „освобожденіе“ проводилось (М. Н. Муравьевымъ) на фонѣ революціонной борьбы польскаго помѣщика съ русскимъ правительствомъ, „душу“ крестьянина,

*) „Выкупная операція“, стр. 16. Мы опустили цѣны земель 50-хъ годовъ (второй столбецъ таблицы г. Лосицкаго), которыя самъ авторъ не признаетъ „реальными“—въ чемъ онъ совершенно правъ, конечно: помѣщики имѣли всѣ разумныя основанія требовать за землю то, что она стоила бы п о с лѣ „освобожденія“, а не то что стоила она при крѣпостномъ правѣ.

дѣйствительно, отняли у барина задаромъ. Но тамъ, гдѣ помѣщикъ не бунтовалъ, онъ получилъ за „душу“ изрядный кушъ: 162 милліона рублей на суглинкѣ и 58 милліоновъ на черноземѣ (гдѣ, не забудемъ этого, еще до 19 февраля крестьянская „душа“ уже не стоила почти ни гроша). „Редакціонныя комиссіи“, которыя вполнѣ сознательно, какъ мы помнимъ, шли на эту операцію, прекрасно предвидѣли, что выплатить эту сумму изъ доходовъ съ земли крестьянинъ, особенно въ нечерноземной полосѣ, будетъ не въ состояніи. Онѣ уповали исключительно на сторонніе заработки „освобождаемаго“: „нельзя сомнѣваться“,—разсуждали комиссіи,—„что послѣ выкупа, при достаточной свободѣ располагать своею личностью, означенные крестьяне будутъ вносить исправно слѣдующіе съ нихъ выкупные платежи, которые, по своей умѣренности (!!) могутъ быть зарабатываемы ими безъ особыхъ усилій“. Что касается „умѣренности“ выкупныхъ платежей, то достаточно сказать, что даже въ черноземной полосѣ—гдѣ земля была оцѣнена все-таки ближе къ ея дѣйствительной стоимости—они составляли большую половину всѣхъ крестьянскихъ платежей вообще (въ Курской губерніи, напримѣръ, 56%), т.-е. превышали правительственныя подати, никогда не отличавшіяся умѣренностью. При сравненіи черноземныхъ губерній съ нечерноземными получается въ высшей степени любопытный выводъ: выкупная оцѣнка земли шла въ порядкѣ, обратно пропорціональномъ ея дѣйствительной стоимости:

Губерніи.	Стоимость десятины по выкупу.	при покупкѣ.
Петербургская	61 р. 50 к.	24 р.
Московская	51 р. 33 к.	26 р.
Тульская	50 р. — к.	32 р. *).

Это—не единственный примѣръ „обратной пропорціональности“, какой мы имѣемъ въ выкупной операціи: не менѣе замѣчательной особенностью этой операціи было то, что чѣмъ надѣлъ былъ меньше, тѣмъ онъ, относительно, стоилъ дороже. Такъ, при трехдесятинномъ максимальномъ надѣлѣ въ черноземной полосѣ крестьянинъ платилъ по 40 р. за десятину: если его надѣлъ былъ меньше максимума и составлялъ лишь двѣ десятины, то каждая обходилась ему уже въ 43 р. 33 к., а за минимальный надѣлъ въ 1 десятину онъ платилъ уже 53 р. 33 к. Это такъ называемая „градація“—честь ея изоб-

*) См. у г. Лосицкаго: „Надѣлъ и выкупъ“, „Совр. Міръ“, 1911 г., мартъ.

рѣтенія принадлежитъ самому либеральному изъ губернскихъ комитетовъ, тверскому: но изобрѣтеніе было немедленно же съ радостію адоптировано редакціонными комиссіями. Въ самомъ дѣлѣ, мужикъ хитеръ: если бы плату за его „душу“ разложить поровну на всѣ десятины надѣла, онъ могъ бы нагрѣть барина, взявъ минимальный надѣлъ. „Градація“ парализовала мужицкую хитрость; плата за „душу“ разлагалась на первыя десятины надѣла—на то количество земли, безъ котораго мужику никакъ нельзя было обойтись. Слѣдующія десятины цѣнились уже почти нормально—важно было получить деньги за самого „освобождаемаго“; землей дворяне не маклачили...

Уже выкупныя оцѣнки сами по себѣ создавали изъ крестьянскаго надѣла такую „собственность“, что Чернышевскій (за три года до реформы!—такъ издалека были видны бѣлыя нитки, которыми сшивалось „освобожденіе“...) сравнивалъ ее съ помѣщичьимъ имѣніемъ, гдѣ проценты по закладной превышаютъ доходъ земли. „Бываютъ случаи“,—писалъ Чернышевскій,—„когда наслѣдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ“ *). Но крестьянинъ находился въ положеніи наслѣдника, который не можетъ, не имѣетъ права отказаться отъ „наслѣдства“: мы помнимъ, что выкупъ зависѣлъ отъ барина, а не крестьянъ. Феодалы, въ періодъ реформы, очень издѣвались надъ тѣмъ, что буржуазная программа „заставляетъ крестьянъ быть землевладѣльцами“: насмѣшка не была лишена мѣткости. Крестьянскій надѣлъ, дѣйствительно, являлся диковиннымъ образчикомъ принудительной собственности: и чтобы „собственникъ“ отъ нея не убѣжалъ—чего, по обстоятельствамъ дѣла, вполнѣ можно было ожидать,—пришлось поставить „освобождаемаго“ въ такія юридическія условія, которыя очень напоминаютъ состояніе если не арестанта, то малолѣтняго или слабоумнаго, находящагося подъ опекой. Главнѣйшимъ изъ этихъ условій было пресловутое „мірское

*) Изъ „Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“, напечатанной въ 1858 г. Цитируемъ по ст. Г. В. Плеханова: „Освобожденіе“ крестьянъ, „Совр. Міръ“, 1911 г., февраль.

самоуправленіе"—красивое названіе, подъ которымъ скрывалась старая, какъ само русское государство, круговая порука. Фискально-полицейская роль „міра" отнюдь не была, какъ и многое другое, результатомъ какой-либо порчи „великой реформы" злодѣями-крѣпостниками. Устроители крестьянскаго благополучія вполнѣ сознательно относились къ этому вопросу. „Общинное устройство теперь, въ настоящую минуту, для Россіи необходимо",—писалъ Александру II предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ:—„народу нужна еще сильная власть, которая замѣнила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство—своихъ податей и повинностей". Въ силу этого принципа, крестьянинъ былъ лишенъ права безъ согласія міра не только выходить изъ общины, но даже уходить изъ деревни на время: „міръ"—вѣрнѣе зависѣвшій отъ дворянскаго „мирового посредника" староста—могъ не дать ему паспорта. Прикрѣпленіе къ землѣ пережило у насъ крѣпостное право—и вовсе не въ качествѣ безсмысленнаго пережитка старины, а какъ необходимое звено именно въ буржуазномъ планѣ реформы. Доходами съ крестьянскаго надѣла обезпечивались суммы, выданныя правительствомъ помѣщику: что получило бы правительство, а значитъ, что получили бы въ конечномъ счетѣ и помѣщики, если бы крестьяне бросили свои надѣлы по невыгодности ихъ обработки? Но тутъ получался роковой кругъ: сами редакціонныя комиссіи признавали, что доходовъ съ надѣла не достанетъ на уплату выкупныхъ платежей—и утѣшали себя надеждой, что крестьянину удастся приработать на сторонѣ „при достаточной свободѣ располагать своей личностью". Но этой-то именно свободы, благодаря „освобожденію съ землей", крестьянинъ и не получилъ. Получался роковой кругъ, выходъ изъ котораго, рано или поздно, былъ одинъ: постепенное разореніе „освобожденныхъ". Къ 90-мъ годамъ, какъ увидимъ дальше, этотъ результатъ и обнаружился со всею ясностью.

Превращеніе дворянскаго имѣнія въ капиталистическое предпріятіе было куплено, такимъ образомъ, цѣною задержки буржуазнаго развитія въ деревнѣ. Это обстоятельство оказалось не безъ выгоды для дворянъ впослѣдствіи, когда новый аграрный кризисъ вырвалъ почву изъ-подъ ногъ у „дворянскаго манчестерства". Но для развитія капитализма въ Россіи условія „освобожденія" сыграли роль колодокъ, настолько тяжелыхъ, что—фактъ мало вѣроятный, но несомнѣн-

ный — ростъ обрабатывающей промышленности, напримѣръ, въ первые годы послѣ „воли“ не ускорился, какъ слѣдовало бы ожидать, а замедлился.

Годы.	Колич. сукон. фабрикъ.	Рабочихъ на нихъ.	Производство (тыс. руб.).	Количество переработ. хлопка	Количество выплавл. чугуна
				(тыс. пуд.)	
1860	432	94.721	26.204	2.840	20.468
1862	365	71.797	26.083	850	15.268*).

Въ „освобожденной“ Россіи индустрія развивалась туже, чѣмъ въ разгаръ николаевскаго „крѣпостничества“! Правда, понемногу русскій капиталистъ приспособился и къ этому „испанскому башмаку“: мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что къ 80-мъ годамъ Россія была неизмѣримо болѣе крупно-капиталистической страной, нежели въ 1860 году. Но помѣщичій эгоизмъ заставилъ преодолѣть массу ненужнаго тренія— которое пошло на пользу опять-таки не кому иному, какъ той же „знати“, ближайшему антагонисту „манчестерскаго“ средняго помѣщика. Съ особенной рельефностью выразилось это на исторіи крупнѣйшаго капиталистическаго предпріятія пореформенной Россіи — постройкѣ желѣзнодорожной сѣти. Развитіе этой послѣдней шло съ большой быстротой, особенно со второй половины 60-хъ годовъ:

Годы	1857	1867	1870	1876
Число верстъ, открытыхъ для движенія (безъ Польши)	671	3408	6724	16700

Но около этого дѣла—крупнѣйшаго, а стало быть и выгоднѣйшаго—мы сразу встрѣчаемъ комбинацію, характерную для отечественнаго грюндерства на всемъ протяженіи нашей новѣйшей исторіи: рядомъ съ заграничными банкирами стоятъ наиболѣе аристократическія фамиліи Россіи. Первое въ Россіи желѣзнодорожное общество („Главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“) было дѣломъ, преимущественно, французскаго банкирскаго дома братьевъ Перейра. Въ томъ же 1857 году, когда возникло „Главное общество“, попробовало родиться и другое—во главѣ его стояли банкиры Томсонъ, Бонаръ и К° вмѣстѣ съ графами Ржевускимъ, Адлербергомъ, Голенищевымъ-Кутузовымъ и Лубенскимъ и князьями—Долгорукимъ и Кочубеемъ. Въ дальнѣйшихъ концессіяхъ передъ нами мелькаютъ имена Строгановыхъ, Толстыхъ, Му-

*) Цифры взяты у г. Туганъ-Барановскаго: „Русская фабрика“, стр. 308 и сл.

синыхъ-Пушкиныхъ, Апраксиныхъ, Нарышкиныхъ—и даже принцевъ Ольденбургскихъ. Первоначально, такимъ образомъ, дѣлались попытки захватить дѣло въ руки путемъ индивидуальныхъ выступленій. Скоро онѣ прекратились,—желѣзныя дороги не дали сразу тѣхъ золотыхъ горъ, какихъ ждали нѣсколько беззаботные по части политической экономіи россійскіе феодалы. Тогда къ дѣлу согласились припустить и среднее дворянство—въ лицѣ земствъ различныхъ губерній. Первымъ піонеромъ было Борисоглѣбское земство (Тамбовской губерніи), выхлопотавшее себѣ концессію на постройку желѣзной дороги отъ станціи Грязи до города Борисоглѣбска, въ 1868 году. За нимъ послѣдовали земства: Козловское, Тамбовское, Орловское, Саратовское и другія. Но, говоритъ историкъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, „система отдачи концессій земствамъ оказалась наименѣе удачною. Земства являлись лишь дорого обходящимся государству и почти всегда неумѣлымъ посредникомъ между оптовыми строителями, такъ называемыми концессіонерами, и правительствомъ“ *). На самомъ дѣлѣ, „сферы“, раньше пытавшіяся взять дѣло въ руки въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, теперь рѣшили его централизовать въ своихъ рукахъ. „Дѣйствовали такимъ образомъ: правительство брало себѣ часть акцій и облигацій и становилось, такимъ образомъ, частнымъ предпринимателемъ; затѣмъ оно дѣлало, отъ имени государства, заемъ, выпуская не частныя акціи и облигаціи, но государственныя желѣзнодорожныя облигаціи, доходъ по которымъ (проценты и погашеніе капитала) былъ гарантированъ выручкой тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ совершалась эта операція“ **). Въ 1878 году было выпущено желѣзнодорожныхъ бумагъ на 1.383.000.000 рублей металлическихъ (2.060.000.000 р. кредитныхъ по курсу 31 декабря 1877 г.), изъ которыхъ привительству принадлежало 1.112.000.000 р. кредитныхъ, т.-е. 54% всей суммы. Отъ этихъ бумагъ государство имѣло не прибыль, а убытки, достигавшіе, по расчету цитируемаго нами автора, къ 1877 году 130 милліоновъ рублей ежегодно. Но за эту сумму оно являлось крупнѣйшимъ акціонеромъ—а стало быть, хозяиномъ всей сѣти фактически гораздо раньше, нежели желѣзныя дороги въ Россіи и юридически сдѣлались государственными. Владѣя большей частью земельныхъ имѣній непосредственно, „знать“ косвенно, черезъ посредство правительства, составленнаго

*) Бліохъ. „Вліяніе желѣзныхъ дорогъ“, I, стр. 29.
**) Nicolas-on, цит. соч. p. 4.

изъ ея членовъ, держала въ своихъ рукахъ важнѣйшее орудіе дальнѣйшаго развитія русскаго аграрнаго капитализма. Субъективно, по своей идеологіи, реакціоннѣйшая часть русскаго общества, объективно, помимо своей воли и сознанія, оказывалась могучимъ тараномъ, и въ центрѣ и на мѣстахъ разбивавшимъ „устои“ старой, до-капиталистической Россіи. Но за кѣмъ экономическій прогрессъ, за тѣмъ и дѣйствительная общественная сила—какія бы дикія мысли ни обитали въ головахъ носителей этого прогресса. Судьба русскаго либерализма 60-хъ годовъ—иными словами, новаго столкновенія средняго и крупнаго дворянства—какъ нельзя лучше иллюстрируетъ это положеніе.

2. Буржуазная монархія.

Перенесеніе въ русскую деревню началъ буржуазнаго хозяйства имѣло, какъ мы сейчасъ видѣли, очень крупныя экономическія послѣдствія,—несмотря на всю неполноту реализаціи этихъ началъ и несмотря на то, что круги, распоряжавшіеся жизнью Россіи, субъективно были глубоко враждебны этимъ началамъ. Именно программа этихъ круговъ, напротивъ, и помогала развитію буржуазныхъ отношеній въ русской деревнѣ: не только 9 ноября 1906 года русскій феодализмъ оказался, — самъ того ни на секунду не предполагая, конечно, — союзникомъ русскаго капитализма. Объективныя условія были сильнѣе людской воли. Въ силу этихъ

Nicolas I, empereur de toutes les Russies.

«Nicolas I, empereur de toutes les Russies» — превоходная современная литографія, изображающая, помимо имп. Николая I, его брата Михаила и сына Александра. Литографія, экземпляръ которой имѣется въ извѣстномъ собраніи сенатора Д. А. Ровинскаго, типична для манеры офиціальнаго изображенія. Особенно выразительна фигура императора на горячемъ конѣ, выдвинутая впередъ и долженствующая сосредоточить на себѣ все вниманіе. И дѣйствительно, художнику удалось сосредоточить все вниманіе, именно, на лицѣ императора Николая I, для котораго все остальное должно было быть лишь блестящимъ ореоломъ...

объективныхъ условій тотъ же феодализмъ и въ политической области вынужденъ былъ пойти навстрѣчу буржуазному государству. Если онъ не дошелъ до конца по этому пути и не „увѣнчалъ зданія“, въ этомъ виноваты были опять-таки объективныя условія—рѣзкая перемѣна экономической конъюнктуры съ конца 70-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе, первые шаги были сдѣланы: и тѣмъ, кто говоритъ о „буржуазной монархіи“ въ Россіи 1912 года, не нужно забывать, что фундаментъ этого зданія былъ заложенъ задолго до нашихъ дней, въ судебной, земской и другихъ реформахъ Александра II. Даже внѣшняя политика буржуазнаго государства не представила бы ничего новаго тому, кто былъ свидѣтелемъ завоеванія Средней Азіи и русско-болгарской эпопеи 70-хъ—80-хъ годовъ. И это опять совершенно независимо отъ того, что послѣднія главы этой эпопеи приходятся на періодъ самой глухой феодальной реакціи, какую только переживала Россія послѣ смерти Николая I. Точно такъ же, какъ эта глухая реакція не помѣшала расцвѣту русскаго промышленнаго капитализма именно въ дни Александра III. И тутъ, какъ всегда, экономическая дѣйствительность командовала людьми, думавшими, что они командуютъ всѣмъ и всѣми.

Буржуазныя реформы Александра II были, однако, лишь отчасти результатомъ этого своеобразнаго „экономическаго принужденія“. Такъ было по отношенію къ „высшимъ сферамъ“—глубоко феодальнымъ и глубоко враждебнымъ всякой „буржуазности“ на всемъ протяженіи русской исторіи. Но эти сферы, какъ мы сейчасъ увидимъ, непосредственно реформами и не были задѣты. Широкіе дворянскіе круги, которыхъ эти реформы прямо касались, шли имъ навстрѣчу очень сознательно. Нельзя было сдѣлаться „манчестерцемъ“ только въ экономикѣ—у „манчестерства“ была своя логика. Современники единогласно констатируютъ, что то, что можно назвать буржуазнымъ настроеніемъ, чрезвычайно широко было разлито во всей помѣщичьей массѣ. Всего характернѣе, можетъ быть, сказывалось это въ мелочахъ будничной жизни. Дворянство всегда очень свысока поглядывало на купечество. „Наши купцы—невѣжды“, такое мнѣніе, какъ мы помнимъ, можно было услышать даже отъ декабристовъ—по крайней мѣрѣ, такой аргументъ въ устахъ декабриста не казался страннымъ и дикимъ. Сближеніе съ „невѣждами“ особенно рельефно, поэтому, оттѣняло совершившуюся перемѣну. Въ клубахъ, за карточнымъ столомъ, на любитель-

скихъ спектакляхъ помѣщичье общество вдругъ запестрѣло невиданными въ немъ прежде гостями. „Просидѣвъ день въ бакалейной, красной или рыбной лавкѣ, купецъ къ вечеру облекался во фракъ и являлся поглядѣть на танцы или послушать Некрасовское стихотвореніе да Тургеневскій и Щедринскій разсказы, или полюбоваться Гоголевскою „Женитьбою“ на сценѣ, а купеческія дамы и дѣвицы отплясывали съ дворянами на славу, знакомясь тутъ же съ помѣщицами и чиновницами. „Хорошо насъ приняли дворяне,—отзывались представители купечества,—мы ими оченно благодарны“. Съ наступленіемъ же лѣта общеніе поддерживалось въ другой формѣ, хотя только мужское,—главнымъ образомъ мировыми съѣздами, которые представляли тогда первый образецъ публичныхъ засѣданій“ *). Такъ было въ уѣздѣ—правда, „не захолустномъ и, по составу общества, не безъинтересномъ“—то же, въ болѣе широкомъ масштабѣ и въ болѣе серьезной формѣ, было и въ столицахъ. Въ февралѣ 1863 года, передъ выборами въ московскую городскую думу (состоявшую тогда изъ представителей отъ сословій, каждое изъ которыхъ выбирало депутатовъ отдѣльно), московское дворянство нашло нужнымъ устроить „домашнее собраніе“ съ участіемъ представителей отъ купечества. Открывавшій это собраніе Погодинъ говорилъ, между прочимъ въ своей рѣчи (или въ своихъ рѣчахъ—онъ много говорилъ въ теченіе этого собранія) отъ имени дворянства: „очень пріятно было намъ узнать о готовности, съ какой почтенное купечество приняло наше приглашеніе. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы видимъ теперь васъ всѣхъ вмѣстѣ. Русская исторія,—не мѣшаетъ намъ вспоминать ее, отличается именно тѣмъ, что сословія у насъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, никогда не раздѣлялись такими высокими стѣнами и не питали такой ненависти одно къ другому, какъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ. Дай Богъ, чтобъ и впредь эти же чувства взаимнаго доброжелательства не только продолжались, но усиливались и укрѣплялись. Никогда не было такой нужды въ любви и въ согласіи, какъ теперь“. Раззадоренный явнымъ сочувствіемъ аудиторіи Погодинъ договорился до того, что сословій, по-настоящему, и не было у насъ никогда. „Русскіе люди раздѣлялись всегда преимущественно по родамъ своихъ занятій: одни пахали и добывали хлѣбъ—это крестьяне, другіе мѣнялись своими и чужими произведеніями, торговали,—это

*) *Ѳ. Воропоновъ.* „Сорокъ лѣтъ тому назадъ“, Вѣстн. Евр. 1904 г., іюль.

купцы; третьи служили на войнѣ и въ мирѣ—сословіе служивое, военное, что нынѣ дворянское. Всякій былъ воленъ дѣлать и жить, какъ ему угодно (!): купецъ шелъ на службу, дворянинъ могъ торговать, крестьянинъ—переселяться въ городъ" *). Если бы спросить почтеннаго историка, какъ это крѣпостной крестьянинъ сталъ бы „дѣлать и жить, какъ ему угодно"—„переселился", напримѣръ, „въ городъ" безъ разрѣшенія своего барина,—ораторъ, можетъ быть, и смутился бы немного. Но настроеніе аудиторіи было не таково, чтобы кто-нибудь вздумалъ задавать щекотливые вопросы; Погодинъ же мечталъ о кандидатурѣ въ городскіе головы: русская исторія (которую онъ очень хорошо зналъ) могла и потѣсниться немного. Выбрали московскимъ головой не его и не Кошелева, тоже мечтавшаго объ этомъ,—но все же дворянина, и даже титулованнаго, князя Щербатова: и титулованный дворянинъ не отказался принять должность, искони считавшуюся „купеческой".

„Безсословность" входила въ нравы—и намъ, свидѣтелямъ того, какъ цѣпко держится россійское дворянство за обломки своихъ привилегій, трудно себѣ представить, что было время, когда литераторы, принадлежавшіе къ дворянскому сословію, гордившіеся этимъ, даже явно жаждавшіе угодить дворянству, поднимали вопросъ о полной отмѣнѣ дворянскихъ преимуществъ. „Неужели мы должны оставаться постоянно въ предѣлахъ грамоты императора Петра III или императрицы Екатерины II?" спрашивалъ тотъ же Погодинъ одного изъ своихъ оппонентовъ. „Дворянская грамота совершила свое дѣло. Поклонимся ей съ честью и примемъ съ благодарностью приступъ правительства къ новымъ мѣрамъ, коихъ настоятельно требуютъ время и наше положеніе въ Европѣ. Дворянская грамота—это парчевая риза, но во сто лѣтъ она значительно потерлась, износилась и обветшала. Никакой искусственной подкладкой, никакими цвѣтными заплатками возстановить ее нельзя. Надо строить, говоря поцерковному, новыя ризы..." Оппонентъ насмѣшливо отвѣтилъ Погодину, что, значитъ, онъ предлагаетъ отправить Дворянскую грамоту на толкучій рынокъ? „Нѣтъ, не на толкучій рынокъ", запальчиво возражалъ ему увлекавшійся московскій историкъ, „а въ Пантеонъ Исторіи, гдѣ хранятся наши государственныя законоположенія, совершившія свой подвигъ,—Русская Правда, Судебникъ, Уложеніе и пр.". Дворянскимъ

*) *Барсуковъ*, цит. сочин., кн. XXI, стр. 80—82.

привилегіямъ отводилось почетное мѣсто—рядомъ съ кровной местью и губными учрежденіями: такъ думали въ 1862 году, повторяемъ, не враги дворянства, а защитники его интересовъ. Въ это самое время болѣе экспансивный и болѣе искренній Иванъ Аксаковъ предлагалъ собравшемуся на выборы московскому дворянству „выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе: чтобы дворянству было позволено торжественно, передъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія". „Намъ кажется, что такого рода заявленіе было бы вполнѣ достойно просвѣщеннаго дворянскаго сословія", писалъ Аксаковъ. „Такое дѣйствіе, являясь, по нашему мнѣнію, необходимою историческою ступенью общественнаго развитія, фундаментомъ для будущаго общественнаго зданія,—стяжало бы русскому дворянству почетное мѣсто въ исторіи, право на народную благодарность и славу нравственнаго историческаго подвига. Всякія же прочія рѣшенія были бы, кажется намъ, несогласны съ волей и началами русскаго народа. Мы полагаемъ, что дворяне не посѣтуютъ на насъ за такой искренній и прямой совѣтъ человѣка, принадлежащаго, по происхожденію, къ ихъ средѣ и сословію". Насколько мнѣніе Аксакова казалось мало экстравагантнымъ, видно изъ того, что къ нему, съ оговорками, присоединялся такой практическій человѣкъ, какъ Катковъ *).

Буржуазное настроеніе дворянства объясняетъ намъ, прежде всего, почему такъ дружно и легко прошла крупнѣйшая изъ реформъ шестидесятыхъ годовъ—судебная. Казалось бы, упраздненіе стараго, сословнаго суда—сословнаго юридически, на практикѣ же нѣсословнаго, дворянскаго, потому что предсѣдатели палатъ были выборные отъ одного дворянства, а „засѣдатели", т.-е. члены, не-дворяне совершенно стушевывались передъ своими дворянскими коллегами—должно было вызвать сильнѣйшее треніе именно со стороны помѣщиковъ. Но въ составъ новаго общественнаго настроенія интегральной частью входило и отрицательное отношеніе къ старому суду. Судебной реформой интересовались даже гораздо больше, чѣмъ земской, такъ непосредственно задѣвавшей интересы помѣщиковъ: современникъ объясняетъ это тѣмъ, что „ужъ черезчуръ наболѣла всѣмъ неправда стараго суда" **). Присмотримтесь къ этой „неправдѣ"

*) *Барсуковъ*, ibid. XIX, стр. 36—37. Цитата изъ Погодина оттуда же, стр. 12 и 20.
**) *Воропоновъ*, цит. воспомин., „Вѣстн. Евр." 1904 г., августъ.

ближе: она тоже изображена однимъ современникомъ въ рядѣ анекдотовъ—которые, можетъ быть, какъ всякіе анекдоты, недостаточно объективно рисуютъ повседневную практику дореформенныхъ судебныхъ учрежденій—анекдотъ всегда ярче дѣйствительности,—но зато помогаютъ сразу схватить ихъ типъ. "Черная неправда" стараго суда была совершенно несовмѣстима, прежде всего, съ буржуазнымъ хозяйствомъ: невозможно себѣ представить сколько-нибудь развитаго буржуазнаго оборота въ обществѣ, гдѣ нѣтъ нотаріусовъ,—гдѣ для того, чтобы засвидѣтельствовать самый пустячный документъ, надо или околачивать пороги судебной палаты по цѣлымъ недѣлямъ, или платить взятки чуть ли не дороже самаго документа. Самому министру юстиціи Николая Павловича, графу Панину, засвидѣтельствованіе рядной записи въ пользу его дочери стоило сто рублей, при чемъ давалъ эту взятку собственными руками директоръ департамента министерства юстиціи. Нельзя вести гражданскія дѣла въ странѣ, гдѣ нѣтъ адвокатуры, гдѣ „ходатай по дѣламъ" былъ чѣмъ-то въ родѣ мошенника, котораго судебное начальство во всякую минуту можетъ не только выгнать изъ канцеляріи суда (дальше его и не пускали), но и выслать совсѣмъ изъ города или посадить въ тюрьму. Само собою разумѣется, что за такую профессію люди съ чувствомъ собственнаго достоинства и брались неохотно, такъ что среди тогдашней „адвокатуры" не рѣдкостью были „лишенные права жительства въ столицѣ"—и вообще „прикосновенные къ суду" не только въ качествѣ адвокатовъ. Но когда московскій генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ заикнулся разъ передъ императоромъ Николаемъ о желательности легальной адвокатуры въ Россіи, онъ встрѣтилъ такую суровую отповѣдь, которая надолго заградила ему уста. „Ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи", напомнилъ своему генералъ-адъютанту Николай Павловичъ, „а потому не удивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто (тутъ Николай повысилъ голосъ), кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты, вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ, князь, пока я буду царствовать—Россіи не нужны адвокаты, безъ нихъ проживемъ". Вмѣсто столь опасной адвокатуры снизу, Николай Павловичъ оберегалъ интересы своихъ подданныхъ при помощи особой адвокатуры сверху—въ лицѣ жандармскихъ офицеровъ. Къ какимъ результатамъ приводила эта „адвокатура"—надо разсказать

подлинными словами современника. „Въ одной изъ палатъ замѣчена была вообще медленность въ ходѣ дѣлъ. Въ видахъ понужденія и неотлагательнаго рѣшенія оныхъ посланъ былъ жандармскій офицеръ, коему вмѣнено было въ обязанность не выѣзжать изъ города, гдѣ была палата, до тѣхъ поръ, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла. Явился жандармъ въ палату и настойчиво требовалъ исполненія объявленнаго имъ порученія. Предсѣдатель задумался: какъ быть и что дѣлать? Затѣмъ велѣлъ принести изъ канцеляріи всѣ дѣла. Потомъ, взявъ одно дѣло и поднеся его къ своимъ глазамъ, или, лучше сказать, къ носу, объявилъ: рѣшеніе суда утвердить, и положилъ его на правую сторону. Потомъ взялъ другое дѣло и, дѣлая тѣ же движенія, заявилъ: рѣшеніе суда отмѣнить. Затѣмъ, при тѣхъ же пріемахъ, началъ быстро откладывать дѣла: то направо, то налѣво, вскрикивая: утвердить, отмѣнить, и т. д. По окончаніи сего жандармъ уѣхалъ съ донесеніемъ, что всѣ дѣла въ палатѣ рѣшены". Третье отдѣленіе являлось универсальнымъ ходатаемъ за всѣхъ „невинныхъ": не было дѣла—преимущественно гражданскаго, гдѣ деньгами пахло,—которое оно отказалось бы принять къ своему разсмотрѣнію, не стѣсняясь ни существовавшими законами, ни состоявшимися уже судебными рѣшеніями. Оно „опредѣляло вины лицъ по дѣламъ не политическаго свойства, брало имущество ихъ подъ свою охрану, принимало по отношенію къ кредиторамъ на себя обязанности администраціи и входило нерѣдко въ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, кто и какъ нажилъ себѣ состояніе и какой кому и въ какомъ видѣ онъ сдѣлалъ ущербъ". У одного петербургскаго купца едва не отобрали всего капитала, потому что происхожденіе его показалось Третьему отдѣленію подозрительнымъ: и Николая Павловича не безъ труда убѣдили, что надобно, все-таки, прежде доказать, что купецъ въ чемъ-нибудь виноватъ.

А по стопамъ Третьяго отдѣленія шли административные органы, сортомъ пониже. Уже въ самомъ концѣ царствованія Николая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ дѣйствовала комиссія, которая „не стѣснялась ничѣмъ и усвоила себѣ сыскной порядокъ—такъ, она подвергала кредиторовъ аресту до тѣхъ поръ, пока они или не помирятся съ должникомъ, или не умѣрятъ своихъ претензій, или вовсе не прекратятъ своихъ взысканій. Комиссія эта навела страхъ на всѣхъ, кто имѣлъ долговое дѣло; начали приносить жалобы, но ихъ нигдѣ не принимали". А когда жалобы дошли до Сената, то оказалось,

что комиссія юридически не существуетъ—ибо сенату о ней ничего неизвѣстно. Понадобилось Высочайшее повелѣніе для того, чтобы этотъ диковинный судебный институтъ прекратилъ свою дѣятельность. Убѣдить какими-нибудь разумными доводами феодальныхъ администраторовъ, что такъ нельзя вести дѣло въ странѣ съ развитыми торговлей и кредитомъ—было бы совершенно напрасной тратой времени. Почти трогательное, въ своей невинности, отношеніе николаевской „знати“ къ вопросу прекрасно иллюстрируется однимъ подвигомъ петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова—подвигомъ, совершеннымъ, можно сказать, наканунѣ судебной реформы, уже при Александрѣ II. Суворову донесли, что одно рѣшеніе петербургскаго коммерческаго суда—неправильно; князь не сталъ долго думать—весь составъ суда былъ немедленно же арестованъ. Когда въ „сферахъ“ это вызвало переполохъ (какъ разъ петербургскому коммерческому суду приходилось чаще всего имѣть дѣло съ „Европой“, въ лицѣ иностраннаго купечества), Суворовъ объяснилъ, что онъ подписалъ бумагу объ арестѣ, не читая. Можно ли было представить себѣ „буржуазный порядокъ“, который устоялъ бы передъ столь бухарской юстиціей? *)

Связь судебной реформы Александра II съ буржуазнымъ строемъ сознавалась уже при самомъ возникновеніи судебныхъ уставовъ 1864 года,—но ни правительство, ни общество не умѣли схватить, въ чемъ сущность этой связи, и придумывали объясненія, болѣе или менѣе искусственныя. Государственный совѣтъ, обсуждая мотивы реформы, прямо связывалъ ее съ упраздненіемъ крѣпостного права. „Смѣшеніе властей“, разсуждалъ совѣтъ, „было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостного состоянія. Помѣщичьи крестьяне, составлявшіе около половины всего нашего народонаселенія и лишенные гражданскихъ правъ, имѣли въ лицѣ своего владѣльца хозяина, судью и исполнителя своихъ рѣшеній... Такое же смѣшеніе наблюдалось и на учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ хозяйственныя и полицейскія власти сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и судебными. При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ, оно должно было проникнуть и въ общее управленіе имперіи; и такъ всѣ административныя власти, начиная отъ станового пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу са-

*) Для всѣхъ приведенныхъ фактовъ, см. воспоминанія Колмакова „Старый судъ“, въ Русской Старинѣ за 1886 г., т. 52.

маго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія". Здѣсь, конечно, цѣнно признаніе, идущее изъ столь авторитетнаго источника, что власть губернатора и „даже министра" въ Россіи была однокачественна съ властью владѣльца крѣпостного имѣнія; нельзя было явственнѣе сказать: „мы феодалы". Но сближеніе конкретныхъ фактовъ явно искусственно. Во первыхъ, и до 19 февраля помѣщикъ вовсе не былъ судьею своихъ крѣпостныхъ по всѣмъ дѣламъ: его разбирательству, непосредственному и безапелляціонному, подлежали только преступленія не важнѣе тѣхъ, что вѣдались впослѣдствіи мировыми судьями, а теперь вѣдаются земскими начальниками. Перестраивать, изъ-за измѣненія подсудности въ этомъ скромномъ уголкѣ, всю судебную систему имперіи—это очень походило бы на то, какъ если бы какой-нибудь добрый хозяинъ сломалъ весь домъ ради перестройки одной комнаты. Во-вторыхъ, какъ разъ крестьянскія дѣла, и притомъ именно тѣ, что разбиралъ раньше помѣщикъ, въ значительной степени остались внѣ круга дѣйствія новыхъ судовъ—перейдя отчасти къ судамъ волостнымъ, отчасти къ мировымъ посредникамъ, въ рукахъ которыхъ судебная власть продолжала смѣшиваться съ административной. Вообще, крестьяне меньше всѣхъ другихъ на первыхъ порахъ почувствовали блага судебной реформы, и первый, по времени, критикъ этой реформы счелъ даже возможнымъ написать: „нельзя сказать, что такъ называемыя общія судебныя установленія вѣдаютъ дѣла всѣхъ сословій; они созданы только для всѣхъ дѣлъ дворянъ и мѣщанъ; дѣла же другихъ сословій поступаютъ на ихъ разсмотрѣніе только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т.-е. когда въ дѣлѣ участвуютъ лица разныхъ сословій, когда искъ превышаетъ извѣстную сумму, а проступокъ—извѣстную мѣру взысканія" *). Той непосредственной связи, какую усмотрѣлъ государственный совѣтъ между 19 февраля 1861 года и 20 ноября 1864 года, не было, такимъ образомъ—и все же онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что обѣ реформы представляли собою двѣ части одного органическаго цѣлаго.

Не даромъ и подошло къ нимъ правительство Александра II одновременно—и хронологическое сопоставленіе всего лучше покажетъ намъ, гдѣ шла спайка. „Первоначальная работа, относящаяся до судоустройства, была положеніе о при-

*) А. Головачевъ „Десять лѣтъ реформъ 1861—1871", стр. 323.

Гвардейцы императора Николая I.

Оригиналъ картины А. И. Зауэрвейда (1783—1844) „*Гвардейцы императора Николая I*“ находится въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ (№ 86). Нѣмецкаго происхожденія художникъ схватилъ сюжетъ, характерный для старой Россіи николаевской поры и цѣнный для современнаго историческаго воспоминанія. Нѣмецкій художникъ славно сумѣлъ перенести на полотно прусскій вкусъ и прусскій аппетитъ, неожиданно нашедшій себѣ удобный пріютъ на восточно-европейской равнинѣ.

сяжныхъ стряпчихъ или повѣренныхъ, которое внесено было въ гос. совѣтъ гр. Блудовымъ въ 1858 г.", говоритъ официальная записка *). Изъ 14 законопроектовъ, внесенныхъ въ государственный совѣтъ съ 1857 по 1861 годъ, только 4 относились къ уголовному процессу—тогда какъ 8 касались гражданскаго судопроизводства, а два—судоустройства, въ томъ числѣ упоминавшійся уже проектъ объ адвокатурѣ. Самъ Блудовъ хлопоталъ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы „улучшить наше судопроизводство гражданское", въ то время какъ уголовное судопроизводство, по мнѣнію тогдашнихъ реформаторовъ, „даже въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствуетъ нынѣ", нуждалось лишь въ частичныхъ усовершенствованіяхъ. Введеніе въ Россіи суда присяжныхъ признавалось той же запиской „преждевременнымъ"—и судъ присяжныхъ у насъ явился, дѣйствительно, уступкой политической оппозиціи, чего нельзя еще сказать о судебной реформѣ вообще. Требованіе этой уступки впервые было, болѣе или менѣе настойчиво, заявлено въ дворянскихъ адресахъ осени 1859 года—сначала въ адресѣ „пяти" (Унковскаго и др.), затѣмъ въ заявленіяхъ владимірскаго и ярославскаго дворянскихъ собраній. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого Александру Николаевичу была представлена записка нѣкоего брата-славянина изъ австрійскихъ земель, но состоявшаго на жалованьѣ русскаго правительства — галичанина Зубрицкаго. Записка касалась либеральнаго движенія въ Россіи, которому братъ-славянинъ не сочувствовалъ, называя, между прочимъ, „воздыханія объ адвокатствѣ, присяжныхъ, открытомъ уголовномъ судопроизводствѣ"—„западными дурачествами". Императоръ эти слова подчеркнулъ, въ знакъ своего полнаго съ ними согласія. Меньше, чѣмъ черезъ 4 года, въ январѣ 1862 г., вышло высочайшее повелѣніе, гдѣ было сказано, что судебная часть въ Россіи должна быть преобразована по началамъ, „несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукою и опытомъ европейскихъ государствъ".

Но этимъ же политическимъ характеромъ суда присяжныхъ объясняется и то обстоятельство, что изъ него вышло нѣчто иное, нежели ждали его иниціаторы. Ни къ какому другому отдѣлу судебной реформы не приложимы въ такой степени извѣстныя слова, принадлежащія виднѣйшему изъ

*) Цитируемъ по І. Гессену: „Судебная реформа", стр. 50.

этихъ инициаторовъ, Унковскому: „независимые и хорошіе органы правосудія не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства. Такъ какъ судебныя учрежденія не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, не отъ міра сего сущимъ, то существованіе ихъ, такъ же, какъ и прочихъ учрежденій, необходимо обусловливается общимъ состояніемъ среды, въ которой они дѣйствуютъ. Поэтому особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь настолько, насколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ существованіе независимаго и нелицепріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ права свободной рѣчи или публичности безъ публики“ *). Политическое значеніе суда присяжныхъ сказывается, почти исключительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда суду приходится разбирать конфликты, гдѣ правительство или его агенты являются одной изъ сторонъ. Но судебные уставы 1864 года съ самаго начала заботливо устранили именно эти казусы не только изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, но, въ сущности, изъ вѣдѣнія судебной власти вообще. Во-первыхъ, было принято за принципъ, что „судебное преслѣдованіе должностного лица должно быть начинаемо не иначе, какъ по постановленію начальства обвиняемаго о преданіи его суду“: иными словами, чиновникъ за преступленіе по службѣ отвѣчалъ, попрежнему, не передъ общимъ для всѣхъ преступниковъ судомъ, а передъ своимъ начальствомъ — которое, если бы захотѣло, могло обратиться къ суду, но его никто къ тому не обязывалъ. Принципъ этотъ считался настолько священнымъ и неприкосновеннымъ, что государственный совѣтъ не рѣшился его даже и обсуждать, не только что оспаривать: „такъ какъ предначертанное въ проектѣ правило о преданіи суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства перенесено буквально изъ высочайше утвержденныхъ основныхъ положеній, то и не можетъ подлежать обсужденію“, мотивировалъ свое воздержаніе государственный совѣтъ. Какія бы насилія ни позволяло себѣ мѣстное начальство по отношенію къ населенію, какимъ бы грабительствомъ оно ни занималось, оно могло быть увѣрено, что передъ представителями этого населенія ему не придется отвѣчать ни въ коемъ случаѣ, ежели центральное начальство не выдастъ. Это было, конечно, вполнѣ сообразно „съ общимъ состояніемъ

*) Цитируемъ по книгѣ г. Гессена, стр. 105—106.

среды", употребляя терминологію Унковскаго, — тамъ, гдѣ правительство вообще не отвѣчало передъ народными представителями, странно было бы заставлять его агентовъ отвѣчать передъ случайно выхваченными изъ среды народа двѣнадцатью человѣками. А этотъ основной принципъ безотвѣтственности правительства вообще поддерживала, какъ мы знаемъ, и либеральная буржуазія, не видѣвшая возможности провести необходимыя ей реформы иначе, какъ черезъ посредство сильной центральной власти. Трагизмъ положенія либеральной буржуазіи заключался въ томъ, что ей самой правительство отнюдь не склонно было оказывать такое довѣріе, какое она находила возможнымъ оказывать правительству. Феодалы, погубившіе карьеру Кавелина и всячески вставлявшіе палки въ колеса такому, въ сущности, послушному и благонамѣренному человѣку, какъ Милютинъ, и въ этомъ случаѣ оказались вѣрны себѣ. Наиболѣе острые конфликты общества и его правящей группы должны были разрѣшаться исключительно агентами этой послѣдней или, по крайней мѣрѣ, людьми, состоящими подъ ея спеціальнымъ контролемъ. „По дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ присяжные засѣдатели не участвуютъ вовсе", гласили удостоившіяся высочайшаго утвержденія „основныя положенія": „дѣла сіи всегда начинаются въ судебной палатѣ, гдѣ при обсужденіи ихъ присутствуютъ съ правомъ голоса: губернскій и уѣздный предводители дворянства, городской голова и одинъ изъ волостныхъ старшинъ". Очень характерно, что для политическихъ процессовъ былъ, такимъ образомъ, сохраненъ сословный судъ: такъ четко вырисовалась черта, за которую „буржуазныя реформы" не смѣли переходить.

Не менѣе характерна и мотивировка, данная этому „основному положенію" государственнымъ совѣтомъ, здѣсь не ограничившимся простымъ воздержаніемъ отъ обсужденія, какъ по вопросу объ отвѣтственности чиновниковъ. Изъ нея мы узнаемъ, между прочимъ, что подъ „государственнымъ преступленіемъ" совѣтъ понималъ не только заговоръ или мятежъ—или, вѣрнѣе, не столько ихъ: мысль о сужденіи заговорщиковъ или инсургентовъ съ участіемъ присяжныхъ, повидимому, никому и въ голову не приходила. „Государственнымъ преступленіемъ" въ глазахъ совѣта было уже распространеніе „политическихъ и соціальныхъ теорій, направленныхъ противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ": другими словами, самая мирная пропаганда конституціонныхъ, напримѣръ, идей была въ 1862 году до-

статочнымъ поводомъ, чтобы отправить человѣка на каторгу. Такъ не далеко еще режимъ Александра II ушелъ отъ режима Николая I! Вполнѣ естественно, что государственный совѣтъ не видѣлъ въ присяжныхъ достаточно энергичнаго орудія репрессій для подобныхъ случаевъ. Онъ прямо признавался, что, вмѣсто осужденія, дѣянія пропагандистовъ могутъ у присяжныхъ „встрѣтить сочувствіе“. „Притомъ“, разсуждалъ совѣтъ, „политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обществѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ, почти невинныхъ утопій и мечтаній доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни; но иногда и тѣ и другія людьми неопытными считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ условіяхъ предоставить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности и непреступности ученій... значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты“. Разъ дѣло шло о борьбѣ противъ ученій, совершенно очевидно, что только случайнымъ недосмотромъ можно объяснить сохраненіе въ компетенціи присяжныхъ засѣдателей преступленій, совершенныхъ путемъ печати: категорія появившаяся въ нашемъ уголовномъ кодексѣ благодаря закону 6 апрѣля 1865 года, замѣнившему предварительную цензуру карательною,—или, вѣрнѣе, предоставившему авторамъ и издателямъ выборъ между тою и другою. Законъ носилъ характеръ льготы исключительно для буржуазіи, ибо предоставлявшееся имъ право распространялось только на книги большія и относительно дорогія (не менѣе 10 листовъ для оригинальныхъ сочиненій и 20 для, переводныхъ) и періодическія изданія, отъ которыхъ требовался залогъ не менѣе 2500 рублей (по крайней мѣрѣ 5000 р. на теперешнія деньги). Можетъ быть, поэтому и позволили себѣ роскошь—сдѣлать опытъ, оставивъ дѣла о печати въ вѣдѣніи обычнаго суда. Но первый же оправдательный приговоръ послѣдняго, приговоръ, касавшійся не крамольниковъ, а просто литераторовъ, неугодныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, заставилъ поспѣшно исправить ошибку: закономъ 12 декабря 1866 года литературныя дѣла, наравнѣ съ политическими, были переданы судебнымъ палатамъ. Такъ какъ при этомъ административная расправа, и по политическимъ дѣламъ, и по литературнымъ, осталась во всей неприкосновенности, и Третье отдѣленіе работало энергичнѣе, нежели когда бы то ни было, то политиче-

ское значеніе судебной реформы быстро свелось къ нулю: „общее состояніе среды“ одержало весьма легкую побѣду. Оставалось только обезпечить интересы „порядка“ кое-какими частичными мѣропріятіями — гарантировать, напримѣръ, безусловную благонадежность судебнаго персонала, изгнавъ оттуда всѣхъ, кто когда-либо имѣлъ хотя самое малое касательство къ „политикѣ“: простого участія въ студенческихъ безпорядкахъ достаточно было, чтобы навсегда закрыть для человѣка судейскую карьеру; обойти нѣсколько неудобный (хотя далеко не въ такой степени, какъ обыкновенно думаютъ) принципъ несмѣняемости судей, истолковавъ его въ томъ смыслѣ, что прогнать судью министръ, конечно, не можетъ, но перевести его изъ Петербурга хотя бы въ Барнаулъ—отчего же нѣтъ? Словомъ, „общее состояніе среды“ ни надъ чѣмъ не торжествовало такъ легко, какъ надъ „несмѣняемостью“. Наиболѣе яркой изъ частныхъ мѣръ была организація предварительнаго слѣдствія въ „новомъ судѣ“. Приглядѣвшись ближе, вы чувствуете, что здѣсь „новымъ“ уже почти не пахло. Основными принципами, освященными „наукою и опытомъ Европейскихъ государствъ“, были гласность, устность и состязательность процесса. Въ классической странѣ этихъ принциповъ, въ Англіи, процессъ и характеризуется этими признаками съ самаго начала и до конца. Но судебные уставы 1864 года предусмотрительно были скопированы не съ англійскаго оригинала, а съ образца, приспособленнаго къ нарочитому поддержанію „порядка“— съ судебныхъ порядковъ второй французской имперіи (унаслѣдованныхъ, впрочемъ, на бо́льшую долю, и третьей республикой). Сходство нашей и французской судебной организаціи такъ велико, что, какъ извѣстно, французскій авторъ, взявшій на себя задачу ознакомить своихъ соотечественниковъ съ „имперіей царей“, не нашелъ нужнымъ подробно описывать русскіе суды — ограничившись замѣчаніемъ, что они, въ общемъ, „такіе же, какъ и у насъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Леруа-Болье, кое-что успѣло, однако, измѣниться во Франціи: состязательность и тамъ теперь начинается съ предварительнаго слѣдствія—привлеченный къ нему имѣетъ право пригласить адвоката и пользоваться его совѣтами. Публичность этой стадіи процесса — въ Англіи существующая de jure — во Франціи пока остается на правахъ „бытового явленія“: во всѣхъ болѣе или менѣе громкихъ случаяхъ газеты на другой же день

предупредительно сообщаютъ публикѣ все, что говорилось въ камерѣ „слѣдственнаго судьи“—ибо во Франціи слѣдователь, дѣйствительно, судья, со всѣми его аттрибутами, включая и несмѣняемость. У насъ такое опубликованіе „данныхъ предварительнаго слѣдствія“ было бы уголовнымъ преступленіемъ: камера судебнаго слѣдователя запечатана для нескромныхъ взоровъ не хуже, нежели старый, до-реформенный судъ, съ его „канцелярской тайной“—причемъ исключенія не дѣлается ни для кого, не исключая и защитника подсудимаго или подозрѣваемаго. Зато, закрытая для публики, эта до-реформенная стадія „новаго суда“, какъ нѣкогда до-реформенный судъ въ его цѣломъ, открыта самому широкому воздѣйствію полиціи, въ лицѣ прокуратуры *). Судебный слѣдователь—въ Россіи, обыкновенно, не несмѣняемый судья (слѣдовательская несмѣняемость скончалась у насъ гораздо еще раньше общесудейской), а „исправляющій должность“ молодой человѣкъ, всецѣло зависящій отъ милостей начальства—по закону обязанъ исполнять требованія прокурора въ цѣломъ рядѣ случаевъ, а тамъ, гдѣ его не обязываетъ къ этому законъ, онъ слушается прокурора по обычаю. Прокуроръ, т.-е. высшая полиція, держитъ въ рукахъ привлеченнаго къ суду гораздо раньше, нежели его увидятъ присяжные или даже его защитникъ: и, нужно прибавить, онъ продолжаетъ держать его въ своихъ рукахъ и послѣ того, какъ выскажутся присяжные. Оправдательный вердиктъ послѣднихъ даже въ императорской Франціи кончалъ дѣло. Въ Россіи человѣкъ, которому присяжные сказали „нѣтъ, не виновенъ“, вовсе еще не избавляется этимъ отъ тюрьмы и дальнѣйшихъ мытарствъ: судебный приговоръ можетъ быть кассированъ по протесту прокурора, и новый составъ присяжныхъ, болѣе „подходящій“, можетъ доставить этому послѣднему удовлетвореніе, котораго лишилъ его первый составъ... По всей вѣроятности, тотъ, кто придумалъ кассацію, какъ средство обезпеченія формальной правильности судебныхъ дѣйствій, никогда не вообразилъ бы, что это средство обезпеченія, прежде всего, подсудимаго, можетъ быть использовано, какъ способъ — во что бы то ни стало „закатать“ его на каторгу. Тутъ мы имѣемъ пунктъ, гдѣ судебнымъ уставамъ удалось превзойти не только свой образецъ, наполеоновскую Францію (гдѣ кассація приговора допускается только въ пользу подсудимаго—оправдательный

*) Что прокуратура составляетъ особую разновидность полиціи, это положеніе, ясное, впрочемъ, для всякаго, не чуждаго юридической точки зрѣнія, съ особенной ясностью развито въ цитиров. соч. А. Головачева,—стр. 310 и ссл.

же приговоръ, хотя бы кассаціонный судъ и призналъ судебную процедуру формально неправильной, отмѣненъ быть не можетъ), но даже и „старый судъ“: при всей своей „чернотѣ“, старый судъ допускалъ пересмотръ вошедшаго въ законную силу приговора только съ цѣлью его смягченія.

Столь обезвреженный, новый уголовный судъ оказался совмѣстимымъ и „съ общими условіями среды“: но естественно, что для общества онъ скоро оказался мало интереснымъ, несмотря на всѣ усилія его теоретическихъ сторонниковъ подогрѣть къ нему сочувствіе. Интересъ въ публикѣ—и то больше на первое время — возбуждали только открытыя судебныя засѣданія: но это былъ интересъ не болѣе „общественный“, нежели тотъ, который собираетъ ту же публику въ театральную залу. Исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя всегда разсматривалось, какъ тяжелая барщина, и не можетъ быть сомнѣнія, что если бы не высокій штрафъ за неявку, 90% представителей „народной совѣсти“ постоянно оказывались бы „въ нѣтяхъ“. Этимъ же объясняется и то, что около ценза присяжныхъ не завязалась борьба — которая была бы неизбѣжна, имѣй новый институтъ, дѣйствительно, крупное общественное значеніе. Цензъ для присяжныхъ, какъ извѣстно, былъ назначенъ сперва очень низкій (онъ былъ возвышенъ впослѣдствіи, при Александрѣ III) — такъ что присяжными могли быть и крестьяне, правда, лишь бывшіе раньше волостными старшинами или сельскими старостами: это былъ не столько имущественный цензъ, сколько „цензъ благонадежности“, аналогичный тому, который былъ установленъ, какъ мы видѣли, и для коронной части суда. Между тѣмъ, общее отношеніе къ крестьянамъ вовсе не такъ рѣзко измѣнилось, подъ вліяніемъ „буржуазнаго настроенія“, какъ отношеніе къ купцамъ, напримѣръ. Цитированный нами, по поводу сближенія помѣщиковъ съ купцами, авторъ даетъ очень изобразительную картинку „народа“, сидя на землѣ терпѣливо ожидающаго у дверей мирового съѣзда своей очереди быть впущеннымъ въ святилище—тогда какъ „господа“, служащіе и неслужащіе, горделиво проходятъ туда, не ожидая никакой очереди. А на самомъ съѣздѣ мировой посредникъ держалъ къ „народу“, пробовавшему резониться, такую рѣчь: „тебя еще не выпороли? Ну, такъ выпорятъ“... Сухой обыкновенно Головачевъ впадаетъ въ стиль анекдота, когда ему приходится говорить объ отношеніи представителей „новаго суда“ къ крестьянамъ. Ему „пришлось одинъ разъ быть вмѣстѣ съ своимъ прикащикомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ

свидѣтелемъ при одномъ слѣдствіи, не въ глуши, а въ губернскомъ городѣ Владимірѣ. Слѣдователь, отобравши отъ насъ показанія, записалъ ихъ и подалъ сперва мнѣ для подписи. Я спросилъ слѣдователя: „надо подписать къ сему показанію"?—„Къ сему объясненію", былъ отвѣтъ. Я подписалъ; затѣмъ садится прикащикъ и спрашиваетъ: „къ сему объясненію надо писать?" — „Дуракъ! — отвѣчаетъ слѣдователь — мужикъ, а хочетъ писать къ сему объясненію; пиши: къ сему показанію". Мужикъ „показывалъ", дворянинъ „объяснялся"! При такомъ умѣньи отличить бѣлую кость отъ черной, дворянское самолюбіе не слишкомъ страдало, когда барину приходилось сѣсть на скамью присяжныхъ рядомъ со своимъ бывшимъ крѣпостнымъ (сидѣть рядомъ на скамьѣ подсудимыхъ имъ приходилось и раньше: дворянская жалованная грамота, давъ дворянину особыя привилегіи на судѣ и въ тюрьмѣ, отчасти сохраненныя и „новымъ" судомъ, не додумалась до особыхъ судовъ для дворянъ); а такъ какъ интересовъ правящихъ классовъ судъ присяжныхъ, при его русской постановкѣ, не задѣвалъ и не могъ задѣть, то, повторяемъ, противъ его относительной демократизаціи никто особенно не спорилъ. Наиболѣе реальныя послѣдствія этой демократизаціи сказались въ области уголовной репрессіи: 17 апрѣля 1863 г. были отмѣнены тѣлесныя наказанія по приговорамъ общихъ судовъ— остались только розги по приговору суда крестьянскаго, волостного. Упраздненіе сословнаго суда логически требовало отмѣны и сословныхъ различій въ области наказаній—а „буржуазное настроеніе" требовало такой отмѣны въ сторону облегченія „низшихъ" классовъ, а не въ сторону новаго обремененія высшихъ. Привилегію дворянства — не быть сѣкомымъ—можно было распространить на всѣхъ, но дико было бы „демократизировать", отнявъ эту привилегію и у дворянъ.

Иначе стало дѣло, когда реформа коснулась такой области юридическихъ отношеній, которая была непосредственно связана съ помѣщичьимъ хозяйствомъ. Мѣстный судъ при крѣпостномъ правѣ былъ точно такъ же въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какъ и судъ губернскій. Демократизація послѣдняго, казалось бы, логически требовала демократизаціи и перваго. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые проекты губернскихъ комитетовъ—напримѣръ, рязанскаго, вдохновлявшагося Кошелевымъ,—и предлагали передать разбирательство мелкихъ деревенскихъ преступленій и тяжебъ особаго рода деревенскимъ присяжнымъ, избраннымъ отъ мѣстнаго населенія. Но

уже редакціонныя комиссіи поправили въ этомъ пунктѣ увлекшихся „манчестерцевъ“, сохранивъ сословный волостной судъ подъ опекой мирового посредника, назначавшагося изъ среды мѣстныхъ помѣщиковъ представителемъ центральной администраціи. Судебная реформа завершила эту работу классоваго самосохраненія—оставивъ всецѣло въ рукахъ тѣхъ же мѣстныхъ помѣщиковъ всѣ деревенскія дѣла, выходившія изъ компетенціи волостного суда: всѣ мелкія кражи, потравы, мелкія земельныя столкновенія, мелкія деревенскія тяжбы, споры хозяевъ съ рабочими, и такъ далѣе—все это перешло въ вѣдѣніе мировыхъ судей. О томъ, что должность эта должна замѣщаться, въ деревнѣ, изъ среды мѣстныхъ землевладѣльцевъ (а въ городѣ—домовладѣльцевъ) никакихъ споровъ не было. Споръ шелъ лишь, какъ въ крестьянской реформѣ, между крупнымъ, феодальнымъ землевладѣніемъ, съ одной стороны, и средними помѣщиками съ другой. Феодальная группа—литературнымъ выразителемъ ея былъ Катковъ—требовала приданія должности мирового судьи почетнаго характера: мировой судья долженъ былъ въ Россіи, какъ въ Англіи, нести свои обязанности безвозмездно, что само собою предполагало, что имъ можетъ быть лишь крупный землевладѣлецъ, притомъ не поглощенный всецѣло заботами о своемъ хозяйствѣ. Среднее дворянство—выразителемъ его была вся либеральная пресса того времени—видѣло, напротивъ, въ судейской службѣ по выборамъ подспорье къ своимъ землевладѣльческимъ доходамъ и убѣжище на случай экономическаго краха: оно добивалось, поэтому, чтобы должность мирового судьи была платная. Кончилось, какъ и въ крестьянской реформѣ, компромиссомъ: въ угоду феодальнымъ тенденціямъ была создана должность „почетнаго мирового судьи“, не пріуроченнаго ни къ какому участку и фактически ничѣмъ не занятаго: вся тяжесть повседневной работы падала на мирового судью участковаго, получавшаго за свой трудъ жалованье. Казалось бы, это послѣднее обстоятельство избавляло отъ необходимости требовать еще какого-нибудь ценза, кромѣ образовательнаго. Совершенно не логически, но вполнѣ политически послѣдовательно, судебные уставы потребовали, однако, и отъ участковыхъ мировыхъ судей имущественнаго ценза, размѣрами своими съ грубою ясностью показывавшаго, изъ рядовъ какой общественной группы долженъ былъ рекрутироваться мировой судъ въ деревнѣ. Мировой судья долженъ былъ имѣть недвижимую собственность, цѣною не ниже 15000 рублей (въ десятинахъ отъ 400 до 950,

смотря по мѣстности). Въ городѣ онъ долженъ былъ имѣть домъ, въ столицахъ не дешевле шести, а въ провинціальныхъ городахъ не дешевле трехъ тысячъ рублей. Очевидно, ни земельныхъ магнатовъ, ни крупнѣйшей городской буржуазіи не ждали въ качествѣ кандидатовъ на новыя должности: но въ деревнѣ мировой судья былъ непремѣнно изъ помѣщиковъ. Чтобы обезпечить это его качество еще болѣе, и выборы мирового судьи были поручены коллегіи, гдѣ помѣщикамъ принадлежалъ рѣшительный перевѣсъ. Мировые судьи должны были избираться уѣздными земскими собраніями (въ городахъ—городскими думами), состоявшими изъ представителей исключительно мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а отнюдь не мѣстнаго населенія вообще. „Такимъ образомъ, весь многочисленный классъ лицъ, доходы которыхъ получаются съ движимыхъ цѣнностей, отъ свободныхъ профессій или отъ службы частной и государственной, не имѣетъ никакого вліянія на выборы мировыхъ судей, а между тѣмъ, принадлежа къ наиболѣе дѣловой части населенія, скорѣе другого землевладѣльца можетъ быть подсуденъ мировому судьѣ. Иной землевладѣлецъ отдаетъ свою землю въ аренду, не живетъ въ данной мѣстности и незнакомъ вовсе съ мѣстными жителями, но имѣетъ полную возможность вліять на выборы мирового судьи, между тѣмъ какъ постоянно живущіе на мѣстѣ чиновникъ, адвокатъ, артистъ, художникъ, врачъ, служащій при желѣзной дорогѣ или пароходствѣ и даже коронный судья окружнаго суда или судебной палаты лишены всякой возможности содѣйствія къ успѣшному выбору мировыхъ судей и должны подчиняться авторитету такихъ лицъ, съ которыми они могутъ не имѣть ничего общаго и которыя не пользуются нисколько ихъ довѣріемъ“ *). Но даже участіе всѣхъ перечисленныхъ лицъ едва ли измѣнило бы физіономію выборовъ, производившихся въ собраніи, гдѣ 45% составляли дворяне, а 37½% крестьяне — юридически свободные, но продолжавшіе опекаться дворянской администраціей. „Посредникъ—все“, писалъ по поводу этой опеки знатокъ русской деревни въ 70-хъ годахъ. „И школы, и уничтоженіе кабаковъ, и пожертвованія, все это отъ посредника. Захочетъ посредникъ, крестьяне пожелаютъ имѣть въ каждой волости не то что школы—университеты. Посредникъ захочетъ—явится приговоръ, что крестьяне такой-то волости, признавая пользу садоводства, постановили взносить по стольку-

*) А. Головачевъ, цит. соч., стр. 337.

то копеекъ съ души въ пользу какого-нибудь гарлемскаго общества разведенія гіацинтовыхъ луковицъ. Посредникъ захочетъ—и крестьяне любого села станутъ пить водку въ одномъ кабакѣ, а другой закроютъ“ *). Остается прибавить, что практически подать свой голосъ при выборахъ мирового судьи могло лишь ничтожное меньшинство и правоспособнаго, въ данномъ пунктѣ, мѣстнаго населенія. Минимальное число гласныхъ, при которомъ могло быть открыто уѣздное земское собраніе, въ большей половинѣ уѣздовъ европейской Россіи составляло 12 человѣкъ; для законности выборовъ было достаточно простого абсолютнаго большинства—иными словами, 7 человѣкъ въ большей половинѣ Россіи могли поставить мировыхъ судей для цѣлаго уѣзда. Если предположить, что изъ этихъ 7 трое зависѣли отъ остальныхъ четырехъ (случай вполнѣ возможный, почти нормальный), а эти четверо были между собою связаны взаимными интересами—въ чемъ тоже не было бы ничего ненормальнаго,—то получится, что все рѣшала „своя семья“. Три партнера за карточнымъ столомъ порѣшили выбрать четвертаго—и тотъ становился судьей надъ десятками тысячъ населенія. Казалось бы, болѣе безобидный, болѣе согласный съ „общими условіями среды“ институтъ трудно было придумать—и, тѣмъ не менѣе, черезъ двадцать лѣтъ феодальной реакціи понадобилось съѣсть мировыхъ судей!

По увѣренію историковъ мирового суда, онъ стяжалъ себѣ общее сочувствіе уже въ самомъ дѣлѣ „безъ различія сословій“. Для критической провѣрки этого „хвалебнаго гула“ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ — ибо главный объектъ мирового суда въ деревнѣ, крестьяне, еще не имѣютъ обычая писать свои мемуары; архивы же мировыхъ судебныхъ установленій еще не были предметомъ научнаго изслѣдованія. Вполнѣ возможно, что когда будетъ извѣстна подкладка судебной реформы, ее постигнетъ та же участь, что́ уже постигла реформу крестьянскую. Память столичныхъ жителей—въ столицѣ все виднѣй!—на ряду съ симпатичными чертами первыхъ мировыхъ судей сохранила и курьезныя. „Въ Петербургѣ одинъ мировой судья, устроившій, вопреки господствовавшей у мировыхъ судей строгой простотѣ обстановки, въ своей камерѣ, для судейскаго мѣста, драпированное краснымъ сукномъ возвышеніе, вообразилъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ пожарнымъ тактикомъ и стратегомъ—и явился, въ

*) Энгельгардтъ. „Письма изъ деревни“, стр. 146.

цѣпи, распоряжаться на пожарѣ, вспыхнувшемъ въ его участкѣ; а другой, возвращаясь въ лѣтнюю бѣлую ночь съ острововъ и найдя мостъ разведеннымъ, надѣлъ цѣпь и требовалъ его наведенія" *). Какъ это живо напоминаетъ воропановскихъ мировыхъ посредниковъ, которые не разставались со своею цѣпью нигдѣ, красуясь въ ней „и въ магазинахъ, и на бульварѣ, и въ театрѣ"! Повторяемъ, дѣйствительное отношеніе народной массы 60-хъ годовъ къ „новому суду" намъ пока неизвѣстно—и вѣроятно, долго останется неизвѣстнымъ. Зато не оставляетъ никакихъ сомнѣній отношеніе командующихъ круговъ, какъ дворянства, такъ и буржуазіи. Здѣсь было ликованіе—безраздѣльное и, конечно, неподдѣльное. Петербургская городская дума хорошо выразила настроеніе этой части общества въ своемъ адресѣ Александру II, гдѣ было, между прочимъ, сказано: „открытіе новаго суда наполнило радостью сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія". А еще лучше, интимнѣе и теплѣе, выразилось это настроеніе въ Воронежѣ, гдѣ прокуроръ читалъ лекцію о „новомъ судѣ" на благотворительномъ вечерѣ, подъ аккомпаниментъ хора Славянскаго.

Судебная реформа больше интересовала городскую интеллигенцію и литературные круги: для массы средняго дворянства имѣлъ практическое значеніе, какъ мы видѣли, только м и р о в о й с у д ъ. Но такъ какъ мировыхъ судей должны были выбирать земскія собранія, то судьба этого института—въ деревнѣ—была тѣсно связана съ другой изъ „великихъ реформъ" 60-хъ годовъ, введеніемъ з е м с к и х ъ у ч р е ж д е н і й (1864 года). Судьба этой „великой реформы" чрезвычайно любопытна,—любопытна съ начала до конца, можно сказать: ибо нигдѣ, ни въ какой другой области, „дѣйствительное соотношеніе силъ" не давало себя чувствовать съ такою силой даже до нашихъ дней. Въ старой либеральной литературѣ земская реформа Александра II украшалась пышнымъ титуломъ „введенія въ Россіи мѣстнаго самоуправленія". Внимательные читатели настоящей книги застрахованы отъ увлеченія подобными иллюзіями: они знаютъ, что мѣстное управленіе перешло у насъ въ руки „общества", т.-е. дворянства, еще при Екатеринѣ II. Расширеніе этого „самоуправленія" могло бы идти въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ пугачевщины

*) Воспоминанія К о н и—ср. І. Г е с с е н а, цит. соч., стр. 133.

екатерининская реформа ограничила „самоуправленіе“ низами провинціальной администраціи—оставивъ наверху ея агента центральной власти съ чрезвычайными полномочіями, намѣстника, а позже губернатора, „хозяина губерніи“; компетенція „мѣстнаго самоуправленія“ могла бы быть расширена вверхъ, передачей въ его вѣдѣніе всѣхъ губернскихъ учрежденій, съ устраненіемъ этой бюрократической верхушки. Во-вторыхъ, екатерининское „самоуправленіе“ носило односословный, дворянскій, характеръ; могла бы быть расширена его соціальная база путемъ предоставленія дѣйствительнаго, а не фиктивнаго голоса въ мѣстныхъ дѣлахъ остальнымъ классамъ населенія. Первое могло бы быть результатомъ соціальнаго перевѣса средняго землевладѣнія, буржуазнаго по своимъ тенденціямъ, надъ крупнымъ феодальнымъ, поставлявшимъ изъ своей среды „правительство“; второе показывало бы, что „въ глубинѣ Россіи“ устанавливается дѣйствительный, подлинный буржуазный строй. Но мы уже знаемъ, что ни того, ни другого не было: среднее землевладѣніе экономически было слабѣе крупнаго, интересы же средняго землевладѣнія, послѣ 19 февраля, способствовали не ускоренію, а, наоборотъ, задержкѣ въ развитіи буржуазныхъ отношеній среди „освобожденнаго“ крестьянства. Значитъ, о расширеніи мѣстнаго самоуправленія въ Россіи, въ 60-хъ годахъ, не могло идти рѣчи, какъ бы ни представлять себѣ это расширеніе—вертикальнымъ или горизонтальнымъ. Дѣйствительно, съ первой точки зрѣнія, вертикальной, самоуправленіе реформой 1864 года было не расширено, а, наоборотъ, сужено, притомъ чрезвычайно существенно Раньше и низшій судъ, и низшая полиція на мѣстахъ были всецѣло въ рукахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, выбиравшихъ и уѣздныхъ судей, и уѣзднаго полицеймейстера, исправника. Послѣ реформы Александра II въ рукахъ мѣстнаго населенія остался только мѣстный судъ, полиція же перешла къ центральной власти, въ лицѣ исправника, назначеннаго центральной администраціей (его помощники, становые, назначались уже съ царствованія Николая I). Характерно, что для правительства Александра II въ этомъ изъятіи мѣстной полиціи изъ рукъ „самоуправленія“ заключалась вся суть дѣла; съ этого началась „земская реформа“, въ томъ самомъ 1858 году, когда провинціальное дворянство, впервые послѣ 14 декабря, было снова „взято подъ сомнѣніе“ насчетъ своей политической благонадежности. Излагающій дѣло съ официальной точки зрѣнія, полуофиціальный

біографъ Александра II готовъ всю земскую реформу логически вывести изъ этой реформы полицейской *). Дѣло происходило, конечно, не такъ просто—мы скоро это увидимъ: но очевидно, во всякомъ случаѣ, что для тѣхъ, кто смотрѣлъ сверху, рѣчь шла никакъ не о расширеніи, а, напротивъ, объ ограниченіи. Новое „самоуправленіе“ сразу же было отдано подъ такую опеку центральной власти, какой не видало самоуправленіе старое, дворянское. Мало того, что губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право veto на постановленія земскихъ собраній во всѣхъ случаяхъ, гдѣ хотя бы самое тонкое чутье могло открыть хотя бы самый незначительный запахъ „политики“, и въ области чисто-хозяйственной, гдѣ никакой политикой завѣдомо для правительства не пахло, земство начали стѣснять съ первыхъ же шаговъ, а вовсе не только послѣ „реакціи“ Александра III, какъ часто себѣ представляютъ. Уже въ 1867 году земство лишено было права облагать торговыя и промышленныя предпріятія по ихъ дѣйствительной доходности—фабрики и заводы оно могло облагать только, какъ „строенія“ (!), а съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ брать не болѣе 25% казенной пошлины. „Съ изданія этого постановленія замѣчается особенное охлажденіе къ земскимъ дѣламъ какъ въ обществѣ, такъ и въ средѣ земскихъ дѣятелей“, говоритъ одинъ изъ современныхъ наблюдателей. „Представители землевладѣльцевъ убѣдились, что за недостаткомъ средствъ земскія собранія обречены на ограниченную дѣятельность по исполненію обязательныхъ расходовъ; крестьяне, живо заинтересованные вначалѣ этимъ дѣломъ, въ результатѣ увидѣли одно возвышеніе налога, а представители городовъ, будучи обложены всегда однимъ и тѣмъ же сборомъ, стали относиться къ нему совершенно пассивно“. Тотъ же наблюдатель приводитъ далѣе гораздо болѣе основательные мотивы этого охлажденія къ земству, какъ у крестьянъ, такъ и у представителей городовъ. Именно онъ указываетъ, что въ общемъ числѣ уѣздныхъ гласныхъ (13.024) землевладѣльцы имѣли 6204 представителя, крестьяне—5171 и городскія общества—1649; при чемъ это вовсе еще не значило, что въ собраніяхъ было болѣе 5000 крестьянъ: „многія сельскія общества выбираютъ гласными мировыхъ посредниковъ вслѣдствіе того вліянія, которое послѣдніе имѣютъ въ волостяхъ, имъ подвѣдомственныхъ“, а другія волости,

*) См. Татищевъ, „Александръ II“, стр. 613.

можно прибавить, выбирали тѣхъ, кого имъ укажетъ мировой посредникъ. Поводовъ для „холодности“ къ земству и у крестьянъ, и у горожанъ, какъ видимъ, было достаточно и помимо указа 22 ноября 1867 года *). Если вспомнить, ко всему этому, что губернскіе гласные выбираются уѣздными собраніями, гдѣ помѣщикамъ обезпечено, разными способами, подавляющее большинство, такъ что губернское земство является помѣщичьимъ уже sans phrases, то намъ, кстати, станетъ ясно, какъ мало можно говорить и о „горизонтальномъ“ „расширеніи мѣстнаго самоуправленія“ въ 60-хъ годахъ.

Взятая сама по себѣ, реформа была, такимъ образомъ, крайне скромной, гораздо скромнѣе не только крестьянской, но и судебной. И если память русскаго общества причислила и ее къ лику „великихъ“, то въ этомъ виновато не то, чѣмъ были земскія учрежденія 1864 года, а то, чѣмъ они не были, но чего отъ нихъ ждали. Въ представленіи и современниковъ, и ближайшаго потомства земство было пробной конституціей. Это, въ сущности, вполнѣ опредѣленно и высказано въ извѣстномъ адресѣ, который подало Александру II, въ январѣ 1865 года, московское дворянство: „созваніе общаго собранія выборныхъ людей“, являлось въ этомъ адресѣ „довершеніемъ государственнаго зданія“, фундаментъ котораго составляло именно земство,—по случаю введенія земскихъ учрежденій адресъ и былъ поданъ. Такъ понялъ адресъ и Александръ Николаевичъ. „Что значила вся эта выходка?“, спрашивалъ онъ, недолго спустя, одного изъ самыхъ горячихъ ораторовъ дворянскаго собранія, звенигородскаго предводителя Голохвастова: „вы хотѣли конституціоннаго образа правленія?“ Къ этому императоръ прибавилъ, что готовъ хоть сейчасъ подписать „какую угодно конституцію“, если бы она была полезна для Россіи, но не даетъ ея именно потому, что считаетъ конституцію для Россіи вредной. Въ искренности этого заявленія сына Николая Павловича мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться, что безполезность и даже вредность для Россіи, или по крайней мѣрѣ для дворянства, конституціи за три года до того доказалъ не кто другой, какъ Кавелинъ. Въ своей заграничной брошюрѣ „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, напечатанной въ 1862 году, Кавелинъ спрашивалъ: „Возможны ли и достижимы ли у насъ политическія гарантіи въ настоящее время?“ „Мы глубоко убѣждены, что нѣтъ; а слѣдовательно и мечтать о нихъ то

*) Головачевъ, цитиров. сочин., стр. 197 и 205.

перь нечего. Чтобы имѣть представительное правленіе, надобно сперва получить его и, получивши, умѣть поддерживать, а это предполагаетъ выработанные элементы представительства въ народѣ, на которыхъ могло бы твердо и незыблемо основаться и стоять зданіе представительнаго правленія:—гдѣ же у насъ такіе элементы?.. Составныхъ стихій народа у насъ двѣ: крестьяне и помѣщики; о среднемъ сословіи нечего говорить: оно малочисленно и пока такъ еще незначительно, что не идетъ въ счетъ. Что касается до массъ народа, то, конечно, никто, зная ихъ хоть сколько-нибудь, не сочтетъ ихъ за готовый, выработанный элементъ представительнаго правленія... Остается дворянство. Въ наше время трудно себѣ представить исключительно дворянскую конституцію. Слава Богу, мы живемъ не въ средніе вѣка, не въ варварскія времена, когда она была возможна...“ Итакъ, „правительство“ заявляло, что оно въ принципѣ ничего не имѣетъ противъ конституціи, но считаетъ ее практически неосуществимой въ Россіи. „Общество“ не только соглашалось съ послѣднимъ, но и приводило въ пользу неосуществимости въ Россіи конституціи очень солидные аргументы. И тѣмъ не менѣе, первое нашло нужнымъ сдѣлать опытъ, а второе очень заволновалось, когда стало ясно, что опыта не доведутъ до конца. Скромнѣйшая изъ реформъ Александра II начинаетъ становиться весьма загадочной,—и останется для насъ таковой, пока мы будемъ вращаться въ заколдованномъ кругу „общества“ и „правительства“.

Какъ ни слабо было, объективно, броженіе, вызванное въ средѣ крестьянъ „свободой не по ихъ разумѣнію“—по размѣрамъ все же, однако, болѣе серьезное, нежели волненія дней Крымской кампаніи,—на психику верхнихъ общественныхъ слоевъ оно повліяло очень сильно. Гораздо сильнѣе, чѣмъ въ 1856—57 г., чувствовали себя наканунѣ революціи. Хладнокровнѣе всѣхъ было, какъ и тогда, министерство внутреннихъ дѣлъ, сумѣвшее даже, какъ увидимъ ниже, изъ большой паники извлечь для себя маленькую пользу. Но въ черносотенныхъ кругахъ, стоявшихъ дальше отъ администраціи, ужасъ былъ неописуемый. Одинъ монахъ, ставшій впослѣдствіи архіереемъ, записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 12 апрѣля 1862 года: „Отъ генеральши Крыжановской (рожденной Перовской, дочери одного изъ министровъ Николая I) я слышалъ, что мятежники, наканунѣ Пасхи, раздавали солдатамъ и народу печатное воззваніе о перемѣнѣ правленія, и что въ пасхальную ночь толпы народа стояли у Зим-

Торгъ.

Оригиналъ картины Н. В. Неврева «Торгъ. Сцена изъ крестьянскаго быта» находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 255); она была написана въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, въ моментъ, когда еще продолжалъ дуть легкій вѣтерокъ либеральныхъ поползновеній. 19 февраля—5 марта 1861 г. навсегда унесло въ область преданій крѣпостную помѣщичью вотчину, явно разложившуюся къ указанному времени и уже не выдерживавшую крѣпостного труда. Крикъ: «вольнонаемныхъ рабочихъ!» сталъ лозунгомъ всякаго смышленнаго въ хозяйствѣ помѣщика, который далекъ былъ отъ идеи освобожденія въ интересахъ человѣчности, наивнаго альтруизма или романтическихъ грезъ о свободѣ русскаго народа. Съ этого момента становится до нѣкоторой степени возможнымъ изображать перомъ или кистью наиболѣе характерныя стороны крѣпостной Россіи, и надо признаться, что русскій писатель и русскій художникъ не замедлили воспользоваться нѣкоторыми темами помѣщичьяго душевладѣнія. Передъ нами одинъ изъ образчиковъ такого пользованія, отлично обрисовывающій бытовую обстановку помѣщика средней руки, совершающаго священный актъ сдѣлки купли-продажи, объектомъ которой является крестьянская женщина, на видъ безмысленно и тупо вперившая свой взоръ куда-то въ пространство и уже явственно ощутившая на себѣ лапу помѣщика-покупателя на глазахъ собравшихся рабовъ. Котъ, книги, водка, портреты благородныхъ предковъ и фигура продавца въ халатѣ и туфляхъ довершаютъ обстановку обыденной крѣпостной драмы. Картина Неврева не относится къ тому разряду картинъ, которыя въ старой критикѣ получали спеціальное названіе *историческихъ*; это—бытовой жанръ, но этотъ бытовой жанръ въ общемъ превосходный историческій источникъ для изученія современной ему эпохи, и онъ часто иллюстрируетъ эпоху гораздо глубже, чѣмъ иная, такъ называемая, историческая картина. Пересматривая рядъ картинъ бытового жанра и достаточно свыкнувшись съ представленіемъ объ исторической роли такихъ картинъ, мы получаемъ возможность глубоко и цѣльно изучить исторически тотъ или другой сравнительно близкій къ намъ моментъ.

няго дворца и ожидали бунта. Полиція до сей поры не могла узнать, гдѣ напечатано это воззваніе". Одна свѣтская дама, состоявшая въ перепискѣ съ другимъ русскимъ архіереемъ, навѣрное знала, что „всѣ прокламаціи были печатаны въ Кіево-Печерской лаврѣ..." *). „...Общество въ опасности, сорванцы бездомные на все готовы, и вамъ дремать нельзя", писалъ въ третье отдѣленіе одинъ „честный человѣкъ", „не годившійся въ доносчики": „на васъ грѣхъ падетъ, коли допустите ихъ до рѣзни, а она будетъ, чуть задремлете или станете довольствоваться полумѣрами. Время николаевское ушло..." „Кровь" на каждомъ шагу мерещилась „честному человѣку", страницы его доноса, фигурально выражаясь, политы ею. Вышедшій изъ того же круга авторъ анонимнаго письма къ Чернышевскому видѣлъ своего корреспондента не иначе, какъ „съ ножомъ въ рукахъ, въ крови по локоть" **). Но если черносотенные круги неосновательно пугались, то въ другихъ кругахъ тѣ же волненія вызывали не менѣе неосновательныя надежды. „Говорятъ, что въ Петербургѣ боятся пуще всего земской Думы; опасаются, что съ нею начнется революція въ Россіи", писалъ въ томъ же 1862 году Бакунинъ. „Да неужели же тамъ въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что революція давно началась? Пусть посмотрятъ вокругъ себя, въ самихъ себя, пусть сравнятъ свое настроеніе духа съ тѣмъ, что чувствовалось правительствомъ при императорѣ Николаѣ,—и пусть скажутъ: развѣ это не коренная и не полная революція? Вы слѣпы, это правда. Но неужели слѣпота ваша дошла до той степени, что вы думаете, можно воротиться назадъ или отдѣлаться шутками? Итакъ, не въ томъ вопросъ, будетъ или не будетъ революція, а въ томъ: будетъ ли исходъ ея мирный или кровавый?.. Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную земскую Думу..." „Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія", писалъ еще годомъ раньше Чернышевскій въ „Великоруссѣ": „недовольство ихъ проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ". Если есть надежда на мирный исходъ дѣла, то только потому, что „крестьяне не организовались еще для общаго

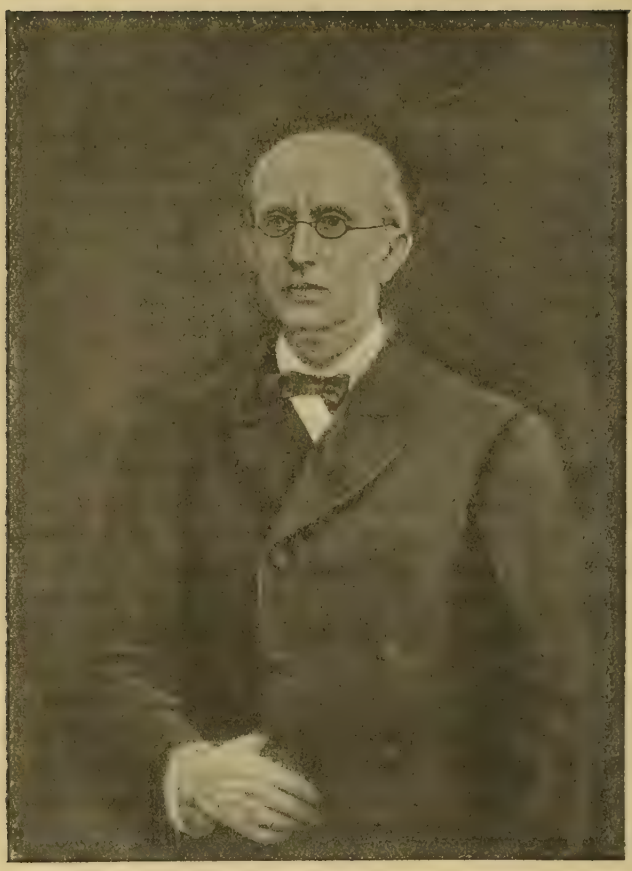
*) Барсуковъ, цит. соч., XIX, passim.
**) Цитаты по ст. г. Лемке о дѣлѣ Черн—го, въ „Быломъ" 1906 г.

возстанія, эпохою котораго будетъ лѣто 1863 года, если весна его обманетъ ихъ...“ *).

Само собою разумѣется, что ни въ числѣ испуганныхъ, ни въ числѣ надѣющихся не было среднее дворянство: оно, напротивъ, было въ самомъ радужномъ настроеніи. „1861 годъ видѣлъ преобразованіе, которое составляетъ эпоху въ русской исторіи“, писалъ, все въ тѣ же дни, Чичеринъ. „1862 годъ не менѣе плодотворенъ. Въ началѣ года въ первый разъ обнародованъ бюджетъ; затѣмъ въ правительственномъ отчетѣ объявлено, что цензуру книгъ предполагается уничтожить; теперь публикуются высочайше утвержденныя начала новаго устройства суда. Основанія ихъ: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа слѣдуетъ за реформою; общественная свобода и гласность развиваются все шире и шире. Не есть ли это лучшій отвѣтъ на одностороннія сужденія, на подозрѣнія недовольныхъ, на возгласы нетерпѣливыхъ?“ Не только къ Бакунину, но и къ Чернышевскому дворянскій публицистъ относился въ высшей степени отрицательно. Въ современной ему „лѣвой“ публицистикѣ онъ не видитъ ничего, кромѣ „буйнаго разгула мыслей, умственнаго и литературнаго казачества“, которое „составляетъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе общественности и порядка“. Вѣра въ эти силы была у Чичерина очень крѣпка, и это застраховывало его и ему подобныхъ отъ паники. Послѣдняя царствовала всего безраздѣльнѣе въ феодальныхъ кругахъ. Что касается революціонныхъ надеждъ, онѣ концентрировались въ трехъ группахъ, которыя, къ удивленію, довольно хорошо различались феодальными кругами, при всей, приписываемой имъ Бакунинымъ, „слѣпотѣ“. Уже цитированный нами монахъ, Порфирій Успенскій, записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, и слѣдующее: „Сегодня прогуливался въ тѣнистыхъ аллеяхъ Лавры съ преосвященнымъ Леонтіемъ и слышалъ отъ него вотъ какія недобрыя вѣсти. Теперь у насъ три политическія партіи: первая—герценская—умѣренная, домогается конституціи; вторая—великорусская—мечтаетъ о славянской федеративной республикѣ, а третья—красная—жаждетъ безнача-

*) Принадлежность „Великорусса“ Чернышевскому ясна для всякаго, кто дастъ себѣ трудъ сравнить „В.“ хотя бы съ „Письмами безъ адреса“: тотъ же стиль, та же общая концепція. Для болѣе конкретныхъ „свидѣтельствъ“ см. ст. г. Лемке о процессѣ „великорусцевъ“ въ „Былomъ“ 1906 г.

лія и крови, уничтоженія монастырей (это для монаха было всего важнѣе!), общенія женщинъ и имуществъ и разгульнаго житія...“ Подвергнувъ анализу тогдашнія политическія программы, мы получимъ именно три теченія, идущія справа налѣво именно въ томъ порядкѣ, какой давалъ имъ черносотенный собесѣдникъ нашего монаха: либерально-монархическое, группировавшееся около Герцена, буржуазно-демократическое, центромъ котораго была редакція „Современника“, откуда и вышелъ „Великоруссъ“, и соціалистическое, нашедшее свой манифестъ въ извѣстной прокламаціи къ „Молодой Россіи“.



ГЛАВА XXII.

Государственная церковь въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Государство тѣмъ сильнѣе и тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ явственнѣе въ немъ обозначается представительство духовное. Только подъ этимъ условіемъ поддерживается и утверждается въ средѣ народной и въ гражданской жизни чувство законности, уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти. Ни начало цѣлости государственной или государственнаго блага, государственной пользы, ни даже начало нравственное—сами по себѣ недостаточны къ утвержденію прочной связи между народомъ и государственною

властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, лишено основного корня, когда отрѣшается отъ религіозной санкціи... Довѣріе массы народа къ правителямъ основано на вѣрѣ, т.-е. не только на единовѣріи народа съ правительствомъ, но и на простой увѣренности въ томъ, что правительство имѣетъ вѣру и по вѣрѣ дѣйствуетъ. Поэтому, даже язычники и магометане больше имѣютъ довѣрія и уваженія къ такому правительству, которое стоитъ на твердыхъ началахъ вѣрованія, какого бы то ни было, нежели къ правительству, которое не признаетъ своей вѣры и ко всѣмъ относится одинаково". Отсюда, „неоспоримое преимущество" передъ всѣми остальными системами отношенія церкви и государства будетъ имѣть такая система: „государство признаетъ одно вѣроисповѣданіе изъ числа всѣхъ истиннымъ вѣроисповѣданіемъ и одну церковь исключительно поддерживаетъ и покровительствуетъ, къ предосужденію всѣхъ остальныхъ церквей и вѣроисповѣданій" *). Нельзя лучше и точнѣе охарактеризовать положеніе и роль въ государствѣ офиціальной церкви, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ словахъ К. П. Побѣдоносцева. Написанныя въ 1896 году, они въ ученой формѣ выражаютъ ту же идею, какая не разъ повторялась въ болѣе безхитростной формѣ въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка. Въ XVIII вѣкѣ вообще было меньше стѣсненій, меньше погони за туманными декораціями и лицемѣрной фразеологіей; тогда и дѣйствовали и говорили проще и безъ обиняковъ. „Отчего въ обществѣ большія несправедливости, ложь, воровство, грабительство не искореняются: ибо сколько закону свѣтскому за преступленія сіи не подвержены, но не имѣя страха божія и поученія въ немъ, не уважаютъ"—говорится въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ, екатерининской комиссіи объ уложеніи. Духовные должны „наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленными", должны прихожанъ „утверждать въ благонравіи и повиновеніи господамъ своимъ", говорится въ указахъ Павла Петровича, а его мать, Екатерина II, называла себя въ письмѣ къ Вольтеру „главою греческой церкви" и читала синоду длиннѣйшія поученія о его обязанностяхъ. Послѣ такихъ высоко-офиціальныхъ заявленій не приходится уже доказывать, что офиціальная церковь со времени Петра стала только instrumentum regni. Она перестала жить прежнею жизнью, когда она экономически была независимою отъ го-

*) К. П. Побѣдоносцевъ. Московскій Сборникъ, стр. 15 и 14.

сударства, а по суммѣ своихъ правъ и привилегій осмѣливалась даже вступать иногда съ нимъ въ борьбу за первенство. Никонъ еще могъ заявить, что „священство выше царства“; но уже Петръ въ „Духовномъ Регламентѣ“ позаботился, чтобы знали епископы „мѣру чести своея“ и помнили, что „исправленіе лика духовнаго“ есть царская обязанность, за которую долженъ царь давать отвѣтъ передъ „нелицемѣрнымъ судіею“, а про Екатерину II кн. Щербатовъ одобрительно заявлялъ: „нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться и, конечно, изъ предѣловъ ее не выпуститъ“. И не въ примѣръ горделивому заявленію Никона, московскому митрополиту Платону пришлось съ горечью заявить: „мы на землѣ безполезное бремя“—настолько не было пустымъ звукомъ званіе императрицы „главы греческой церкви“. А въ XIX вѣкѣ не менѣе знаменитый преемникъ Никона, митрополитъ Филаретъ, при Николаѣ I оправдывалъ цитатами изъ священнаго писанія крѣпостное право, а для Александра II составлялъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, повторяя въ то же время: „господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ“.

Сдѣлавшись государственною, церковь потерпѣла глубокія измѣненія въ своей организаціи, прошедшія сверху до низу и перевернувшія всѣ внутри-церковныя отношенія. Мы видѣли уже, что еще въ XVII вѣкѣ верховный глава русской церкви, московскій патріархъ, подпадаетъ подъ рѣшительное вліяніе свѣтской власти; но все еще сохраняется между „царствомъ и священствомъ“ извѣстный параллелизмъ, создающій впечатлѣніе нѣкоторой независимости церкви отъ государства. Церковная реформа Петра покончила съ этой фикціей. „Духовное Коллегіумъ“, какъ назывался синодъ въ Духовномъ Регламентѣ, былъ уже только одною изъ коллегій, одной изъ спицъ въ колесѣ абсолютистскаго государства. Мы уже видѣли, что составъ синода и епархіальнаго епископата со времени реформы Петра опредѣлялся всецѣло по назначенію свѣтской власти. Назначеніе епархіальныхъ архіереевъ и приглашеніе архіереевъ къ присутствованію въ синодѣ производилось съ этого времени именными указами; при этомъ принимались въ расчетъ отзывы и желанія мѣстныхъ властей. Рязанскій губернаторъ Каменскій, екатерининской эпохи, ставившій себѣ, между прочимъ, задачу показать народу, „что прямая власть не духовная, а свѣтская“, былъ очень недоволенъ тогдашнимъ рязанскимъ епископомъ за строгость послѣдняго

и просилъ Потемкина: „пришлите намъ какого-нибудь свѣтскаго (sic!) архіерея“; а при столкновеніи между архіереями и губернаторами почти всегда перевѣсъ оставался за послѣдними. Не менѣе безпомощенъ оказывался и синодъ, когда приходилось ему сталкиваться съ дворомъ и императорской властью. Въ хроникѣ синода за XVIII вѣкъ мы найдемъ немало скандальныхъ, а иногда чисто-анекдотическихъ исторій этого рода. Такъ, въ 1750 г. въ Петербургѣ появился одинъ ловкій монахъ съ Аѳона, нѣкій Анатолій, привезшій съ собою разныя „святыни“, для которыхъ Аѳонъ всегда былъ и остается богатымъ источникомъ. Синоду Анатолій показался просто подозрительнымъ проходимцемъ, и потому синодъ запретилъ ему служить молебны и собирать деньги. Но при дворѣ у Анатолія нашлись покровители, выхлопотавшіе для Анатолія желаемое разрѣшеніе у императрицы Елизаветы. Синоду пришлось покориться; онъ пригласилъ Анатолія въ свое засѣданіе и далъ ему свое благословеніе. Но на этомъ дѣло не кончилось. Пробывъ въ Россіи около трехъ лѣтъ, Анатолій уѣхалъ назадъ на Аѳонъ и вернулся оттуда уже епископомъ, но безъ епархіи, въ родѣ католическихъ епископовъ in partibus infidelium. О разрѣшеніи ему пріѣхать въ Россію онъ просилъ синодъ, но синодъ, не желая вновь имѣть съ нимъ дѣло, отказалъ ему, сославшись на то, что его епископскій санъ не утвержденъ соборомъ окружныхъ епископовъ и потому недѣйствителенъ. Несмотря на это, Анатолій пріѣхалъ въ Россію и поселился въ Петербургѣ; о пріѣздѣ его сенатъ послалъ синоду извѣщеніе, что Анатолій „по касающимся къ пользѣ высочайшаго ея императорскаго величества интереса секретнымъ обстоятельствамъ сюда пріѣхалъ“—дѣло касалось вопроса о переселеніи славянскихъ колонистовъ въ Россію. Получилось странное двойственное положеніе: синодъ не признавалъ Анатолія епископомъ, а сенатъ и дворъ признавали и воздавали ему епископскія почести; Анатолій преспокойно отправлялъ архіерейское служеніе и даже сталъ проситься на мѣсто запорожскаго архіерея. Началась долгая борьба между сенатомъ и синодомъ. Сначала какъ будто верхъ одержалъ синодъ: Анатолія судили за „богопротивное епископскаго сана похищеніе“ и сослали въ Кондійскій монастырь, лишивъ его священства. Анатолій недолго пробылъ въ опалѣ; скоро онъ опять понадобился, уже Екатеринѣ II, опять въ качествѣ маклера по поводу переселенія въ Россію турецкихъ славянъ. Императрица издала указъ синоду о возвра-

щеніи Анатолія изъ ссылки и о снабженіи его деньгами изъ суммъ синода на дорогу. Синодъ, конечно, покорился; выписалъ Анатолія на свой счетъ, пересмотрѣлъ его дѣло и, по предложенію Екатерины, не только возвратилъ ему священство, но даже разрѣшилъ ему отправлять архіерейское богослуженіе, т.-е. призналъ за нимъ епископскій санъ. „Согнившій и неуврачевавшійся удъ“, какъ былъ названъ Анатолій въ первоначальномъ синодскомъ приговорѣ, могъ теперь торжествовать побѣду и благодарить „главу греческой церкви“.

Надо, однако, сказать, что такое угодливое послушаніе архіереевъ достигнуто было правительствомъ не безъ нѣкоторой борьбы. Въ первую половину XVIII вѣка существовалъ обычай назначать въ архіереи питомцевъ кіевской духовной академіи, почти исключительно малороссовъ. Приходилось правительству поступать такъ поневолѣ, ибо кіевская академія была, въ сущности, единственной дѣльной богословской школой; московская „Славяно-греко-латинская академія“ влачила жалкое существованіе, была почти-что безъ учителей и безъ учениковъ. Между тѣмъ, назначать на архіерейскія должности людей, не получившихъ богословскаго образованія, правительство не рѣшалось: управленіе епархіями еще болѣе, чѣмъ управленіе губерніями, требовало спеціальныхъ познаній, которыя можно было получить только въ духовной школѣ. Кіевская академія была подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ духовныхъ школъ, и потому ея питомцы очень часто совершенно неожиданно для свѣтской власти обнаруживали строптивость и склонность къ собственной, независимой отъ свѣтскаго вмѣшательства, церковной политикѣ. Иногда такіе случаи были чисто-анекдотическими. Такова была исторія новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, родомъ изъ малороссовъ. Онъ пользовался благоволеніемъ Петра и получилъ отъ него должность вице-президента синода; но послѣ смерти Петра онъ вспомнилъ о „жестокой епископской славѣ“ и сталъ „чинить противности“ императорской власти. „Противности“ сначала выражались въ томъ, что Ѳеодосій жаловался на подчиненіе церкви свѣтской власти и на ея разореніе поборами Петра; когда за это синодъ лишилъ его архіерейства, онъ не послушался, но попробовалъ „отложиться“ отъ синода. Онъ составилъ присягу по образцу императорской и разослалъ ее по всѣмъ церквамъ и монастырямъ новгородской епархіи съ приказаніемъ, чтобы эту присягу принесло ему все подчиненное ему духовенство. Тогда „плутъ Ѳедосъ“ былъ пригово-

ренъ синодомъ „за злоковарное свое воровство“ къ превращенію въ простого чернеца и сосланъ въ Холмогоры, а составленная имъ присяга была всенародно сожжена. Другіе архіереи не пытались „отложиться“ отъ синода, но иной разъ предъявляли строгія требованія относительно соблюденія церковныхъ правилъ, постовъ и богослуженій,— правилъ весьма стѣснительныхъ для веселой и „вольномысленной“ елизаветинской и екатерининской знати. Но въ особенности фронда малороссійскаго духовенства обнаружилась во время секуляризаціи церковныхъ имѣній. Выразителемъ взглядовъ независимаго духовенства явился тогда ростовскій архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ. Въ своемъ протестѣ онъ провелъ нелестное сравненіе между русскимъ правительствомъ съ одной стороны, и татарскими ханами и турками съ другой: татары не только никогда не стремились завладѣть имѣніями русской церкви, но даже надѣлили ее новыми и освободили отъ дани, а турки довольствовались опредѣленною данью, не вмѣшиваясь въ управленіе; русское же правительство хочетъ всѣ имѣнія церкви присвоить себѣ и поставить гражданскій законъ выше церковнаго, между тѣмъ какъ по-настоящему должно бы быть наоборотъ. Понятно, что негодованіе Екатерины противъ Мацѣевича не знало границъ. „Властолюбіе и бѣшенство“ Арсенія было очевидно, и заступнику Арсенія, кн. Бестужеву-Рюмину, она отвѣтила коротко и ясно: „прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали“. Правда, голову отсѣчь Арсенію императрица не рѣшилась; но вмѣсто ссылки его въ отдаленный монастырь, къ которой его приговорилъ синодъ, Екатерина заточила его въ Ревельскую крѣпость. Дѣло Мацѣевича заставило покончить съ малороссійскими епископами. Екатерина стала замѣщать всѣ освобождавшіяся должности великороссами, кончавшими московскую славяно-греко-латинскую академію. Не всѣ изъ вновь назначенныхъ епископовъ обладали такою же ученостью, какъ малороссы, но зато они были гораздо покладистѣе. Ученость была наживнымъ дѣломъ, и за нею остановки большой не было: первый же московскій митрополитъ изъ великоруссовъ, знаменитый Платонъ, поставилъ московскую академію наравнѣ съ кіевской. Зато правительство больше уже не опасалось никакихъ „противностей“ со стороны епископата. Наоборотъ, епископы стали заявлять себя такими вѣрными слугами государства, что императоръ Павелъ ввелъ награжденіе ихъ

свѣтскими орденами. Митрополитъ Платонъ, которому одному изъ первыхъ досталась награда орденомъ, былъ сначала очень смущенъ и не хотѣлъ принимать ее, но затѣмъ подчинился, и вскорѣ награды орденами, равнявшія духовныхъ лицъ съ свѣтскими чиновниками, вошли въ обиходъ церковной жизни. Служба государству, естественно, вознаграждалась государственными же знаками отличія.

Такъ епископатъ превратился изъ князей церкви въ государственныхъ должностныхъ лицъ. Такая перемѣна могла, конечно, произойти только на почвѣ перемѣны въ его экономическомъ положеніи. Ранѣе, до реформы Петра, епископатъ былъ экономически независимъ отъ государства. Каждый епископъ былъ крупнымъ вотчинникомъ и имѣлъ право на опредѣленные доходы съ подчиненныхъ ему монастырей и клириковъ. Экономическая независимость русской іерархіи отъ государства начала колебаться уже при Петрѣ Великомъ, когда произошла секуляризація доходовъ съ „тунегиблемыхъ“ имѣній церкви. Монастырскій приказъ, возстановленный въ 1701 году, имѣлъ именно такое назначеніе. Совершенно свѣтское учрежденіе, состоявшее изъ свѣтскихъ чиновниковъ и подчиненное не мѣстоблюстителю патріаршаго престола, а штатсъ-конторѣ и юстицъ-коллегіи (со времени ихъ учрежденія), Монастырскій приказъ распоряжался церковными имуществами на правахъ полномочнаго хозяина. Онъ не только черезъ своихъ агентовъ велъ хозяйство въ церковныхъ имѣніяхъ и распоряжался назначеніемъ доходовъ, получаемыхъ съ нихъ, на тѣ или иныя надобности, но также отчуждалъ церковныя имѣнія продажей и дареніемъ свѣтскимъ лицамъ. Прежняя свобода церковныхъ имѣній отъ всякаго тягла была замѣнена чрезвычайно тяжелымъ тягломъ: помимо обычныхъ общегосударственныхъ повинностей, на церковныя земли дождемъ сыпались запросные сборы и чрезвычайныя повинности. „Канальный сборъ“ на сооруженіе каналовъ, „козловскій сборъ“ на освобожденіе отъ рекрутской повинности, наряды въ адмиралтейство плотниковъ и кузнецовъ, наряды по мостовой повинности, содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ, поставка лошадей для драгунъ, подмога при отливкѣ пушекъ, и проч. и проч.—все это одинаковымъ бременемъ легло теперь не только на свѣтскія, но и на церковныя имѣнія. Но мало этого; были отмѣнены всѣ пошлины, которыя ранѣе собирались архіереями и монастырями съ подчиненныхъ имъ клириковъ. Взамѣнъ всѣхъ прежнихъ доходовъ предполагалось назначить для архіереевъ, мо-

настырей и приходскаго духовенства строгіе оклады и штаты, при чемъ на содержаніе клира должна была отпускаться только часть средствъ Монастырскаго приказа — все прочее шло въ распоряженіе государства.

Къ счастію для церкви, вся эта политика, какъ и всѣ вообще мѣропріятія петровскаго правительства, проводилась на спѣхъ, безъ всякаго порядка, хищническимъ способомъ. Въ результатѣ, въ концѣ царствованія Петра церковныя имѣнія оказались разоренными и отчасти расхищенными; такая неудача временно отсрочила окончательную секуляризацію и создала почву даже для нѣкотораго подобія реакціи. Вскорѣ послѣ учрежденія синода, Монастырскій приказъ, превратившійся первоначально въ синодскую камеръ-контору, былъ упраздненъ; патріаршія вотчины были переданы въ вѣдѣніе синоду „сборами и правленіемъ“, и доходы съ нихъ должны были идти на содержаніе членовъ синода. Это распоряженіе какъ-будто возстанавливало экономическую независимость по крайней мѣрѣ главенствующей части епископата; но такое положеніе дѣла продолжалось недолго. Черезъ пять лѣтъ, въ 1726 г., въ синодѣ былъ полученъ именной указъ Екатерины I, который „подражая трудамъ высокославнѣя памяти государя императора“ дѣлилъ синодальное правленіе на два „апартамента“. Первый апартаментъ, состоящій изъ шести архіереевъ, долженъ былъ „управлять всякія духовныя дѣла въ всероссійской церкви“; во второмъ, состоящемъ изъ свѣтскихъ чиновниковъ, указъ опредѣлялъ „быть суду и расправѣ, такожъ смотрѣнію сборовъ и экономіи“. Это была настоящая реформа синода. Второй „апартаментъ“ былъ названъ „коллегіей экономіи синодальнаго правленія“; правда, новая коллегія была подчинена синоду, но и синодъ и сенатъ были въ то же время подчинены Верховному тайному совѣту. А черезъ 12 лѣтъ было покончено и со всякой тѣнью зависимости коллегіи экономіи отъ синода. Въ 1738 году синодъ получилъ изъ кабинета министровъ именной указъ о передачѣ коллегіи экономіи въ вѣдѣніе сената; одновременно, въ указѣ, данномъ сенату, мѣра мотивировалась самымъ откровеннымъ образомъ: такъ какъ накопилось за церковными землями недоимокъ свыше 40.000 р., „а собираніе и выбираніе недоимокъ дѣло свѣтское, а св. синодъ и безъ того важнѣйшими духовными дѣлами весьма отягощенъ: того ради заблагоразсудили мы оные синодальный, казенный и дворцовый приказы сообщить въ коллегію экономіи...“ Президентомъ коллегіи экономіи былъ назначенъ

генералъ-лейтенантъ Волковъ. Только черезъ шесть лѣтъ, въ 1744 году, Елизавета Петровна опять на время возвратила управленіе церковными вотчинами синоду. Но это колебаніе было послѣднимъ; за нимъ послѣдовала окончательная секуляризація церковныхъ имуществъ.

Обыкновенно, секуляризацію представляютъ дѣломъ екатерининскаго правительства. Это не совсѣмъ правильно, такъ какъ фактически секуляризація, произведенная Петромъ III, не была еще ликвидирована, когда послѣдовала знаменитая реформа 1764 года. Петръ III поступилъ весьма рѣшительно. Ссылаясь на волненія крестьянъ въ церковныхъ вотчинахъ, онъ учредилъ въ Москвѣ новую коллегію экономіи для управленія церковными имуществами. Вмѣсто управителей изъ „духовныхъ персонъ“ были назначены управители изъ офицеровъ; взамѣнъ прежнихъ оброковъ въ пользу церковныхъ господъ крестьяне были обложены однообразнымъ казеннымъ оброкомъ сверхъ подушнаго въ казну и получили всю ту запашку, которая ранѣе распахивалась въ пользу архіереевъ и монастырей. Офицеры, назначенные управителями бывшихъ церковныхъ вотчинъ, конечно, оказались не лучше прежнихъ „духовныхъ персонъ“; по выраженію Арсенія Мацѣевича, они готовы были „Спаса и Богородицу ободрать“, такъ что крестьяне выиграли отъ совершившейся перемѣны немного. Но Екатерина воспользовалась недовольствомъ церковныхъ круговъ какъ нельзя болѣе удачно. Въ своемъ манифестѣ о вступленіи на престолъ она мотивировала, между прочимъ, переворотъ необходимостью спасти церковь и вѣру отъ разрушенія и поруганія, а мѣру Петра III въ сенатѣ объявила необдуманной. Однако это былъ только ловкій дипломатическій пріемъ, не пошедшій далѣе полумѣры 16-го іюня 1762 г., когда имѣнія, по докладу сената, были номинально возвращены церкви, но управленіе ими и половина рублеваго оклада оставались въ свѣтскихъ рукахъ. Крестьянскія волненія въ церковныхъ вотчинахъ, не прекращавшіяся и послѣ 1762 г., скоро дали возможность ликвидировать уничтоженіе „необдуманной мѣры“. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ такой квалификаціи указа 1762 года, какъ изъ устъ той же защитницы церкви отъ поруганія и разрушенія синодальные архіереи услыхали совершенно иную рѣчь. „Существенная ваша обязанность состоитъ въ управленіи церквами, въ совершеніи таинствъ, въ проповѣданіи слова божія, въ защищеніи вѣры, въ молитвахъ и воздержаніи... Вы преемники апостоловъ, которымъ повелѣлъ Богъ

внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ, и которые были очень бѣдны. Царство ихъ было не отъ міра сего: вы меня понимаете? Я слышала истину эту изъ устъ вашихъ. Какъ можете вы, какъ дерзаете, не нарушая должности званія своего и не терзаясь въ совѣсти, обладать безчисленными богатствами, имѣя безпредѣльныя владѣнія, которыя дѣлаютъ васъ въ могуществѣ равными царямъ? Вы просвѣщенны, вы не можете не видѣть что всѣ сіи имѣнія похищены у государства (!). Если вы повинуетесь законамъ, если вы вѣрнѣйшіе мои подданные, то не умедлите возвратить государству все то, чѣмъ вы несправедливымъ образомъ обладаете".

Можно себѣ представить, какой переполохъ произвела въ синодѣ эта рѣчь, столь характерная для Екатерины, начавшаяся съ восхваленія идеальной миссіи церкви и кончившаяся обвиненіемъ той же церкви чуть ли не въ грабежѣ. 12 мая 1763 г. въ третій и послѣдній разъ была возстановлена коллегія экономіи, и въ ея вѣдѣніе окончательно поступили всѣ церковныя вотчины. Государство получило около 1.500.000 рублей дохода на тогдашнія деньги; изъ этихъ денегъ было положено отпустить на содержаніе церковныхъ учрежденій, лишившихся вотчинъ, только 462.869 руб., а все остальное оставалось въ полномъ распоряженіи государства. Рублевый казенный оброкъ съ экономическихъ крестьянъ былъ повышенъ сначала до 2-хъ рублей (1768 г.), а потомъ до 3 (1783 г.), вслѣдствіе чего доходы государства съ секуляризованныхъ имѣній достигли къ концу XVIII вѣка почти 3 милліоновъ рублей. Епископы и архимандриты, зависѣвшіе теперь всецѣло отъ государства, съ горечью смотрѣли на уплывшее безвозвратно изъ ихъ рукъ золотое дно. Имъ воспользовалось, конечно, не только дворянское правительство, но и само дворянство. Правда, первое время правительство довольно строго соблюдало принципъ неотчуждаемости секуляризованныхъ имѣній, и такой порядокъ заставлялъ дворянъ жаловаться: деревни и люди были отданы церкви „отъ набожныхъ праведныхъ людей" „для поминовенія душъ дателей, и слѣдственно, съ нѣкоимъ родомъ условія". Теперь же „деревни не къ тѣмъ возвратились, которыхъ предки разорили для сысканія рая души своей". Этотъ прозрачный намекъ на то, что и дворянство имѣетъ право на кусокъ изъ добычи, былъ скоро понятъ. Въ концѣ царствованія Екатерины и при Павлѣ началась раздача секуляризованныхъ

земель „разнымъ вельможамъ и любимцамъ государыни“; всего ушло въ дворянскія руки болѣе 50.000 душъ крестьянъ.

Параллельно съ уничтоженіемъ независимости отъ государства высшаго клира шло приниженіе и превращеніе въ „подлый родъ людей“ приходскаго клира. До XVIII вѣка сохранялся въ силѣ выборный порядокъ опредѣленія къ приходамъ священниковъ, установленный еще Стоглавымъ соборомъ. Правда, на практикѣ выборы сплошь и рядомъ замѣнялись покупкой церковныхъ должностей у прихожанъ; за какіе-нибудь 15—20 руб. прихожане охотно представляли епископу на посвященіе не самаго достойнаго, а самаго ловкаго кандидата. Но какъ бы то ни было, замѣщеніе должностей приходскихъ священниковъ было дѣломъ свободнаго соглашенія между прихожаниномъ и кандидатомъ. Первый ударъ этой системѣ былъ, какъ мы знаемъ, нанесенъ реформой Никона, когда огромному большинству сельскихъ и городскихъ священниковъ пришлось оставить свои приходы и уступить мѣсто ставленникамъ „новой вѣры“. Если это нарушеніе прежняго порядка могло еще оправдываться чрезвычайными обстоятельствами, въ которыхъ тогда находилась русская церковь, то послѣдующія распоряженія Монастырскаго приказа 1701 года относительно порядка замѣщенія священническихъ мѣстъ были уже прямымъ переходомъ къ бюрократическому устройству клира, и притомъ предпринятымъ свѣтскою властью. Приказъ ввелъ такое правило: прихожане представляютъ епископу не одного, а нѣсколькихъ кандидатовъ, сопровождая представленіе ружною грамотою, въ которой только опредѣляется руга священнику, т.-е. размѣры платы за требы и другихъ отчисленій въ пользу церкви. Епископъ могъ не утвердить ни одного кандидата, если ни одинъ не казался ему подходящимъ для должности. Это распоряженіе любопытно поставить въ связь съ другимъ распоряженіемъ того-же Монастырскаго приказа: въ 1718 году были закрыты всѣ домовыя церкви, кромѣ церквей, принадлежавшихъ членамъ императорской фамиліи—„ибо сіе лишнее есть и отъ единой спѣси дѣется, и духовному чину укорительное; ходили бы господа къ церквамъ приходскимъ, и не стыдились бы быть братіею хотя и крестьянъ своихъ въ обществѣ христіанскомъ“, мотивируетъ эту мѣру заднимъ числомъ „Духовный Регламентъ“. Такимъ образомъ, частный культъ былъ запрещенъ, и вмѣсто домашнихъ духовниковъ, своихъ холоповъ, прихожане должны были обращаться къ приходскимъ духовникамъ, служителямъ государственной церкви.

А эти государственные духовники обязаны были сообщать Преображенскому приказу, если на исповѣди имъ откроется „измѣна или бунтъ на государя или государство, или злое умышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества“. Регламентъ оправдывалъ такое нарушеніе тайны исповѣди словами евангелія: если братъ согрѣшитъ противъ тебя, обличи его наединѣ, а если не послушаетъ, „повѣждь церкви“, приравнивая, такимъ образомъ, церковь къ государственной полиціи.

Постановленія „Духовнаго Регламента“ относительно приходскаго духовенства окончательно сводятъ на нѣтъ приходскіе выборы, оставляя на ихъ мѣсто простую фикцію. Право поставлять приходскихъ священниковъ присваивается въ Регламентѣ епископамъ, по представленіямъ или „заручнымъ“ прихожанъ; но кандидаты должны имѣть обязательно образовательный цензъ, пройти архіерейскую школу. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться этого образовательнаго ценза по существу; по отношенію къ приходскимъ выборамъ онъ означалъ превращеніе ихъ въ простую формальность, такъ какъ кандидатовъ приходилось искать у тѣхъ же архіереевъ. Поэтому, заручныя стали вскорѣ простою формальностью, и въ концѣ XVIII вѣка прихожанамъ, вспоминавшимъ о своемъ формальномъ правѣ выборовъ, митрополитъ Платонъ отвѣтилъ прямо и ясно: „ваше дѣло орать да пахать, а мое — вамъ поповъ давать“. Въ сельскихъ мѣстностяхъ еще имѣла нѣкоторый вѣсъ рекомендація помѣщика, котораго кандидатъ старался напередъ задобрить въ свою пользу какимъ-нибудь „презентомъ“; въ городскихъ приходахъ заручная стала просто необходимымъ документомъ, который приходилось подавать при прошеніи архіерею. Формально была отмѣнена и эта фикція выборовъ при Павлѣ Петровичѣ. Случайное участіе въ крестьянскихъ бунтахъ сельскихъ священниковъ обратило вниманіе правительства на „дурной остатокъ старины“, и его было рѣшено немедленно искоренить. Указомъ синода 24 іюня 1797 года всѣ пункты „Духовнаго Регламента“, касающіеся заручныхъ и приходскихъ челобитій, были отмѣнены, и было предписано прошенія объ опредѣленіи на мѣста приходскихъ клириковъ подавать „за подписаніемъ однихъ только желающихъ поступить въ священно- и церковно-служительскіе чины, съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи“. Черезъ нѣсколько лѣтъ и эти аттестаціи отъ прихожанъ были замѣнены аттестаціями духовно-учебнаго начальства. Это было формальное

упраздненіе уже несуществовавшаго порядка. Фактически уже давно распоряженіе приходскими мѣстами находилось въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ, замѣщавшихъ мѣста кандидатами еще на школьной скамьѣ.

Но въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX полная бюрократизація церковнаго клира еще не была достигнута. Этому мѣшалъ чрезвычайно характерный пережитокъ феодальной церковной организаціи, препятствовавшій заключенію приходскаго клира въ строгіе штаты. Вплоть до XVIII вѣка организація церкви сверху до низу была системой кормленія, выражаясь русскимъ терминомъ, или феодальной, выражаясь научнымъ терминомъ. И высшіе и низшіе клирики смотрѣли на свои должности прежде всего, какъ на доходные лены, „искали не Іисуса, а хлѣба куса“, какъ образно выразился Дмитрій Ростовскій. Приходскіе священники не только покупали должности, но и „корчемствовали“ ими, т.-е. отдавали ихъ въ аренду и продавали. Секуляризація положила конецъ системѣ кормленія по отношенію къ епископату; штатное жалованье стало главнымъ источникомъ существованія епархіальныхъ архіереевъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Но въ средѣ приходскаго духовенства систему кормленія было уничтожить труднѣе. Тамъ оно не только осталось, но благодаря уничтоженію приходскихъ выборовъ, окрѣпло и стало чуть ли не священнымъ обычаемъ. Ранѣе, когда право прихожанъ выбрать любого кандидата или продать мѣсто любому кандидату не было пустымъ звукомъ, случаи наслѣдственной передачи и перепродажи мѣстъ были часты, но не постоянны и не повсемѣстны. Съ XVIII вѣка наслѣдственная передача церковныхъ приходскихъ должностей и торговля ими стали постояннымъ и повсемѣстнымъ обычаемъ; выработался извѣстный кодексъ кутюмовъ въ этой области, извѣстнаго рода неписанная конституція, которою считали себя связанными даже епархіальные архіереи. Такъ произошло потому, что прихожане могли давать заручную только воспитанникамъ архіерейскихъ школъ; а таковыми были почти исключительно лица духовнаго званія, т.-е. сыновья тѣхъ же клириковъ. Кругъ кандидатовъ сузился; съ другой стороны, право выбора стало фикціей; въ результатѣ получилась чрезвычайно оригинальная и необыкновенно богатая бытовыми красками система. Не только взрослый сынъ наслѣдовалъ мѣсто отца, и притомъ именно то, которое занималъ отецъ: считалось непристойнымъ, если сынъ станетъ выше отца, если, напримѣръ, сынъ діакона станетъ въ томъ же

Михайловскій замокъ.

«*Главный фасадъ Михайловскаю замка*»—гравюра, исполненная на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій для спеціальнаго изданія, которое было предпринято съ цѣлью дать подробное и монументальное описаніе павловскаго дворца. На зданіи, въ которомъ быстро и неожиданно въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года отошелъ въ вѣчность императоръ Павелъ I, красуется долженствовавшая быть пророческой надпись: «Дому твоему подобаетъ святыня господня *въ долготу дней*». На гравюрѣ имѣются три подписи: V. Brénna architécte—La Peine delineavit—Calpacow sculpsit. Михайловскій замокъ долженъ былъ сыграть для Павла I роль неприступной крѣпости; онъ переѣхалъ въ него, когда дворецъ этотъ былъ еще сырымъ, и умеръ когда дворецъ окончательно еще не высохъ или, точнѣе говоря, не далъ ему высохнуть графъ П. А. Паленъ со своими сотрудниками. Замокъ былъ названъ Михайловскимъ, въ память Михаила Ѳедоровича Романова, и Н. М. Карамзинъ сумѣлъ обезсмертить его въ своей *Запискѣ о древней и новой Россіи* выразительнымъ словомъ...

Facade principale du Chateau St. Michel
Главной фасадъ Михайловскаго замка.

приходѣ священникомъ. Малолѣтніе сыновья и дочери наслѣдовали на такомъ же полномъ правѣ. Тутъ напрашиваются самыя любопытныя параллели съ феодальнымъ бытомъ, полуродовымъ по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. По смерти отца, оставившаго малолѣтнихъ дѣтей, мѣсто могло остаться за всей семьей; только тогда, когда подростали наслѣдники, архіерею представлялся кандидатъ или невѣста. При этомъ семья понималась въ очень широкомъ смыслѣ: не только вдова и дѣти умершаго клирика, но также его внуки, племянники, двоюродные и та же родня по линіи его вдовы считались имѣющими наслѣдственныя права. При отсутствіи сыновей мѣсто передавалось дочери, т.-е. ея мужу. Невѣста выбирала себѣ жениха и представляла его на утвержденіе владыки; но бывало, что наканунѣ свадьбы дѣло разстраивалось, если невѣстѣ почему-либо женихъ не нравился—по этой части можно было бы привести немало забавныхъ анекдотовъ. Такъ какъ отъ кандидатовъ на священническія мѣста требовался образовательный цензъ, то „женихъ безъ ума“ не годился, искали жениха „съ умомъ“. Въ лѣтописяхъ кіевской епархіи мы найдемъ указаніе на то, что на этой почвѣ создался любопытный обычай: „оглядины“. Если невѣста, по скудости прихода или по своимъ личнымъ качествамъ, попадала въ такое непріятное положеніе, что къ ней „не случается ни философъ ни богословъ“, то къ ней приходилъ на помощь архіерей. Онъ отправлялъ ее въ бурсу, и училищное начальство объявляло о ней всѣмъ „философамъ и богословамъ“, а для удобства „оглядинъ“ ставило невѣсту у дверей класса. Если не всегда находился женихъ „съ умомъ“, то не всегда оказывалась и невѣста „съ мѣстомъ“. Иной разъ при слаженномъ уже дѣлѣ мѣсто неожиданно оказывалось спорнымъ; заинтересованные конкуренты, родственники невѣсты, подавали жалобу архіерею, и все останавливалось до архіерейской резолюціи, которая иной разъ оказывалась не въ пользу невѣсты. Теперь для насъ понятна поговорка „невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума“. Хуже этой комбинаціи въ духовной средѣ XVIII и начала XIX вѣка ничего не могли себѣ представить.

Такая система могла держаться до тѣхъ поръ, пока духовенство было на положеніи замкнутаго сословія. Правительство волей-неволей должно было терпѣть этотъ феодальный пережитокъ, ибо при иной системѣ некуда было бы дѣваться огромному числу клириковъ. Лицами духовнаго сословія считались, какъ и въ XVI—XVII вѣкѣ, не только

тѣ, кто фактически отправлялъ священнослужительскія должности, но также дѣти, жены и вдовы духовныхъ лицъ. При малолѣтствѣ наслѣдниковъ семья, наслѣдовавшая мѣсто, могла всегда нанять викарія изъ сферы огромнаго числа безмѣстныхъ клириковъ, ибо ихъ всегда было больше, чѣмъ мѣстъ. Такой викарій посвящался „въ заставку“, т.-е. въ замѣну малолѣтнихъ собственниковъ мѣста, и подписывалъ утверждавшееся архіереемъ условіе, которымъ опредѣлялись условія и срокъ его службы. Заставочные попы и діаконы находились въ изобиліи изъ множества безмѣстныхъ клириковъ, младшихъ сыновей духовныхъ лицъ, и изъ нихъ же рекрутировался кадръ бѣглыхъ поповъ, переходившихъ изъ синодской церкви въ старообрядческую. До середины XIX вѣка такой порядокъ не былъ неудобнымъ. Приходскій клиръ, хотя и наслѣдственный, былъ въ полномъ, чуть ли не въ рабскомъ подчиненіи у архіереевъ и помѣщиковъ. За пьянство и проступки противъ церковнаго порядка и обрядности архіереи наказывали священниковъ плетьми, сажали подъ арестъ на хлѣбъ и на воду; помѣщики смотрѣли на священниковъ, какъ на такой же „подлый родъ людей“, какъ и крестьяне, и выдѣлывали съ ними, что хотѣли. Помѣщику ничего не стоило согнать священника съ мѣста; случаи, когда помѣщики для забавы травили священниковъ борзыми или пороли у себя на конюшнѣ, были нерѣдки. Въ случаѣ такихъ злоупотребленій священники не могли найти защиты и у архіереевъ—тѣ всегда стояли за помѣщиковъ. Благополучіе сельскаго священника, однако, всецѣло зависѣло отъ помѣщика, и потому сельскій клиръ въ массѣ терпѣливо переносилъ всѣ униженія и исправно несъ свою службу, постоянно, „увѣщевая крестьянъ къ повиновенію помѣщикамъ“. Система кормленія въ церковныхъ низахъ потерпѣла крушеніе только тогда, когда потерпѣлъ крушеніе главный оплотъ стараго порядка—крѣпостное право. Реформа 1861 года въ числѣ прочихъ вопросовъ выдвинула вопросъ также о духовномъ сословіи. Его обособленность стала уже уродливымъ пережиткомъ, который совершенно не вязался съ тѣми полубуржуазными формами, въ которыя вдвигается русская жизнь въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка. И объективныя требованія буржуазной „свободы конкуренціи“, и специфическія потребности фиска и военнаго вѣдомства толкали правительство на уничтоженіе старой системы. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ и послѣдовалъ рядъ мѣръ, покончившихъ со старой системой и завершившихъ бюрократизацію государственной церкви. Высочайше утвер-

жденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта 22 мая 1867 года было постановлено: при опредѣленіи на церковныя должности не считать родство съ умершими или уволенными преимуществомъ одного кандидата передъ другими; не допускать зачисленія церковныхъ мѣстъ за дочерьми или родственниками занимавшихъ это мѣсто и не признавать дѣйствительными обязательства поступающихъ на мѣста выдавать часть доходовъ своимъ предмѣстникамъ или ихъ семействамъ. Этотъ указъ поднялъ цѣлую бурю среди духовенства, такъ какъ лишалъ крова и хлѣба огромное число клириковъ, не имѣвшихъ мѣстъ и въ то же время не имѣвшихъ права выхода изъ сословія. Логическимъ развитіемъ указа 1867 г. явился, поэтому, указъ 11-го іюля 1869 г., (также Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта), отчислившій изъ духовнаго званія всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ, церковныхъ сторожей и звонарей и предоставившій дѣтямъ духовныхъ лицъ полную свободу выбора профессіи и поступленія на государственную службу. Конечно, старая система не могла очень скоро исчезнуть изъ практики, и донынѣ еще бываютъ случаи передачи прихода сыну или дочери. Но теперь это дѣлается по особенному ходатайству въ видѣ особой милости духовнаго начальства. Фактически же и формально архіерей теперь замѣщаетъ всѣ церковныя должности по своему усмотрѣнію, не считаясь ни съ какими обычаями и родствомъ. Только послѣ указовъ 1867 и 1869 гг. могло быть проведено также и заключеніе церкви въ штаты, о чемъ думалъ еще Петръ Великій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ архіереевъ произвели полный „передѣлъ“ приходовъ во всѣхъ епархіяхъ. Множество мелкихъ приходовъ было закрыто и соединено вмѣстѣ въ болѣе крупные; точно были опредѣлены штаты клириковъ каждаго прихода, т.-е. число священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ. На мѣсто прежняго семейнаго обычая стала мертвая буква архіерейскихъ указовъ и консисторскихъ постановленій. Своей высшей точки развитія бюрократизація церкви достигла при оберъ-прокурорѣ К. П. Побѣдоносцевѣ, роль котораго въ исторіи двухъ послѣднихъ царствованій достаточно извѣстна. Какъ юристъ, онъ, конечно, прекрасно сознавалъ, что такое устройство еще менѣе канонично, чѣмъ система кормленія. „Государство, въ сущности, только держитъ за собою это право (выбора епископовъ и пастырей), но оно не ему принадлежитъ“ говоритъ онъ; „оно принадлежитъ клиру и народу по праву историческому и апо-

стольскому". Но возвращеніе этого права кому слѣдуетъ зависитъ отъ государства—оно теперь властвуетъ въ церкви. Болѣе откровенной и прямой оцѣнки современнаго правового положенія государственной церкви мы, конечно, не найдемъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ *).

Государственная церковь должна была исполнять тѣ обязанности, которыя на нее возлагало государство. Въ началѣ главы мы уже видѣли, въ чемъ государство XVIII вѣка видѣло главную задачу церкви: духовные должны наставлять прихожанъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ и господамъ, надъ ними поставленнымъ. Эта функція должна была исполняться не столько путемъ проповѣдничества—„Златоустовъ" въ средѣ приходскаго духовенства было мало, да и среди епископата они встрѣчались не часто,—сколько исполненіемъ нѣкоторыхъ возложенныхъ на духовенство обязанностей. Первая и главная обязанность, за небрежное исполненіе которой духовенству XVIII вѣка пришлось претерпѣть не мало гоненій, заключалась въ неукоснительномъ совершеніи царскихъ молебновъ и панихидъ въ царскіе дни и въ поминовенные дни. Духовенство допетровской эпохи этой обязанности не знало; молебны въ царскіе дни и панихиды по усопшимъ царямъ совершались только въ московскихъ соборахъ и въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ были погребены тѣ или другіе цари или члены царской семьи; въ прочихъ церквахъ, въ городахъ и въ селахъ, на духовенство эта обязанность не возлагалась. Теперь отъ духовенства стали требовать исполненія этой обязанности, при чемъ молебны и панихиды нужно было служить не только въ дни, связанные съ именемъ царствующаго или царствовавшаго императора, но также въ дни, связанные съ именами другихъ членовъ императорской фамиліи; служить при этомъ полагалось въ самомъ лучшемъ облаченіи и по возможности соборнѣ. Можно себѣ представить, насколько трудна оказалась эта обязанность для огромнаго большинства тогдашняго невѣжественнаго духовенства, до котораго не только политическія новости о постоянной смѣнѣ царствующихъ лицъ на престолѣ, но и распоряженія епархіальной власти доходили крайне медленно и въ искаженномъ видѣ. Между тѣмъ малѣйшее упущеніе по этой части каралось самымъ жестокимъ образомъ: оно приравнивалось къ политическимъ преступленіямъ и вѣдалось тайной канцеляріей. Приходскій священникъ жилъ поэтому подъ постоян-

*) Московскій Сборникъ, стр. 9.

нымъ страхомъ „лишенія сана и жестокаго въ свѣтскомъ судѣ истязанія, сверхъ того и вѣчной ссылки, куда тяжковинныхъ ссылать велѣно“. Тридцатые годы XVIII вѣка были въ этомъ отношеніи особенно тяжкими для приходскаго духовенства, несмотря на то, что синодъ разослалъ печатныя табели высокоторжественныхъ дней. Казематы тайной канцеляріи всегда были полны клириками, провинившимися въ упущеніи царскихъ молебновъ и панихидъ; массами священники лишались сана, наказывались батогами и отдавались въ солдаты; пострадали даже нѣкоторые представители епископата, напр., извѣстный Ѳеофилактъ Лопатинскій. Со времени Елизаветы въ этомъ отношеніи стало легче, но и при ней, и при Екатеринѣ свѣтская власть строго слѣдила за соблюденіемъ всѣхъ царскихъ молебновъ и панихидъ; виновнымъ въ упущеніяхъ грозило лишеніе прихода.

Мы видимъ, какъ легко было навлечь на себя любому клирику подозрѣніе въ неблагонадежности. Но тѣмъ же клирикамъ вмѣнялось въ обязанность нести полицейскія функціи, доносить о „бунтахъ и крамолахъ“, если таковые ими будутъ открыты на исповѣди. Эта антиномія легко объясняется неустойчивой, перемѣнчивой исторіей трона въ XVIII вѣкѣ. Царствующія лица и правительства смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ, вмѣстѣ со смѣной общественныхъ группъ, руководившихъ высшимъ управленіемъ Россіи. При такомъ положеніи легко развивается болѣзненная подозрительность, боязнь заговоровъ, недовѣріе къ собственнымъ послушнымъ и на дѣлѣ вѣрнымъ агентамъ. Только къ концу XVIII вѣка, когда шатанія трона прекратились, и вошло уже въ привычку соблюденіе офиціальныхъ табельныхъ богослуженій, ослабляется бдительный надзоръ за ними правительства. Въ XIX вѣкѣ царскіе дни для клира уже чисто офиціальные и неважные праздники. Кромѣ каѳедральныхъ соборовъ, куда на богослуженіе собираются всѣ офиціальныя лица даннаго города, во всѣхъ остальныхъ церквахъ службы въ табельные дни правятся по будничному: при уменьшенномъ освѣщеніи, безъ пѣвчихъ и безъ молящихся, раннимъ утромъ. Но и значеніе этихъ офиціальныхъ дней уже не то, что прежде. Въ XVIII вѣкѣ празднованіе табельныхъ дней было однимъ изъ средствъ насажденія вѣрноподданическихъ чувствъ; въ наши дни оно является офиціальной данью придворному этикету, праздникомъ почти исключительно офиціальныхъ учрежденій.

Требуя отъ церкви, чтобы она насаждала вѣрноподданическія

чувства посредствомъ культа, правительство не отказывалось и отъ того, чтобы церковь насаждала вѣрноподданическія чувства поученіемъ. При императорѣ Павлѣ, когда обнаружилось участіе нѣкоторыхъ сельскихъ священниковъ въ крестьянскихъ бунтахъ, это требованіе было выражено особенно опредѣленно, и даже крестьянскія возстанія объяснялись недостаткомъ церковнаго поученія и „невѣжествомъ духовнаго чина“. Указъ Павла напоминалъ клирикамъ, „что небреженіе ихъ о словесномъ стадѣ, имъ ввѣренномъ, какъ въ мірѣ семъ взыщется начальствомъ ихъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ должны будутъ дать отвѣтъ предъ страшнымъ судомъ божіимъ во вредѣ, отъ небреженія ихъ произойти могущемъ“. Но къ поученію духовный чинъ, пребывающій, по офиціальному заявленію, „въ невѣжествѣ“ и часто попадавшійся въ „порокѣ пьянства“, конечно, былъ мало способенъ. Нужно было его научить; отсюда требованіе образовательнаго ценза для духовенства, выставленное еще въ „Духовномъ Регламентѣ“ и постоянно напоминавшееся и подтверждавшееся въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка.

Требованіе давать поученія предполагаетъ не только наличіе лицъ, способныхъ къ этому, но также и наличіе предметовъ, которые могутъ быть предложены для поученія. Тутъ мы переходимъ уже изъ области практики церковной въ область теоріи, отъ формы къ содержанію. Вопросъ о содержаніи вѣры былъ больнымъ вопросомъ въ XVIII вѣкѣ. XVII вѣкъ еще не зналъ его: пока нерушимо стояла „старая вѣра“, отправленіе обрядоваго культа было въ то же время и самымъ главнымъ дѣломъ вѣры; объектами вѣры были извѣстные конкретные святыни и обряды, святынямъ, не мудрствуя лукаво, клиръ совершалъ положенный культъ и получалъ за это съ прихожанъ „кормъ“. Реформа Никона разрушила старую вѣру, но не дала ничего взамѣнъ ея; въ концѣ-концовъ и самъ Никонъ усомнился въ правильности той „новой вѣры“, какую принесли съ собой исправленные по греческимъ образцамъ служебники. Новый обрядъ не могъ пріобрѣсти такого же авторитета, какъ старый; и еще при Никонѣ уже высказывается мысль, что дѣло не въ обрядѣ, а въ религіозной теоріи, т.-е. въ томъ, что всегда было на послѣднемъ планѣ въ дониконовской церкви, іерархи которой иной разъ не знали даже никейскаго символа. Между тѣмъ, осудивъ старую вѣру, офиціальная церковь должна была дать что-нибудь взамѣнъ ея, въ особенности должна была заполнить образовавшуюся пустоту въ умахъ клириковъ. Клирики должны

были получить нѣчто новое и притомъ такое, что осмыслило бы въ ихъ глазахъ богослуженіе по новому обряду, путемъ утвержденія второстепеннаго значенія всякаго вообще обряда. Естественно, что за теоріей обратились туда, гдѣ она была уже въ готовомъ видѣ: въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію. Кіевская „богословія“, насквозь пропитанная схоластическимъ духомъ, была совершенно отвлеченной теоріей, но при своей казуистичности могла служить оправданіемъ любого практическаго положенія. Эта „богословія“, питомцы которой вплоть до Екатерины II занимаютъ почти сплошь всѣ епископскія каѳедры въ Россіи, перекочевала затѣмъ въ московскую, петербургскую и казанскую духовныя академіи и въ духовныя семинаріи и стала основаніемъ для новой вѣры. Новая богословская вѣра не стремилась, конечно, уничтожить старую вѣру въ святость и чудодѣйственность обрядовъ и таинствъ, въ святыхъ, въ мощи и въ иконы; но она подвела подъ эту вѣру теоретическій фундаментъ: вся сила и значеніе обрядовъ, сакралій и святыхъ были сведены не къ эмпирическимъ основаніямъ, исторически сложившимся въ народной массѣ, но къ единой абсолютной первопричинѣ, къ божественной благодати, сведенной на землю искупительной жертвой Іисуса Христа. Конечно, эта теорія до сихъ поръ еще не проникла въ народную массу, которая въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ чаще всего уходитъ или въ старообрядчество, хранящее чисто обрядовую вѣру, или переходитъ отъ анимистическаго эмпиризма прямо къ евангельскому христіанству. Но для клириковъ эта теорія должна была получить и получила съ теченіемъ времени характеръ дисциплинирующей школы, воспитывая въ нихъ послушныхъ слугъ государственной церкви и офиціальнаго credo.

До начала XIX вѣка новая „богословія“ туго прививалась въ духовной средѣ. Только малорусское духовенство было почти сплошь заполнено питомцами кіевской школы, разными „риторами“, „философами“ и „богословами“. Въ великорусскихъ епархіяхъ до конца XVIII вѣка приходилось поневолѣ ограничиваться самымъ низшимъ образовательнымъ цензомъ: прохожденіемъ курса элементарнаго духовнаго училища или просто домашнимъ образованіемъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ кандидатъ подвергался экзамену при консисторіи у спеціальнаго экзаминатора, должность котораго была постоянной и необходимой принадлежностью епархіальнаго церковнаго управленія. Экзаменъ былъ нехитрый: кандидата, не прошед-

шаго духовной школы, испытывали въ пѣніи, чтеніи и письмѣ, предлагая ему прочитать что-либо по часослову или библіи, спѣть какое-нибудь пѣснопѣніе по ирмологію и написать что-нибудь подъ диктовку подъ прошеніемъ. Выдержавшій искусъ, отправлялся къ какому-нибудь монаху для обученія символу вѣры, заповѣдямъ и богослужебному чину; когда проситель все это выучивалъ наизусть, монахъ-экзаминаторъ давалъ ему свидѣтельство и отсылалъ назадъ къ архіерею. „Умъ“ требовался небольшой; но нельзя сказать, чтобы священниковъ, „ходившихъ до богословіи и философіи“ было совсѣмъ немного: въ половинѣ XVIII вѣка такихъ въ Москвѣ насчитывалось все-таки 30% всего числа московскихъ священниковъ, и въ духовныхъ школахъ въ 1782 году насчитывалось учащихся 11.329 человѣкъ. Рѣшительный поворотъ въ дѣлѣ насажденія богословской науки среди клириковъ „на пользу душъ, поручаемыхъ паствѣ ихъ“ начался со времени дѣятельности московскаго митрополита Платона и его современниковъ, великорусскихъ епископовъ. Пользуясь матеріальной поддержкой Екатерины, Платонъ преобразовалъ московскую академію, до тѣхъ поръ влачившую жалкое существованіе, поставилъ въ ней преподаваніе на высоту кіевской академіи и открылъ нѣсколько духовныхъ училищъ въ епархіи; вслѣдъ за нимъ тянулись провинціальные молодые архіереи, вышедшіе изъ московской академіи, также открывавшіе въ своихъ епархіяхъ семинаріи и училища. Поэтому Павелъ, а вслѣдъ за нимъ Александръ I могли уже выставить требованіе школьнаго образовательнаго ценза для кандидатовъ на духовныя должности.

Плоды „богословіи“ по отношенію къ свѣтскому обществу церковь и государство стали пожинать однако только въ XIX вѣкѣ, когда было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, и стала распространяться свѣтская школа. Характернымъ является уже тотъ фактъ, что первоначально должность оберъ-прокурора синода и министра народнаго просвѣщенія сплошь и рядомъ совмѣщалась; но и помимо этого бросающагося въ глаза факта, исторія свѣтской школы неразрывно связана съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Свѣтской школѣ сразу былъ приданъ конфессіональный характеръ посредствомъ введенія въ курсъ ея обязательныхъ предметовъ закона божія. При этомъ изученіе закона божія только на первыхъ порахъ ограничивалось преподаваніемъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и молитвъ: очень скоро, уже въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка

Явленіе Спасителя народу.

Оригиналъ картины А. А. Иванова „*Явленіе Спасителя народу*“ находится въ галлереѣ Румянцевскаго Музея среди цѣлаго ряда этюдовъ и эскизовъ, чрезъ которые прошла эта картина, и сравнительное изученіе которыхъ даетъ богатый матеріалъ для того, чтобы уяснить себѣ эволюцію кисти и взглядовъ художника. Картина Иванова—не на сюжетъ изъ русской исторіи, но намъ казалось невозможнымъ ее обойти, ибо она является опредѣленнымъ моментомъ и въ исторіи русской, и въ исторіи русской интеллигенціи. Художникъ началъ писать ее при господствѣ однихъ настроеній, заканчивалъ при другихъ, отодвинувшись отъ ортодоксальной традиціи. Вниманіе зрителя сосредоточено не на Христѣ, а на народѣ. Его чаянія, надежды и упованія прежде всего остановили на себѣ вниманіе художника; одиноко идущая фигура Христа съ его строгимъ внимательнымъ взоромъ, устремленнымъ на толпу и какъ бы пытающимся отгадать, чего же ей собственно нужно, обращаетъ на себя вниманіе своимъ философическимъ настроеніемъ, при которомъ жестъ центральной фигуры пророка производитъ нѣсколько феерическое впечатлѣніе. Въ міровой живописи библейскіе сюжеты получили необычайное распространеніе; русская живопись не богата оригинальностью въ ихъ композиціи, но и на западѣ и въ Россіи эти сюжеты всегда отражали не столько библейскія времена, сколько времена и вкусы любого общества; даже красота голаго тѣла сама по себѣ и пышный разцвѣтъ женской страсти, какъ таковой, прекрасно укладывались въ далекіе библейскіе мотивы, и художникъ чувствовалъ себя среди нихъ совершенно привольно и независимо. Каждый моментъ представлялъ себѣ Христа такимъ, какимъ онъ невольно долженъ былъ быть мыслимымъ въ тотъ или другой періодъ жизненной схватки... Нельзя, конечно, не признать, что для современнаго поколѣнія картина Иванова отдаетъ прелестью археологической древности и мало трогающей теперь отвлеченной философичностью, но для первой половины XIX-го столѣтія она *исторически* цѣнна... Сюжетъ застылъ въ позахъ частью неопредѣленныхъ и равнодушныхъ; позируетъ пророкъ-проповѣдникъ; просто позу представляетъ изъ себя и приближающійся издалека философъ. Картина, если хотите, не закончена; царитъ смута, та смута, которая предвѣшала когда-то новыя теченія въ русской общественности...

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ".

официальная богословская теорія стала также частью преподаванія закона божія, въ видѣ такъ называемаго катехизиса. Мы всѣ учили въ свое время этотъ катехизисъ и знаемъ, что въ немъ заключается. Кромѣ чисто богословскихъ схоластическихъ разъясненій никейскаго символа, катехизисъ содержитъ въ себѣ начала и такъ называемаго нравственнаго богословія, объясняетъ десять заповѣдей. При объясненіи этихъ заповѣдей, авторъ катехизиса, извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, безъ всякихъ обиняковъ обнаружилъ политическое значеніе катехизиса. Достаточно вспомнить распространительное толкованіе пятой заповѣди, причисляющее къ отцу и матери всѣ предержащія власти, или толкованіе шестой заповѣди, изъемлющее изъ запрещенія убивать убійства на войнѣ и смертную казнь. Посредствомъ преподаванія катехизиса законъ божій въ школѣ становился орудіемъ политическаго воспитанія молодежи. Но первоначально предполагалось дать катехизису гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ только въ школѣ: черезъ школу въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ проходила ничтожная сравнительно часть населенія, достоинства же катехизиса, какъ нравоучительнаго кодекса, представлялись настолько выдающимися, что казалось необходимымъ читать и разъяснять его и взрослому населенію, которое уже не могло болѣе попасть въ школу. По распоряженію синода епархіальные архіереи рекомендовали толковать катехизисъ съ церковнаго амвона; понятно, что въ московской епархіи, подвѣдомственной автору катехизиса, это толкованіе шло особенно усиленнымъ темпомъ и обставлялось возможно торжественнѣе. Въ московскихъ церквахъ были назначены въ каждомъ сорокѣ особые катехизаторы изъ приходскихъ священниковъ; они должны были толковать катехизисъ по воскреснымъ днямъ передъ обѣдней, при чемъ къ этому толкованію прихожане сзывались пятьюдесятью ударами въ большой колоколъ. Впослѣдствіи, при Побѣдоносцевѣ, богословское преподаваніе въ свѣтской школѣ пошло еще дальше. Катехизисъ сталъ уже считаться принадлежностью элементарнаго курса, былъ введенъ не только въ среднія учебныя заведенія, но также въ городскія и земскія четырехклассныя училища. Въ старшихъ классахъ гимназій было, поэтому, рѣшено ввести преподаваніе основного и нравственнаго богословія на семинарскій образецъ, конечно, главнымъ образомъ въ цѣляхъ борьбы съ позитивнымъ научнымъ знаніемъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи странное мѣсто въ курсѣ университета и другихъ

высшихъ учебныхъ заведеній занимаетъ преподаваніе основного богословія, обязательное для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія... Чтобы покончить съ ролью церкви, какъ воспитательницы молодого поколѣнія, остается упомянуть о вѣнцѣ всего описаннаго развитія—церковно-приходскихъ школахъ, назначеніе которыхъ для борьбы съ земскою школой, казавшеюся слишкомъ крамольной, достаточно извѣстно, какъ извѣстно и печальное положеніе всего этого предпріятія. Церковно-приходская школа не пріобрѣла популярности и не получила широкаго распространенія, отчасти вслѣдствіе полной неподготовленности къ этому дѣлу сельскаго клира. Столь же ничтожно, конечно, оказалось и значеніе катехизическаго преподаванія въ свѣтской школѣ, несмотря на все то вниманіе, которое этому предмету удѣлялось учебнымъ вѣдомствомъ.

Такъ была установлена „новая вѣра“ и такими путями старались церковь и государство ее распространять. Отношеніе къ многочисленнымъ элементамъ „старой вѣры“, уцѣлѣвшимъ и продолжавшимъ жить въ народномъ быту, было иное. Комплексъ издавнихъ обрядовыхъ обычаевъ, вѣрованій и культовъ святыхъ, мощей и иконъ, поскольку онъ установился передъ переходной петровской эпохой, тщательно оберегался и оправдывался всѣми теоретическими рессурсами, какіе имѣлись въ распоряженіи церкви. Но къ развитію народной религіи въ этомъ направленіи отношеніе было крайне осторожное, крайне консервативное. Вѣровать и молиться со времени реформы Петра народная масса могла, если такъ можно выразиться, только зарегистрированнымъ святымъ, народное творчество въ этой средѣ совершенно не допускалось. Одною изъ обязанностей епископата Духовный Регламентъ объявляетъ наблюденіе, „дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, тако же о кликушахъ, о тѣлесахъ несвидѣтельствованныхъ“. Это требованіе Духовнаго Регламента объясняется прежде всего, конечно, соображеніями боевыми, ибо въ ту эпоху болѣе всего чудесъ, видѣній, пророчествъ и „божіихъ людей“ случалось именно въ средѣ адептовъ старой вѣры, считавшихъ и Петра и синодскую церковь созданіями антихриста. Но оно оказалось чрезвычайно живучимъ, и это понятно: если бы церковь и государство допустили такое же свободное твореніе новыхъ сакралій и святыхъ, какъ это было въ допетровскую эпоху, то имъ пришлось бы идти за народной массой и приспособляться къ ней, а не руководить народной массой. Поэтому дѣла о

„суевѣріяхъ“, т.-е. о явленіи новыхъ иконъ, отъ которыхъ происходятъ чудеса, о появленіи юродивыхъ и благочестивыхъ цѣлителей молитвой различныхъ болѣзней, не сходятъ съ консисторскихъ столовъ въ теченіе всего XVIII и XIX вѣка. Отношеніе къ нимъ почти всегда было самое строгое, хотя бы виновники ихъ были самыми ортодоксальными людьми. Зато провозглашеніе новыхъ святыхъ и новыхъ мощей офиціальнымъ образомъ, происходившее въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, всегда обставлялось самымъ торжественнымъ образомъ, при непремѣнномъ участіи высокопоставленныхъ особъ. Въ этихъ случаяхъ церковь всегда умѣла блеснуть въ качествѣ руководительницы народной массы, и эти празднества для объективнаго наблюдателя всегда получали любопытный и весьма поучительный смыслъ.

Политическая роль церкви сказывается столь же опредѣленно и въ миссіонерской ея дѣятельности, т.-е. въ пропагандѣ православія среди иновѣрцевъ. Мы не будемъ здѣсь касаться миссіи среди старообрядцевъ и сектантовъ—въ этой сферѣ миссія была совершенно безуспѣшна и въ концѣ-концовъ должна была всегда апеллировать къ репрессіямъ со стороны гражданской власти. Успѣшной миссія оказалась по отношенію къ поволжскимъ, уральскимъ и сибирскимъ инородцамъ, которые въ огромномъ большинствѣ въ религіозной сферѣ не шли дальше первобытнаго анимизма. Обращеніе ихъ для миссіонеровъ, конечно, не представляло никакихъ трудностей, но по существу это было не столько дѣйствительное обращеніе ихъ въ православіе, сколько одинъ изъ пріемовъ колонизаціи и руссификаціи. Обращеніе это совершилось еще въ XVIII вѣкѣ; чтобы дать о немъ представленіе, достаточно указать, какія „поощрительныя мѣры“ примѣняли миссіонеры и правительство. Всѣмъ новокрещеннымъ давалась трехлѣтняя свобода отъ податей и рекрутчины, а также давались отъ имени императорской власти подарки деньгами и вещами, при чемъ государству мѣра эта ничего не стоила, такъ какъ недостающіе рекруты и подати раскладывались на „упорствующихъ“ единоплеменниковъ крестившихся. Далѣе, крестившимся объявлялось прощеніе за преступленія, совершенныя до крещенія, а если крещенные были крѣпостными у какого-либо мусульманина, то они отписывались отъ своего барина. Комментаріи къ этимъ мѣрамъ излишни, какъ излишне прибавлять, что при такихъ условіяхъ миссія имѣла быстрый внѣшній успѣхъ; по существу же она приводила лишь къ замѣнѣ прежняго шамана русскимъ

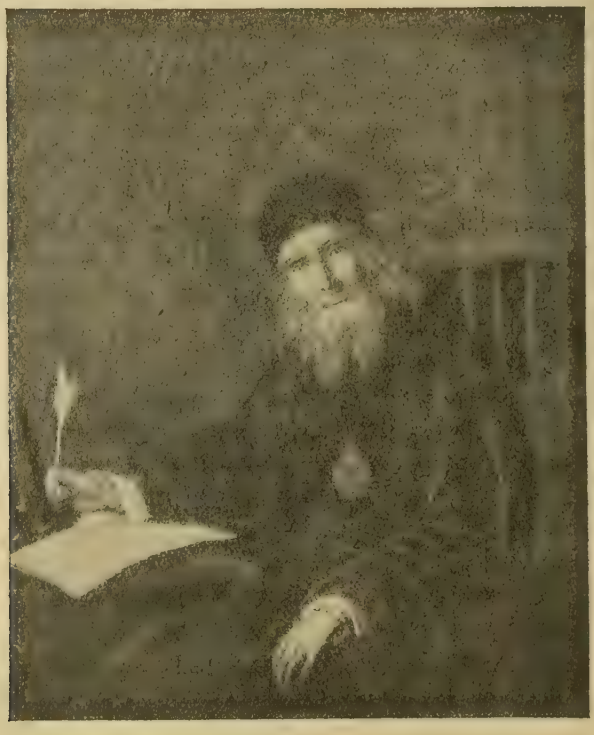
священникомъ и къ тому своеобразному двоевѣрію. классическое изображеніе котораго дано В. Г. Короленкомъ въ его очеркѣ „Сонъ Макара“. Маленькая заминка была только при Екатеринѣ II, которая ограничила нѣсколько „поощрительныя мѣры“ и покровительствовала татарамъ въ противовѣсъ ненадежному мелкому населенію Заволжья. Въ серединѣ XIX вѣка миссія считала свое дѣло въ предѣлахъ Россіи настолько успѣшнымъ, что перенесла свою дѣятельность въ Китай и Японію.

Но главнымъ успѣхомъ офиціальнаго православія въ XIX вѣкѣ обыкновенно провозглашается такъ называемое „возсоединеніе уніатовъ“, т.-е. присоединеніе къ офиціальной церкви уніатскаго населенія бывшаго царства польскаго. Но и мотивы и обстоятельства присоединенія совершенно опредѣленно рисуютъ это событіе, какъ чисто политическую затѣю. Руководителями дѣла были уніатскій епископъ Сѣмашко и московскій митрополитъ Филаретъ; послѣдній выработалъ по порученію оберъ-прокурора и министра внутреннихъ дѣлъ инструкцію западнымъ архіереямъ, которая подробно излагаетъ мотивы и планъ присоединенія. Мотивами являются прежде всего, конечно, виды правительства; съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, послѣ возстанія 1830 года во избѣжаніе его повтореній необходимо было замѣнить уніатское духовенство, проводившее польское вліяніе, послушнымъ русскимъ духовенствомъ. „Возсоединеніе“ въ сущности и было именно такою замѣной; самихъ уніатовъ и не спрашивали, справедливо полагая, что при ловкомъ веденіи дѣла перемѣна можетъ произойти совершенно незамѣтно, а если спросить самихъ уніатовъ, то еще неизвѣстно, какой отвѣтъ на это получится. По плану, составленному Филаретомъ, самое главное правило заключалось въ томъ, „чтобы дѣйствовать скромно, безъ шума и преждевременной гласности“; самое же дѣло вести посредствомъ привлеченія на сторону православія уніатскаго духовенства: „дабы снять съ пути возсоединенія и мелкія претыканія для священниковъ уніатскихъ, православный архіерей можетъ тѣмъ изъ нихъ, которые наклонны къ присоединенію, смотря по надобности, подавать слѣдующія мысли: что прежнія ихъ выгоды останутся при нихъ ненарушимы и по присоединеніи, а въ нуждахъ найдутъ они новую помощь и покровительство и въ православномъ начальствѣ духовномъ и въ благопопечительномъ правительствѣ, и что православное духовное начальство, признавая и уважая въ нихъ характеръ священства,

не уменьшитъ сего уваженія за нѣкоторыя черты внѣшности, имъ обычныя"... Планъ Филарета подробно указывалъ, какъ должны дѣйствовать свѣтскія власти и смежные съ уніатскими епархіями православные архіереи, чтобы вліять на уніатское духовенство и вынуждать у него согласіе на присоединеніе; были пущены въ ходъ всякаго рода мѣры, и „поощрительныя" и „предупредительныя". Одновременно съ этимъ греко-уніатская коллегія, завѣдывавшая дѣлами уніатской церкви, постепенно замѣнила прежнія богослужебныя книги книгами московской печати и возстанавливала иконостасы. Черезъ пять лѣтъ „скромной работы" плодъ уже созрѣлъ; всѣ уніатскіе епископы и священники, кромѣ 400, дали согласіе на присоединеніе, оставалось только его произвести. Тутъ опять поступили по плану Филарета, который прежде всего опять-таки рекомендовалъ тишину: „возсоединеніе надлежитъ произвести съ возможною тишиною, дабы люди, которые по своимъ особеннымъ видамъ не желали бы онаго, поздно проснулись для противодѣйствованія" и для того, чтобы „греко-унитская паства, спокойно послѣдующая своимъ пастырямъ и не разстроенная предубѣжденіями противъ православія, не была потревожена сильною нечаянностію". Самый актъ возсоединенія долженъ былъ произойти такъ: уніатскіе епископы вмѣстѣ со старшимъ духовенствомъ составляютъ соборный актъ, въ которомъ полагаютъ „признать вновь свое первоначальное единство съ восточно-каѳолическою православною церковью... пребывать отнынѣ... въ послушаніи святѣйшему правительствующему всероссійскому синоду"; одновременно съ этимъ высочайшимъ указомъ греко-уніатская коллегія подчиняется синоду, а въ уніатскихъ церквахъ вмѣсто римскаго папы за богослуженіемъ поминается синодъ. На случай, если отъ „сильной нечаянности" произойдетъ въ какомъ-либо приходѣ волненіе, „дѣйствованіе духовной власти здѣсь, по необходимости, прекращается; для возстановленія тишины должна быть соображена мѣра, которую употребила бы свѣтская власть". Дѣло прошло, какъ по-писанному, и римскому папѣ осталось только faire bonne mine au mauvais jeu. „Паства", конечно, вовсе не была такъ довольна возсоединеніемъ, какъ клиръ, но ее и не спрашивали. Стерпится—слюбится.

Въ наши дни служеніе церкви видамъ правительства приняло еще новую форму, возможную только при своеобразномъ избирательномъ законѣ 3-го іюня; церковь и тутъ оказалась столь же послушна, какъ и всегда. Церковь много и вѣрно

служила государству; если бы мы стали изслѣдовать, что получила она за это отъ государства, то намъ пришлось бы составить длинный синодикъ всѣхъ другихъ религіозныхъ обществъ, существовавшихъ и существующихъ въ Россіи. Ибо, при дѣйствіи системы государственной церкви, какъ говоритъ тотъ же К. П. Побѣдоносцевъ, „всѣ остальныя церкви признаются не истинными или не вполнѣ истинными“; ихъ „предосужденіе“ выражается „въ неодинаковой формѣ, со множествомъ разнообразныхъ оттѣнковъ, и отъ непризнанія и отчужденія доходитъ иногда до преслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, при дѣйствіи этой системы чужія исповѣданія подвергаются нѣкоторому, болѣе или менѣе, значительному умаленію въ чести, правѣ и преимуществѣ, сравнительно со своимъ, съ господствующимъ исповѣданіемъ“. И ни 17 апрѣля ни 17 октября не внесли въ эту формулу никакихъ значительныхъ измѣненій, несмотря на широкія положенія этихъ актовъ.



ГЛАВА XXII.

Религіозныя движенія въ XIX вѣкѣ.

Если мы всмотримся внимательно въ жизнь и интересы старообрядцевъ Рогожскаго кладбища начала XIX вѣка, то мы увидимъ, что Таганка и Рогожская были какъ бы головой огромнаго спрута, протянувшаго свои щупальцы во всѣ стороны Россійской имперіи, вплоть до крайнихъ ея предѣловъ. Церковная организація поповщины, создавшаяся къ началу XIX вѣка, была псевдонимомъ широкой организаціи торговаго капитала, главными владѣльцами котораго были тогда „благословенные“ адепты старой вѣры. Какъ читатель знаетъ изъ другихъ главъ, главное мѣсто въ торговомъ оборотѣ этой

эпохи занимала торговля хлѣбомъ. Рогожская и Таганка, задолго до организаціи спеціальной торговой агентуры, уже имѣли таковую въ лицѣ старообрядческихъ общинъ хлѣбородныхъ губерній: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской. Постоянныя и правильныя сношенія общинъ этихъ губерній съ Рогожской метрополіей поставляли рогожцевъ въ извѣстность о видахъ на урожай, о цѣнахъ на хлѣбъ и давали возможность въ наиболѣе благопріятную минуту и ранѣе всѣхъ другихъ конкурентовъ произвести закупки. Донскія, уральскія и нижневолжскія общины играли такую же роль по отношенію къ рыбной торговлѣ; общины степныхъ губерній—по отношенію къ торговлѣ скотомъ. Рогожское кладбище разсылало во всѣ стороны ходебщиковъ и офеней, въ рукахъ рогожцевъ находилась вся московская ямская слобода—ямщики были сплошь почти всѣ старообрядцы. Неудивительно, что и въ Москвѣ, и на Нижегородской ярмаркѣ, и на другихъ крупныхъ ярмаркахъ рогожцы устанавливали цѣны на всѣ важнѣйшіе товары, и ихъ вліяніе чувствовалось даже въ Иркутской губерніи, въ Бухарѣ и Хивѣ. Преображенская община не могла въ этомъ отношеніи сравняться съ рогожскимъ церковно-торговымъ союзомъ: ее раздирали внутреннія противорѣчія періода первоначальнаго накопленія, тогда какъ сундуки рогожцевъ были уже давно полны. Войны начала XIX вѣка, кончая войной 1812 года, доставили рогожцамъ цѣлый рядъ выгодныхъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ; въ это время капиталы наживались со стремительной быстротою, и нерѣдки были случаи, что простой ходебщикъ-офеня становился въ полтора-два года милліонеромъ.

Торгово-промышленный рогожскій союзъ въ первые тридцать лѣтъ XIX вѣка выступилъ въ новой, еще почти неслыханной въ Россіи роли. Кошели и сундуки Рогожской и Таганки раскрылись для новыхъ предпріятій: въ самой Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, въ особенности въ Гуслицкой волости Богородскаго уѣзда, рогожскіе капиталисты основали первыя крупныя мануфактуры, не старыя крѣпостныя мануфактуры районовъ льноводства, а новыя мануфактуры, зародыши настоящей свободной капиталистической промышленности. Мобилизація рогожскаго капитала повела за собою новые успѣхи поповщинской пропаганды. Крестьяне, поступавшіе на мануфактуры въ качествѣ рабочихъ и приказчиковъ, массами принимали старообрядчество, и такимъ путемъ весь Гуслицкій районъ быстро и невозвратно ушелъ изъ синодской церкви. Крестьянамъ былъ прямой расчетъ пе-

реходить въ старообрядчество: передъ ними открывалась перспектива быстраго выхода изъ крѣпостного состоянія и избавленія отъ рекрутчины. Эта перспектива была построена на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ принципіальная идеологія сектантовъ или революціонныя надежды пугачевцевъ: новые фабриканты нуждались въ свободныхъ рабочихъ рукахъ, въ гарантіи отъ всякихъ случайностей, всегда возможныхъ при арендѣ крестьянъ у помѣщиковъ. Поэтому за переходъ въ старообрядчество крестьянамъ выдавались на льготныхъ условіяхъ ссуды для выкупа на волю, и покупались для нихъ рекрутскія квитанціи. Такъ создался вліятельный впослѣдствіи Гуслицкій районъ, игравшій немалую роль въ спорахъ относительно Окружнаго посланія, этого больного для поповщины вопроса во второй половинѣ XIX вѣка.

Необыкновенные успѣхи поповщины постоянно напоминали объ обратной сторонѣ медали: о томъ, что церковная организація Рогожскаго кладбища, въ сущности говоря, держится на такомъ шаткомъ фундаментѣ, какъ попущеніе правительства. Въ самомъ главномъ, въ существованіи клира, рогожцы зависятъ отъ правительства: пока оно терпитъ бѣглыхъ поповъ, до тѣхъ поръ рогожцы имѣютъ культъ и церковь. Съ другой стороны, сама ихъ организація, какъ религіозной общины, также только терпится; нѣтъ легальныхъ титуловъ, которые оправдывали бы ея существованіе. Въ дворянскомъ государствѣ самостоятельная буржуазная организація была только пасынкомъ. Всѣ усилія поповщины въ первой половинѣ XIX вѣка и были направлены къ этимъ двумъ цѣлямъ: создать себѣ легальное положеніе и независимый клиръ.

Вопросъ о легализаціи особенно остро стоялъ не въ Москвѣ, а въ провинціи. Московская община была слишкомъ сильна и вліятельна для того, чтобы бояться нападенія врасплохъ и стремительнаго истребленія; само правительство находилось въ слишкомъ большихъ связяхъ съ рогожцами для того, чтобы вдругъ начать „палить“ по Рогожскому кладбищу. Другое дѣло было въ провинціи, гдѣ общины были менѣе богаты, менѣе многочисленны и менѣе вліятельны: тамъ скорѣе всего и ранѣе всего могли произойти столкновенія съ помпадурами, конецъ которыхъ могъ оказаться для мѣстныхъ общинъ весьма плачевнымъ. Поэтому мысль о легализаціи настойчивѣе стучалась въ двери въ провинціи, чѣмъ въ Москвѣ. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана екатеринбургской общиной, которая, кромѣ соображеній своей прочности и безопасности, имѣла еще нѣко-

торыя вѣскія побужденія вступить въ переговоры съ правительствомъ о легализаціи.

Дѣло въ томъ, что въ екатеринбургской общинѣ возникли сепаратистскія стремленія, стремленія сдѣлаться вторымъ автономнымъ центромъ поповщины. Екатеринбургская община зависѣла отъ рогожцевъ не прямо, а черезъ Иргизскіе монастыри, откуда она получала поповъ, минуя Москву; но поскольку Иргизъ былъ филіальнымъ отдѣленіемъ Рогожскаго кладбища, постольку екатеринбургцы были обязаны соблюдать піэтетъ и къ этому послѣднему и повиноваться ему. Однако, по существу, узы, связывавшія Москву съ Ураломъ, были очень слабыя. Уральскіе заводы не зависѣли отъ московскихъ капиталовъ; ближняя Сибирь (Тобольская губ.) тоже гораздо больше зависѣла отъ уральскихъ торговыхъ центровъ, первымъ изъ которыхъ былъ Екатеринбургъ, чѣмъ отъ отдаленной Москвы, съ которою живая связь обнаруживалась только разъ въ годъ, на Нижегородской ярмаркѣ, и то въ ограниченной области чайной и пушной торговли. Между тѣмъ Екатеринбургъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити частной уральской промышленности; почти всѣ частные заводы были собственностью екатеринбургскихъ старообрядцевъ, а на казенныхъ безъ нихъ обойтись также не могли. Поэтому, екатеринбургская часовня стала центромъ для всѣхъ заводскихъ и многихъ сибирскихъ старообрядческихъ общинъ; попы разсылались туда изъ Екатеринбурга, въ Екатеринбургѣ устраивались съѣзды, пригонявшіеся ко времени ярмарокъ. Всего подъ вліяніемъ Екатеринбурга насчитывалось около 150.000 старообрядцевъ.

Во второмъ десятилѣтіи XIX вѣка во главѣ екатеринбургскаго общества стоялъ богачъ, купецъ Рязановъ. Онъ и составилъ планъ легализаціи поповщинской церкви, отчасти по образцу устройства уніатской церкви, и вступилъ по этому поводу въ переговоры съ епископомъ пермскимъ Іустиномъ и министромъ духовныхъ дѣлъ, кн. Голицынымъ. Рязановскій проектъ обсуждался и былъ редактированъ на старообрядческомъ съѣздѣ уральскихъ общинъ въ Екатеринбургѣ въ 1818 году и содержитъ въ себѣ тѣ основныя начала, которыя впослѣдствіи, въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, легли въ основу поповщинской организаціи послѣ пріобрѣтенія архіерея. Проектъ предусматривалъ разрѣшить старообрядцамъ Сибирскаго края исповѣдывать вѣру, строить церкви и совершать культъ „по точному ученію и обрядамъ древле-грекороссійской церкви, до лѣтъ патріарха Никона существовавшимъ“, при посредствѣ старообрядческихъ священ-

никовъ. Этихъ послѣднихъ сибирскіе старообрядцы должны получать изъ синодской церкви: „высочайше дозволить священникамъ и діаконамъ, рукоположеннымъ россійскими архіереями, безпорочно уединившимся (sic!) къ намъ, прямо, или черезъ иргизскіе монастыри, отправлять богослуженіе...“ Управляется общество старообрядцевъ Сибирскаго края старообрядческой конторой; она находится въ Екатеринбургѣ, состоитъ изъ мірянъ, вѣдаетъ старообрядческихъ священниковъ и діаконовъ, ведетъ метрическія книги; подчинена она непосредственно министру духовныхъ дѣлъ. Этотъ смѣлый проектъ, какъ видно читателю, ставилъ старообрядческую уральскую церковь въ такое же легальное и независимое отъ синода положеніе, въ какомъ стояли другія иновѣрныя церкви, и въ то же время прекращалъ всякую зависимость Урала отъ Москвы. Но какъ и слѣдовало ожидать, кн. Голицынъ не принялъ этого проекта цѣликомъ. Онъ потребовалъ, чтобы старообрядцы, ужъ если они не хотятъ единовѣрія, подчинились непосредственно синоду, подобно ставропигіальнымъ монастырямъ, минуя епархіальныхъ архіереевъ. На это не могли пойти старообрядцы, и дѣло о легализаціи кончилось ничѣмъ.

Но переговоры, которые одновременно вела съ правительствомъ Москва, увѣнчались бо́льшимъ успѣхомъ и оказались на пользу всей поповщинѣ въ цѣломъ. Неудачи съ исканіемъ архіерейства въ XVIII вѣкѣ заставили рогожцевъ оставить эти попытки; всѣ хлопоты они направили на то, чтобы упрочить за собой право принимать бѣглыхъ поповъ. Архіерейская власть имъ нужна была не столько для отправленія культа, сколько для поставленія его совершителей; но если таковые будутъ въ изобиліи безъ всякихъ препятствій приходить изъ синодской церкви, то культъ будетъ совершаться непрерывно, и архіерейская власть не нужна. Поэтому вслѣдъ за Москвой, по ея сигналу, засыпали правительство просьбами о дозволеніи имѣть бѣглыхъ поповъ, строить часовни и совершать культъ всѣ другія вліятельныя общины, зависѣвшія отъ Рогожскаго кладбища. Старанія увѣнчались въ 1822 году успѣхомъ, хотя и не полнымъ. 26 марта 1822 года были высочайше утверждены „секретныя“ правила „о попахъ и молитвенныхъ домахъ старообрядцевъ“. Правилами предписывалось не разыскивать и оставлять у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ, если они не сдѣлали никакого уголовнаго преступленія, и предписать такимъ священникамъ „для порядка“ вести метрики и представлять ежегодно метрическія вѣдомости гражданскому начальству;

новыхъ церквей и часовень строить не дозволять, о старыхъ же „не входить ни въ какое разсмотрѣніе и оставить ихъ безъ разысканія“. Эта побѣда давала нѣкоторое легальное положеніе; но когда уральскіе старообрядцы вздумали воспользоваться новыми правилами, чтобы открыто организовать приходы и совершать открыто культъ, мѣстныя власти сейчасъ же возбудили дѣло объ оказательствѣ, и самъ Рязановъ попалъ въ тюрьму. Правила, очевидно, носили не столько характеръ закона, сколько циркулярной инструкціи, и характеръ ихъ выполненія всецѣло зависѣлъ отъ „мѣстныхъ условій“, т.-е. отъ степени вліятельности мѣстныхъ общинъ и степени стремительности мѣстнаго начальства. Въ Московской, Тверской, Калужской, Саратовской, Черниговской губ. поповъ и часовни дозволяли, а въ другихъ губерніяхъ арестовывали поповъ и запечатывали часовни.

Какъ ни ограниченна была эта побѣда, ею не пришлось долго пользоваться. Александровскіе дни прошли, и настала николаевская эпоха, эпоха окончательнаго расшатыванія крѣпостническаго государства. Напрягая послѣднія силы, оно объявило жестокую борьбу всѣмъ враждебнымъ элементамъ; старообрядчество было среди послѣднихъ огромной и вліятельной силой. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ началѣ царствованія Николая I было въ Россіи 627.721 душъ раскольниковъ (1827 г.); но эту цифру надо увеличить по крайней мѣрѣ втрое или вчетверо, чтобы получить дѣйствительную цифру, ибо въ списки вносились только потомки тѣхъ раскольниковъ, которые въ XVIII вѣкѣ были записаны въ двойной окладъ, цифры же офиціальныхъ списковъ десятки лѣтъ оставались неизмѣнными, а иногда даже уменьшались, такъ какъ уменьшеніе раскола свидѣтельствовало о служебномъ усердіи полиціи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Николая I началась энергичная борьба правительства съ расколомъ, цѣль которой, по офиціальному заявленію, заключалась въ слѣдующемъ: постепенно уничтожить расколъ, дѣйствуя такъ, чтобы наличные раскольники дожили свой вѣкъ, а новыхъ не было. Правительственныя мѣропріятія лились, какъ изъ рога изобилія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, даже передъ „священнымъ правомъ собственности“; съ точки зрѣнія правительства, раскольники были вполнѣ аналогичны военнымъ дезертирамъ, какъ люди, самовольно ушедшіе изъ господствующей церкви и потерявшіе въ силу этого часть гражданской правоспособности.

Правительство Николая I плохо разбиралось въ различныхъ раскольничьихъ направленіяхъ и толкахъ; но оно ста-

вило себѣ опредѣленную и вполнѣ понятную съ его точки зрѣнія задачу: разрушить основу раскола посредствомъ экспропріаціи его имуществъ и разгрома его организацій, какъ благотворительныхъ, такъ и богослужебныхъ. Удары правительственныхъ репрессій одинаково поражали и поповщину, и безпоповщину; но чувствительнѣе всего они были для поповщины. Безпоповщина выработала самостоятельный культъ, независимый отъ синодской церкви; для поповщины правила 1822 года были всѣмъ. Безпоповщина могла обходиться безъ молитвенныхъ домовъ и поповъ; поповцы считали такое положеніе дѣла „богомерзкой ересью“, для нихъ культъ безъ попа и часовни или церкви былъ немыслимъ. Поэтому, гроза больнѣе всего отозвалась на поповщинѣ; но она заставила поповцевъ собраться съ силами и выработать такую организацію, которая ставила ихъ культъ внѣ всякой зависимости отъ синодской церкви.

Борьба началась въ 1826 году, когда были сняты кресты со всѣхъ старообрядческихъ молитвенныхъ зданій; но это было только вызовомъ, первымъ объявленіемъ войны. Въ 1827 году старообрядческимъ попамъ было запрещено переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, что было равносильно уничтоженію культа въ цѣломъ рядѣ мѣстностей; приходилось опять „таитися“, совершать требы по ночамъ, а попамъ переѣзжать съ подложными паспортами или прятаться въ повозкахъ подъ товарами. Въ 1832 году правила 1822 года были окончательно отмѣнены. Начались повальные аресты старообрядческихъ поповъ, и было приступлено къ уничтоженію иргизскихъ монастырей, іерархическаго центра поповщины.

Иргизскіе монастыри, основанные, какъ мы видѣли, въ царствованіе Екатерины II, къ тридцатымъ годамъ XIX вѣка стали своеобразной организаціей, центромъ обширной старообрядческой колоніи, заселившей пустынные до того времени берега Иргиза. Это не были учрежденія, которыя, подобно монастырямъ синодской церкви, стояли бы внѣ всякой связи съ мірскими элементами церкви: въ управленіи ими участвовали выборные совѣты изъ мірянъ, слободскихъ жителей; эти выборные избирали настоятелей, представлявшихъ, такимъ образомъ, передъ гражданскими властями не только монастыри, но и всѣ слободы, тянувшія къ нимъ. Съ другой стороны, въ церковной организаціи поповщины монастыри эти исполняли опредѣленную функцію, дѣлавшую ихъ, въ отличіе отъ монастырей синодской церкви, необходимымъ звеномъ въ организаціи: на Иргизѣ испытывались и „исправлялись“ посредствомъ перемазыванія попы, приходившіе

изъ синодской церкви. Благодаря этой функціи, монастыри скопили огромныя богатства и поэтому, помимо всего другого, были заманчивой добычей для офиціальной церкви.

Мы не будемъ излагать драматической исторіи разгрома иргизскихъ монастырей, отсылая читателей къ любопытной и живо написанной книгѣ Н. С. Соколова „Расколъ въ Саратовскомъ краѣ“; ограничимся только сводкой его результатовъ. Обращеніе иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе началось въ 1827 году, когда былъ обращенъ Нижне-Воскресенскій монастырь; закончилось въ 1841 г., когда былъ обращенъ Верхній Спасо-Преображенскій монастырь. Обращеніе производилось насильственнымъ образомъ, при помощи воинской команды, несмотря на ссылки старообрядцевъ на высочайшія повелѣнія Екатерины II и Александра I, узаконявшія существованіе монастырей и укрѣплявшія за ними въ собственность земли и крестьянъ. Надежды на то, что правительство, которому старообрядцы всегда подчинялись и за которое всегда молились, какъ за перваго хранителя священной собственности, услышитъ ихъ, что все происходящее есть только произволъ мѣстныхъ властей,—оказались тщетными, и „солнце православія зашло на Иргизѣ“. Часть иргизскихъ старообрядцевъ принуждена была перейти въ единовѣріе, но такихъ было немного. Огромное большинство крестьянской и мелкой мѣщанской старообрядческой массы на Иргизѣ, лишенное своихъ руководителей и отрѣзанное отъ московскаго центра, сразу ударилось въ эсхатологію. Вынырнули старыя представленія объ антихристѣ и концѣ свѣта; антихристомъ былъ провозглашенъ Николай I, правительство котораго къ тому же только что (въ 1838 г.) распорядилось объ отобраніи дѣтей у раскольниковъ и крещеніи ихъ по православному обряду, а конецъ свѣта былъ предсказанъ на Пасхѣ 1842 года, голоднаго года, года холеры и полнаго затменія луны. Когда ожиданія конца свѣта не оправдались, иргизскіе старообрядцы постепенно должны были выработать формы культа, аналогичныя крестьянскимъ безпоповщинскимъ культамъ; часть ихъ стала добычей бѣгуновъ и другихъ сектантовъ. „Солнце православія“ на Иргизѣ затмилось „богопротивными ересями“.

Пораженное въ самое сердце, Рогожское кладбище принуждено было, чтобы сохранить свою религіозную организацію, вернуться къ старой мысли отысканія архіерея. Первое совѣщаніе по этому вопросу было созвано въ 1832 году, какъ только были отмѣнены правила 1822 года; мѣстомъ со-

вѣщанія была Москва. Иргизъ въ лицѣ Кочуева и Москва въ лицѣ богатѣйшихъ купцовъ Рахмановыхъ стояли за отысканіе архіерея; къ Москвѣ присоединилась и петербургская община, во главѣ съ руководителями Громовыми. Была немногочисленная оппозиція, настаивавшая на томъ, что правильнаго священства нигдѣ болѣе не найти; но она была безсильна. Когда произошелъ разгромъ иргизскихъ монастырей, было рѣшено дѣйствовать безотлагательно. На востокъ былъ отправленъ делегатомъ Павелъ Великодворскій, до энтузіазма преданный дѣлу старообрядчества и потратившій на пріисканіе архіерея всѣ свои силы и средства. Найти архіерея было нелегко. Мало было принципіально признать востокъ незараженнымъ никоніанскою ересью, т.-е. сойти съ той позиціи, на которой стояло старообрядчество съ самаго начала; нужно было еще найти такого архіерея, который пошелъ бы на сдѣлку со старообрядцами. При тогдашнихъ отношеніяхъ между Россіей и Турціей это было дѣломъ весьма нелегкимъ: иные восточные архіереи, за приличное вознагражденіе, не прочь были признать на словахъ истинность старообрядческой вѣры, но рукоположить архіерея не рѣшались, боясь стать причиною дипломатическихъ осложненій и подпасть подъ гнѣвъ падишаха. Но въ концѣ-концовъ поиски увѣнчались успѣхомъ: былъ найденъ и архіерей, и способъ обдѣлать дѣло такъ, чтобы были соблюдены всѣ формы международной вѣжливости. Архіерей былъ бывшій босно-сараевскій епископъ Амвросій, отрѣшенный отъ епархіи константинопольскимъ патріархомъ вслѣдствіе его столкновеній съ турецкими властями. Ему предложили рукоположить архіерея не для Россіи, но для русскихъ старообрядцевъ, жившихъ въ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ. Бѣлокриницкая община существовала на вполнѣ легальныхъ основаніяхъ съ 1783 года; тамъ былъ монастырь и отправлялся правильный культъ; но Бѣлая Криница не имѣла права имѣть своего епископа. Москвичи взяли на себя всѣ хлопоты и расходы для полученія разрѣшенія, и въ 1844 году Великодворскій привезъ въ Бѣлую Криницу указъ императора Фердинанда, разрѣшающій бѣлокриницкимъ старообрядцамъ имѣть своего епископа. Амвросій былъ привезенъ въ Бѣлую Криницу, не безъ скандала тамъ былъ перемазанъ (27 октября 1846 года), и тотчасъ же послѣ перемазанія заранѣе посвятилъ себѣ преемника, бѣлокриницкаго монаха Кирилла. Поспѣшность была вполнѣ резонная: дипломатическія осложненія все-таки произошли, и австрійское прави-

тельство должно было арестовать Амвросія и временно закрыть бѣлокриницкую общину. Амвросій былъ посаженъ въ замокъ Цилль, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ; но онъ сдѣлалъ свое дѣло: старообрядческая церковь имѣла уже архіереевъ, Кирилла и нѣсколько другихъ, рукоположенныхъ Амвросіемъ для другихъ заграничныхъ общинъ.

Когда, такимъ образомъ, источникъ священства былъ найденъ, оставалось пересадить его въ Россію: Бѣлая Криница была слишкомъ далеко, и къ тому же Рогожскому кладбищу вовсе не улыбалась перспектива быть въ постоянной зависимости отъ какой-то заграничной мелкой общины. Надо было поставить митрополита для русскаго старообрядчества. Рахмановы, тогдашніе руководители Рогожскаго кладбища, выдвинули своего кандидата, Дмитрія Андреевича Рахманова, принявшаго въ ожиданіи омофора монашескій санъ въ Керженцѣ (въ монашествѣ Діонисія). Однако, эта комбинація, сулившая соединить въ рукахъ Рахмановыхъ силу капитала съ формальнымъ главенствомъ въ старообрядческой церкви, была разстроена разгромомъ того скита, гдѣ скрывался Діонисій, и его вынужденнымъ бѣгствомъ за границу. Тогда Рахмановы выдвинули другую кандидатуру, Степана Жарова. Это былъ простой содержатель гостинаго двора въ Ямской слободѣ, совершенно незначительный человѣкъ, обѣщавшій быть покорнымъ слугою Рахмановыхъ. Онъ и былъ посвященъ Кирилломъ въ 1847 г. въ русскіе архіепископы подъ именемъ Софронія; вслѣдъ за нимъ было посвящено еще 10 епископовъ, такъ что въ 1859 году образовалось уже 10 старообрядческихъ епархій (московская, симбирская, саратовская, казанская, уральская, пермская, новозыбковская, балтская, кавказская, коломенская). Не было больше недостатка въ попахъ, культъ сталъ совершаться, какъ никогда, правильно и чинно. Старообрядцы съ гордостью теперь повторяли, что у нихъ „паче всякаго чаянія священство, яко финикъ, процвѣтъ, и яко кедръ на Ливанѣ умножися“. Правительственныя репрессіи привели къ образованію самостоятельной старообрядческой іерархіи.

Завершеніе исканій священства ставило передъ старообрядчествомъ двѣ задачи: выработать правильную церковную организацію, которая замѣнила бы временныя чрезвычайныя нормы, и опредѣлить свое содержаніе и отношеніе къ синодской церкви, при измѣнившихся условіяхъ. Первая задача была разрѣшена быстро и правильно; тутъ у старообрядцевъ былъ уже готовый образецъ въ видѣ проекта Рязанова. Распорядитель-

нымъ органомъ были съѣзды делегатовъ отъ старообрядческихъ общинъ, вѣдавшіе всю административную и хозяйственную часть; „освященные соборы“ изъ клириковъ созывались только для разрѣшенія спеціальныхъ вопросовъ вѣроученія и культа, но и въ нихъ принимали участіе выборные отъ мірянъ. Текущія дѣла были поручены духовному совѣту, состоявшему изъ архіереевъ и избранныхъ священниковъ; этотъ совѣтъ всецѣло зависѣлъ отъ старообрядческихъ съѣздовъ и былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ московскихъ капиталистовъ. Старообрядцы съ гордостью говорили, что ихъ организація вполнѣ согласуется съ канонами, по которымъ участіе въ церковныхъ дѣлахъ предоставляется не только клиру, но и мірянамъ, въ то время какъ официальная церковь отклонилась отъ каноновъ и стала „цезаропапистской“. Но въ дѣйствительности, каноническая правильность старообрядческой организаціи была, конечно, подъ большимъ сомнѣніемъ; по существу же старообрядческая церковь, несомнѣнно, отличалась отъ синодальной тѣмъ, что она основалась на свободномъ вступленіи въ нее членовъ и явилась организаціей прогрессивной силы капитала, въ то время какъ синодская церковь была принудительной организаціей, служившей крѣпостническому реакціонному государству.

Вторая задача была много сложнѣе. Мы видѣли, что расколъ въ XVII вѣкѣ носилъ догматическій характеръ: магическія формулы культа были для человѣка XVII вѣка догмой, и когда Никонъ замѣнилъ старыя формулы новыми, онъ, дѣйствительно, перемѣнилъ старую вѣру на новую вѣру. Двѣсти лѣтъ спустя настроеніе перемѣнилось. Традиція и мученичество освятили старыя книги и старыя формулы: онѣ стали чѣмъ-то роднымъ, съ чѣмъ сжилось сердце старообрядца и что стало знаменемъ его вѣры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное сознаніе не могло остаться на прежней анимистическо-фетишистской основѣ, хотя пережитки ея держались цѣпко и стойко. То, что было непререкаемой истиной для московскаго лавочника или ремесленника XVII вѣка, не выѣзжавшаго за предѣлы окрестностей Москвы и бившагося въ тщетной борьбѣ съ треклятыми англичанами, для капиталиста XIX вѣка казалось суевѣріемъ и празднословіемъ. Несмотря на всю живучесть нѣкоторыхъ элементовъ стараго міровоззрѣнія, сквозь толщу таганскихъ и рогожскихъ стѣнъ и кафтановъ понемногу просачивалась мысль, что по существу догматы старообрядчества тѣ же, что и догматы синодской церкви. Несмотря на редакціонныя разночтенія, у нихъ одно и то же писаніе,

одинъ и тотъ же основатель; разница между ними касается только обрядности и точекъ зрѣнія на отношеніе церкви къ государству. Мы знаемъ, что центръ тяжести различія лежалъ только въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, зависѣвшемъ отъ различнаго состава той и другой церкви. Работа по разрѣшенію вопроса о содержаніи вѣры и отношеніи къ синодской церкви и къ другимъ старообрядческимъ толкамъ затянулась, и только 24 февраля 1862 года появилось знаменитое „Окружное посланіе єдиныя, святыя, соборныя, древле-православно-каѳолическія церкви“. Оно было составлено первоначально міряниномъ Ксеновымъ и санкціонировано духовнымъ совѣтомъ.

„Окружное посланіе“ прежде всего окончательно и торжественно порываетъ со старой старообрядческой идеологіей XVII вѣка. Оно предаетъ анаѳемѣ десять „тетрадей“, наиболѣе распространенныхъ въ раскольничьей массѣ, обосновавшихъ всю эсхатологію конца XVII и начала XVIII вѣка и провозглашавшихъ царей и патріарховъ антихристами или антихристовыми слугами, а церковь и священство прекратившимися. Эта эсхатологія уже давно потеряла всякое значеніе въ глазахъ буржуазныхъ верховъ поповщины; теперь, устами „освященнаго собора“ всей сѣрой паствѣ, пасомой изъ Рогожскаго кладбища, объявлялось, что вся эта эсхатологія кощунственна и богопротивна, императоръ есть лицо боговѣнчанное и богохранимое, а церковь будетъ существовать вѣчно, ибо врата адовы ее не одолѣютъ. Эта истинная церковь есть старообрядческая церковь; православная синодская церковь тоже не еретическая, ибо она вѣруетъ въ того же самаго Бога и Іисуса Христа, служитъ имъ правильнымъ культомъ, имѣетъ таинства и святыни, хотя и отличающіяся по внѣшности отъ старообрядческихъ. Ея грѣхъ не въ обрядовыхъ различіяхъ, а въ отношеніи ея къ старообрядцамъ. Никонъ измѣнилъ древне-церковныя преданія, освященныя именемъ патріарховъ Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа и Іосифа, и насильственно заставлялъ служить новымъ чиномъ; соборъ же 1667 года закрѣпилъ его дѣло, произнеся клятву и анаѳему на святое имя Іисуса и двуперстное сложеніе, и съ тѣхъ поръ офиціальная церковь не перестаетъ мучить и гнать старообрядцевъ, невиновныхъ ни въ какой ереси, а только въ преданности старымъ обрядамъ. Въ этомъ-то и заключается „важная и благословная вина“ отдѣленія старообрядческой церкви отъ синодальной. Антихристъ же,—вспоминаетъ опять „Окружное посланіе“,—еще не пришелъ, а когда придетъ, то,

по писанію, будетъ изъ рода еврейскаго, изъ колѣна Данова, родится отъ блуда; о днѣ и часѣ его пришествія, страшнаго суда и кончины міра никто не знаетъ, кромѣ самого Іисуса Христа. Такимъ образомъ, „Окружное посланіе“ твердо и рѣшительно опредѣляло свою вѣроисповѣдную и соціальную позицію. Феодальной церкви буржуазная церковь говорила, что, пока феодальное государство борется съ буржуазіей, между ними не можетъ быть примиренія. Эксплуатируемой массѣ она указывала, наоборотъ, на вершину враждебной ей пирамиды и учила почитать ее и бояться ее. Такъ фарисейская буржуазія общины второго храма, съ брезгливостью сторонившаяся языческаго Рима, говорила стонавшему подъ нею am-haarez'у: „молись о благополучіи правительства; ибо если бы не страхъ передъ нимъ, то одинъ другого пожралъ бы живьемъ“.

Однако, „Окружное посланіе“ не сразу достигло цѣли; вмѣсто того оно внесло въ старообрядческую церковь жестокіе раздоры, продолжавшіеся почти въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. Въ борьбѣ, разгорѣвшейся вокругъ „Окружного посланія“, сказались двоякаго рода противоположности: двойственность соціальнаго состава поповщинской церкви и соперничество гуслицкаго капитала съ московскимъ. Для сѣрой массы, эксплуатировавшейся буржуазными верхами поповщины, все еще не потеряли значеніе мотивы антихристологіи: то императорское правительство, которое объявлялось въ „Окружномъ посланіи“ богохранимымъ и богоустановленнымъ, попрежнему было для нея Левіаѳаномъ, хуже всякаго антихриста. Эта непримиримая позиція была выдвинута прежде всего клинцовскими и гуслицкими раскольниками. Протестъ послѣднихъ былъ сейчасъ же использованъ гуслицкими капиталистами, понявшими, какую огромную выгоду они могутъ для себя извлечь изъ зарождающейся смуты, если правильно учтутъ ея значеніе. Гуслицкіе капиталисты и явились руководителями долгой и жестокой борьбы противъ „Окружного посланія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ московскихъ капиталистовъ. Какъ разъ въ это время первый московскій епископъ, Софроній, былъ низложенъ съ каѳедры за разные неблаговидные поступки; онъ сейчасъ же перешелъ на сторону гуслицкихъ раздорниковъ и отправился на Волгу, повсюду заявляя, что московскій духовный совѣтъ предалъ древле-православную церковь грекороссійской церкви. Эти заявленія были приняты сочувственно въ нѣкоторыхъ общинахъ Поволжья, кромѣ болѣе крупныхъ; въ 1864 году было сформулировано, въ

противовѣсъ „Окружному посланію“, ученіе раздорниковъ, резюмирующее отличіе старообрядческой церкви отъ синодской. Синодская и раскольничья церковь расходятся не только въ способѣ написанія имени одного и того же господа, но подъ разными именами чтутъ и разныхъ боговъ: подлинный богъ—Іисусъ Христосъ; Іисусъ же, котораго чтитъ никоніанская церковь, есть антихристъ, родившійся отъ той же дѣвы Маріи спустя восемь лѣтъ послѣ Іисуса. Этотъ своеобразный домыселъ, изобрѣтенный въ XVII вѣкѣ какимъ-то фанатикомъ-полемистомъ, въ XIX вѣкѣ уже не могъ импонировать верхамъ старообрядчества, и громадное большинство вліятельныхъ городскихъ общинъ не могли пойти за лозунгомъ раздорниковъ. Московская община почти вся цѣликомъ стала на сторону „Окружного посланія“; къ ней присоединились общества Одессы, Кишинева, Новочеркасска, Кременчуга, Петербурга, Воронежа, Казани, Нижняго, Самары, Саратова, Тулы, Боровска, Хотина. Но, несмотря на такое неравенство силъ, борьба затянулась, такъ какъ раздорникамъ удалось привлечь на свою сторону бѣлокриницкаго митрополита Кирилла, бывшаго въ это время въ Москвѣ и только что разсорившагося съ московскими тузами изъ-за поставленія преемника Софронію. Московскіе вожди поповщины воспользовались этимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ „бѣлокриницкаго папы“; духовный совѣтъ пригрозилъ ему судомъ и указалъ ему путь изъ Москвы, а на московскую каѳедру назначилъ Антонія, епископа владимірскаго, котораго не хотѣлъ Кириллъ. Какъ разъ къ этому времени разразился раздоръ, и Кириллъ сейчасъ же отомстилъ Москвѣ за обиду страшнымъ оружіемъ: проклялъ „Окружное посланіе“ и всѣхъ его пріемлющихъ. Пошла долгая борьба вокругъ Кирилла: окружники не хотѣли такъ легко уступить, и стали стараться перетянуть Кирилла на свою сторону. Кириллъ повелъ двойственную игру, пытался примирить окружниковъ съ раздорниками, но въ концѣ концовъ это не привело ни къ чему; раздорники окончательно завладѣли Кирилломъ и организовали въ Бѣлой Криницѣ два собора, 1867 и 1868 гг., на которыхъ искусственно подобранное раздорническое большинство предало анаѳемѣ „Окружное посланіе“ и всѣхъ его пріемлющихъ, а единственнымъ законнымъ московскимъ митрополитомъ объявило Антонія гуслицкаго.

Успѣхи раздорниковъ въ значительной степени объяснялись тѣмъ, что какъ разъ въ это время въ ихъ рукахъ оказалась цитадель поповщины, Рогожское кладбище. Изъ

двухъ тогдашнихъ попечителей кладбища, одинъ, Досужевъ, былъ окружникъ, другой, Бочинъ—раздорникъ; передъ соборами, въ 1866 году, Досужевъ отказался отъ должности, и, оставшійся единственнымъ попечителемъ, Бочинъ широко воспользовался капиталами кладбища для раздорнической агитаціи. Дождемъ полились подарки Кириллу и вклады въ Бѣлую Криницу; когда окружники замѣтили нечистыя операціи Бочина, то смѣстить его оказалось не такъ то легко: раздорники пустили въ ходъ всѣ свои связи съ „антихристомъ“ и старались при помощи правительства созвать новые выборы. Только въ 1869 году были, наконецъ, произведены новые выборы, и Рогожское кладбище вернулось въ руки окружниковъ. Тогда все перемѣнилось: Кириллъ сдѣлался вдругъ окружникомъ и предалъ раздорниковъ анаѳемѣ, а когда онъ въ 1873 году умеръ, окружники заставили его преемника, Аѳанасія, отречься отъ всякихъ правъ на русскую старообрядческую церковь. Окружники надѣялись, что теперь они быстро справятся съ раздорническимъ расколомъ; но эта надежда оказалась призрачной. Противорѣчія между компромиссной буржуазіей и непримиримымъ крестьянствомъ оказывались слишкомъ глубокими, и въ тѣхъ общинахъ, гдѣ буржуазные верхи были слабы, раздорничество держалось еще долго. Но даже и крестьянство не могло долго оставаться при нелѣпой теоріи двухъ сыновъ Маріи, Христа и антихриста; однако, только въ девятисотыхъ годахъ начинается постепенное присоединеніе раздорническихъ организацій къ окружническимъ. Къ 1906 г. раздорническихъ общинъ осталось уже очень немного, и въ этомъ году былъ созванъ примирительный соборъ. На немъ, чтобы окончательно покончить съ раздоромъ, окружники согласились объявить „Окружное посланіе“ не имѣющимъ силы. Уступка эта немногаго стоила, такъ такъ споръ давно утратилъ свою остроту, а съ другой стороны окружники и безъ того давно получили рѣшительный перевѣсъ надъ раздорниками.

Ко времени революціи старообрядческая церковь, такимъ образомъ, залѣчиваетъ рану раздора. Съ другой стороны, она къ этому времени сильно выростаетъ количественно. Шестидесятые годы и семидесятые годы были для старообрядческой церкви чрезвычайно благопріятными. Избавившись отъ помѣщичьей власти, крестьянинъ уже не чувствовалъ себя обязаннымъ обращаться непремѣнно къ барскому попу; многіе тайные старообрядцы стали явными, а числившіеся православными массами переходили въ расколъ. До-

статочно сказать, что по офиціальнымъ свѣдѣніямъ обращенія въ расколъ происходили разомъ группами, насчитывавшими по нѣскольку тысячъ человѣкъ (въ Симбирской губерніи сразу 25.000, въ Саратовской—5.000, въ Тверской—3.000 и т. д.); переходили цѣлыми селами поголовно, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ православнымъ священникамъ приходилось служить въ пустыхъ церквахъ. Эти переходы объясняются не только агитаціей; крестьянинъ, переходя въ расколъ, сознавалъ, что онъ не мѣняетъ вѣры, но становится въ совершенно иное положеніе въ церковной организаціи: изъ принудительнаго данника своего прихода онъ превращался въ активнаго участника его жизни, а вмѣсто агента правительственной власти, какимъ былъ православный священникъ, онъ получалъ клирика, всецѣло зависѣвшаго отъ мірянъ.

Правительству пришлось учесть эти успѣхи. Оно не могло объявить всѣхъ отпавшихъ внѣ закона, ибо оно лишило бы себя огромной рабочей силы. Пришлось создавать новыя нормы, которыя бы дали возможность государству такъ или иначе не упустить старообрядческую массу изъ числа плательщиковъ и подлежащихъ воинской повинности. Закономъ 19 апрѣля 1874 г. установлено веденіе метрическихъ записей о бракахъ и рожденіяхъ раскольниковъ полицейскими чинами; за ними послѣдовали добавочныя статьи къ уставу гражданскаго судопроизводства, устанавливавшія гражданскую подсудность всѣхъ дѣлъ о расторженіи браковъ и законности рожденія, касающихся раскольниковъ. Это была уступка „по нуждѣ“; но она давала старообрядцамъ то, чего до сихъ поръ не имѣютъ ни православное и ни одно другое исповѣданіе, въ которыхъ акты брака и рожденія до сихъ поръ считаются событіями не гражданскаго, а сакральнаго характера. Наконецъ, закономъ 3 мая 1883 года старообрядцамъ было предоставлено полное равноправіе съ православными, хотя были сохранены ограниченія богослужебнаго характера: было запрещено всякое публичное оказательство въ родѣ колокольнаго звона и крестныхъ ходовъ, и за старообрядческимъ клиромъ не было признано права на духовное званіе и на ношеніе профессіональной одежды. Формальное завоеваніе политическихъ правъ буржуазіей принесло съ собою и свободу вѣроисповѣданій; съ 1905 года старообрядческая церковь могла, наконецъ, выступать открыто со своимъ культомъ и организаціей, успѣшно соперничая съ синодской церковью.

Въ то время, какъ старообрядческая поповщинская цер-

ковъ съ торжествомъ выходила изъ борьбы съ крѣпостническимъ государствомъ, безпоповщинскія организаціи приходили въ постепенный упадокъ, отчасти вслѣдствіе репрессій правительства, отчасти въ силу раздиравшихъ ихъ внутреннихъ противорѣчій и слабости той почвы, на которой онѣ находились. Поповщинская церковь организовала массы, раскинувъ свои общины по всей Россіи и связавъ ихъ сначала единствомъ культа, а затѣмъ единствомъ и культа и іерархіи. Безпоповщинскія организаціи были автономными общинами, мало связанными другъ съ другомъ; въ каждой изъ нихъ слагались свои обычаи и своя идеологія: и то, и другое, правда, восходило къ единому первоначальному источнику, но въ дальнѣйшемъ развитіи становилось различнымъ въ различныхъ общинахъ, и не только съ точки зрѣнія деталей, но и по существу. Раздробленность оказала имъ плохую услугу въ борьбѣ съ правительствомъ: правительственныя репрессіи поражали ихъ съ губительной силой, и имъ трудно уже было оправиться отъ ударовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Самая старинная и наиболѣе крупная изъ безпоповщинскихъ организацій, Выговская община, имѣвшая филіальныя отдѣленія въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, была разгромлена въ конецъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIX вѣка. По отношенію къ ней правительство примѣнило тѣ же мѣры, какія и по отношенію къ поповщинской церкви: сначала парализовало культъ, потомъ экспропріировало ея имущества. Въ сентябрѣ 1836 года на Выгъ пріѣхалъ губернаторъ Дашковъ, и начались „мѣропріятія“. Онъ „принудилъ“, по выраженію выговскаго лѣтописца, „имянно молить за царя“; повидимому, скитники на это пошли не особенно охотно, и тянули дѣло до марта 1837 года, когда пришлось согласиться. Но было уже поздно: въ апрѣлѣ на Выгъ и на Лексу пришла воинская команда, производившая насилія надъ скитниками и скитницами; увезли всѣ колокола, затѣмъ одну за другою запечатали всѣ часовни. Въ 1838 году культъ на Выгѣ былъ уже фактически прекращенъ, а надъ скитами былъ поставленъ особый полицейскій приставъ; иконы, церковная утварь и часть библіотеки были расхищены синодскимъ духовенствомъ. Въ 1848 году была проведена первая мѣра по экспропріаціи: у скитовъ были отняты всѣ пашенные дворы и подсѣки и нарѣзаны православнымъ крестьянамъ, переселеннымъ изъ Псковской губерніи. Послѣ этого Выгорѣцкіе скиты быстро запустѣли, и черезъ

тринадцать лѣтъ, когда по приказу министра внутреннихъ дѣлъ всѣ строенія были сломаны, а скитники выселены „на родину“, тамъ оказалось всего около 300 человѣкъ.

Послѣ гибели метрополіи, ея колоніи не могли уже держаться. Самая крупная изъ нихъ, московская монинская община, къ тому же переживала въ это время также внутренній тяжелый кризисъ. Разложеніе ѳедосѣевской преображенской общины, правда, увеличило количество ея прихожанъ: съ 1812 г. по 1827 г. число ея прихожанъ увеличилось почти вдвое. Но прежніе споры, раздѣлившіе преображенцевъ и монинцевъ, не прекратились и теперь, только стали внутренней язвой въ средѣ самой монинской общины. Тутъ какъ разъ подоспѣли и правительственныя репрессіи: монинская часовня была запечатана, и съ этого момента порвалась единственная связь, соединявшая ея прихожанъ въ одно цѣлое. Культъ распылился по домашнимъ молельнямъ наиболѣе крупныхъ членовъ общины; каждая изъ этихъ молелень стала самостоятельнымъ центромъ, который притягивалъ къ себѣ зависимое отъ владѣльца молельни мѣщанство и крестьянство. Типичными молельнями въ концѣ сороковыхъ годовъ были молельни фабрикантовъ Морозовыхъ. Ихъ было четыре въ Москвѣ и одна въ Орѣховѣ-Зуевѣ; прихожанами были фабричные рабочіе хозяина, а въ орѣховской молельнѣ даже богослуженіе совершалось самимъ хозяиномъ. Еще ранѣе разгрома монинской часовни было закрыто Преображенское кладбище, а его капиталы конфискованы; потомъ оно было передано единовѣрцамъ.

Манифестъ 17 апрѣля 1905 года принесъ свободу и безпоповцамъ. Имъ было возвращено Преображенское кладбище и разрѣшенъ культъ, а ихъ наставникамъ было поручено вести метрики. Но уцѣлѣвшіе къ этому времени обломки старыхъ организацій оказались малочисленными и слабыми. Въ то время какъ поповщинская церковь сразу выступила во всеоружіи, съ богатыми средствами, съ готовой іерархіей, съ новыми храмами, съ періодической печатью и открытыми соборами и съѣздами, безпоповщинскія согласія мало дали о себѣ знать. Болѣе живучимъ оказалось поморское согласіе, устроившее съѣздъ и диспутъ, но и оно не можетъ, конечно, соперничать съ поповщинской церковью. Роль безпоповщины, поскольку она была организаціей первоначальнаго капиталистическаго накопленія, была сыграна уже въ первой четверти XIX вѣка; превратиться въ организацію властвующаго капитала она не смогла до эмансипаціи, а послѣ это мѣсто ока-

залось уже занятымъ поповщинской церковью. Найдетъ ли она себѣ теперь какую-либо иную соціальную позицію, путемъ выработки новыхъ элементовъ идеологіи и организаціи, покажетъ будущее.

* * *

Періодъ накопленія всегда характеризуется процессомъ диференціаціи крестьянской массы. Городъ протягиваетъ въ нее свои щупальцы и вытягиваетъ изъ нея наиболѣе податливые и подходящіе для него элементы. Огромное значеніе для этого процесса въ качествѣ религіозной его формы сыграло скопчество.

Въ предшествующей главѣ мы установили генетическую связь скопчества съ хлыстовствомъ. Но въ началѣ XIX вѣка скопчество выступаетъ уже, какъ самостоятельное оригинальное явленіе, со своей идеологіей и опредѣленнымъ составомъ послѣдователей. Его связь съ хлыстовской почвой, на которой появились первые его ростки, осталась въ анимистической формулѣ, которую долженъ былъ произносить каждый новый адептъ, да въ нѣкоторыхъ терминахъ и формахъ культа. По традиціи, новообращенный долженъ былъ произносить при вступленіи въ секту покаянную формулу, въ которой просьба о прощеніи прежнихъ грѣховъ обращается не только къ богу, богородицѣ и ангеламъ, но и ко всей природѣ: „прости солнце и луна, небо и звѣзды, и матушка сырая земля, пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи и черви“. Но входившій въ секту, принявъ оскопленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывалъ себя совершенно отъ всего того міра, къ которому обращался въ традиціонной формулѣ. Онъ порывалъ съ семьей или съ возможностью семейной жизни, долженъ былъ оставлять тяжелый земледѣльческій трудъ, къ которому становился неспособенъ, отсѣкалъ себя отъ крестьянской среды и долженъ былъ покидать ее. Онъ долженъ былъ уходить въ городъ, гдѣ находилъ себѣ подобныхъ отщепенцевъ отъ нормальнаго міра; въ этой своеобразной средѣ преломлялись до неузнаваемости всѣ прежніе идеалы, измѣнялись настроенія и стремленія, создавалась новая форма общественности съ новой идеологіей. „Огненное крещеніе“ отмѣчало неизгладимой печатью всѣхъ его причастниковъ, и покаянная молитва въ ихъ устахъ становилась скорѣе прощальной молитвой.

Первые успѣхи скопческой пропаганды показываютъ, что и главными пропагандистами новой религіи были люди со-

вершенно другой сферы, чѣмъ хлыстовскіе пророки и богородицы. Когда послѣ своего появленія въ кораблѣ орловской богородицы, Акулины Ивановны, Кондратій Селивановъ, уже признанный „богъ надъ богами, царь надъ царями и пророкъ надъ пророками“, сталъ проповѣдывать въ хлыстовскихъ корабляхъ оскопленіе, какъ лучшее средство избѣжать „лѣпости“, поѣдающей весь свѣтъ и отвращающей отъ бога,—во многихъ корабляхъ его стали за эту проповѣдь преслѣдовать бранью, насмѣшками и даже доносами. Первые успѣхи проповѣдь Селиванова возымѣла по отношенію къ его ближайшему сотруднику, Андрею Шилову, скопческому Іоанну Предтечѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Шиловымъ Селивановъ совершилъ первыя оскопленія въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ домѣ фабриканта Лучинина, гдѣ приняли „огненное крещеніе“ или „убѣлились“ фабричные крестьяне, затѣмъ въ Тамбовской губ., Моршанскомъ уѣздѣ „убѣлились“ около 70 человѣкъ крестьянъ. Послѣ этого „убѣленія“ Андрей и Кондратій были арестованы и сосланы, но дѣло убѣленія пошло быстро и безъ нихъ. Лучининъ вмѣстѣ съ убѣленнымъ приказчикомъ Ретивовымъ переселился въ Москву и тамъ устроилъ первый скопческій корабль при основанной имъ полотняной фабрикѣ; оскопленія производились Ретивовымъ среди фабричныхъ рабочихъ. Вслѣдъ за Лучининымъ потянулись въ Москву изъ Тамбовской, Тульской и Орловской губерніи другіе скопцы: Казарцевъ, къ которому перешла фабрика Лучинина, Колесниковъ, основавшій торговлю пушнымъ товаромъ; появились адепты и изъ среды московскихъ купцовъ (Жигаревъ и Тимоѳеевъ). Другіе скопцы тянулись въ Петербургъ, гдѣ были основаны корабли въ домѣ купцовъ, братьевъ Ненастьевыхъ, Красниковыхъ, Артамонова, Васильева и др. Одновременно со столичными кораблями одинъ за другимъ появлялись скопческіе корабли въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ: въ Моршанскѣ, гдѣ во главѣ скопцовъ стояли богачи братья Плотицыны, построившіе великолѣпный соборъ на мѣстѣ наказанія Селиванова батогами въ 1774 г., въ Алатырѣ, гдѣ кормщикомъ корабля былъ шелковый фабрикантъ Милютинъ, а „бѣлыми голубями“—его рабочіе; появились купеческіе корабли въ Костромѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Томскѣ, Тулѣ и др. городахъ. Ко всѣмъ этимъ центрамъ тянулись оскопленные въ деревняхъ крестьяне; это была готовая рабочая масса для скопцовъ-капиталистовъ, которымъ оставалось только эксплуатировать свое покорное стадо. Связь по

уродству быстро превращалась въ неразрывную экономическую зависимость, поддерживаемую еще религіознымъ ореоломъ, который окружалъ хозяевъ-пророковъ. По существу, соціальная роль скопчества оказалась аналогичной соціальной роли ѳедосѣевщины, или, въ широкихъ размѣрахъ, рогожской поповщины. Но средство, посредствомъ котораго оно свою роль выполняло, выходило изъ ряду вонъ и создавало особенно крѣпкія узы. Немудрено, что процессъ накопленія въ средѣ скопчества пошелъ необычайно быстро. То, на что рогожцамъ понадобилось цѣлое столѣтіе, скопцы продѣлали въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ; въ 1774 г. Селиванова били батогами за сосновскія оскопленія, а въ 1802 г. онъ уже поучалъ въ бесѣдѣ Александра I и обратилъ Еленскаго, который уже въ 1804 году выступилъ со своимъ знаменитымъ проектомъ объ учрежденіи божественной канцеляріи и установленіи въ Россіи ѳеократическаго образа правленія. „Богъ, царь и пророкъ", непризнанный хлыстами, сталъ богомъ, царемъ и пророкомъ капиталистовъ, раскинувшихъ свои операціи, преимущественно биржевого и ростовщическаго характера, по всей Россіи; скопцы-капиталисты диктовали биржевыя цѣны и не гнушались никакими выгодными спекуляціями, хотя бы даже съ фальшивой монетой. Селивановъ съ 1803 года открыто поселился въ Петербургѣ и принималъ поклоненія отъ буржуазной и великосвѣтской публики; передъ второй войной съ Наполеономъ въ 1809 г. его посѣтилъ самъ императоръ и спрашивалъ его мнѣнія относительно исхода войны. Такъ сбылось „пророчество" нѣкоей Анны Родіоновны, въ орловскомъ кораблѣ Акулины Ивановны, пророчество, которое она будто бы изрекла Кондратію, когда онъ явился впервые въ этотъ корабль: „ты одинъ откупишь всѣхъ земель товары... тогда тебѣ всѣ цари, короли и архіереи поклонятся и отдадутъ тебѣ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками".

„Царь и богъ", Кондратій Селивановъ, самъ по себѣ сдѣлалъ такъ же мало для основанія той скопческой организаціи, какая создалась въ началѣ XIX вѣка, какъ и другіе основатели религій для основанія церковныхъ формъ, въ которыя впослѣдствіи ихъ религіи заключались. Вышедшій самъ изъ хлыстовской среды, онъ столь же мало интересовался организаціонными вопросами, какъ и хлыстовствомъ; для него важно было только освободить „духъ" отъ поѣдающей его „лѣпости" и достаточно было автономнаго хлыстовскаго корабля, среди котораго можно было всегда разойтись

„духу“; въ бытность свою въ Петербургѣ онъ, уже старый и больной, больше лежалъ въ постели и показывался паломникамъ, какъ своего рода живая реликвія. Но для той многочисленной паствы, которая создалась во время его ссылки трудами его первыхъ послѣдователей, организаціонные вопросы были чрезвычайно важными, болѣе важными, чѣмъ идеологическое оправданіе ихъ организаціи. Прежде всего, измѣнилась самая сущность корабля. Въ хлыстовщинѣ корабль былъ, такъ сказать, приходскимъ союзомъ; онъ жилъ только тогда, когда происходили радѣнія, а въ промежуткахъ между ними хлысты расходились по своимъ угламъ и жили своей обычной жизнью, ничѣмъ не отличаясь отъ православныхъ. Въ скопчествѣ корабль сталъ уже постояннымъ бытовымъ союзомъ; корабли основывались купцами и фабрикантами, привлекавшими своихъ служащихъ и рабочихъ; теряя вслѣдствіе оскопленія всякія связи съ міромъ, эти послѣдніе переселялись въ корабль, жили въ устраиваемыхъ при кораблѣ общежитіяхъ и могли пользоваться въ нѣкоторыхъ корабляхъ даже ссудами изъ кассъ взаимопомощи. Въ хлыстовскомъ кораблѣ кормщикъ былъ только руководителемъ религіозныхъ актовъ; въ скопческомъ кораблѣ это былъ хозяинъ, управлявшій всѣми дѣлами корабля и обладавшій абсолютной властью; санкція Селиванова утверждала въ этомъ званіи чаще всего, если не исключительно, тѣхъ же основателей кораблей. Центромъ для всѣхъ кораблей былъ Петербургъ; между Петербургомъ и провинціальными кораблями была заведена правильная передача извѣстій политическаго и финансоваго характера, превращавшая всю скопческую организацію въ огромный ростовщическо-биржевой союзъ, дирижируемый изъ Петербурга.

Миѳологія и идеологія скопчества вырабатывалась также помимо активнаго участія Селиванова. Правда, ему приписывалось составленіе „Страдъ“, т.-е. исторіи его страданій и возвращенія изъ ссылки, и „Посланія“ къ его дѣтушкамъ, гдѣ скопчество обосновывается данными изъ священнаго писанія; но врядъ ли можно полуграмотнаго Селиванова считать авторомъ этихъ вполнѣ литературно и книжно написанныхъ произведеній, ставящихъ себѣ опредѣленную цѣль: доказать истинность скопчества и божественность самого Селиванова. И вообще, первая характерная черта различія между скопческой и хлыстовской идеологіей заключается уже въ томъ, что скопческая идеологія изложена въ литературной формѣ; пѣсня, которая въ хлыстовщинѣ стоитъ на

первомъ мѣстѣ, въ скопчествѣ отступаетъ на второй планъ, или принимаетъ искусственный книжный характеръ, риѳмуется и заявляетъ претензіи на правильный стихотворный размѣръ. По содержанію, скопческая идеологія, въ отличіе отъ хлыстовской, выдвигаетъ не столько „духовные“ и экономическіе мотивы, сколько мотивы „отъ писанія“ и политическіе мотивы. Это послѣднее различіе чрезвычайно характерно. Для хлыстовщины политическіе вопросы не существуютъ, она ими не занимается; скопчество обнаруживаетъ къ нимъ самый живой интересъ.

Оправданіе своей доктрины скопцы начинали съ сотворенія человѣка. Богъ сотворилъ людей безполыми; если онъ заповѣдалъ имъ плодиться и множиться, то это не значитъ, чтобы онъ благословилъ бракъ: богъ настолько всемогущъ, что и изъ камней могъ сотворить дѣтей Аврааму. Въ своемъ первоначальномъ состояніи люди были подобны ангеламъ, безстрастны и блаженны. Но когда, соблазненные злымъ духомъ, они нарушили божью заповѣдь, и съѣли плоды отъ древа познанія добра и зла, блаженству ихъ насталъ конецъ: на тѣлѣ у нихъ сейчасъ же выросли подобія запрещенныхъ плодовъ, у Евы груди, у Адама—сѣменныя железы, и появилось вмѣстѣ съ тѣмъ половое влеченіе. Въ этомъ-то и заключался первородный грѣхъ, который отъ Адама и Евы, вмѣстѣ съ физическимъ извращеніемъ (!) человѣческой природы, перешелъ ко всему ихъ потомству, ко всему человѣческому роду. Люди подпали подъ власть грѣха; но богъ въ неизреченной благости вознамѣрился спасти ихъ. Онъ избралъ праведнаго человѣка Авраама и велѣлъ ему обрѣзаться, т.-е. оскопиться; послѣ обрѣзанія человѣкъ возвращался въ прежнее ангельское состояніе. Однако, заповѣдь обрѣзанія, т.-е. оскопленія, оказалась непосильной для извращенной грѣхомъ человѣческой природы; даже въ средѣ потомковъ Авраама, въ еврейскомъ народѣ, ее исполняли немногіе избранные, несмотря на напоминанія и предупрежденія пророковъ. Тогда богъ отвергъ весь родъ израилевъ и послалъ для новой проповѣди „искупленія“, т.-е. оскопленія, своего сына Іисуса Христа, явившагося на землю „въ рабьемъ зракѣ“. Какъ говорилъ Іоаннъ Предтеча, Іисусъ идетъ крестить міръ „духомъ святымъ и огнемъ“, т.-е. проповѣдывать оскопленіе, какъ средство спасенія; въ нагорной проповѣди и въ бесѣдахъ Іисуса съ фарисеями и учениками (ср. Матѳ. V, 29 и 30 и XIX, 12) скопцы находили примѣры открытой проповѣди оскопленія. Всѣ апостолы и первоначальные хри-

стіане были скопцы; но затѣмъ „лѣпость“ стала побѣждать и первыхъ христіанъ, и число скопцовъ быстро сокращалось; ко времени объявленія христіанства господствующей религіей, оно уже забыло первую и главную проповѣдь, которая соблюдалась теперь только нѣкоторыми великими святыми, въ родѣ Николая Чудотворца или Іоанна Златоуста, а затѣмъ и совсѣмъ перестала соблюдаться. Міръ погибалъ отъ „лѣпости“, и тогда явился Христосъ вторично, уже не въ „рабьемъ зракѣ“, но во славѣ, для суда надъ міромъ и окончательнаго утвержденія заповѣди объ оскопленіи, этого „святого божьяго закона“. Пришедшій въ славѣ Христосъ и есть Кондратій Селивановъ.

„Слава“ его пришествія состоитъ въ томъ, что онъ явился въ образѣ императора Петра III. Онъ родился, какъ и въ первый разъ, отъ пренепорочной дѣвы, императрицы Елизаветы Петровны. Эта императрица процарствовала будто бы только два года, а затѣмъ, получивъ откровеніе о своемъ высокомъ назначеніи, отдала бразды правленія любимой фрейлинѣ, сама же присоединилась къ людямъ божіимъ подъ именемъ Акулины Ивановны. Сына зачала отъ святого духа, „святымъ духомъ разблажилася, утробушкой растворилася...“; когда онъ родился, отправила его на воспитаніе въ Голштинію, гдѣ онъ и сдѣлался „бѣлымъ голубемъ“. Вернувшись въ Петербургъ, онъ долженъ былъ жениться, какъ наслѣдникъ престола; естественно, что Екатерина возненавидѣла его, узнавъ, что онъ убѣленъ, и хотѣла его убить; но онъ успѣлъ перемѣниться платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, тоже скопцомъ, и убѣжалъ, въ сопутствіи графа Чернышева; солдата же убили и похоронили въ Александро-Невской лаврѣ. „Христосъ“ отправился къ Акулинѣ Ивановнѣ, и принялъ имя Кондратія Селиванова, а гр. Чернышевъ—Андрея Шилова. Вдвоемъ они исходили всю Россію и всѣ иностранныя государства съ проповѣдью о чистотѣ, пока ихъ не схватили и не сослали, послѣ жестокаго бичеванія. Изъ ссылки Кондратій былъ возвращенъ своимъ „сыномъ“, императоромъ Павломъ, которому сообщилъ о мѣстопребываніи и дѣйствительномъ званіи Кондратія пророкъ, купецъ Колесниковъ, „разблажившійся“ святымъ духомъ. Но при личномъ свиданіи отецъ съ сыномъ не сошлись: Кондратій началъ было передъ сыномъ проповѣдь чистоты, но тотъ

гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ,
Не сталъ слушать и ушелъ,

да еще обѣщалъ посадить за этотъ „смѣшокъ“ сына въ каменный мѣшокъ. Тогда Кондратій, вздохнувъ, махнулъ правой рученькой, и осудилъ сына:

О земная клеветина,
Вечеромъ твоя кончина!
Изберу себѣ слугу
Царя бога на кругу,
А земную царску справу
Отдамъ кроткому царю:
Я всѣмъ трономъ и дворцами
Александра благословлю,
Будетъ вѣрно управлять,
Властямъ воли не давать.

Павелъ былъ скоро убитъ, и взошелъ на престолъ Александръ I, весьма благоволившій къ скопцамъ.

Эта оригинальная обработка династической исторіи завершилась не менѣе оригинальной концепціей антихриста и страшнаго суда. Разъ „искупитель“ пришелъ для окончательнаго суда надъ міромъ, то нужно было изобразить и картину этого суда. И тутъ скопческая легенда цѣпляется не за миѳологическіе образы, а за ту же современность, съ которой скопцы были связаны столь тѣсными узами. Антихристъ нашелся въ лицѣ императора Наполеона I, вѣчнаго врага Россіи и Англіи; родился онъ, конечно, отъ ненавистницы Петра III, Екатерины II, и хитростью и бѣсовскимъ лукавствомъ достигъ престола. Страшный судъ и окончательная побѣда надъ антихристомъ произойдутъ тогда, когда число обратившихся въ скопчество достигнетъ цифры 144.000, указанной въ Апокалипсисѣ Іоанна. Тогда Селивановъ явится на облакахъ небесныхъ въ Москву, соберетъ звономъ въ царь-колоколъ всѣхъ скопцовъ и отправится съ ними въ Петербургъ судить живыхъ и мертвыхъ. Всѣ цари сложатъ къ его ногамъ короны, всѣ народы должны будутъ принять его ученіе. Кто не приметъ, пойдетъ въ муку вѣчную; скопцы же воцарятся на землѣ (sic!), а Кондратій вознесется на седьмое небо, отдавъ всю землю въ награду своимъ вѣрнымъ.

Необыкновенный интересъ скопчества къ политической власти вполнѣ законенъ и понятенъ при его буржуазномъ характерѣ. Этотъ интересъ окрашиваетъ въ совершенно иной цвѣтъ скопческаго христа. Это земной царь и богъ, родоначальникъ династіи, руководитель царствующаго императора; такой христосъ долженъ былъ несравненно болѣе

импонировать массѣ, чѣмъ постоянно возрождающійся и потому мельчающій хлыстовскій христосъ. Культъ Селиванова прославлялъ не только бога, но и царскую власть, получавшую въ такомъ сосѣдствѣ самый высокій съ скопческой точки зрѣнія религіозный ореолъ. Скопцы не довольствовались образнымъ внушеніемъ повиновенія предержащей власти, какое могла произвести легенда и пѣсня своей тенденціей; въ одномъ любопытномъ документѣ, къ которому мы сейчасъ обратимся, повиновеніе власти предписывается безъ всякихъ обиняковъ: „возвѣстила премудрость небесная: аще кто не любитъ царя и вѣрности ему не хранитъ, всякую клятву на себя привлечетъ“. Вообще, для поддержанія послушанія скопцы считали хорошими всякія средства; въ этомъ отношеніи характерно было ихъ отношеніе къ господствующей церкви. Въ томъ же документѣ („Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“), который мы только что цитировали, представители церковнаго сана, архіереи, старцы и законники, приравнены къ книжникамъ и фарисеямъ, а обряды церкви—къ мірскому идолопоклонству; но это не мѣшало богачамъ-скопцамъ строить цѣлые соборы и дѣлать большіе вклады въ монастыри и церкви; недаромъ и митрополитъ Филаретъ ставилъ скопцовъ выше всѣхъ другихъ сектантовъ и даже раскольниковъ.

Будущее земное мессіаническое царство принадлежитъ скопцамъ; но его ждать еще долго, и потому въ головѣ нѣкоторыхъ изъ скопцовъ родилась мысль, нельзя ли переустроить современное государство на такихъ началахъ, чтобы въ немъ формально владычествовали скопцы. Выраженіемъ этихъ стремленій является знаменитый проектъ камергера Еленскаго о переустройствѣ Россіи, представленный имъ въ 1804 году императору Александру. Скопцы предлагаютъ себя въ этомъ проектѣ на службу государству, для чего вся Россійская имперія должна переустроиться по ихъ указаніямъ. „Церковь таинственная, управляемая святымъ духомъ... получила небесное повелѣніе, дабы вышла на службу отечеству и тѣмъ подвигомъ увѣнчала бы новымъ лавромъ монарха“. Въ качествѣ людей, „вкусившихъ дару небеснаго“, скопцы должны стать секретными совѣтниками и руководителями всѣхъ отраслей управленія, военнаго и морского дѣла. Еленскій будетъ представлять кандидатовъ въ такіе совѣтники, по указанію „святого духа“, въ особую канцелярію, а правительство должно будетъ передавать ихъ къ архіереямъ для постриженія въ монахи и обученія церковной служ-

бѣ; такимъ образомъ, образуются кадры іеромонаховъ, изъ которыхъ и будутъ призываться совѣтники и руководители. По одному іеромонаху, вмѣстѣ со скопческимъ пророкомъ, назначается на каждый корабль, въ каждый полкъ и въ каждый городъ; они состоятъ при начальникахъ и несутъ такую функцію: „іеромонахъ, занимаясь изъ устъ пророческихъ гласомъ небеснымъ, долженъ будетъ секретно... совѣтъ подавать, какъ къ сраженію, такъ и во всѣхъ случаяхъ, что господь возвѣститъ о благополучіи или о скорби; а командиръ оный долженъ имѣть секретное повелѣніе заниматься у іеромонаха полезнымъ и благопристойнымъ совѣтомъ, не уповая на свой разумъ и знаніе“. Самъ Еленскій съ двѣнадцатью пророками долженъ находиться „всегда при главномъ арміи правителѣ, ради небеснаго совѣта и воли божіей, которая будетъ намъ открываться при дѣлахъ, нужныхъ на мѣстѣ“. Наконецъ, самъ Селивановъ, „боговдухновенный сосудъ, въ которомъ полный духъ небесный отцемъ и сыномъ присутствуетъ, обязанъ быть при лицѣ самого государя императора, и какъ онъ есть вся сила пророковъ, такъ всѣ тайные совѣты по волѣ премудрости небесной будетъ апробовать и намъ благословеніе и покровы небесные будетъ посылать“. Безопасность и благоденствіе Россіи зависитъ отъ осуществленія этого проекта. „Егда пріидетъ дѣло въ исполненіе, уповалмъ на отца свѣтовъ помощь, что и безъ великихъ силъ военныхъ побѣдитъ господь всѣхъ враговъ, наружныхъ и внутреннихъ“; надо только хранить секретъ въ тайнѣ, „дабы не пометать бисеръ“; „и ежели сіе таинство премудро министерія россійская соблюдаетъ и иностраннымъ землямъ не откроетъ, будетъ всѣхъ сильнѣйшею побѣдительницею всего міра“. Правительство, однако, не оцѣнило этого „бисера“ и сочло Еленскаго просто за сумасшедшаго; онъ былъ заключенъ въ суздальскую монастырскую тюрьму, а проектъ былъ похороненъ въ архивѣ. Но врядъ ли эту оцѣнку можно считать правильной. Исторія знаетъ примѣръ, когда аналогичное устройство успѣшно и открыто дѣйствовало; англійскіе „святые“ XVII вѣка практически пользовались тѣмъ, что Еленскій только предлагалъ въ своемъ проектѣ. Проектъ опирался на могущественную силу скопческаго капитала; для послѣдняго былъ далеко не безразличенъ исходъ войны Александра I, тѣсно связанный съ русской торговой политикой, и недаромъ, слѣдовательно, Еленскій такъ настаиваетъ на скопческомъ руководствѣ прежде всего флотомъ и арміей. Не вина скопчества была въ томъ, что при дворѣ все-таки

господствовало дворянство, только терпѣвшее молодую буржуазію и отнюдь не желавшее допускать ее къ активному вмѣшательству въ государственныя дѣла.

Золотое время для скопчества окончилось въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. Съ одной стороны, соціальная роль скопчества уже подходила къ концу; съ другой стороны, послѣ вѣнскаго конгресса реакціонный поворотъ политики Александра I покончилъ съ благожелательнымъ отношеніемъ къ скопчеству. Въ 1820 г. Селивановъ былъ сосланъ, а съ 1825 г. правительство Николая I начало противъ скопчества цѣлый походъ, завершившійся въ 1834 г. объявленіемъ скопчества особо вредной сектой; въ 1842 г. за оскопленіе была назначена каторга, каковая мѣра наказанія сохраняется въ нашемъ кодексѣ до сихъ поръ. Первое время скопчество еще боролось противъ сыпавшихся на него ударовъ; но его внутреннее ослабленіе идетъ неудержимымъ темпомъ, и съ шестидесятыхъ годовъ оно перестаетъ быть массовымъ и жизнеспособнымъ явленіемъ. Оно становится удѣломъ отдѣльныхъ фанатиковъ-изувѣровъ, процессы которыхъ еще изрѣдка напоминаютъ о его существованіи, какъ, напр., дѣло 136 скопцовъ Мелитопольскаго уѣзда 1872 года. Сыгравъ свою роль, оно, подобно ѳедосѣевской и монинской безпоповщинѣ, постепенно сходитъ со сцены, уступая мѣсто другимъ организаціямъ.

Въ то время какъ молодая буржуазія выступала все съ новыми и новыми религіозными организаціями господства, въ крестьянской средѣ продолжалось все то же исканіе такихъ религіозныхъ лозунговъ, которые помогли бы имъ уйти отъ какого бы то ни было господства. Но насколько сложнѣе и разнообразнѣе была крестьянская жизнь въ теченіе XIX вѣка сравнительно съ XVIII, настолько же разнообразнѣе и многочисленнѣе были проявленія крестьянской реформаціи. Въ XVIII вѣкѣ въ положеніи крестьянства по существу не было перемѣнъ; были только моменты особаго обостренія крѣпостного права, но не было такихъ моментовъ, которые открывали бы передъ крестьяниномъ перспективы лучшаго будущаго. Девятнадцатый вѣкъ начался указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, затѣмъ началась агонія крѣпостного права въ видѣ аракчеевщины и тисковъ николаевской эпохи; послѣ этого пришла эмансипація, которая, при всей своей половинчатости, все-таки кореннымъ образомъ перевернула крестьянскій бытъ и заставила мужицкую мысль шевелиться нѣсколько быстрѣе, чѣмъ раньше. Поэтому и

религіозная жизнь крестьянства въ XIX вѣкѣ неизмѣримо богаче, чѣмъ въ XVII или въ XVIII; секты появляются одна за другой въ безчисленномъ количествѣ, возникая иногда по ничтожнымъ поводамъ, или одновременно появляясь въ одномъ и томъ же видѣ въ разныхъ углахъ Россіи; однѣ возникаютъ заново, другія являются трансформаціями болѣе раннихъ сектъ. Если мы при этомъ примемъ въ расчетъ, что огромное большинство сектъ возникало въ безграмотной крестьянской средѣ, лишь изрѣдка захватывая краемъ городское мѣщанство, то сразу станетъ ясно, насколько трудно разсмотрѣніе всѣхъ этихъ сектъ. Приходится дѣлать оцѣнку ихъ либо по немногочисленнымъ отрывочнымъ даннымъ, вышедшимъ изъ сектантской среды, либо, и въ большинствѣ случаевъ, по сообщеніямъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ наблюденій; богатѣйшій матеріалъ слѣдственныхъ и судебныхъ актовъ еще лежитъ въ архивахъ и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, которое подошло бы къ нему, заранѣе учитывая всѣ специфическія достоинства и еще болѣе специфическіе недостатки этого матеріала. Поэтому приходится оставить мысль о подведеніи итоговъ исторіи русскаго сектанства за XIX вѣкъ; это—задача будущаго, быть можетъ даже не близкаго. Приходится поневолѣ ограничиться бѣглымъ очеркомъ, намѣчая лишь самое характерное: связь тѣхъ или иныхъ сектантскихъ образованій съ моментами процесса крестьянской эволюціи, наиболѣе ясныя и безспорныя черты самихъ сектъ и наиболѣе крупные моменты въ ихъ исторіи. И это немногое придется сдѣлать, конечно, не по отношенію ко всей совокупности сектъ, а только по отношенію къ болѣе крупнымъ; скороспѣлыя и эфемерныя образованія, если только они не характерны въ какомъ-либо спеціальномъ отношеніи, какъ, напр., уральскія секты эпохи эмансипаціи, не войдутъ въ рамки настоящаго очерка.

Для крестьянской реформаціи XVII и XVIII вѣка характеристиченъ ея безнадежный характеръ, поскольку онъ выразился въ эсхатологическомъ самосожженствѣ или въ созерцательной хлыстовщинѣ. Задавленное бариномъ и дворянскимъ государствомъ, крестьянство не имѣло никакихъ надеждъ выбраться изъ своего положенія реальными, земными средствами; пугачевщина была, правда, такой попыткой, но заранѣе обреченной на неуспѣхъ. Или бѣжать, какъ дѣлали странники, или сжигаться, какъ дѣлали „раскольники“ изъ крестьянъ, либо вертѣться въ дикомъ круговоротѣ радѣній—иного исхода не было; бѣгунство, какъ мы видѣли,

было въ сущности отказомъ отъ борьбы, и оно этого отъ себя и не скрывало. Конецъ XVIII и начало XIX вѣка создали, однако, условія, болѣе благопріятныя для дѣятельныхъ элементовъ крестьянской среды. Изъ старыхъ крестьянскихъ сектъ жизнеспособнымъ осталось одно бѣгунство, которое все-таки держалось земли, не обращаясь ни къ огню, ни къ духу; всѣ же новыя секты апеллируютъ уже не къ этимъ божественнымъ стихіямъ, а къ „божьей правдѣ“, которая извращена теперь на землѣ; эту „божью правду“ русскіе сектанты XIX вѣка и стремились возродить тѣмъ же способомъ, какимъ пытались сдѣлать то же самое ихъ нѣмецкіе и англійскіе собратья XIV—XVI вѣковъ—путемъ религіозно-коммунистическихъ организацій. Духъ времени былъ такъ могучъ, что преобразовалъ въ этомъ направленіи даже такое типичное явленіе для стараго крѣпостного крестьянства, какъ бѣгунство.

Въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка бѣгунство пріобрѣтаетъ новую силу и широко распространяется. Поднявшаяся въ это время послѣдняя волна крѣпостнической реакціи вдохнула новую жизнь и въ эту наиболѣе дѣйствительную для крестьянства форму борьбы съ крѣпостническимъ бытомъ на религіозной почвѣ. Офиціальныя цифры, которыя, конечно, гораздо ниже дѣйствительныхъ, даютъ нѣкоторое понятіе о ширинѣ и твердости бѣгунской организаціи. Статистика занималась, конечно, не бѣгунами; подсчитать ихъ было невозможно; но слѣдственныя данныя обнаружили приблизительную цифру пристанодержателей. Пристанодержательство сосредоточивалось въ сѣверныхъ и отчасти въ восточныхъ областяхъ, тогда еще довольно безлюдныхъ и лѣсистыхъ. Болѣе всего пристанодержателей было въ Ярославской губерніи, гдѣ по офиціальнымъ даннымъ число ихъ доходило до 464 человѣкъ; въ сосѣднихъ губерніяхъ, Костромской, Владимірской, Вологодской, Тверской и Новгородской, также насчитывалось значительное число пристанодержателей, иногда, какъ въ Костромской, переходившее за сотню; даже въ такой губерніи, какъ густо населенная Московская, было около 40 пристанодержателей, изъ коихъ 12 въ самой Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка получили окончательный видъ учрежденія бѣгунской организаціи. Центръ бѣгунскаго союза образовался въ селѣ Сопелкахъ, Ярославской губ.; сопелковская „пристань“ стояла во главѣ всѣхъ великорусскихъ и сибирскихъ пристаней. Каждая пристань была автономной общиной со своимъ совѣтомъ и судомъ; но

болѣе важныя дѣла переносились въ Сопелки, гдѣ по временамъ происходили также общіе бѣгунскіе съѣзды. Нѣтъ надобности говорить, что между центромъ и мѣстными общинами постоянно поддерживались правильныя сношенія посредствомъ готовой организаціи—самихъ бѣгуновъ, переходившихъ изъ пристани въ пристань.

Вмѣстѣ съ организаціей двинулась впередъ и идеологія бѣгуновъ. Выборные наставники въ пристаняхъ избирались обыкновенно изъ грамотныхъ и начитанныхъ людей; этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ счастливымъ случаемъ, что новыя теченія бѣгунской идеологіи не затерялись, но дошли до насъ закрѣпленными въ писанной формѣ. Новые элементы бѣгунской идеологіи вертятся, главнымъ образомъ, вокругъ вопроса о томъ, каковъ же долженъ быть, наконецъ, выходъ изъ создавшагося положенія. Какъ учили первые апостолы бѣгунства, странство есть временный режимъ, который приходится поневолѣ практиковать до тѣхъ поръ, пока нельзя вступить въ открытую борьбу съ антихристомъ. Между тѣмъ прошло уже полвѣка, сошло въ могилу второе поколѣніе бѣгуновъ, а сигнала къ рѣшительной борьбѣ все нѣтъ. Какъ тутъ быть?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ „Разглагольствіе тюменскаго странника“, принадлежащее перу нѣкоего Василія Москвина. Исходные пункты его „разглагольствія“ тѣ же, что и Евфимія: противоположность двухъ міровъ, міра божія и міра сатаны или титановъ, небеснаго града Сіона и земного града Вавилона, отрицаніе всѣхъ основъ крѣпостническаго государства, въ родѣ присяги, ревизіи души, оброковъ, паспорта, рекрутчины. Тутъ мы находимъ новое только въ терминологіи, да въ нѣкоторыхъ новыхъ попыткахъ приложенія числа 666: русскіе законы—кривосказательныя книги, синодъ—жидовскій синедріонъ, сенатъ — антихристовъ совѣтъ, ибо число 666 есть числовое выраженіе слова „сенаторы“. Но въ концѣ „Разглагольствія“ звучитъ уже новая нотка. Бороться съ антихристомъ до времени открытою силою нельзя; но время уже близко. Авторъ „Разглагольствія“ уже видитъ духомъ искупителя, сходящаго съ неба; онъ на бѣломъ конѣ, соберетъ всѣхъ бѣгуновъ въ свое воинство и „сотворитъ брань“ съ воинствомъ антихриста; послѣ побѣды начнется царство бѣгуновъ на землѣ, столицею же будетъ Новый Іерусалимъ, у Каспійскаго моря. Это пророчество разрѣшало вопросы д о к о лѣ; разрѣшеніе давалось чисто реальное, безъ всякихъ аттрибутовъ сверхъестественнаго антуража. Про-

изойдетъ война бѣгуновъ съ воинствомъ антихриста, т.-е. попросту съ правительственной арміей; но такъ какъ во главѣ бѣгуновъ будетъ самъ богъ на бѣломъ конѣ, то побѣда и достанется имъ—обычный мотивъ всѣхъ эсхатологическихъ крестьянскихъ революцій. Кличъ былъ сдѣланъ, и бѣгуны заранѣе потянулись къ Каспійскому морю, въ Астраханскія степи.

Но въ „Разглагольствіи“ не рѣшается вопросъ объ устройствѣ будущаго царства. Каковъ будетъ его соціальный строй? Мы видѣли, что въ проповѣди Евфимія были коммунистическіе мотивы, основанные на томъ, что „все потребное“ богомъ отдано людямъ въ общее владѣніе. Практика бѣгунства мало благопріятствовала возстановленію этой божественной заповѣди; но отдѣльныя попытки были, и онѣ появились опять-таки въ XIX вѣкѣ. Одинъ наставникъ, Василій Петровъ, крест. Костромского уѣзда, выступилъ въ нѣкоторыхъ ярославскихъ и вологодскихъ пристаняхъ съ проповѣдью коммунизма. Онъ громилъ собственность и въ особенности денежные капиталы, ибо деньги заклеймены печатью антихриста; пользуясь своей властью, онъ обращалъ личное имущество странниковъ въ общее достояніе общины. Эта попытка осуществить коммунистическій идеалъ Евфимія осталась совершенно одинокой, ибо въ практической жизни бѣгуновъ для нея не было подходящей почвы: у настоящихъ бѣгуновъ никакой собственности вообще не было, а странноприимцы нисколько не склонны были разставаться съ своею. Но проповѣдь Петрова все-таки чрезвычайно характерна, какъ показатель новыхъ вѣяній въ крестьянской реформаціи. Полностью эти вѣянія сказались не въ бѣгунствѣ, а въ двухъ крупныхъ явленіяхъ, духоборчествѣ и молоканствѣ, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

„Духовные христіане“, какъ называли себя и тѣ и другіе, появились въ послѣдней четверти XVIII вѣка; духоборцы появились въ Екатеринославской губерніи, среди казачьяго населенія, которое въ царствованіе Екатерины было до крайности стѣснено и разорено раздачами малороссійскихъ казачьихъ земель помѣщикамъ; молокане одновременно съ ними дали о себѣ знать въ Тамбовской губерніи, отчасти среди крѣпостныхъ, отчасти среди мелкаго городского мѣщанства и ремесленничества. Между той и другой сектой много общаго, и мелкія различія объясняются не совсѣмъ одинаковымъ соціальнымъ составомъ и различными условіями быта.

Секта молоканъ (такъ ихъ прозвали впослѣдствіи право-

славные, за то, что сектанты пили въ постъ молоко) упирается еще цѣликомъ въ эсхатологію XVIII вѣка. Исторію ея происхожденія мы можемъ прослѣдить до извѣстнаго уже намъ Илларіона Побирохина, который объявилъ себя христомъ и хотѣлъ вмѣстѣ съ 12 апостолами судить въ Тамбовѣ міръ. Послѣ неудачи мессіаническаго выступленія Побирохина, его послѣдователи были вновь объединены проповѣдью крестьянина Капустина. Капустинъ стоялъ уже въ близкихъ отношеніяхъ къ екатеринославскимъ духоборцамъ, и въ его ученіи старое христовство соединилось съ новыми элементами, заимствованными изъ доктрины екатеринославскихъ духоборцевъ. Въ то же время въ Тамбовѣ проповѣдывалъ еще зять Побирохина, Семенъ Уклеинъ, разошедшійся съ тестемъ въ вопросѣ о послѣднемъ судѣ; послѣдователи Уклеина, которымъ собственно и дали прозваніе молоканъ, выработали доктрину и организацію, весьма сходныя съ духоборческой. Отсюда читатель видитъ, что раздѣлять другъ отъ друга эти двѣ столь тѣсно связанныя секты врядъ ли удобно и возможно. Ихъ нельзя понять, не зная идеологіи екатеринославскихъ духоборцевъ.

Принято думать, что катехизисъ духоборчества изложенъ въ такъ называемомъ „Духоборческомъ Исповѣданіи“, поданномъ въ 1891 году екатеринославскому губернатору группой арестованныхъ духоборцевъ. Но этотъ документъ нельзя считать подлиннымъ и полнымъ выраженіемъ духоборческой доктрины. Это, собственно, не есть изложеніе вѣры, но скорѣе апологія; сектанты излагаютъ свою вѣру съ цѣлью защититься отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій. Такая задача, естественно, повліяла на тонъ и содержаніе „Исповѣданія“. Составленіе его было поручено, повидимому, самому ученому собрату, знавшему хорошо не только писаніе, но и произведенія малорусскихъ мистиковъ, быть можетъ, даже гностиковъ; съ другой стороны, исповѣданіе выдвигаетъ на первый планъ теоретическую доктрину: вопросъ о противоположности духа, какъ оживотворяющаго, просвѣщающаго разума, и плоти, или той низменной почвы, въ которой „засѣменяется грѣхъ“, вопросъ о духовно-аллегорическомъ толкованіи священнаго писанія, вопросъ о взаимномъ отношеніи духа и тѣла, властей и подданныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Но среди разсужденій о всѣхъ этихъ предметахъ, написанныхъ притомъ чрезвычайно тяжелымъ и витіеватымъ языкомъ, мы ничего не найдемъ относительно практической морали духоборцевъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ въ

заключеніи, завѣряющихъ его превосходительство въ полной лойяльности и вѣрноподданничествѣ заключенныхъ: они припадаютъ къ его стопамъ и просятъ смотрѣть на ихъ дѣло, какъ на исключительно духовное, касающееся лишь спасенія ихъ душъ.

Однако, начальство не повѣрило этимъ увѣреніямъ и сослало екатеринославскихъ духоборцевъ, вмѣстѣ съ ихъ главою, Силуаномъ Колесниковымъ, въ Сибирь. Между тѣмъ, теорія, излагавшаяся въ „Духоборческомъ Исповѣданіи", была чрезвычайно ученая и какъ будто совершенно невинная. Изъ принциповъ дуализма и нѣкоторыхъ элементовъ неоплатонизма она строитъ русское изданіе гностицизма: душа, причастная божеству, была сотворена еще до сотворенія міра и только ради испытанія или наказанія за грѣхъ передъ божествомъ она заключается въ темницу тѣла, гдѣ она должна томиться и страдать. Плоть—сама по себѣ есть зло; въ ней засѣменяется грѣхъ, который отвращаетъ душу отъ небеснаго и божественнаго. Вся исторія людей есть не что иное, какъ постоянная борьба духа и плоти. Исторія Каина и Авеля—это аллегорія: Каинъ—плоть, Авель—духъ; сыны Каина—люди, познавшіе рабство плоти, сыны Авеля—люди, служащіе духу, истинныя чада божіи. Племя Каина постоянно и ожесточенно преслѣдуетъ сыновъ Авеля, и послѣдніе пришли въ такое крайнее притѣсненіе, что понадобилось вмѣшательство божества, которое установило власти, законы, внѣшнія церковныя установленія и формулы, чтобы люди „не загрызлись, какъ псы, а сильнѣйшіе не придушили немощнѣйшихъ". Поэтому всѣ политическія и церковныя учрежденія имѣютъ значеніе лишь временныхъ и чрезвычайныхъ явленій, которыя должны отпасть, когда любовь окончательно восторжествуетъ въ мірѣ, когда всѣ люди станутъ подобны имъ, духоборцамъ, истиннымъ чадамъ божіимъ, въ которыхъ духовно засѣменился самъ Іисусъ Христосъ. Начальство, очевидно, несмотря на всю ученость и туманность изложенія „Исповѣданія", поняло, кого собственно духоборцы причисляютъ къ сынамъ Каина. Понять было не трудно, ибо на духоборческихъ собраніяхъ пѣлись псалмы и пѣсни, сложенныя въ массѣ и не вдававшіяся въ туманныя аллегоріи. Изъ нихъ мы и узнаемъ доктрину духоборчества въ чистомъ видѣ, безъ всякой гностической или дуалистической приправы. Племя Авеля—это тѣ, кто возлюбили печать господню, имъ „на землѣ тѣсно жить и охульно слыть"; племя Каина—это тѣ, кто возлюбили печать антихристову, имъ „на свѣтѣ про-

странно жить и похвально слыть... у нихъ есть попы-наемники, разложили они власы долгіе, разогнали нашихъ праведныхъ свидѣтелевъ, гдѣ эти свидѣтели свидѣтельствуютъ?" Богъ всѣмъ заповѣдалъ „трудиться-питаться", Адаму далъ соху да борону, Евѣ—гребень да гребенку; но сыны Каина забыли объ этой божественной заповѣди, и трудъ остался только на долю сыновъ Авеля. Зараженные „сребролюбіемъ", этимъ корнемъ всякаго грѣха, сыны Каина обездолили сыновъ Авеля, и стали сыны Авеля „бѣдными сиротами":

Хорошо вамъ, братцы, пѣть,
Пѣть пообѣдамши—
А какъ я, горькая сирота,
Да нынче не обѣдала,
А вчера я, горькая сирота,
Не вечеряла.

Связать свѣтъ сынамъ Каина все-таки не удалось: свѣтъ свѣтитъ чрезъ духоборцевъ, сыновъ Авеля. „Духоборцы—полки Іисусовы, полковника Создапма (!), создавшаго небо и землю—намъ свѣтъ открылъ и въ насъ свѣтъ сотворилъ"—говоритъ духоборческій псаломъ. Духоборцы служатъ богу духомъ; тѣло ихъ—храмъ божій, душа—образъ божій.

Духоборчество исходило, слѣдовательно, изъ той же противоположности господа и антихриста, изъ которой исходили и всѣ другія крестьянскія секты. Но разсужденія „Духоборческаго Исповѣданія" и изліянія псалмовъ и пѣсенъ, переливавшія самобытный русскій дуализмъ на восточно-греческій ладъ, не были только внѣшнимъ пріемомъ. И отношеніе къ „духу", и практическая доктрина духоборчества были одинаково мало похожи на хлыстовское пониманіе „духа" и на прежніе пріемы борьбы съ антихристомъ.

Уже изъ „Духоборческаго Исповѣданія" видно, что духоборцы вовсе не отвергали всѣхъ „книгъ"; они признавали священное писаніе, но съ нѣкоторыми оговорками и условіями. Въ томъ видѣ, какъ оно есть, священное писаніе не имѣетъ значенія высшаго авторитета, ибо, во-первыхъ, оно не передаетъ въ точности изреченій Іисуса и апостоловъ, и, во-вторыхъ, оно не есть первое и послѣднее откровеніе. Откровеніе дается непосредственно духомъ; духъ просвѣ-

щаетъ человѣческій разумъ и помогаетъ раскрывать тайный смыслъ писанія, закрытый людскими добавленіями и искаженіями. Смыслъ ученія о троицѣ, напр., духовно толковался такимъ образомъ: „троица — существо непостижимое: отецъ-богъ — память, сынъ-богъ — разумъ, духъ-богъ — воля; богъ-троица—единъ. Значитъ, духоборческій „духъ“—это не дикое опьяненіе во время радѣній, но разумное изслѣдованіе и разсужденіе. Очевидно, что такой „духъ“ долженъ былъ дать и совершенно иные практическіе совѣты. Екатеринославскіе духоборцы не изложили систематически своей практической морали; но уже нѣкоторыя мѣста „Духоборческаго Исповѣданія“ даютъ возможность указать, въ какую сторону направитъ ихъ практическую работу ихъ „духъ“. „Всѣ творенія господни... прекрасны, благи и невинны суть и точно и единственно на утѣхи и удовольствія человѣку созданы“, но на дѣлѣ ими владѣютъ и наслаждаются не всѣ, а лишь „забывшіе въ сердцахъ господа“, которые стараются „побольше награбить и захватить бы славы и всѣхъ благъ міра въ руки своя... отсюда вся злая въ мірѣ“. Въ проповѣди Капустина мы также находимъ мало указаній на практическую мораль духоборчества. Капустинъ лишь преобразовалъ доктрину хлыстовства о постоянномъ воплощеніи Христа, соединивъ ее съ екатеринославскимъ ученіемъ о духѣ, какъ о божественномъ разумѣ. Христосъ—это и есть божественный разумъ; впервые онъ явился въ Іисусѣ, въ которомъ обиталъ, какъ душа въ тѣлѣ, но затѣмъ не вознесся на небо, а продолжаетъ пребывать на землѣ согласно обѣтованію: „се, я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“. Послѣдующимъ вмѣстилищемъ души Іисуса были первые римскіе папы, затѣмъ другіе праведники, затѣмъ Силуанъ Колесниковъ, а теперь самъ Капустинъ: „я дѣйствительно Христосъ, вашъ господь, падите ницъ предо мною и обожайте меня“; послѣ Капустина Христосъ будетъ жить въ его сынѣ. Для крестьянской массы, шедшей въ духоборчество, Капустинъ, его жена и родственники, стали „святыми праведными“, и ихъ призывали впослѣдствіи духоборцы въ молитвахъ наравнѣ съ господомъ и богородицей.

Проповѣдь Капустина имѣла практическое значеніе постольку, поскольку подготовляла будущее теократическое устройство духоборческой общины на Молочныхъ Водахъ. Въ организаціи этой общины и выразилось практическое ученіе духоборчества, тщательно скрывавшееся ими до эпохи гоненій на нихъ въ концѣ XVIII вѣка. Въ отвѣтъ на отдачу въ рекруты внѣ очереди, битье

кнутами, ссылку, духоборцы перестали сдерживаться и отмежевали себя отъ дѣтей Каина: они заявили, что богъ создалъ всѣхъ равными и никого не сотворилъ начальникомъ надъ другими, а потому они не будутъ никому повиноваться, кромѣ Бога, и не будутъ исполнять никакихъ повинностей. Государству оставалось либо истребить окончательно „дѣтей Авеля“, либо дозволить имъ жить государствомъ въ государствѣ. Въ результатѣ, въ 1804 году, „въ видахъ разобщенія съ православными“ имъ отвели пустопорожнія мѣста по рѣкѣ Молочной въ Мелитопольскомъ уѣздѣ. Это и были такъ называемыя „Молочныя Воды“, куда переселились всѣ духоборцы изъ Екатеринославской, Харьковской, Тамбовской и другихъ губерній, и были отпущены ссыльные, въ томъ числѣ Силуанъ Колесниковъ. Имъ дали по 15 десятинъ на душу и освободили на первое время отъ податей.

Переселившись на „Молочныя Воды“, духоборцы могли осуществить здѣсь „божію правду“ такъ, какъ они ее понимали. Очевидецъ передаетъ, что по прибытіи на новое мѣсто жительства, „они сложили тамъ всѣ пожитки свои въ одно мѣсто, такъ что теперь у нихъ тамъ одна общая денежная касса, одно общее стадо, и въ двухъ селеніяхъ два общихъ хлѣбныхъ магазина; каждый братъ беретъ изъ общаго имѣнія все, что ни понадобится.“ Душой новой организаціи былъ Капустинъ; провозгласивъ поля и все имущество общимъ, онъ, однако, право распоряженія имъ присвоилъ себѣ, какъ сосуду Христа. Онъ поселился въ слободѣ Терпѣніе, въ Сіонѣ, т.-е. въ волостномъ домѣ, и тамъ жилъ, принимая божественное поклоненіе; оттуда онъ давалъ распоряженія наставникамъ, завѣдывавшимъ отдѣльными колоніями, и разбиралъ судебныя дѣла вмѣстѣ съ особымъ трибуналомъ тридцати. Культа не было никакого, ибо для дѣтей Авеля всякія внѣшнія формулы благочестія лишнія; сектанты ограничивались лишь пѣніемъ псалмовъ хоромъ за общими полевыми работами. Бракъ не считался таинствомъ и заключался безъ всякихъ церемоній и обрядовъ, исключительно по взаимному соглашенію жениха и невѣсты. Такимъ образомъ, появилось миніатюрное мессіаническое царство на теократически-коммунистическихъ началахъ. Но еще при жизни Капустина началась неминуемая диференціація и разложеніе общины. Самъ Капустинъ, провозгласивъ равенство, на дѣлѣ не соблюдалъ равенства при распредѣленіи орудій и надѣловъ, и вскорѣ появились богатѣи, перенявшіе у сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ цѣлый рядъ усовершенствова-

ній. „Въ той богатой жизни“ — говоритъ съ грустью духоборческій лѣтописецъ: — „люди скоро отступили отъ закона божьяго, стали ѣздить по городамъ, по ярмаркамъ, по всѣмъ роскошнымъ жизненнымъ мѣстамъ“. Богатѣи превратили Капустина, а затѣмъ его сына и внука, къ которымъ послѣдовательно переходила по наслѣдству власть, въ свои покорныя орудія, захватили въ свои руки совѣтъ тридцати; постановленія объ общности имуществъ были упразднены, а организація общины была превращена въ орудіе самой беззастѣнчивой эксплуатаціи. Когда начались протесты среди духоборческой массы, то судъ тридцати сталъ расправляться съ ними при помощи пытокъ и казней. Слухи объ этихъ неурядицахъ въ тридцатыхъ годахъ дошли до свѣдѣнія правительства. Оно вмѣшалось въ дѣла общины и переселило духоборцевъ въ Ахалцыхскій округъ на Кавказѣ; переселились только рядовые духоборцы, большая часть богатѣевъ раздѣлилась и поселилась въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Духоборческій лѣтописецъ, котораго мы только что цитировали, находилъ, что это переселеніе — заслуженная кара за „отступленіе отъ закона божьяго“.

На Кавказѣ духоборческая организація еще два раза прошла черезъ тотъ же процессъ диференціаціи и разложенія, который она пережила на Молочныхъ Водахъ. Первоначальная кавказская организація, правда, не могла быть простымъ повтореніемъ молочноводской коммуны вслѣдствіе совершенно иныхъ условій: горная каменистая почва и сосѣдство съ воинственными и враждебно настроенными горцами дѣлали невозможнымъ производительный земледѣльческій трудъ и настраивали колонистовъ на мирный ладъ по отношенію къ правительству, единственному защитнику отъ набѣговъ горцевъ. Пришлось жить мелкими промыслами и ограничиться артельнымъ устройствомъ съ извѣстными отчисленіями въ общую кассу; по отношенію къ власти духоборцы пошли на еще большія уступки: платили налоги и даже отбывали воинскую повинность, а во время войны 1854—55 годовъ они обслуживали обозъ русской арміи и принимали на себя другіе подряды и поставки. Война эта и помогла начаться новому процессу диференціаціи. Многіе члены общины нажились на поставкахъ и захватили въ свои руки всѣ дѣла общины, которая изъ коммуны превратилась опять въ капиталистическую организацію, находившуюся въ сношеніяхъ съ крупнѣйшими банкирскими домами въ имперіи. Вновь началась борьба между олигархіей капиталистовъ, вла-

дѣвшихъ „Сіономъ“, и духоборческой массой. Открытый кризисъ произошелъ, когда во главѣ массы сталъ молодой „пророкъ“ Веригинъ, провозгласившій себя наслѣдникомъ недавно умершей пророчицы Лукерьи Калмыковой; но совѣтъ въ Горѣломъ не призналъ Веригина и отказался сдать ему капиталы и власть. Веригинцы начали процессъ противъ „горѣловцевъ“; временами происходили рукопашныя схватки. Горѣловцы обратились за помощью къ правительству; надъ веригинцами произвели экзекуцію казаки. Веригинъ былъ сосланъ въ Шенкурскъ. Но послѣ такого оборота дѣла положеніе горѣловцевъ стало совершенно невыносимымъ. Тогда они забрали всѣ капиталы общины и уѣхали во внутреннюю Россію, оставивъ веригинцевъ устраиваться, какъ они хотятъ. Подъ вліяніемъ этихъ ударовъ веригинцы признали, что разрушеніе Сіона — естественное слѣдствіе несоблюденія ими коммунистическихъ принциповъ и компромисса съ племенемъ Каина. Оставалось только загладить грѣхъ возстановленіемъ коммуны въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ она существовала на Молочныхъ водахъ, и возстановить въ силѣ прежнюю доктрину отрицанія всякой власти, кромѣ бога. Но когда веригинцы продѣлали все это возрожденіе, они опять столкнулись съ правительствомъ. На отказъ отъ платежа податей и отъ воинской повинности правительство отвѣтило суровыми мѣрами: переселяло духоборцевъ съ мѣста на мѣсто, ставило въ духоборческія села военные постои, отбирало дѣтей. Коммунистическое государство въ полицейскомъ государствѣ въ третій разъ оказывалось невозможнымъ. Оставалось либо покориться, либо эмигрировать; часть пошла на уступки, другіе эмигрировали сначала на Кипръ, а потомъ въ Америку, въ Канаду. Однако, устроиться тамъ безъ всякихъ средствъ къ жизни оказалось невозможнымъ, и духоборцы окончательно погибли бы, если бы ихъ не поддержала либеральная буржуазія. Это были уже девяностые годы XIX вѣка, когда либеральная буржуазія начала вести систематическую кампанію противъ абсолютнаго режима и поддерживала всякія протестантскія движенія противъ абсолютизма. Магическое имя графа Толстого помогло собрать большія пожертвованія, и духоборцы получили возможность устроиться, хотя и не на коммунистическихъ началахъ: одни устроились сельскохозяйственными артелями, другіе — самостоятельными хуторскими хозяйствами.

Параллельно съ духоборческимъ шло молоканское движеніе, которое было во многомъ сходно съ первымъ, отли-

чаясь отъ него лишь въ деталяхъ. Основатель молоканства, Семенъ Уклеинъ, имѣлъ дѣло съ нѣсколько иной соціальной средою, чѣмъ Колесниковъ и Капустинъ. Первые его шаги въ Тамбовѣ, гдѣ онъ объявилъ себя Мессіей, были неудачны; онъ попалъ въ тюрьму, а его 70 апостоловъ разбѣжались. Послѣ освобожденія онъ пошелъ по Волгѣ и проповѣдывалъ среди той массы бѣглыхъ и бывшихъ людей, которыми всегда кишѣли берега средней Волги, начиная отъ Самары. Въ этой средѣ уже дѣйствовали разнообразныя вліянія, начиная съ иргизской пропаганды и кончая іудействующимъ направленіемъ, которое не считало Іисуса Мессіей и потому признавало моисеевъ законъ неотмѣненнымъ. Во вниманіе къ этимъ теченіямъ Уклеинъ нѣсколько модифицировалъ духоборческую доктрину. Тутъ не годились ни аллегорія, ни гностико-дуалистическія построенія; надо было все строить по „писанію“. Уклеинъ и провозгласилъ идеаломъ первоначальное христіанство, не искаженное соборами; онъ не отвергъ безусловно ни таинствъ, ни иконъ, ни постовъ, ни обрядовъ, призналъ даже догматъ троичности и нѣкоторыя постановленія моисеева закона (запрещеніе ѣсть свинину и рыбу безъ чешуи). Но за то по отношенію къ современному ему государству и обществу Уклеинъ могъ провозгласить почти такое же непримиримое отношеніе, какъ и духоборчество. Всѣ люди равны, не можетъ быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни неблагородныхъ, ни благородныхъ, ни рабовъ, ни господъ; война, военная служба и присяга—богопротивныя дѣйствія, и правильно поступаетъ тотъ, кто убѣгаетъ изъ войска. По нуждѣ, молокане, правда, могутъ повиноваться монархической власти, но только такимъ ея повелѣніямъ, которыя не противны божественному закону. Эта проповѣдь собрала вокругъ Уклеина массу послѣдователей; съ ними онъ спустился до Ахтубы и тамъ организовалъ первую общину; вторая была организована на Иргизѣ, въ 30-хъ годахъ, на развалинахъ тамошнихъ старообрядческихъ монастырей.

Но эти первыя общины не были полными коммунами. Въ нихъ было организовано на коммунистическихъ началахъ лишь производство, но не потребленіе, да и производство было поставлено на общинныя начала не столько ради соблюденія принципа первоначальнаго христіанства, въ которомъ господствовалъ какъ разъ коммунизмъ потребленія, сколько въ силу характера хозяйственной дѣятельности. Иргизскіе и волжскіе рыбные ловы сами по себѣ требовали артельной организаціи. Подлиннымъ основателемъ молокан-

скаго коммунизма надо считать другого крупнаго дѣятеля тридцатыхъ годовъ, самарскаго крестьянина Михаила Акинѳіевича Попова. Поповъ всецѣло проникся мыслью о томъ, что молоканская организація должна возстановить организацію первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Поэтому онъ началъ съ того же, съ чего начинали, по словамъ Дѣяній, всѣ новообращенные христіане: роздалъ все свое имѣніе сосѣдямъ и сразу пріобрѣлъ послѣдователей въ лицѣ всего населенія двухъ селеній, Яблоновскаго Гая и Тяглаго Озера. За такое дѣйствіе Поповъ сейчасъ же былъ сосланъ на Кавказъ, а за нимъ ушли и всѣ его сторонники. Они образовали колонію въ Шемахинскомъ округѣ; Поповъ далъ ей коммунистическую организацію, устройство которой опредѣлено „Уставомъ упованія общаго ученія“, написаннымъ самимъ Поповымъ. Это былъ настоящій фаланстеръ, который привелъ бы въ восхищеніе самого Фурье. Все движимое и недвижимое имущество и всѣ доходы съ нихъ принадлежатъ, по этому уставу, общему братскому союзу, состоящему изъ отдѣльныхъ слободъ или партій. Партія есть единое цѣлое: она сообща выстраиваетъ слободку, въ которой поселятся ея члены; дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, весь домашній инвентарь, земли, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни и всякія другія мастерскія, какія только могутъ быть, все это есть достояніе партіи, и доходы со всего этого имущества принадлежатъ общей кассѣ партіи. Выборные распорядители или распорядительницы регулируютъ производство и потребленіе: распредѣляютъ домашнія и полевыя работы и отпускаютъ изъ общаго имущества и общей кассы всѣ предметы потребленія по числу душъ. Въ каждой слободѣ, кромѣ распорядителя, были еще выборные судьи, учителя, обучающіе дѣтей въ училищахъ, устроенныхъ въ каждой слободѣ, молитвенники, совершающіе общественную молитву и др. Опредѣленнаго культа, какъ и у духоборцевъ, не было; бракъ былъ поставленъ такъ же, какъ и на Молочныхъ водахъ. Во главѣ всего фаланстера стоялъ высшій совѣтъ изъ двѣнадцати выборныхъ апостоловъ. Слава объ этой общинѣ разнеслась далеко по Волгѣ, и за Закавказьемъ установилась репутація обѣтованной земли для молоканства, привлекавшая туда паломниковъ и новыхъ колонистовъ. Но судьба общины Попова не могла быть иной, чѣмъ судьба духоборческихъ общинъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Поповъ былъ сосланъ за распространеніе особо вредной секты; послѣ него очень быстро забрали верхъ богатѣи и уничто-

жили принципъ общности имущества, сохранивъ только общую кассу, въ которую каждый долженъ былъ платить 10% сборъ. Эта общая касса очень скоро сдѣлалась средствомъ расхищенія капиталовъ общины: изъ нея можно было брать ссуды, при чемъ за невозвращеніе ссуды была назначена только ради соблюденія приличія эпитимія въ видѣ поста за каждый взятый рубль. Разложеніе общины Попова пошло впередъ гигантскими шагами, и къ концу сороковыхъ годовъ она уже распалась, не оставивъ по себѣ никакихъ воспоминаній. Молоканскія общины на Волгѣ, однако, продолжали существовать; но настроеніе ихъ въ это время стало чрезвычайно тяжелымъ. Съ двадцатыхъ годовъ положеніе крестьянства становится опять почти невыносимымъ; Иргизъ и Ахтуба наполняются все новыми бѣглецами, и одновременно съ „Разглагольствіями тюменскаго странника“ эсхатологическія ожиданія вдругъ вновь оживаютъ и въ молоканской средѣ. Бѣглый солдатъ, Сидоръ Андреевъ, долго жившій въ Персіи, пророчествовалъ среди саратовскихъ молоканъ о близкомъ концѣ міра: скоро явится Мессія, который поведетъ молоканъ на Араратскія горы, и будетъ тамъ рай, земля, кипящая молокомъ и медомъ. Эта проповѣдь дала толчокъ къ внимательному изученію Апокалипсиса и выкладкамъ съ цѣлью разгадать число 666. Высчитали, что конецъ свѣта придетъ въ 1836 году, когда начнется въ прародительской землѣ Араратскихъ горъ тысячелѣтнее царство, въ Новомъ Іерусалимѣ. И одновременно съ тягой бѣгуновъ на Ахтубу началась тяга молоканъ въ Закавказье, на персидскую границу. Всеобщее увлеченіе эсхатологическими упованіями породило множество предтечъ, Еноховъ и Илій, нѣсколько самозванныхъ Мессій, изъ которыхъ одинъ, бѣглый крѣпостной Лукьянъ Петровъ, явился какъ разъ въ 1836 г. и созывалъ молоканъ итти съ нимъ на Кавказъ основывать тысячелѣтнее царство.

Это необычайное броженіе передъ эмансипаціей, порожденное ужасами николаевской эпохи и жаждой освобожденія, закончилось необычайнымъ эпилогомъ. Торжествующій Мессія, котораго ждали крестьянскія секты, какъ избавителя отъ крѣпостного ига и подателя всяческихъ благъ, не пришелъ; тѣ Мессіи, которые были, оказались либо обманщиками, либо неудачниками. Вмѣсто него явился страдающій Мессія, добровольно принявшій страданія за грѣхи міра, т.-е. измученнаго крѣпостными невзгодами крестьянства. Это былъ доведенный нуждою до помѣшательства крестьянинъ Владимірской губерніи Никитинъ. Онъ рѣшилъ, что все горе

ниспослано ему богомъ за грѣхи и что искупить ихъ можно только посредствомъ принесенія въ жертву собственнаго сына, какъ то сдѣлалъ Авраамъ. Онъ сжегъ свой домъ и, взявъ двухъ малютокъ дѣтей, пошелъ въ сопровожденіи жены на сосѣднюю гору; тамъ его жена читала молитвы, а онъ собственноручно зарѣзалъ обоихъ дѣтей. Это дикое преступленіе, продиктованное отчасти пережитками анимистическаго міровоззрѣнія и подогрѣтое соотвѣтствующими элементами библейской традиціи, привело Никитина на скамью подсудимыхъ, а оттуда на Аргунь, въ Сибирь. Въ ссылкѣ онъ дошелъ до того, что рѣшилъ пожертвовать собой за грѣхи міра; жертва двухъ дѣтей казалась ему недостаточной. Въ лѣсу онъ устроилъ крестъ, надѣлъ на себя терновый вѣнецъ, раздѣлся, несмотря на сильный морозъ, до-гола и распялъ себя на этомъ крестѣ. Его успѣли снять еще живымъ, и на допросѣ онъ повѣдалъ свою грустную исторію. Такъ и русское крестьянство отдало дань тому мессіанизму, представителемъ котораго считаютъ почему-то только одного древняго Израиля.

Молоканство и духоборчество были типичными проявленіями коммунистическаго сектантства въ періодъ разложенія крѣпостного права, когда крестьянство жило между крѣпостнымъ игомъ и освобожденіемъ безъ земли. Отъ бѣгунства эти организаціи отличаются тѣмъ, что онѣ пытались бороться не только пассивнымъ уходомъ, но и активнымъ образомъ, путемъ созданія въ средѣ капиталистическаго общества коммунистическихъ организацій. Но подобно англо-американскимъ попыткамъ Роберта Оуэна, ихъ новые міры разваливались, какъ карточные домики, при первомъ же столкновеніи со старымъ міромъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права исчезли и коммунистическія попытки на религіозной почвѣ: капиталистическое промышленное производство и капитализація сельскаго хозяйства были весьма неблагопріятной средой для религіознаго коммунизма; появились новыя коммунистическія теоріи, не имѣвшія ничего общаго съ религіей. Эмансипація произвела, поэтому, значительныя измѣненія въ сектантскомъ движеніи. Эти измѣненія произошли не сразу; въ шестидесятыхъ годахъ, когда шелъ процессъ ликвидаціи крѣпостного строя, еще жили старыя сектантскія формы или возникали новыя, сходныя со старыми. Но уже тогда появились и новые ростки, давшіе начало совершенно новымъ религіознымъ теченіямъ.

Мы видѣли, что до эмансипаціи главнымъ мотивомъ со-

ціально-религіозной теоріи въ крестьянской средѣ было иго рабства. Рабство помѣщику и государству превращало крестьянскую жизнь въ сплошную кабалу, изъ которой крестьянство не находило иного исхода, кромѣ стихійнаго бунта или опьяненія „духомъ“. Эмансипація выдвинула другой мотивъ крестьянскаго протеста. Она, правда, не дала полноправія и свободы, но все же сняла ярмо рабства; зато она была въ значительной степени экспропріаціей крестьянскихъ надѣловъ. Раньше крестьянинъ стоналъ подъ игомъ барщины и произвола барина; но онъ, по крайней мѣрѣ, былъ увѣренъ въ томъ, что баринъ не дастъ ему умереть съ голоду, какъ рабочему скоту. Теперь крестьянское хозяйство должно было стать на свои собственныя ноги, но при измѣнившихся къ худшему условіяхъ: стало меньше надѣловъ, приходилось арендовать лѣсъ и лугъ. Уже въ шестидесятыхъ годахъ малоземелье дало себя знать сильной голодовкой, первой наградой крестьянину за его „свободный“ трудъ.

Съ другой стороны, новую работу крестьянской мысли задало развитіе города и его вліяніе на деревню. Прежде всего, съ городомъ теперь сталкивала рядового крестьянина нужда достать ненужныя ему сами по себѣ деньги на уплату податей и аренды. Такой нужды онъ не зналъ раньше, если былъ на барщинѣ; послѣ эмансипаціи деньги пришлось доставать всякому крестьянину, и эта нужда толкала его въ городъ или заставляла искать передаточныхъ агентовъ между деревней и городомъ. Приходилось либо продавать хлѣбъ, либо уходить на зимнее время на заработки. Но не только самому крестьянину пришлось итти навстрѣчу городу; городъ самъ еще быстрѣе врывался въ деревню. Съ каждой новой верстой желѣзнодорожнаго пути, съ каждымъ новымъ пароходомъ, съ каждой новой загородной фабрикой крестьянинъ чувствовалъ нарожденіе новой великой силы, чуждой и странной для него. Онъ останавливался въ недоумѣніи и страхѣ передъ этимъ новымъ чудовищемъ, и этотъ изумленный страхъ навсегда запечатлѣнъ въ извѣстной картинѣ Перова, изображающей сиволапыхъ мужиковъ, увидавшихъ въ первый разъ въ своей жизни паровозъ. Мужицкая мысль работала туго и медленно, но и она, наконецъ, поняла, что вмѣсто конца свѣта и мессіаническаго царства пришелъ совсѣмъ другой міръ, враждебный всему косному, патріархальному крестьянскому быту, но вмѣстѣ съ тѣмъ притягательный, какъ магнитъ, вытягивавшій изъ деревни ея лучшіе соки. Встрѣча съ городомъ и съ промышленнымъ капитализмомъ довершала

дѣйствіе частичной экспропріаціи крестьянства. Диференціація въ его средѣ пошла чрезвычайно быстрымъ темпомъ; достаточно вспомнить, что за тридцатилѣтіе съ шестидесятыхъ годовъ до переписи 1897 года населеніе 808 наиболѣе значительныхъ русскихъ городовъ возрасло на 92%. Оживленіе сношеній между городомъ и деревней заражало крестьянскую среду новыми идеями, приносимыми отчасти молодежью, отчасти крестьянами, уходившими въ города на отхожіе промыслы; съ другой стороны, школьная земская учеба, дававшая, правда, скудную и не всегда доброкачественную пищу, играла все-таки роль фермента здоровой разумной мысли, освобождая ее отъ путъ анимистической и церковной традиціи. Однако, при всей силѣ новыхъ факторовъ, процессъ освобожденія крестьянской мысли шелъ крайне медленно, захватывая съ особою силою лишь нѣкоторыя группы крестьянства, стоявшія въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ городу. Наиболѣе оригинальныя сектантскія движенія возникаютъ именно въ этихъ группахъ; чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ менѣе оригинальныхъ чертъ въ религіозномъ творчествѣ, и сектантское движеніе въ шестидесятыхъ годахъ на глухомъ Уралѣ, вызванное къ жизни земельными урѣзками эпохи эмансипаціи, бродитъ еще въ старыхъ идеологическихъ построеніяхъ.

Огромное большинство уральскихъ крестьянъ принадлежало къ разряду государственныхъ крестьянъ, отчасти приписанныхъ къ казеннымъ заводамъ. Когда была объявлена эмансипація, размежеваніе земель, отводимыхъ крестьянамъ, производилось по уставнымъ грамотамъ, составлявшимся въ канцеляріяхъ безъ всякаго участія крестьянъ. По этимъ уставнымъ грамотамъ отъ тѣхъ надѣловъ, которыми ранѣе пользовались крестьяне, были отрѣзаны огромные участки въ пользу казны или заводовъ. Крестьянамъ, казалось, что ихъ обдѣлили не помѣщики, частныя лица, но государство, той самой силой, которая всегда заявляла себя стражемъ частной собственности и всегда жестоко карала нарушеніе этого принципа по отношенію къ помѣщикамъ. Въ разныхъ мѣстахъ на почвѣ подобнаго размежеванія произошли столкновенія крестьянъ съ властями; власти призвали для увѣщанія священниковъ, которые, конечно, всецѣло стали на сторону правительства. Такимъ образомъ, къ столкновенію съ властями присоединился конфликтъ и съ церковью; соціально-политическая почва для появленія новыхъ сектантскихъ движеній была готова.

Въ то же время идеологическая почва для развитія сектантства на Уралѣ была подготовлена еще болѣе богатая. Къ этому времени на Уралѣ скрещивались самыя разнообразныя религіозныя теченія. Мы уже видѣли, что Екатеринбургскій горный округъ былъ однимъ изъ оплотовъ поповщины, утвердившейся тамъ еще въ XVIII вѣкѣ. Глухія лѣсныя долины Урала съ тридцатыхъ годовъ XIX вѣка становятся прибѣжищемъ для бѣглыхъ адептовъ различныхъ другихъ религіозныхъ теченій. Здѣсь скрываются бѣгуны, сюда бѣгутъ съ Иргиза послѣ разгрома тамошнихъ монастырей старообрядцы; наконецъ, въ пріуральскіе города наканунѣ эмансипаціи были сосланы пропагандисты молоканства, въ томъ числѣ такой крупный дѣятель, какъ Яковъ Уклеинъ, родной братъ молоканскаго мессіи Семена Уклеина. Какъ только происходилъ формальный разрывъ того или другого сельскаго общества съ офиціальной церковью, ему сейчасъ преподносилось нѣсколько готовыхъ идеологій; оставалось только выбирать между ними и приспособлять ихъ элементы къ данному конкретному случаю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сектантскія новообразованія на Уралѣ и не могли быть такими широкими и сильными, какъ движенія во внутренней Россіи до или послѣ эмансипаціи. Продукты жизни маленькихъ узкихъ мірковъ, не имѣвшіе ни оригинальной идеологіи, ни организаціи, онѣ не получали широкаго распространенія и сравнительно быстро исчезали.

Первая болѣе значительная секта возникла въ 1865 году въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, среди бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ галановской, арзамасцевской и мостовинской волостей. Это была такъ называемая секта немоляковъ, возникшая послѣ размежеванія земель въ указанныхъ волостяхъ по уставной грамотѣ отъ 23-го іюня 1865 года. Возникновеніе этой секты чрезвычайно типично: возмущеніе крестьянъ противъ размежеванія было подавлено военной экзекуціей, а священники, къ которымъ крестьяне обратились за содѣйствіемъ, дали крестьянамъ въ отвѣтъ „положительное и твердое слово пастырей о необходимости подчиниться распоряженіямъ, исходящимъ отъ высшей власти“. Изъ сарапульскаго уѣзда секта распространилась въ сосѣдній Осинскій уѣздъ Пермской губерніи и въ Шадринскій и Курганскій уѣзды Тобольской губерніи, гдѣ, повидимому, были сходныя условія аграрнаго надѣленія.

Исходный пунктъ доктрины немоляковъ лежитъ именно въ столкновеніи ихъ съ церковной властью во время разме-

жеванія. Послѣ защиты размежеванія вмѣсто защиты справедливыхъ крестьянскихъ интересовъ, духовенство сразу потеряло всякій кредитъ въ глазахъ крестьянъ. Крестьяне рѣшили не имѣть съ ними никакихъ сношеній, лишить его зависящихъ отъ нихъ средствъ содержанія; а для этого было простое средство: не ходить въ церковь, не принимать священниковъ у себя въ домѣ и не обращаться къ духовенству за совершеніемъ требъ, однимъ словомъ—не молиться. Когда состоялось такое рѣшеніе, и стало проводиться въ жизнь, на помощь сейчасъ же пришли молоканская и бѣгунская идеологіи. „Мы никого не признаемъ, кромѣ отца небеснаго, никому изъ васъ не вѣримъ, кромѣ него, только онъ за насъ заступится“, говорили немоляки, и вмѣстѣ съ клиромъ отвергли и всю церковную внѣшность. Храмы—все равно, что конюшни, иконы—рукотворные идолы, таинства и посты—не нужны. Молиться богу надо въ духѣ, для этого не нужно ни храмовъ, ни особыхъ сроковъ, въ родѣ праздниковъ. „Правительства не признаютъ“ лаконически замѣчаетъ офиціальный отчетъ, ибо правительство лишило ихъ земель; они не платятъ ему податей, а чтобы избѣжать продажи имущества съ публичнаго торга, угоняютъ передъ приходомъ властей скотъ въ лѣсъ и уносятъ туда же все цѣнное имущество; и еще въ 1882 году наиболѣе непримиримые изъ „упорщиковъ“ отказывались принять отведенные имъ правительствомъ надѣлы.

Одновременно съ сектой немоляковъ въ сосѣднемъ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи безшумно образовалась другая аналогичная секта, о существованіи которой правительство узнало только въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда возникло судебное дѣло объ одномъ изъ адептовъ секты, Контауровѣ, обвинявшемся въ упорномъ нежеланіи платить подати. Контауровъ объяснилъ на слѣдствіи свой отказъ такимъ образомъ: богъ далъ всѣмъ землю безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ, и это божественное установленіе соблюдалось до 1861 года. Съ 1861 года этотъ божественный законъ нарушенъ, но тотъ, кто его нарушилъ, есть антихристъ, ибо идетъ противъ установленія Христа. Слѣдовательно, съ 1861 года власть стала антихристовой, и „сыны божіи“ не должны платить ей никакихъ податей и повинностей. Оказалось, что въ той округѣ, гдѣ жилъ Контауровъ, почти всѣ такіе же неплательщики, какъ и онъ. Сектантовъ такъ и прозвали „неплательщиками“; къ ихъ идеологіи ближе всего подходила бѣгунская доктрина, вліяніе которой выразилось

въ заимствованіи у бѣгуновъ любопытной пѣсни, жалующейся на то, что „законъ градской въ конецъ истребленъ, вмѣсто законовъ воцарилось беззаконіе“; „духъ антихристовъ возвѣя на насъ“.

Вмѣстѣ съ эмансипаціей пришло усиленное выколачиваніе съ крестьянъ денегъ. И опять-таки на Уралѣ, гдѣ при рѣдкости населенія еще возможно было существованіе натурально-хозяйственнаго быта въ почти нетронутомъ видѣ, это новое требованіе породило секту лучинковцевъ съ совершенно старой идеологіей. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ началось въ нѣкоторыхъ деревняхъ Екатеринбургскаго уѣзда повальное бѣгство крестьянъ въ лѣса со всѣмъ скарбомъ и дѣтьми. Слѣдствіе выяснило, что крестьяне уходятъ въ лѣсъ отъ антихриста, царящаго теперь въ мірѣ; всякій, кто не хочетъ принять его печать, долженъ уходить въ пустыню. Печать антихриста—это деньги; она распространяется всюду въ купляхъ — продажахъ, и всякій, кто что-либо покупаетъ или продаетъ, принимаетъ печать антихриста. Все, что продается, заклеймено антихристомъ, заклеймены и всѣ продажные способы освѣщенія, осталось только одно угодное богу „кандило“—сырая березовая лучина, отломанная въ лѣсу отъ дерева. Идеологія лучинковцевъ носитъ несомнѣнные слѣды бѣгунской доктрины, но преобразовала заимствованные изъ нея элементы примѣнительно къ новому положенію дѣла.

Уральскія секты эпохи эмансипаціи вращаются еще въ средѣ старыхъ представленій и формулъ, въ зависимости отъ хозяйственной отсталости Пріуралья, для котораго эмансипація была тяжелымъ мучительнымъ переломомъ. Во внутренней Россіи эмансипація дала новыя формы сектантства; она покончила и съ христовствомъ, и съ мессіанизмомъ, и со странничествомъ, выдвинувъ практическія задачи, продиктованныя новыми условіями быта. Наиболѣе распространенной и опасной съ точки зрѣнія правительства сектой во внутренней Россіи послѣ эмансипаціи была такъ называемая штунда. Этимъ названіемъ, заимствованнымъ отъ нѣмецкаго термина Stunde, какъ назывались въ XVIII вѣкѣ нѣмецкіе евангелическіе кружки въ нѣмецкихъ колоніяхъ, покрываются, однако, не однородныя явленія, а разнородныя

Поминки у купца.

Оригиналъ картины Ф. С. Журавлева «*Поминки у купца*» находится въ Солдатенковскомъ отдѣленіи (№ 53) Румянцовскаго музея. Журавлеву († 1901 г.) принадлежитъ извѣстная и очень много разъ воспроизводившаяся картина «*Передъ вѣнцомъ*» (1874 г.), оригиналъ которой сохранился въ Третьяковской галлереѣ (№ 501). «Поминки у купца»— бытовой жанръ, живописное приложеніе къ репертуару А. Н. Островскаго, картина съ рѣзкими подчеркиваніями отрицательныхъ бытовыхъ чертъ, блистательный памфлетъ, нѣсколько отдающій фотографіей и въ широкихъ размѣрахъ публицистическимъ паѳосомъ. Авторъ не столько художникъ, сколько пропагандистъ. Поминки въ полномъ разгарѣ; несутъ кисель— традиціонное поминальное блюдо;—хозяинъ уже приходитъ въ гнѣвъ и, занимая на картинѣ центральное положеніе, начинаетъ семейную ссору, зло и мрачно глядитъ на женщинъ, которыя какъ будто не хотятъ уступить величественному хозяину, страшному въ порывахъ пьянаго остервенѣнія. Картина является не только нападеніемъ на извѣстныя стороны быта средняго рода людей, но и нападеніемъ на нѣкоторые принципы, которые живутъ по традиціи, по старинѣ, какъ отзвуки далекаго прошлаго. Какъ иллюстративно-историческій матеріалъ, картина Журавлева имѣетъ несомнѣнную цѣну. Можно, пожалуй, признать, что исчерпывающій подборъ подобнаго рода публицистическихъ произведеній русской живописи прошлаго столѣтія можетъ дать матеріалъ для цѣлаго курса по русской исторіи XIX в., примѣнительно къ бытовымъ обрисовкамъ на соціально-экономическихъ основаніяхъ.

* *
*

секты въ разныхъ мѣстахъ Россіи, соединяемыя въ одну группу по чисто внѣшнимъ признакамъ. Поэтому мы не будемъ примѣнять этого термина, но предпочтемъ ему тѣ названія, которыми называютъ сами себя такъ называемые штундисты.

Сектантство пошло по разнымъ дорогамъ въ различныхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи въ зависимости отъ преобладанія въ этой или другой мѣстности того или иного вида производства. Проще всего обстояло дѣло въ центральномъ черноземномъ районѣ, гдѣ до сихъ поръ еще слабо развита фабрично-заводская промышленность, и надъ всѣмъ царитъ власть земли. Но тучный черноземъ достался крестьянамъ въ ничтожной долѣ; именно указанный районъ былъ тѣмъ уголкомъ Россіи, гдѣ во время эмансипаціи щедро раздавались дарственные надѣлы, а надѣлы за выкупъ оказались въ общемъ ниже средняго уровня. „Библейское общество“ или, по офиціальной терминологіи, великорусская штунда, и появилась въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, гдѣ по словамъ ихъ на судѣ отъ безземелья „житья не стало“. Оттуда пропаганда „библейскихъ христіанъ“ пошла въ сосѣднія губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Тульскую и другія.

И доктрина и организація „библейскихъ христіанъ“ продиктованы чисто практическимъ мотивомъ, чужды всякой утопической идеологіи. Толчокъ къ образованію секты дало вымогательство священника села Любцы, колыбели секты, и монаховъ сосѣдняго монастыря. Эти вымогательства ложились тяжкимъ бременемъ на бюджетъ любцовцевъ, и безъ того страдавшихъ отъ безземелья. Доведенные до крайности, любцовцы обратились къ библіи и сейчасъ же нашли тамъ, что было нужно: священникъ долженъ быть подъ наблюденіемъ прихожанъ, которые могутъ удалить его, если онъ не подходитъ къ требованіямъ, установленнымъ самимъ апостоломъ Павломъ; а тамъ, кромѣ всего прочаго, требовалось, чтобы клирики были честны, благочинны, трезвы, не корыстолюбивы и не сребролюбивы. Оказалось, что теперешнее духовенство не только не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, но подлежитъ осужденію отъ самого Бога, провозглашенному чрезъ пророковъ Исаію и Іезекіиля. Этотъ успѣхъ заставилъ любцовцевъ повѣрить библіей и все то, чему училъ недоброкачественный клиръ; и тутъ любцовцамъ показалось много лишняго и противнаго писанію: добрая половина обрядовъ и таинствъ, иконы и мощи. Такимъ путемъ была выработана идеологія, чрезвычайно сходная съ лютеранской догмой. Въ ней было

мало оригинальнаго, но вся она была проникнута трезвой мужицкой сметкой.

Организація постепенно создалась также чисто практическаго характера. „Библейскіе христіане“ не ушли изъ міра и не осудили современное имъ государство и общество. Собственность въ ихъ глазахъ священна, наемный трудъ вполнѣ законенъ, только надо честно „разбираться съ батраками“. Они исправно несли всѣ повинности, молились за царя и считали существованіе сословій вполнѣ естественнымъ и разумнымъ дѣломъ; въ семьѣ власть мужа и отца не только не оспаривалась, но получила еще новое обоснованіе изъ писанія, путемъ подбора соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ ветхаго завѣта. Общины библейскихъ христіанъ поэтому были чужды какихъ бы то ни было коммунистическихъ тенденцій. На соціальной почвѣ ихъ общеніе ограничивалось устройствомъ общинныхъ кассъ взаимопомощи; эти кассы платятъ за недостаточныхъ собратьевъ казенные налоги, выдаютъ пособія въ случаѣ неурожая или неудачи въ дѣлахъ; въ особенности охотно давались ссуды вступающимъ новичкамъ, если хозяйство такихъ было въ разстроенномъ состояніи. Эти кассы освобождали библейскихъ христіанъ отъ цѣпкихъ лапъ деревенскихъ кулаковъ, которые и повели противъ библейскихъ христіанъ кампаніи въ Любцовскомъ и Сагутаевскомъ обществахъ обычными средствами: угощеніемъ міра водкой и составленіемъ приговора объ исключеніи изъ общества. На религіозной почвѣ общеніе между библейскими христіанами происходитъ на воскресныхъ молитвенныхъ собраніяхъ. Обстановка и чинъ этихъ собраній чрезвычайно напоминаютъ евангелическій культъ. Собираются въ просторной комнатѣ, лишенной какихъ бы то ни было священныхъ изображеній; собраніемъ руководитъ проповѣдникъ, а богослуженіе состоитъ въ чтеніи священнаго писанія, пѣніи псалмовъ и духовныхъ стиховъ, въ которыхъ восхваляется вѣра и любовь, ведущія въ рай, родную и желанную страну; собраніе непремѣнно получаетъ поученіе отъ проповѣдника на религіозно-нравственную тему. Такова великорусская штунда. Процессъ любцовцевъ 1883 года кончился приговоромъ ихъ къ переселенію на Кавказъ; но эта мѣра оказалась для нихъ не карой, а благодѣяніемъ: они могли теперь уйти отъ безземелья и притѣсненій кулачества.

Чисто практическій, трезвый характеръ секты объясняется чрезвычайно простымъ положеніемъ дѣла въ томъ районѣ, гдѣ возникла секта. Такія же штундистскія общины стали

потомъ появляться и въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностяхъ. Мотивомъ и тамъ служили столкновенія съ причтомъ и чтеніе Евангелія. Одинъ изъ малорусскихъ штундистовъ, Зайцъ, разсказываетъ, что на отступленіе отъ православія навела его бѣдность — нечѣмъ было платить за требы; потомъ сталъ онъ читать евангеліе и понялъ заблужденіе офиціальной церкви. Онъ составилъ себѣ очень простое credo: „знать одного бога, дѣлать правду, горилки не пить, люльки не курить, не ругатися, ни битися, не красть, а жинки держаться одной". „Правда", очень проста и по отношенію къ культу: „по правдѣ не нужно ни вѣнчанія, ни крещенія; и не будетъ стоить ни одной копейки, а попамъ надо бы 100 рублей". Доктрина Зайца и исторія его обращенія, какъ мы видимъ, почти ничѣмъ не отличаются отъ доктрины и исторіи орловскихъ „библейскихъ христіанъ".

Совершенно иначе обстояло дѣло въ Херсонской и Тверской губерніяхъ, гдѣ также появились новыя секты. Въ Херсонской и сосѣднихъ съ нею трехъ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства всѣ отношенія были сложнѣе. Тамъ быстро развивался промышленный и сельско-хозяйственный капитализмъ; фабрика и латифундія заѣдали крестьянина, не поспѣвавшаго за жизнью и не умѣвшаго справиться при безземельи съ голодовками. Цѣны на рабочія руки и въ латифундіяхъ, и на заводахъ стояли низкія, никакихъ законовъ объ охранѣ труда и въ поминѣ не было; безнадежно бившійся между заводомъ и экономіей крестьянинъ-батракъ не могъ притти къ тѣмъ умѣреннымъ практическимъ выводамъ, къ которымъ пришло крестьянство центральнаго черноземнаго района. Юго-западное крестьянство выработало иную доктрину, окрещенную также именемъ штунды; но она была совершенно непохожа на мѣщанскую идеологію любцовцевъ. Сами себя новые сектанты называли духовными христіанами; такъ будемъ называть ихъ и мы.

Духовные христіане, въ отличіе отъ библейскихъ христіанъ, появились въ такой мѣстности, гдѣ были живы старыя духоборческія традиціи и существовали нѣкоторыя молоканскія общины. Неудивительно, что нѣкоторые основные элементы религіозной идеологіи оказались заимствованными изъ этихъ двухъ старыхъ доктринъ; но эти элементы послужили лишь религіознымъ обоснованіемъ для новой соціальной доктрины, о которой ни духоборцы, ни тѣмъ менѣе молокане, и не помышляли. Примѣняя старый методъ толкованія священнаго писанія, рекомендованный духоборцами,

духовные христіане выбрали другой эпизодъ изъ ветхозавѣтной исторіи въ качествѣ краеугольнаго камня своей доктрины. Богъ есть любовь; любовь заповѣдана и людямъ, и за соблюденіе любви людямъ дана земля и производимые ею плоды. Но заповѣдь эта нарушена, и отсюда все зло въ мірѣ. Аллегорически современное состояніе міра изображено въ исторіи рабства евреевъ египтянами. Евреи—это всѣ угнетенные и обездоленные, фараоны—это сильные міра сего. Они эксплуатируютъ крестьянскій трудъ, насильничаютъ, заставляютъ другихъ жить такъ, какъ имъ не хотѣлось бы; они льютъ кровь человѣческую на войнѣ, и отъ нихъ идутъ всѣ грабежи и убійства. Казни египетскія—это аллегорическое изображеніе ряда бѣдствій, которыя хронически поражаютъ крестьянина: эпизоотіи, эпидеміи, саранча, градобитія, голодъ. Люди должны стремиться къ тому, чтобы произошло на землѣ воскресеніе любви, аллегорически изображаемое воскресеніемъ Христа. Когда воскреснетъ между людьми любовь, тогда осуществится божественная заповѣдь на землѣ. Тогда земля и всѣ другія орудія производства, животныя, воды, нѣдра и т. д. перестанутъ быть предметомъ нечестиваго торга, который теперь царитъ всюду, ибо теперь торгуютъ даже совѣстью и людьми. Какъ даръ божій, всѣ эти блага станутъ общими; право на пользованіе продуктами земли получитъ только тотъ, кто трудился надъ ней, обрабатывая ее—„трудивыйся да ястъ“. Люди должны будутъ раздѣлиться на коммуны со спеціализаціей труда и обмѣномъ натурой; богопротивная торговля прекратится, торгаши исчезнутъ, о деньгахъ останется лишь одно воспоминаніе. Такими упованіями отвѣтило южное крестьянство на вторженіе капитализма въ деревню; по существу, доктрина духовныхъ христіанъ требовала возвращенія къ первобытному коммунизму; возставая противъ капитализма, какъ положительной силы, она противопоставляла ему реакціонно-утопическую теорію. Но характерно уже то, что свою утопію южные штундисты и не помышляли осуществлять въ рамкахъ современнаго имъ общества. Ихъ коммунизмъ не практическій, а чисто теоретическій; осуществленіе его откладывается до того неизвѣстнаго срока, когда воскреснетъ любовь въ мірѣ. Какъ произойдетъ это, они не интересовались; и проповѣдь Кондратія Малеваннаго въ девяностыхъ годахъ, связывавшая воскресеніе любви со вторымъ пришествіемъ, не имѣла большого успѣха. Мессіанизмъ и эсхатологія уже отжили свой вѣкъ.

Вполнѣ аналогичная южно-русскимъ духовнымъ христіа-

намъ секта образовалась въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Условія обстановки были до извѣстной степени одинаковы: крестьянское малоземелье и сосѣдство могучей фабрично-заводской промышленности одинаково существовали какъ на югѣ, такъ и здѣсь. Секта получила прозваніе сютаевщины, по имени основателя, крестьянина Василія Сютаева. Сютаевъ пришелъ къ мысли объ отдѣленіи отъ православія такимъ же практическимъ путемъ, какъ и любцовцы: онъ разошелся съ офиціальной церковью вслѣдствіе вымогательствъ мѣстнаго священника. Окончательное просвѣщеніе ему дала библія, изъ которой онъ увидалъ, что люди живутъ неправедно, не по божески. Основная сущность божества—это любовь; аллегорически она изображена въ образѣ троицы, ибо и отецъ—любовь, и сынъ—любовь, и духъ—любовь. Любви противоположенъ міръ, который не знаетъ ея; въ немъ все суетно и грѣховно, все служитъ предметомъ купли и продажи, все стремится къ эксплуатаціи и наживѣ. Аллегорическое изображеніе міра—это число 666 апокалипсическаго звѣря, антихриста. Всѣ внѣшніе предметы и способы выраженія религіознаго чувства въ родѣ таинствъ, иконъ, постовъ, мощей,—пустые обряды; ими питается людская грѣховность, въ особенности грѣховный клиръ, поощряющій даже самое грубое идолопоклонство. Весь существующій порядокъ противорѣчитъ божественной правдѣ любви. Все сотворено богомъ, значитъ все принадлежитъ ему; если бы не было собственности, а все было бы въ общемъ пользованіи, не было бы и вражды. Но люди всю землю располосовали межами, однѣ земли отдали казнѣ, другія господамъ, третьи крестьянамъ; послѣднимъ достались лишь ничтожные надѣлы, и крестьяне принуждены оставаться вѣчными рабами господъ, неся имъ оброки и аренды исполу. Нѣтъ на землѣ любви, нѣтъ и настоящаго, благословеннаго труда. Богъ благословилъ только обрабатываніе земли въ заповѣди, данной Адаму; но люди превратили благословенный и единственно безгрѣшный трудъ въ тяжелое бремя и завели торговлю, исполненную всякаго грѣха, ибо всякій продавецъ обмѣриваетъ и обвѣшиваетъ. И весь этотъ противный божественной правдѣ порядокъ поддерживается и охраняется властями; поэтому, современныя власти—злыя власти, и не имѣютъ права на почитаніе. Эти власти требуютъ оброки, разоряютъ недоимщиковъ, сажаютъ въ остроги, затѣваютъ братоубійственныя войны. Сютаевъ надѣется, что такой чудовищный порядокъ долго продол-

жаться не можетъ: божественная правда д о л ж н а воцариться на землѣ, усиліями и проповѣдью его сторонниковъ. Тогда воцарится любовь и исчезнетъ все, что теперь ей препятствуетъ, исчезнутъ собственность, наемный трудъ, торговля, національная рознь и война. Всѣ люди будутъ въ потѣ лица трудиться надъ обработкой земли, и всѣ продукты будутъ общими. Эта проповѣдь Сютаева имѣла успѣхъ: въ короткое время онъ собралъ до 1000 послѣдователей.

Мы видимъ, что сютаевщина и южно-русская штунда—совершенно аналогичныя явленія, отличающіяся только своею оправою: въ послѣдней такой оправой служатъ старыя молоканскія и духоборческія представленія, въ первой—жизненные факты, убѣдившіе Сютаева въ томъ, что въ мірѣ нарушенъ божественный порядокъ и гармонія. Но по существу обѣ эти доктрины сходятся почти буквально: ихъ основныя положенія, отрицающія всякій торговый обмѣнъ и возводящія только земледѣльческій трудъ въ степень богоустановленнаго труда, и упрощенное рѣшеніе проблемъ распредѣленія—совершенно одинаковы. Эти двѣ однородныя доктрины любопытны еще въ другомъ отношеніи: въ религіозной оправѣ здѣсь предвосхищены нѣкоторые основные элементы позднѣйшихъ доктринъ землевольцевъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Еще задолго до появленія этихъ организацій духовные христіане и сютаевцы выставили тотъ лозунгъ, который впослѣдствіи сталъ боевымъ кличемъ аграрнаго движенія: земля—народу.

Этими тремя сектами исчерпываются основныя направленія русскаго сектантства въ XIX вѣкѣ. Было чрезвычайно много другихъ сектъ, многія изъ которыхъ существуютъ до сихъ поръ; но всѣ онѣ примыкаютъ къ описаннымъ. Баптисты и бѣлоризцы примыкаютъ къ „библейскимъ христіанамъ“, и всѣ секты этой категоріи постепенно превращаются въ крестьянско-буржуазныя организаціи; зосимовцы, новоштундисты, пашковцы, наконецъ, толстовцы съ ихъ проповѣдью уничтоженія всей культуры, созданной денежно-хозяйственнымъ развитіемъ и возвращеніемъ къ личному труду на натурально-хозяйственной основѣ, примыкаютъ къ южно-русскому штундизму. Для всѣхъ этихъ сектъ характерно одно явленіе: всѣ онѣ опираются на субъективно-понимаемую библію, а не на духовное откровеніе. Можно считать традицію шаманизма окончательно изжитой въ религіозномъ быту; она уже не властвуетъ надъ массами, оставаясь удѣломъ отдѣльныхъ экзальтированныхъ личностей. Развитіе буржуазнаго

общества принесло съ собой книгу, и теперь уже немыслимо успѣшное выступленіе проповѣдниковъ духовнаго откровенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезли и практическія попытки возродить коммунизмъ первоначальнаго христіанства. Возстановленіе божьей правды мыслится, какъ дѣло будущаго и дѣло самихъ людей.

Революція произвела новый сдвигъ въ области религіозныхъ исканій. Сначала ея вліяніе въ этой сферѣ было чисто разрушительнымъ; сектантское движеніе въ это время пріостановилось. Но когда революція прошла, сектантскія исканія возобновились съ новою силой. Аграрно-буржуазная реакція повлекла за собой усиленную пролетаризацію крестьянства, перепутала всѣ деревенскія отношенія и взбудоражила мысль крестьянина такъ, какъ никогда не могла сдѣлать эмансипація. Будущее покажетъ, во что выльются религіозныя исканія крестьянства въ XX вѣкѣ.

ГЛАВА XXIII *).

Общественное движеніе во второй половинѣ XIX вѣка.

Объективная исторія политическихъ движеній въ Россіи во второй половинѣ XIX в. представляетъ собою донынѣ очень большія трудности: цѣлый рядъ фактовъ до сихъ поръ изъятъ изъ гласнаго обсужденія, цѣлый рядъ документовъ не можетъ быть цитируемъ, вполнѣ или отчасти. Результатомъ является недоступность для научной исторіи наиболѣе интереснаго отдѣла ближайшаго къ намъ прошлаго. А такъ какъ задачей нашей „Русской исторіи“ является изображеніе прошлаго, „какъ оно именно было“ **), безъ какой-либо политической тенденціи, то положеніе ея авторовъ въ данномъ случаѣ особенно трудно. Ничего не остается болѣе, какъ, отказавшись отъ попытки дать цѣльную картину, намѣтить важнѣйшіе эпизоды, ограничиваясь, попутно, самыми необходимыми поясненіями. Простой хронологическій перечень фактовъ былъ бы слишкомъ труденъ для чтенія и, по нечитаемости, практически безполезенъ.

---

*) Настоящая глава составлена на основаніи, главнымъ образомъ, слѣдующихъ сочиненій: А. А. Корниловъ „Общественное движеніе при Александрѣ II“, В. Богучарскій „Активное народничество 70-хъ годовъ“ и „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка“, С. Татищевъ, „Александръ II“ и пр. др.

**) „Wie es eigentlich war“—извѣстное опредѣленіе цѣли исторіи знаменитымъ Ранке.

Мы закончили предшествующую главу указаніемъ на то, что въ началѣ 60-хъ годовъ намѣтились три основныя политическія теченія—которыя потомъ провожаютъ насъ черезъ всю новѣйшую русскую исторію, до 1905 года, даже далѣе: либерально-монархическое, буржуазно-демократическое и соціалистическое. Первыми по времени, литературными ихъ выразителями были, какъ мы сказали, Герценъ, та группа, которая стояла за „Великоруссомъ“ (и гдѣ, какъ главную литературную силу, можно угадывать Чернышевскаго) и авторы прокламаціи къ „Молодой Россіи“ (Зайчневскій и др.). Литературно, какъ видитъ читатель, все это—величины несоизмѣримыя: Герценъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей; Чернышевскаго мы теперь знаемъ, какъ одного изъ основателей народническаго соціализма—а какъ демократическій публицистъ онъ гораздо менѣе извѣстенъ, хотя не менѣе ярокъ: а имя Зайчневскаго ничего никому не говоритъ въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе, по своему политическому значенію, эти три теченія располагаются какъ разъ въ обратномъ порядкѣ. Попытка направить монархію на либеральный путь потерпѣла полнѣйшее крушеніе уже въ началѣ 60-хъ годовъ (покушеніе Каракозова на жизнь императора Александра II, 4 апрѣля 1866 года, служитъ внѣшней мѣткой—но, по существу „уклонъ исторіи“ былъ опредѣленъ уже раньше, событіями 1863—64 гг.). Буржуазная демократія оказалось гораздо болѣе живучей: и хотя были моменты, когда самое ея право на существованіе въ Россіи отрицалось, ея идеаломъ отмѣчены такіе значительные моменты движенія, какъ движеніе народовольцевъ въ 1879—1883 гг., не говоря уже о 1904 и послѣдующихъ. Наконецъ, соціалистическое движеніе, найдя себѣ прочную опору въ рабочемъ классѣ, является настолько капитальнымъ фактомъ новѣйшей русской исторіи, что безъ него мы не можемъ себѣ представить русской политической сцены. Важны были не литературные представители, а тѣ общественныя группы и классы, которые за ними стояли. Либеральный монархизмъ былъ отличительною чертою прогрессивнаго средняго землевладѣнія—въ 1865, какъ и въ 1895 году. Буржуазный демократизмъ опирался, въ идеалѣ, на крестьянство—а въ дѣйствительности на ту, нѣсколько неопредѣленную теоретически, но на практикѣ вполнѣ реальную группу, которая въ Россіи получила названіе „интеллигенціи“. Соціализмъ, какъ мы сейчасъ упомянули, и въ идеалѣ и въ дѣйствительности имѣлъ своею опорою пролетаріатъ.

Но если дѣло было не въ литературной формѣ, а въ соціальномъ основаніи того или иного теченія, то, изучая эти теченія, мы все-таки не можемъ игнорировать вовсе литературу. Дѣло въ томъ, что до 1905—1906 гг. только въ отдѣльныхъ случаяхъ (какъ, напр., террористическая дѣятельность народовольцевъ) теченія эти имѣли возможность проявить себя чѣмъ-нибудь инымъ, помимо литературныхъ произведеній. Въ остальное время, тѣ направленія, которыя имѣли въ виду опираться на массы, должны были ограничиться разговорами объ этомъ, потому что до указанныхъ выше годовъ никакого массоваго движенія въ Россіи не было. Тѣ направленія, которыя тяготѣли къ парламентскимъ формамъ борьбы, также не имѣли возможности перейти отъ словъ къ дѣлу, потому что соотвѣтствующихъ учрежденій въ Россіи не существовало. Но литература—нѣчто гораздо болѣе гибкое и пластичное, нежели неподатливая практическая дѣйствительность. На практикѣ либералы-монархисты и демократы едва ли нашли бы много точекъ соприкосновенія: а когда дѣло шло о томъ, чтобы написать листокъ или резолюцію, одни списывали у другихъ съ весьма спокойной совѣстью. Пояснимъ это однимъ примѣромъ. Въ февралѣ 1862 г. тверское дворянство, на экстренномъ собраніи, обсуждавшемъ жгучій для землевладѣльцевъ вопросъ о поземельномъ кредитѣ (мы скоро увидимъ, почему именно въ это время вопросъ былъ особенно жгучимъ), приняло резолюцію общаго характера. Почвой, на которой выросло выразившееся въ этой резолюціи оппозиціонное настроеніе тверского дворянства, были, несомнѣнно, классовые помѣщичьи интересы. Дворяне, въ сущности, этого и не скрывали: въ резолюціи „прежде всего указывалось, что въ кредитѣ нуждаются, въ сущности, одни только помѣщичьи хозяйства, и что если бы послѣдовалъ обязательный выкупъ крестьянскихъ повинностей, то и эта потребность въ поземельномъ кредитѣ на долгое время устранилась бы полученіемъ выкупныхъ суммъ. Убѣдившись въ полной несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами, дворянство желало устранить ихъ выкупомъ крестьянами надѣловъ при содѣйствіи всего государства“ *). Въ случаѣ неудачи этого ходатайства, казалось бы, нужно было хлопотать объ учрежденіи дворянскаго банка. Но дворянство тверской губерніи не столько хлопотало о практическихъ мѣрахъ, сколь-

*) А. А. Корниловъ, цит. соч., стр. 114.

ко желало найти выходъ накопившемуся у него раздраженію, и резолюція по поводу земельнаго кредита, выставивъ требованіе ряда общихъ реформъ, кончалась слѣдующимъ довольно неожиданнымъ заключеніемъ. „Осуществленіе этихъ реформъ“, гласило заключеніе, „невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій“. Съ перваго взгляда мало понятно, какимъ образомъ изъ неумѣнья правительства организовать доступный кредитъ для помѣщиковъ слѣдуетъ полная неспособность этого правительства сдѣлать вообще что бы то ни было—и какимъ образомъ „собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій“ можетъ помочь классовой помѣщичьей бѣдѣ? Очень можно было опасаться, наоборотъ, что такое собраніе предприметъ полную ликвидацію крупнаго землевладѣнія—сразу осуществивъ то, чѣмъ отсутствіе кредита только еще угрожало въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но нужно помнить, что передъ нами, повторяемъ, не выраженіе практическихъ пожеланій, а выраженіе настроенія. Искали, что́ бы сказать пообиднѣе для петербургскихъ „бюрократовъ“—тутъ попалось подъ руку только-что вышедшая, въ прошломъ 1861 году, демократическая прокламація „Великоруссъ“, гдѣ, между прочимъ, говорилось: „но чего требовать? Того, чтобы даровали конституцію или, чтобы предоставили націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа; тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, если бы и захотѣло..... Итакъ, требовать надо не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія“. Мысль подходила къ настроенію. А что она чужая, не либерально монархическая, а демократическая, это была вещь второстепенная, разъ дѣло

шло о литературѣ, а не о жизни—не о томъ, что сдѣлать, а о томъ, что сказать *).

Для того, чтобы ясно представить себѣ дѣйствительную политическую позицію либеральнаго землевладѣнія, надо брать документы, составленные въ болѣе спокойныя минуты—и редижированные въ болѣе умѣренномъ тонѣ. Такіе документы имѣются въ достаточномъ количествѣ. Для болѣе ранней эпохи, когда либерально-монархическія иллюзіи не были еще окончательно разбиты, характеренъ адресъ московскаго дворянства, представленный въ январѣ 1865 г. Основная мысль этого адреса была выражена московскими дворянами въ слѣдующихъ словахъ: „Довершите же, государь, основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству, съ этой же цѣлью, избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердою опорой русскаго престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, государь, вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, и внѣшніе и внутреніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть“ **). Какъ видимъ, ничего менѣе демократическаго нельзя себѣ и представить. При этомъ, взявъ на себя такую трудную и отвѣтственную обязанность, „народные представители“ не домогаются никакихъ правъ:

*) Сходство конца тверской революціи со взглядами Чернышевскаго не могъ не отмѣтить и цитируемый нами авторъ (см. стр. 115 его книги). Но А. А. Корниловъ случайно какъ-то забылъ о существованіи „Великорусса“ и вспомнилъ только о „Письмахъ безъ адреса“: благодаря этому вышло, что не тверскіе дворяне списывали у демократовъ, а, наоборотъ, демократы у тверскихъ дворянъ...

**) Тамъ же, стр. 172. Курсивъ вездѣ нашъ М. П.

они не требуютъ для себя непремѣннаго участія въ законодательствѣ; „законосовѣщательная дума“ вполнѣ удовлетворила бы авторовъ московскаго адреса. И хотя говорится о представителяхъ народа, слишкомъ явно сквозитъ въ адресѣ желаніе, чтобы законосовѣщательное собраніе состояло именно изъ представителей дворянства—съ нѣкоторою примѣсью изъ другихъ имущихъ классовъ. Собственно, отсутствіе вознагражденія за трудъ народныхъ представителей („безвозмездно исполняя свой долгъ“) уже достаточно ограждало самое собраніе отъ вторженія людей неимущихъ. Но они могли оказаться въ числѣ избирателей: на этотъ конецъ предусматривается, чтобы дворянство имѣло особое представительство; при чемъ совершенно очевидно, что̀ въ немъ для подающихъ адресъ все дѣло, и что они отнюдь не были бы огорчены, если бы призваніемъ дворянскихъ выборныхъ правительство и ограничилось. Насколько нужны другіе классы населенія—изъ адреса не видно. О неспособности правительства къ реформамъ нѣтъ ни звука—напротивъ, изъ редакціи адреса („довершите“ и проч.) ясно, что новое учрежденіе не представляли возникшимъ иначе, чѣмъ вызваны были къ жизни земскія учрежденія. Недаромъ тогда ходили слухи, что въ составленіи адреса принималъ участіе даже Катковъ!

Если исключить сословно-дворянскія вожделѣнія,—являвшіяся въ адресѣ 1865 г. отчасти отзвукомъ прошлаго, отчасти результатомъ извѣстной неопытности (практика губернскихъ земствъ скоро показала, что вовсе не нужно сословнаго ценза для того, чтобы получить собраніе чисто-дворянскаго состава)—если исключить это, можно сказать, что линія политическаго поведенія, взятая московскими дворянами въ этомъ году, надолго осталась опредѣляющей для данной соціальной группы. Даже адреса земствъ 1894—95 гг. дальше совѣщательнаго представительства не идутъ. „Просимъ открытаго доступа голоса земства къ престолу“—такими словами одного изъ этихъ адресовъ (тульскаго) можно резюмировать содержаніе всѣхъ ихъ. И цитированный нами выше Б. Н. Чичеринъ не клеветалъ на помѣщичье общественное мнѣніе въ Россіи, когда онъ писалъ, въ 1880 г. Лорисъ-Меликову: „Толки о представительствѣ вызваны у насъ вовсе не стремленіемъ ограничить самодержавіе. Въ Россіи большинство не ищетъ ни большой личной свободы, ни гарантій противъ власти; той общественной свободы, которой у насъ пользуется гражданское лицо, совершенно достаточно. Въ совѣтахъ

власти призвать къ содѣйствію выборныхъ людей сказывается иное побужденіе, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, кто не примѣшиваетъ къ общественному дѣлу личныхъ цѣлей. Русское общество чувствуетъ, что, въ виду усложняющихся интересовъ и грозящихъ опасностей, правительству необходимо найти лучшія орудія, и что оно найдетъ ихъ только въ его (общества) содѣйствіи". Здѣсь сомнителенъ былъ только знакъ равенства, поставленный между русскимъ обществомъ и односословниками Чичерина: по отношенію же къ этимъ послѣднимъ здѣсь едва ли было какое-либо преувеличеніе. Правильность этого наблюденія могли бы поколебать только какіе-либо, болѣе смѣлые, конституціонные проекты, вышедшіе завѣдомо изъ помѣщичьей среды—и выражавшіе мнѣніе довольно широкихъ ея круговъ. Долгое время циркулировалъ одинъ такой проектъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ „политической программы общества Земскій Союзъ". Это—проектъ, несомнѣнно конституціонный—и даже почти демократическій: одна изъ предусматриваемыхъ ими двухъ законодательныхъ палатъ, „Государственная Дума" избирается всеобщею подачею голосовъ. Въ настоящее время можно считать доказаннымъ что „программа" вышла изъ тѣснаго кружка лицъ, не имѣвшихъ къ земству никакого отношенія—и замаскировавшихся „земцами" съ цѣлью, можетъ быть, не весьма похвальной. Если послѣдняго и не было, все же передъ нами болѣе или менѣе индивидуальное литературное произведеніе, характерное для эпохи, въ которую оно возникло (начала 80-хъ гг.), но отнюдь не для политическихъ воззрѣній прогрессивнаго русскаго дворянства *).

Но если среднее землевладѣніе не добивалось расширенія своихъ правъ, то отчего же въ его средѣ такъ долго ютилось какое-то, какъ бы опозиціонное, движеніе? Чего-то оно все-таки добивалось? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нами, отчасти, уже данъ. Неоднократно намъ приходилось называть русское правительство XIX в. дворянскимъ правительствомъ. Теперь приходится подчеркнуть, что́ есть условнаго въ этомъ наименованіи. Уже на протяженіи исторіи XVIII столѣтія намъ приходилось констатировать, что дворянство въ цѣломъ было у насъ не столько субъектомъ, сколько объектомъ управленія. Управляло крупнѣйшее землевладѣніе: рядомъ съ нимъ, въ качествѣ второстепенныхъ, но

*) См. В. Богучарскій „Конституціонный проектъ гр. П. П. Шувалова", „Современникъ" 1913 г., мартъ.

все же вліятельныхъ, пайщиковъ, мы встрѣчаемъ скорѣе крупныхъ капиталистовъ, чѣмъ среднихъ землевладѣльцевъ. Крупный капиталъ, сначала торговый, потомъ и промышленный, былъ тысячами нитей связанъ со „знатью“—связи эти идутъ со временъ Бориса Годунова, участвовавшаго въ операціяхъ и прибыляхъ англійской московской компаніи, до Строгановыхъ, Шереметьевыхъ и Юсуповыхъ XVIII—XIX вв. Крупнѣйшіе заводы и фабрики долго были въ тѣхъ же рукахъ, что и крупнѣйшія земельныя имѣнія—въ „тѣхъ же“ соціально говоря, т.-е. не въ рукахъ тѣхъ же именно лицъ, но той же общественной группы. Когда появилась чисто буржуазная текстильная промышленность, „знать“ оказалась и въ ней заинтересованной: вспомнить хотя бы тѣхъ фабрикантовъ шуйско-ивановскаго района, которые имѣли свои дома, своихъ лошадей, свою крѣпостную прислугу—и сами продолжали оставаться крѣпостными гр. Шереметьева. Когда начали строиться желѣзныя дороги, въ ихъ совѣтахъ нашла себѣ пріютъ чуть не вся „Бархатная книга“. Съ Петра и до Александра II комбинація существенно не мѣнялась: и тутъ нѣтъ ничего специфически русскаго, нужно прибавить; на всемъ Западѣ дѣло обстояло не иначе; колоніальная политика Англіи XVIII в.—закрытая книга для того, кто забудетъ о связяхъ крупнаго землевладѣнія и торговаго капитала; и до сихъ поръ въ числѣ главныхъ акціонеровъ фирмы Круппъ можно найти виднѣйшія дворянскія имена Пруссіи съ фамиліей Гогенцоллерновъ во главѣ. Во Франціи, несмотря на ея республиканско-демократическую этикетку, то же самое; одинъ изъ крупнѣйшихъ синдикатовъ страны, объединяющій производство химическаго удобренія (нѣтъ надобности пояснять, какое значеніе имѣетъ это послѣднее въ земледѣльческой странѣ, какова Франція), находится въ рукахъ герцоговъ и графовъ бонапартистскаго и орлеанистскаго лагерей. Цѣлый рядъ явленій политической области, для которыхъ либеральная исторіографія не находитъ другого объясненія, какъ „странности“, „пережитки прошлаго“, „мѣстная оригинальность“—и тому подобныя, ничего не говорящія, опредѣленія—на самомъ дѣлѣ происходятъ изъ этого источника: такова англійская палата лордовъ, или тотъ фактъ, что во французской республикѣ армія и дипломатія и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ офиціальнаго упраздненія монархіи, черезъ десять послѣ отдѣленія церкви отъ государства, продолжаютъ оставаться къ услугамъ отпрысковъ титулованныхъ фамилій, вышедшихъ изъ іезуитскихъ школъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что

въ Англіи или во Франціи мы имѣемъ „дворянское“ правительство: правительство тамъ буржуазное, но верхушки феодальнаго общества „вросли“ въ буржуазный строй—сильные прежде только свой землей, они сильны теперь, помимо земли, еще своими акціями и облигаціями. Мы уже видѣли, что крупнѣйшее землевладѣніе въ Россіи было, экономически, ближе къ буржуазному типу, чѣмъ среднее. Совершенно естественно, что и его политика шла гораздо больше на пользу развивавшемуся капитализму, нежели среднему дворянству. Мы уже не говоримъ о внѣшней политикѣ русскаго правительства временъ Александра II: тутъ все останется для насъ загадочно, если мы упустимъ изъ виду эту сторону дѣла;объ этомъ будетъ рѣчь ниже *). Но и въ политикѣ внутренней первые шаги этого царствованія понятны только въ этой связи. Мы видѣли, какое громадное значеніе для помѣщиковъ, при переходѣ отъ крѣпостного хозяйства къ буржуазному, имѣлъ оборотный капиталъ: около этой оси вертятся всѣ проекты выкупной операціи. „Дворянское“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова правительство всѣ средства казны, вѣроятно, употребило бы на это дѣло: на самомъ дѣлѣ, тогдашнее правительство, удовлетворивъ дворянъ на выкупѣ крестьянскихъ земель (далеко не въ мѣру дворянскихъ аппетитовъ—вспомните отзывы о выкупной операціи тверичей), закрыло передъ ними всѣ другіе источники полученія капитала. Въ до-реформенное время такими источниками являлись сохранныя казны при московскомъ и петербургскомъ воспитательныхъ домахъ и приказы общественнаго призрѣнія. „Благотворительные“ капиталы, которыми располагали эти учрежденія, разрѣшалось отдавать подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній: въ результатѣ учрежденія, по идеѣ филантропическія, превратились въ крупнѣйшіе банки крѣпостной Россіи. Они не только пускали въ оборотъ свои деньги, но и являлись посредниками между искавшими оборотныхъ капиталовъ землевладѣльцами и частными капиталистами: беря у послѣднихъ деньги изъ опредѣленнаго % и гарантируя ихъ отъ всякаго риска, они и эти суммы помѣщали подъ залогъ земли. Въ концѣ 50-хъ годовъ капиталъ московской сохранной казны достигалъ 300 милліоновъ р., петербургской—почти 200; въ приказахъ общественнаго призрѣнія было заложено около милліона душъ крестьянъ, подъ которыхъ было выдано 104 мил. р. сер. Въ 1860 г. однимъ

*) См. послѣднюю главу настоящаго тома.

росчеркомъ пера все это огромное хозяйство было уничтожено. Старыя кредитныя учрежденія были ликвидированы и на мѣсто ихъ не создано ничего: одного этого факта было бы достаточно, чтобы снять съ правительства обвиненіе въ служеніи исключительно дворянскимъ интересамъ. Чьимъ интересамъ оно служило въ данномъ случаѣ, никакихъ сомнѣній возбудить не можетъ: выброшенные на рынокъ, при ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, капиталы—до 600 милл. р.—пошли на постройку желѣзныхъ дорогъ: потерями помѣщика воспользовался торговый капиталъ. Крупнѣйшее землевладѣніе воспользовалось также и поскольку его хозяйство было наиболѣе буржуазнымъ, т.-е. наиболѣе зависѣло отъ рынка, и по скольку оно являлось получателемъ ренты со своихъ безчисленныхъ арендаторовъ-крестьянъ: ибо наша желѣзнодорожная сѣть, несомнѣнно, облегчала крестьянину конкуренцію на рынкѣ со среднимъ и мелкимъ помѣщикомъ *). Крупный же помѣщикъ выигрывалъ въ обоихъ случаяхъ—и если его хозяйство было „прогрессивнымъ“, и если оно было „отсталымъ“.

Это пожертвованіе интересами дворянской массы—дворянскаго плебса, если позволительно употребить такое внѣшне противорѣчивое выраженіе—интересамъ крупнаго капитала повторялось систематически, когда данные интересы сталкивались. Земскія учрежденія сразу оказались въ рукахъ средняго дворянства; нѣтъ надобности говорить—фактъ слишкомъ общеизвѣстенъ—что денежныя средства эти учрежденія добывали не изъ дворянскаго хозяйства. Кромѣ дворянскихъ земель было два возможныхъ источника—земли крестьянскія, надѣльныя и промышленныя предпріятія: послѣдній источникъ, по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, обѣщалъ становиться все болѣе обильнымъ, и земства 60-хъ гг. очень на него разсчитывали. Разсчеты были быстро подрѣзаны закономъ 1866 г., поставившимъ земское обложеніе промышленныхъ предпріятій въ чрезвычайно тѣсныя рамки (не выше 25% казеннаго налога). Какое впечатлѣніе это произвело на земцевъ, мы видѣли выше. Характерно, что съ этого времени начинаетъ расти земское обложеніе крестьянскихъ надѣльныхъ земель (еще въ 1868 г. они платили 6,8 коп. съ десятины, а дворянскія 6,4 коп.: уже въ 1871 г. первая цифра поднялась до 10,6 коп., вторая опустилась до 5,3): оставалось вѣдь, выбирать между ними — и дворянскими,

*) См. объ этомъ у П. Лященко „Очерки аграрной эволюціи Россіи“, томъ I—особ. стр. 256, и въ другихъ мѣстахъ.

землями; выборъ былъ ясенъ. Не менѣе характерно и то, что законъ 1866 г. былъ изданъ по ходатайству, главнымъ образомъ, крупныхъ винокуренныхъ заводчиковъ: а среди нихъ дворянъ, по званію, было едва ли не больше, чѣмъ купцовъ. Буржуазія опять экономически была солидарна съ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ дальнѣйшемъ, эта солидарность нашла себѣ наиболѣе рѣзкое выраженіе въ таможенной политикѣ. Среднее дворянство въ Россіи искони было „фритредерскимъ"—искони стояло за низкія таможенныя пошлины, т.-е. за низкія цѣны мануфактурныхъ товаровъ внутри Россіи. Льготные таможенные тарифы 1857 и 1868 гг. были уступкою столько же сложившейся международной конъюнктурѣ, сколько дворянскому общественному мнѣнію (первый изъ нихъ совпалъ, по времени, съ призывомъ дворянства къ участію въ крестьянской реформѣ). Но съ 70-хъ годовъ таможенное обложеніе начало вновь подниматься — и достигло, понемногу, предѣловъ, не слыханныхъ со временъ имп. Николая I и протекціонныхъ тарифовъ Канкрина. Притомъ, въ то время, какъ послѣдніе защищали, главнымъ образомъ, текстильную промышленность, тарифъ 70-хъ—90 гг. взялъ подъ свою охрану металлургію: пудъ желѣза оплачивался въ 60-хъ гг. 35—40 копейками, въ 90-хъ—74; пошлина за пудъ чугуна съ 6 коп. поднялась до 45. Тарифъ билъ по одному изъ самыхъ чувствительныхъ мѣстъ прогрессивнаго сельскаго хозяйства—стѣснялъ примѣненіе машинъ. На всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1895 г. тарифная политика правительства была объявлена ни болѣе, ни менѣе какъ главной причиной сельскохозяйственнаго кризиса, въ эти годы всего болѣе угнетавшаго помѣщиковъ. „Нашъ сельскохозяйственный кризисъ,—говорилось на этомъ съѣздѣ,—есть послѣдствіе колоссальнаго нарушенія равновѣсія между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ, въ привилегіяхъ первой и угнетеніи въ ея пользу второго. Если высшая державная власть, въ доброжелательности и заботливости которой мы ни мало не сомнѣваемся, не придетъ къ намъ на помощь, то намъ останется одно: съ яснымъ сознаніемъ причинъ подавляющаго насъ критическаго положенія идти къ неминуемому и общему разоренію" *). Если объективно въ такой оцѣнкѣ положенія было грубое преувеличеніе—дѣйствительной причиной кризиса было паденіе цѣнъ на міровомъ рынкѣ—то субъективно она совершенно точно отра-

*) „Обществ. движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка", I, стр. 301.

жала настроеніе помѣщиковъ. „Основнымъ требованіемъ возрождавшейся въ 90-хъ гг. помѣщичьей оппозиціи явилось требованіе измѣненія фискально-таможенной политики въ интересахъ сельскаго хозяйства“—такъ резюмируетъ это настроеніе авторъ статьи, откуда мы заимствовали приведенную выше цитату.

Такое соотношеніе политическихъ силъ объясняетъ намъ многое, на первый взглядъ загадочное, въ русской исторіи послѣднихъ десятилѣтій истекшаго вѣка. Давно уже обратило на себя вниманіе, что буржуазія въ Россіи не выполняетъ функціи, отводившейся на ея долю классическимъ марксизмомъ. Въ эволюціонной схемѣ этого послѣдняго буржуазія играетъ роль трусливаго либерала, котораго нужно подталкивать, за которымъ нужно зорко слѣдить, чтобы не измѣнилъ—но съ которымъ, до конституціи, можно все же жить, идти рука объ руку: борьба съ нимъ начнется только послѣ завоеванія политической свободы. Въ Россіи эта роль досталась именно на долю средняго землевладѣнія; среди земцевъ всегда можно было найти—до 1905 г.—нѣкоторыя симпатіи къ конституціи, не очень яркія, не слишкомъ распространенныя—но несомнѣнныя. Что касается нашего крупнаго предпринимателя, то онъ, явнымъ образомъ, былъ къ политической свободѣ совершенно равнодушенъ до самаго послѣдняго времени *). Одинъ изъ виднѣйшихъ выразителей мнѣній этой группы, Крестовниковъ, говорилъ въ 1882 г.—какъ разъ въ пору наибольшей живости земскихъ конституціонныхъ чаяній: „Выборныя учрежденія для Россіи вообще новы и врядъ ли могутъ считаться хорошо привившимися, а потому полагаю, что польза отъ сихъ учрежденій сомнительна по отношенію къ интересамъ промышленности и торговли“. Въ извѣстномъ марксистскомъ документѣ конца 90-хъ годовъ это явленіе отмѣчено ярко и выразительно, но объяснено исключительно моральными причинами: именно, что буржуазія, чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ становится трусливѣе. Объясненіе, нужно сказать, болѣе хлесткое, нежели дѣйствительно матеріалистическое. Для факта не трудно найти „экономическій базисъ“. Къ концу XIX столѣтія въ русскую промышленность было вложено:

		%
капиталовъ русскаго происхожденія	447,2 м. р.	21,1
„ иностраннаго „	762,4 „ „	35,9
полученныхъ отъ продажи русскихъ фондовъ	915,6 „ „	43,1

*) Мѣткой перелома здѣсь является образованіе прогрессивной партіи въ 1912 г.

Послѣдняя категорія представляетъ собою, въ сущности, тоже капиталы, полученные изъ-за границы, благодаря переводу туда, съ конца 80-хъ гг. большей части русскаго государственнаго долга *). Итакъ, только одна пятая капиталовъ, которыми оперировала русская промышленность пятнадцать лѣтъ назадъ, была результатомъ туземнаго накопленія: четыре пятыхъ были получены отъ иностранцевъ. Отсюда слѣдовало, во-первыхъ, что русское предпринимательство должно было быть холоднѣе къ развитію производительныхъ силъ внутри страны, нежели слѣдовало бы ожидать при болѣе нормальныхъ условіяхъ. Монополизировавъ внутренній рынокъ, благодаря высокимъ таможеннымъ пошлинамъ, обезпеченное притокомъ капиталовъ извнѣ, оно могло хлопотать объ одномъ—о завоеваніи рынковъ внѣшнихъ, о расширеніи той территоріи, на которой оно было монополистомъ: но и тутъ, какъ въ дѣлѣ добыванія денегъ изъ-за границы, оно зависѣло отъ „правительства“, т.-е. отъ крупнаго землевладѣнія. Заграница, пока что, вѣрила этому послѣднему; безъ государственной гарантіи иностранный капиталъ неохотно шелъ въ „дикую“ страну; и въ рукахъ того же правительства были дипломатическія и военныя средства расширенія экономической территоріи. Но не слѣдуетъ думать, что „купечество“ по отношенію къ управлявшей страною „знати“ играло роль послушнаго и почтительнаго кліента,—какъ тоже нерѣдко себѣ представляютъ. То, чего только домогалось дворянство,—совѣщательнаго голоса въ управленіи—торгово-промышленный капиталъ давно имѣлъ. Ни одинъ законъ, задѣвавшій интересы русскихъ предпринимателей, шло ли дѣло о таможенномъ или о фабричномъ законодательствѣ, не проходилъ безъ того, чтобы они не были предварительно опрошены—не говоря уже о томъ, что имъ же часто принадлежала и иниціатива. Въ то время, какъ земцы были лишены всякой центральной организаціи и могли устраивать свои съѣзды лишь частнымъ образомъ, почти конспиративно, съѣзды фабрикантовъ и заводчиковъ были офиціально признаннымъ и регулярно дѣйствовавшимъ учрежденіемъ, вліятельность котораго можно безъ труда видѣть на множествѣ примѣровъ. Беремъ лишь два—три. Пошлины на каменный уголь (съ 2 коп. золотомъ за пудъ въ 1884 г. до 4 коп. въ 1892-мъ) были прямымъ отвѣтомъ на ходатайства съѣздовъ южныхъ горнопромышленниковъ—самостоятельность министерства финан-

*) Таблица заимствована нами изъ статьи г. Прокоповича „Задачи таможеной политики“, Современникъ 1912 г.

совъ выразилось только въ томъ, что оно позволяло себѣ „торговаться“: копевладѣльцы просили $3^1/_2$ копейки—имъ давали 3; просили 6, получали 4. Но когда рѣчь заходила о металлургіи, даже и торгъ становился весьма робкимъ: пошлина въ 15 коп. золотомъ съ пуда чугуна аккуратно отвѣчала заявленіямъ 5-го—8-го съѣздовъ, при чемъ послѣдній заявилъ свое „прошеніе“ въ 1883 году, а уже въ 1884-мъ оно было полностью удовлетворено. Немедленно же слѣдующій съѣздъ пожелалъ имѣть 25 копеекъ: спустя три года, министерство финансовъ уступило и въ этомъ пунктѣ—въ 1887 г. горнопромышленники получили свой четвертакъ. Представитель министерства строго держался предѣловъ истины, когда онъ заявлялъ на торгово-промышленномъ съѣздѣ 1896 г.: „Министерство финансовъ признало нужнымъ ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленнаго класса по вопросамъ наиболѣе ихъ интересующимъ. Такъ поступало оно и прежде. Свыше 40-лѣтняя дѣятельность моя по министерству финансовъ даетъ мнѣ право и основаніе засвидѣтельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось къ голосу промышленниковъ и купечества“.

Какъ видимъ, у анти-либерализма крупнаго капитала была еще и одна, добавочная, причина: разъ „совѣщательный голосъ“ былъ купеческой привилегіей, что́ за смыслъ былъ дѣлиться ею съ классомъ, экономическіе интересы котораго были противоположны интересамъ „промышленниковъ и купечества“? И въ то же время мы видимъ, почему помѣщики такъ настойчиво добивались этого „совѣщательнаго голоса“: безъ него ихъ позиція была уже слишкомъ невыгодной. Вотъ въ чемъ причина устойчивости ихъ политической позиціи съ 60-хъ по 90-е годы: и не добившись тутъ своего, дворянство, очевидно, успокоиться не могло. Но больше этого, экономически, ему не было необходимости добиваться. За предѣлы совѣщательнаго представительства, къ настоящей конституціи, помѣщичья оппозиція выдвигается лишь толкаемая снизу болѣе демократическими теченіями. Въ началѣ 60-хъ годовъ эту послѣднюю роль играли крестьянскія волненія, угрожавшія революціей: конституція казалась противоядіемъ этой послѣдней. Пятнадцать, двадцать лѣтъ спустя то же значеніе пріобрѣло интеллигентско-демократическое движеніе. Чтобы понять новую вспышку „земскаго либерализма“, и приходится обратиться къ нему.

Слово „интеллигенція“ употреблялось и употребляется въ двоякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, такъ называютъ часто „об-

разованныхъ людей“ вообще. Въ этомъ смыслѣ, наиболѣе просвѣщенные, наиболѣе сознательные люди каждаго общественнаго класса составляютъ его интеллигенцію. Можно говорить о дворянской интеллигенціи, о буржуазной или рабочей интеллигенціи. Реформу 1861 г., напримѣръ, подготовила и провела помѣщичья интеллигенція — къ ней принадлежали Кавелины, Кошелевы, Самарины, Черкасскіе. Но слову можетъ быть придано и другое значеніе: еще чаще „интеллигенціей“ называютъ людей, профессіонально живущихъ „интеллигентнымъ трудомъ“. Сюда относятся, прежде всего, представители всѣхъ свободныхъ профессій: врачи, адвокаты, учителя; затѣмъ инженеры и техники всякаго рода и студенчество. У насъ роль послѣдняго, какъ, если не представителя, то наиболѣе замѣтнаго образчика интеллигенціи во второмъ смыслѣ этого слова, обостряется и подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что наши студенты не только учатся, не только готовятся стать профессіоналами „интеллигентнаго труда“, но и живутъ имъ, въ его наиболѣе чернорабочихъ формахъ (уроки, переписка и т. д.). У насъ они представляютъ собою, такимъ образомъ, настоящую интеллигентскую демократію: а такъ какъ „демосъ“ всегда и всюду являлся главнымъ очагомъ всякихъ политическихъ движеній, то естественно, что, какъ мы сейчасъ увидимъ, главнымъ образомъ изъ рядовъ студенчества рекрутировалась, первое время, наша революціонная интеллигенція. Первое время—до тѣхъ поръ, пока не сложилась группа „профессіональныхъ революціонеровъ“, какъ группа свойственная едва ли не одной Россіи: на Западѣ мы встрѣчаемъ отдѣльныя личности, всю жизнь посвятившія революціи—Бланки, напримѣръ,—но сотни людей, занятыхъ преимущественно революціонной работой, иногда изъ поколѣнія въ поколѣніе — это явленіе едва ли было бы даже понятно европейцу...

Но мы забѣжали впередъ. Сейчасъ для насъ важно подчеркнуть другой фактъ: интеллигенція, во второй половинѣ XIX в., являлась въ Россіи единственной общественной группой, для которой возможно быстрое развитіе производительныхъ силъ страны были не только очень желательно, а гораздо болѣе — было необходимымъ условіемъ ея существованія. Мы видѣли, что предпринимательская буржуазія, въ силу опредѣленныхъ причинъ, къ этому развитію была несравненно болѣе равнодушна, чѣмъ этого можно было ожидать, судя по западно-европейскимъ примѣрамъ. „Дворянскіе манчестерцы“ были очень скоро сбиты со своей буржуазной позиціи

аграрнымъ кризисомъ — даже если и не упоминать о томъ, что реформа 19 февраля дала не слишкомъ много практическихъ точекъ опоры этому манчестерству. И, во всякомъ случаѣ, развитіе въ Россіи обрабатывающей промышленности, напримѣръ, не могло входить въ число очень горячихъ пожеланій дворянства — разъ оно покупалось протекціонизмомъ и вздувало цѣны на рабочія руки въ деревнѣ. Оттого и въ политической области „буржуазнымъ либерализмомъ", въ тѣсномъ смыслѣ этого опредѣленія, у насъ и не пахло до новѣйшаго времени — да и преданность прогрессу дворянства была, какъ мы видѣли, весьма умѣренной. Совсѣмъ иное было положеніе интеллигенціи. Съ усложненіемъ хозяйственныхъ отношеній была связана вся ея судьба. Примитивный строй, существовавшій у насъ до 1861 года, не требовалъ большого количества интеллигентныхъ силъ. Крѣпостное хозяйство, безъ машинъ, почти даже безъ удобренія, съ традиціонной агрономіей, державшейся на мужицкихъ мускулахъ, нуждалось не столько въ интеллигентныхъ, сколько въ энергичныхъ людяхъ—которыхъ въ просторѣчіи звали тогда „дантистами". Торговый капитализмъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, также довольствовался весьма простымъ аппаратомъ, не требовавшимъ инженеровъ и техниковъ: на мужицкой телѣгѣ, да классической баркѣ, такой же въ XIX столѣтіи, какъ и въ XVII, держался весь „транспортъ", до постройки первой желѣзной дороги. Промышленный капитализмъ нуждался въ техникѣ уже гораздо болѣе — и первое размноженіе интеллигенціи въ Россіи связано именно съ нимъ: одновременно съ нашею текстильной промышленностью въ первой половинѣ XIX в. возникли технологическіе институты и реальныя гимназіи. Но тутъ техника приходила часто оттуда же, откуда и капиталъ: директоры фабрикъ и теперь еще часто иностранцы — а лѣтъ 40 назадъ это было почти правило. Вторженіе буржуазнаго хозяйства въ Россіи, въ 60-хъ годахъ, сразу измѣнило картину. Спросъ на интеллигенцію повысился во много разъ — притомъ въ областяхъ, на первый взглядъ, не имѣвшихъ никакого касательства къ „хозяйству". Великолѣпный образчикъ этого, вдругъ возникшаго, спроса на интеллигенцію, далъ одинъ современникъ, котораго намъ еще придется цитировать какъ разъ по поводу „общественнаго движенія". „Юридическій факультетъ былъ всегда одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ", говоритъ Ешевскій въ своемъ разсказѣ о московскихъ университетскихъ волненіяхъ 1861 г. „Въ настоящую минуту онъ привлекъ къ себѣ еще большее

число желающихъ поступить на него. Реформы, уже совершившіяся въ нашихъ учрежденіяхъ, въ судоустройствѣ и т. п., а еще болѣе преобразованія, ожидавшіяся въ ближайшемъ будущемъ, заставляли молодежь смотрѣть на юридическій факультетъ, какъ на средство получить образованіе, обѣщающее въ будущемъ обезпеченную карьеру..... Университетъ получалъ безпрестанно вызовы желающихъ получить мѣста судебныхъ слѣдователей, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Нужда въ людяхъ, получившихъ университетское образованіе, была такъ велика, что отъ желающихъ требовались только университетская степень и желаніе занять мѣсто; никакихъ другихъ гарантій годности не требовалось. А впереди представлялась адвокатура, гласное судопроизводство и другія реформы" *). Для того, чтобы оцѣнить ростъ спроса на интеллигенцію въ другихъ областяхъ, въ связи съ реформами 60-хъ гг., достаточно привести нѣсколько цифръ. Когда было введено земство, народная школа, по-просту говоря, отсутствовала: въ 1877 г. было уже около 10.000 земскихъ школъ. Земскихъ врачей было въ 1865 г. 48, въ 1870—599, въ 1880—1.125. Персоналъ желѣзнодорожнаго управленія составляли къ 1890 г. почти 16.000 человѣкъ. Насколько должно было увеличиться количество профессіональныхъ работниковъ литературы, видно изъ того, что въ 1855 г. насчитывалось всего 20 періодическихъ изданій общелитературнаго характера, а черезъ четверть столѣтія, въ 1880 г., ихъ было 150. Среднее ежегодное число изданій непериодическихъ съ одной тысячи въ 1855 г. поднялось до $3^1/_2$ въ 1880 и до 6 тысячъ въ 1890. Въ первый годъ царствованія имп. Александра II интеллигенція, какъ профессіональная группа, почти неотдѣлима была отъ чиновничества— рѣдко кто среди нея не состоялъ на казенной службѣ — и, однако, уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ оказалось возможно интеллигентское политическое движеніе петрашевцевъ **). Тридцать лѣтъ спустя въ Россіи насчитыва-

*) „Сочиненія по русской исторіи", стр LIX.

**) Въ правительственныхъ кругахъ того времени очень поражались соціальной пестротой послѣдователей Петрашевскаго. „Обыкновенно, заговоры бываютъ большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію", писалъ Липранди. „Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся некончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ". Послѣднихъ, однако, въ спискѣ мы находимъ не очень много,— за то много было учителей и лите-

лась цѣлая армія людей „вольныхъ профессій“, работниковъ умственнаго труда, а политическое положеніе оставалось то же, что и въ дни Петрашевскаго.

Острые углы этого положенія интеллигенція начинала чувствовать прежде всего въ университетѣ. Студенческія волненія долгое время были у насъ единственной формой массоваго движенія. Чрезвычайно цѣнный анализъ перваго изъ такихъ движеній, студенческихъ „безпорядковъ“, происходившихъ осенью 1861 г. въ московскомъ университетѣ, оставилъ уже цитированный нами Ешевскій — тогда профессоръ всеобщей исторіи въ этомъ университетѣ. Исходной точкой для него является высочайшее повелѣніе, объявленное совѣту московскаго университета въ іюнѣ этого года. Кардинальнымъ его пунктомъ было закрытіе дверей университета передъ бѣднѣйшей частью его слушателей: вводилась 50-ти рублевая плата за слушаніе лекцій, при чемъ вновь поступавшіе должны были вносить эту плату (за полгода) одновременно съ подачей прошенія. Въ какомъ положеніи оказывались, благодаря этому, вновь поступавшіе, наглядно изображаетъ одинъ примѣръ, приводимый Ешевскимъ: „рязанскіе семинаристы, пришедшіе пѣшкомъ въ Москву на экзаменъ, не имѣя возможности не только держать его, но и подать просьбу, жили въ Москвѣ чуть не милостыней, день за день, потому что имъ не съ чѣмъ было воротиться домой“. Но и тѣмъ, кто былъ уже въ университетѣ, было немногимъ легче: прежде ежегодно освобождалось отъ платы „человѣкъ по 200 или 150“, а по новымъ правиламъ — только 18. При этомъ, усердствовавшее „правленіе университета начало собирать недоимки за прошлые года, начало требовать взносы ихъ съ тѣхъ студентовъ, которые, хотя и были прежде освобождены отъ платы, но, оставаясь на другой годъ на томъ же курсѣ, потеряли это право, по мнѣнію правленія“. Всѣми этими мѣрами тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, гр. Путятинъ, надѣялся поставить русскій университетъ на высоту своего идеала — университетовъ англійскихъ, съ ихъ крайне „аристократическимъ“ составомъ студенчества,

раторовъ. Липранди не зналъ слова „интеллигенція“,—но онъ былъ совершенно правъ, когда отказывался опредѣлить классовый составъ участниковъ заговора Петрашевскаго. Тутъ были люди, дѣйствительно, самыхъ различныхъ классовъ — но болѣе или менѣе одного уровня развитія. На первыхъ шагахъ этого было достаточно: впослѣдствіи, интеллигенція въ первомъ смыслѣ слова, по всей вѣроятности, отдѣлились бы отъ интеллигенціи, какъ профессіональной группы. Исторически, такъ именно и случилось: въ 1880-хъ гг. дворянская интеллигенція, въ лицѣ такихъ людей, какъ Чичеринъ, яростно боролась съ тѣмъ самымъ соціализмомъ, который именно въ это время исповѣдывало большинство интеллигенціи профессіональной.

и тѣмъ изгнать изъ русскихъ университетовъ крамолу, которая, впрочемъ, до распоряженій Путятина ничѣмъ себя не обнаруживала. Чтобы понять всю эту, на первый взглядъ, до нельзя странную, исторію, надо имѣть въ виду, во-первыхъ, тотъ страхъ, которымъ были охвачены высшія сферы въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ (см. выше, стр. 54 и сл.), а, во-вторыхъ, утвердившуюся со времени имп. Николая I традицію, согласно которой самыми подходящими людьми для завѣдыванія народнымъ просвѣщеніемъ являлись военные (Путятинъ былъ адмиралъ). Ешевскому нетрудно было показать — мы не будемъ повторять его аргументаціи — что какъ разъ бѣдные студенты, на которыхъ устремилъ свое вниманіе адмиралъ, были наиболѣе безобидными съ точки зрѣнія „крамолы“: но, прижавъ ихъ къ стѣнѣ, можно было и изъ нихъ сдѣлать крамольниковъ—что Путятину и удалось.

Мы не будемъ заниматься внѣшней исторіей волненій 1861 года,— по отношенію къ Москвѣ описанныхъ Ешевскимъ очень наглядно (еще серьезнѣе они были въ Петербургѣ, гдѣ дѣло дошло до примѣненія вооруженной силы). Для насъ важна связь первыхъ студенческихъ движеній съ объективными условіями существованія той группы, среди которой движеніе происходило. „Безпорядки“ 1861 года дали, можно сказать, схему, которая повторялась потомъ стереотипно до начала XX столѣтія. Такой же характеръ имѣли и студенческія волненія 1868—69 гг. „Волненія“ возникли на чисто-профессіональной почвѣ. Въ Кіевѣ „первое пробужденіе и оживленіе студенческой среды стало замѣчаться осенью 68 года. Насколько помнится, дѣло началось съ устройства кассы самопомощи и кухмистерской. Кассовая организація была составлена изъ кружковъ, представители которыхъ въ извѣстное время собирались для выдачи пособій своимъ нуждавшимся членамъ, а также для принятія рѣшеній по разнымъ организаціоннымъ вопросамъ. Дѣла же кухмистерской рѣшались общими собраніями, отбывавшимися въ помѣщеніи кухмистерской... Къ этому времени, т.-е. къ концу 68-го и началу 69-го года, въ нашъ университетъ стали опредѣляться исключенные за безпорядки изъ Петербургскаго университета и Медико-Хирургической Академіи, и этотъ элементъ еще болѣе оживилъ нашу среду. Стали зарождаться литературные кружки. Въ скоромъ времени кухмистерская заняла центральное положеніе среди другихъ студенческихъ учрежденій; въ кухмистерской собирались для обсужденій по всѣмъ интересовавшимъ студенче-

ство вопросамъ... Вслѣдъ за кухмистерской и студенческой кассой устроилась студенческая библіотека...". „Экономическій" характеръ движенія въ Кіевѣ проявился съ особенной яркостью — такъ что либеральные профессора остались имъ даже недовольны. „Я былъ очень доволенъ, что кіевскіе студенты послѣ долгихъ споровъ рѣшили никакихъ петицій о студенческихъ корпоративныхъ правахъ не подавать", пишетъ Драгомановъ: „но съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что заведенныя и въ Кіевѣ тайныя студенческія корпораціи занялись болѣе кассами, столовою, чѣмъ самообразованіемъ и изученіемъ своей страны" *). Движеніе въ столицахъ шло дальше чисто-экономическихъ требованій—но начиналось и оно неизмѣнно съ нихъ. Первый пунктъ воззванія „къ обществу", выпущеннаго петербургскими студентами въ 1868 г., гласилъ: „Мы, студенты Медицинской академіи, Университета, Технологическаго Института, Земледѣльческой академіи, желаемъ: 1) чтобы намъ предоставлено было имѣть кассу, т.-е. помогать нашимъ бѣднымъ товарищамъ..."

Студенческое движеніе начала 60-хъ годовъ, рядомъ постепенныхъ этаповъ, пришло къ каракозовщинѣ; движеніе конца того же десятилѣтія еще скорѣе уперлось въ нечаевщину. Было бы очень интересной задачей прослѣдить эти этапы — показать, какъ невиннѣйшая борьба извѣстной соціальной группы за ея будничные интересы приводила къ настроенію, на почвѣ котораго оказывался возможнымъ террористическій заговоръ. Объективныя условія существованія студенчества опредѣлили собою не только исходную точку революціоннаго движенія 60—70-хъ гг., но и его идеологію. Движеніе это было, какъ, вѣроятно, извѣстно читателю, соціалистическимъ — притомъ такъ, что соціализмъ въ немъ, казалось, исключалъ всѣ иныя точки зрѣнія. Ничего, кромѣ соціализма, представители этого движенія и знать не хотѣли. „Всѣ нынѣшнія централизованныя политическія программы намъ прямо враждебны", гласила программа журнала „Впередъ" — „центральнаго органа" революціонеровъ 70-хъ гг. „Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями, съ другими центрами и другими законами,— все это намъ вра-

*) „Автобіографія".

ждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи". Въ Россіи, въ частности, единственной, достойной вниманія, задачей является развитіе соціализма изъ тѣхъ зачатковъ, которые уже имѣются на лицо въ видѣ общиннаго землевладѣнія русскаго крестьянства. „Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы широки они ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота — вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству" *).

Откуда взялся этотъ соціализмъ? Всего меньше, конечно, онъ былъ выраженіемъ русскихъ „народныхъ" идеаловъ — за какового самъ себя искренно считалъ. Реальная русская община никогда не была организаціей производства, а такъ какъ идеологію опредѣляетъ именно эта послѣдняя, то никакой коллективистской идеологіей въ русской деревнѣ и не пахло. Въ деревнѣ была погашена юридическая категорія индивидуальной собственности, но не экономическаго, индивидуальнаго хозяйства. Лучшій знатокъ русской деревни 70-хъ годовъ — самъ исповѣдывавшій общинные идеалы, хотя и не безъ оговорокъ,— Энгельгардтъ съ удивленіемъ отмѣчаетъ идеологическія послѣдствія такого порядка вещей, для историка ничуть не удивительныя, а само собою разумѣющіяся. „Въ моихъ письмахъ я уже много разъ указывалъ на сильное развитіе индивидуализма въ крестьянахъ, на ихъ обособленность въ дѣйствіяхъ, на неумѣнье, нежеланіе, лучше сказать, соединяться въ хозяйствѣ для общаго дѣла", говоритъ Энгельгардтъ **). „Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ при рытьѣ канавы дѣлятъ ее на участки и каждый отдѣльно гонитъ свой участокъ", писалъ онъ же въ другомъ мѣстѣ. „Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣ-

*) В. Богучарскій „Активное народничество семидесятыхъ годовъ", стр. 110—111.

**) „Письма изъ деревни", стр. 320.

шать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость не ровныя, да и стараться такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ каждая порознь. Только мать съ дочерью иногда вѣшаютъ вмѣстѣ, но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь, и всѣ деньги идутъ дочери". Пропагандистамъ „народнаго" соціализма въ деревнѣ приходилось иногда, въ связи съ этимъ, переживать минуты, истинно комическія — въ чемъ они сами потомъ не могли себѣ не признаться. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ одинъ изъ нихъ. „Какъ-то разъ я былъ въ ударѣ. Съ „плантомъ" въ рукахъ я развернулъ передъ моею аудиторіею картину будущаго соціальнаго строя, долженствующаго воцариться у насъ послѣ народнаго возстанія, когда самъ народъ сдѣлается хозяиномъ всѣхъ лѣсовъ, земель и водъ. На самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ меня вдругъ прервалъ одинъ изъ слушателей торжествующимъ возгласомъ: „вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работниковъ, да и какъ заживу-то!" Признаться, въ первую минуту этотъ неожиданный аргументъ меня совершенно сбилъ съ толку, и весь мой соціалистическій пылъ разлетѣлся, словно меня ушатомъ холодной воды окатили". Потомъ нашъ пропагандистъ нашелся, что отвѣтить, но это ужъ къ „народному" соціализму не относится. Въ этотъ разъ, однако, у него оставалось утѣшеніе, что онъ увлекъ своимъ разсказомъ слушателей. Это было далеко не всегда. „Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу народную?" резюмируетъ онъ же свои впечатлѣнія въ другомъ мѣстѣ. „Не соціализмъ и не анархія, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ... И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось. Не то, чтобы его не хотѣли слушать — „почто не послухать?"—а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо не слушай, а врать не мѣшай!" *)

*) В. Богучарскій, цит. соч., стр. 236 и 197.

Съ этою буржуазностью русской деревни связанъ былъ рядъ жестокихъ разочарованій соціалистовъ-народниковъ. Крестьянинъ бѣденъ, разсуждали они: чтобы заслужить его довѣріе, нужно имѣть видъ такого же бѣдняка, какъ онъ самъ. На дѣлѣ же вотъ что получалось. „Въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне очень неохотно пускали въ домъ прохожихъ", разсказываетъ одинъ пропагандистъ - семидесятникъ о своемъ первомъ странствованіи—по сѣверу московской губерніи. „Пѣшіе гости возбуждали въ нихъ подозрительность. Крестьяне чуть-чуть побогаче прямо отказывали намъ въ ночлегѣ или безъ всякихъ разговоровъ, или высказывали кратко и безцеремонно свой взглядъ относительно нечистоты на руку вообще прохожихъ. Въ самыя бѣдныя избы насъ пускали, но почти вездѣ только послѣ тщательныхъ разспросовъ, въ особенности о нашемъ маршрутѣ, предыдущемъ и послѣдующемъ, а также о нашихъ намѣреніяхъ". „Крестьяне крайне неохотно пускали насъ къ себѣ на ночь,—пишетъ другой,—такъ какъ наша сильно поношенная, почти оборванная одежда явно возбуждала у нихъ подозрѣнія. Надо сознаться, что этого мы всего менѣе ожидали, когда отправлялись въ наше путешествіе подъ видомъ рабочихъ. Мы знали о недовѣрчивомъ отношеніи крестьянъ ко всѣмъ, носящимъ панскій, т.-е. европейскій костюмъ, и полагали, что чѣмъ бѣднѣе одежду надѣнемъ на себя, тѣмъ съ большимъ довѣріемъ станутъ они относиться къ намъ. И въ этомъ ошиблись". Что это было не мимолетное индивидуальное впечатлѣніе, а выводъ, итогъ цѣлаго ряда трезвыхъ наблюденій, свидѣтельствуется тѣмъ фактомъ, что этотъ выводъ былъ учтенъ въ практикѣ позднѣйшихъ пропагандистовъ, второй половины 70-хъ годовъ. „Прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу"—пишетъ тотъ же самый революціонеръ-народникъ, который на себѣ испыталъ, какъ своеобразно понимаютъ соціализмъ русскіе крестьяне. „Положеніе человѣка физическаго труда признавалось попрежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никоимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность" *).

*) Ibid., стр. 194 и 232.

Итакъ, въ „народно“-соціалистическихъ идеалахъ крестьянство, на которое возлагались всѣ надежды народниками-соціалистами, было совершенно неповинно. Значитъ ли это, что вѣра въ „народный“ соціализмъ была просто неудачной книжной мыслью? Но никакая книжная мысль не сможетъ привиться, если нѣтъ на лицо объективныхъ и общественныхъ условій, для нея благопріятныхъ. Русская деревня была буржуазна, не понимала соціализма и по буржуазному относилась къ бѣдности. Но была среда, гдѣ бѣдностью гордились, буржуазную, индивидуальную собственность презирали и вполнѣ готовы были къ воспріятію соціалистическаго идеала. Этою средою было все то же студенчество. „Мы были бѣдны и едва-едва перебивались, но въ то время студентъ почти гордился бѣдностью“, пишетъ одинъ изъ только что цитированныхъ нами пропагандистовъ, говоря о до-революціонномъ періодѣ своей біографіи. „Бѣдность была нѣкоторымъ образомъ въ модѣ, составляла своего рода шикъ. Простая, нещегольская одежда являлась признакомъ студенческой порядочности; надъ франтомъ смѣялись; такъ, помню, подняли на смѣхъ одного, явившагося въ студенческую столовую съ кольцами на рукахъ. Впрочемъ, наши франты держались въ сторонѣ и не посѣщали собраній, студенческая масса въ большинствѣ состояла изъ сыновей мелкихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ. Общая нужда вызывала потребность въ организаціи кассъ и кухмистерскихъ, вызывала сожительство товарищескими кружками, и пріучала людей дѣлиться другъ съ другомъ послѣдними грошами. Такимъ образомъ, студенческая среда представляла какъ нельзя болѣе благопріятный элементъ для распространенія соціалистическаго ученія, такъ какъ, очевидно, усвоить ученіе, отвергающее личную собственность, легче было тому, у кого собственности не было и кто обладалъ къ тому же соотвѣтственнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Отсутствіе денежныхъ счетовъ и товарищескій дѣлежъ другъ съ другомъ, нерѣдко имѣвшій мѣсто въ студенческихъ кружкахъ, не только сохранились впослѣдствіи, но еще шире вошли въ употребленіе въ нашихъ революціонныхъ кружкахъ и организаціяхъ“ *).

Но если соціализмъ „народниковъ - пропагандистовъ“ 70-хъ гг. являлся, такъ сказать, групповымъ, студенческимъ дѣломъ, то какое вліяніе могъ онъ имѣть на практику

*) Дебагорій-Мокріевичъ „Воспоминанія“, русск. изданіе, стр. 37—38.

русскаго революціоннаго движенія тѣхъ дней? Да, разумѣется, никакого. Когда пропагандистамъ-соціалистамъ приходилось сталкиваться съ крестьянскими массами, глубоко хотя и безсознательно, буржуазными, мы видѣли, на какихъ струнахъ должны они были играть: „самыми животрепещущими вопросами“ оказывались „безземеліе и тягота податей“. Когда отъ дѣйствительности переходили къ прошлому, сюда присоединялись, въ качествѣ сюжетовъ не менѣе животрепещущихъ, французская революція, Пугачевъ, Стенька Разинъ. Пропаганда носила не соціалистическій, а революціонно-демократическій характеръ. Задача заключалась въ томъ, чтобы вызвать народное движеніе, а тамъ уже видно будетъ, къ чему оно приведетъ. Само собою разумѣющимся казалось, что, въ конечномъ итогѣ, должно было получиться торжество именно соціализма: но именно потому, что это „само собою разумѣлось“, не ломали голову надъ вопросомъ, какъ же собственно это случится? На первыхъ порахъ отчетливо видны были ближайшія ступени,—до остальныхъ дойдетъ чередъ въ свое время... И вотъ, когда заходила рѣчь и объ этихъ ближайшихъ ступеняхъ, по которымъ приходилось дѣйствительно идти, гордое презрѣніе къ „центральнымъ политическимъ программамъ“ внезапно разсыпалось въ прахъ. Самымъ раннимъ изъ пропагандистскихъ кружковъ 70-хъ гг. былъ кружокъ чайковцевъ, дѣйствовавшихъ, главнымъ образомъ, между петербургскими рабочими. Вотъ какъ его характеризовалъ, въ 1872 г., одинъ изъ его членовъ, приглашая вступить туда кн. Кропоткина. „Члены нашего кружка, покуда, большею частію конституціоналисты, но всѣ они прекрасные люди. Они готовы принять всякую честную идею“... „Нѣкоторые изъ членовъ кружка, пишетъ историкъ чайковцевъ, спеціально изучали тогда земскую литературу и входили въ сношеніе съ земскими дѣятелями“—и только, должно быть, убѣдившись, что тѣ даже для борьбы за конституцію не годятся, бросили это дѣло. Идея добиваться сначала политической реформы, чтобы потомъ, въ новой политической обстановкѣ, повести борьбу за соціализмъ, вовсе не была изобрѣтеніемъ народовольцевъ, какъ часто думаютъ. Разница между народовольцами и ихъ предшественниками, „пропагандистами“, заключалась вовсе не въ этомъ—а въ томъ, что послѣдніе чаяли движенія отъ народной массы, которая предполагалась всегда готовой двинуться, себя же считали лишь обязанными внести смыслъ въ это движеніе. Тогда какъ народовольцы

Толкучій рынокъ.

Работы П. М. Шмелькова (1819—1890) были когда-то изданы въ особомъ сборникѣ, который имѣется въ 48-мъ томѣ «Русскихъ граверовъ» собранія Д. А. Ровинскаго (см. л. 76 и друг.), откуда и снятъ предлагаемый «*Толкучій рынокъ въ 1848 году*». Тому же художнику принадлежитъ довольно извѣстная «*Передняя пристава въ 1846 году*». Въ Третьяковской галлереѣ (№№ 192—199) имѣется 8 рисунковъ Шмелькова и среди нихъ «У родильнаго пріюта», «Въ домѣ покойникъ», «Важный гость», «Наполеонъ въ Москвѣ», «Царь Іоаннъ Грозный смотритъ на комету» и др. Московскій Толкучій Рынокъ — живой и драгоцѣнный свидѣтель исторіи московскаго городского пролетаріата. Первоначально этотъ рынокъ, преисполненный городской бѣдноты и совершенно невѣроятныхъ типовъ, шумной волной вырвался на нынѣшнюю сравнительно благообразную Лубянскую площадь. Здѣсь слышался шумъ, гамъ, крикъ, брань, отсюда отъ китайской стѣны несся своеобразный запахъ, здѣсь можно было наблюдать своеобразную жизнь голодныхъ низовъ. Рынокъ со всѣми его типами и противоэстетическими чертами сперва загнали внутрь; здѣсь ему скоро стало болѣе, чѣмъ тѣсно. Въ 1893 г. священникъ мѣстной церкви Іоанна Богослова, Д. М. Воздвиженскій, возбудилъ ходатайство о переводѣ Толкучаго рынка на другое мѣсто. Съ 1899 г. историческая толкучка перестала существовать, выведена въ другія мѣста, перемѣнила свою внѣшность. Картина Шмелькова является, такимъ образомъ, историческимъ воспоминаніемъ объ этой особенности центральной части недавней Москвы.

* * *

уже разочаровались въ самодвижимости массы и рѣшили подѣйствовать на нее примѣромъ, сверху. Этотъ переходъ отъ революціонныхъ словъ къ революціоннымъ дѣйствіямъ былъ, конечно, крупнымъ переломомъ для самихъ переходившихъ,—но это былъ чисто-психологическій, внутренній кризисъ, а вовсе не крутой поворотъ политической линіи. Послѣдняя давалась объективными условіями, и никакая психологія измѣнить ея не могла.

Для тѣхъ историковъ, кто главное значеніе придаетъ не этимъ объективнымъ условіямъ, а такъ называемой „филіаціи идей", можетъ являться, конечно, благодарной задачей—прослѣдить корни соціализма 70-хъ годовъ и найти „предшественниковъ" Лаврову и его „Впередъ", „Землѣ и волѣ" и т. д. Согласно новѣйшему изслѣдователю вопроса *), хронологически въ самомъ нижнемъ слоѣ этихъ предшественниковъ оказываются слафянофилы. Намъ думается, что въ вопросѣ о „филіаціи идей" сближеніе съ современной „народникамъ-пропагандистамъ" Западной Европой было бы плодотворнѣе раскопокъ вглубь, до Хомякова и бр. Кирѣевскихъ включительно. Община, какъ противоядіе—или какъ залогъ соціализма (это уже зависѣло отъ соотвѣтствующей политической позиціи говорящаго или пишущаго) является не только въ русской—а и въ нѣмецкой, напримѣръ, литературѣ: извѣстный Мауреръ, въ своей книгѣ о германской маркѣ, не прочь похвастаться общинными традиціями (больше въ Германіи 40—50-хъ гг. было не найти!) нѣмцевъ передъ жалкими французами, которые должны были соціализмъ выдумывать, вмѣсто того, чтобы честно и благочинно наслѣдовать его отъ предковъ. Чернышевскому, такимъ образомъ, было отъ кого заимствовать и кромѣ московскихъ радикальныхъ помѣщиковъ въ мурмолкахъ—а ближайшимъ подлиннымъ предкомъ семидесятниковъ былъ именно Чернышевскій. Словомъ, говорить объ историческомъ романтизмѣ вообще, какъ фонѣ нашего „народнаго" соціализма, не усваивая послѣднему слишкомъ опредѣленныхъ и далекихъ предковъ, было бы, можетъ быть, осторожнѣе. Но весь вопросъ, по-нашему, лежитъ въ области исторіи литературы, а не политической исторіи. А разъ мы вообще, на страницахъ „Русской исторіи", исторіи литературы не касались—нѣтъ основаній отступать отъ нашего плана въ данномъ частномъ случаѣ. Въ первыхъ главахъ книги, названной сейчасъ въ примѣчаніи, интересую-

*) См. неоднократно названную книгу г. Богучарскаго.

щіеся найдутъ очень обстоятельный обзоръ этой „филіаціи идей“; намъ и остается отослать этихъ интересующихся къ работѣ г. Богучарскаго.

Есть, однако, одинъ пунктъ, гдѣ, по недоразумѣнію, можетъ показаться, что мы имѣемъ дѣло уже „не съ литературой, а съ жизнью“ Это — вопросъ о вліяніи на русское революціонное движеніе Бакунина и бакунизма. На знамени пропагандистовъ было написано не только соціализмъ, но и анархія. Непосредственныя, личныя связи той части русскаго студенчества, которая училась за границей, съ Бакунинымъ и бакунистами, несомнѣнны и рѣзко бросаются въ глаза. Бакунинъ—отецъ анархизма: „само собою разумѣется“, казалось бы, что анархизмъ семидесятниковъ—копія его анархизма; недаромъ лѣвое крыло пропагандистовъ, „бунтари“ (сами они себя противополагали пропагандистамъ—но на дѣлѣ и они занимались пропагандою, не болѣе: ни одного крестьянскаго бунта имъ не удалось вызвать,—за исключеніемъ злосчастнаго „чигиринскаго дѣла“, не удалось даже подготовить) и называли себя „бакунистами“. Достаточно, однако, немного подумать, чтобы понять, что русскій и европейскій „бакунисты“ не могли имѣть между собою ничего общаго, кромѣ имени. Въ самомъ дѣлѣ, если не злоупотреблять словами, что̀ такое европейскій анархизмъ? Это—та разновидность рабочаго движенія, которая отрицаетъ какую бы то ни было пользу для рабочаго класса отъ легальныхъ средствъ борьбы. Участіе, напримѣръ, рабочихъ въ парламентской дѣятельности, по мнѣнію анархистовъ, не полезно, а только вредно. Рабочіе должны бороться средствами исключительно революціонными—утверждаютъ западные анархисты. Но, спрашивается, какія же легальныя средства борьбы имѣлись въ распоряженіи русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ? О какомъ русскомъ анархизмѣ могла идти у насъ рѣчь, когда самаго вопроса, на которомъ раскололись анархисты и соціалъ-демократы, выбора средствъ борьбы, въ Россіи не существовало? Если стоять на грубо-формальной точкѣ зрѣнія, то всѣ русскіе соціалисты тѣхъ дней были анархистами и другихъ быть не могло; если же разсматривать вопросъ по существу, то у насъ тогда просто не было никакой почвы для анархизма, какъ не было ея и для соціалъ-демократіи. Субъективно, среди пропагандистовъ 1874 г. было, можетъ быть, достаточно убѣжденныхъ сторонниковъ Бакунина: но ихъ анархизмъ оставался такимъ же ихъ домашнимъ дѣломъ, какъ и ихъ соціализмъ. И зада-

чей ихъ „непосредственной борьбы“ съ правительствомъ было вовсе не торжество анархіи: совсѣмъ наоборотъ, они хотѣли, „собственно говоря, какъ можно скорѣе добиться конституціи“ *). Хорошо было бы лицо западно-европейскаго анархиста, если бы ему кто-нибудь предложилъ такую задачу!

Нѣтъ сомнѣнія, что и самой „непосредственной борьбы“, вѣроятно, не было бы, если бы внѣшнія условія того момента, когда у „народниковъ“ совершался упомянутый нами психологическій переворотъ, не казались благопріятными именно для этой цѣли—достиженія конституціи. Дѣятельность народовольцевъ, которые являются главными представителями этой „непосредственной борьбы“, падаетъ на время, непосредственно слѣдовавшее за русско-турецкой войной 1877—78 гг. Одинъ изъ цитированныхъ нами выше революціонеровъ-семидесятниковъ очень хорошо охарактеризовалъ впечатлѣніе, какое она произвела, конечно, не на одни только „революціонные круги“. „Эта гнилая держава, полудикая орда съ красными фесками на бритыхъ головахъ, потребовала чуть не всѣ силы стомилліонной арміи для того, чтобы какъ-нибудь окончить войну“ **). Несмотря на то, что война, формально, кончилась побѣдой, настроеніе очень напоминало то, какое было послѣ Севастополя. Не нужно забывать, что это была первая война при всеобщей воинской повинности, т.-е. первая, потребовавшая необычныхъ и очень тяжелыхъ жертвъ отъ высшихъ классовъ, въ старое время обезпеченныхъ отъ рекрутчины. „Барскія дѣти“ шли на войну и раньше — но шли на барскомъ же положеніи, юнкерами или офицерами. Теперь имъ приходилось надѣвать сѣрую шинель (въ суровыя николаевскія времена попадавшую на ихъ плечи только за тяжкую провинность) и вмѣстѣ съ „сысойками“ терпѣть и отъ недобросовѣстности интендантовъ, и отъ грубости начальства, и отъ всего, что сваливалось на плечи „святой сѣрой скотины“. Блестящая война загладила бы многое. Но когда на этомъ фонѣ шесть мѣсяцевъ кряду приходилось слышать только о пораженіяхъ да неудачахъ, какъ разъ у „образованныхъ классовъ“ появилось нѣкоторое недовольство, тотчасъ давшее себя почувствовать, какъ только правительство къ этимъ классамъ обратилось за содѣйствіемъ. Обращеніе было вызвано первыми проявленіями политическаго террора. Въ 1874—76 гг., въ связи съ пропаган-

*) Цитата изъ Г. В. Плеханова въ назв. сочин. В. Богучарскаго, стр. 199.

**) Ibid., стр. 286.

дистскимъ движеніемъ было арестовано 770 человѣкъ (612 мужчинъ и 158 женщинъ), изъ которыхъ 265 пришлось сидѣть въ тюрьмѣ до суда, т.-е. около 4 лѣтъ, въ очень тяжелыхъ условіяхъ; нѣкоторые умерли, другіе сошли съ ума. Словомъ, картина была такая, что судившій пропагандистовъ въ январѣ 1878 г. сенатъ (такъ называемый „Большой процессъ“ или „дѣло 193“) нашелъ нужнымъ смягчить приговоръ „во вниманіе къ продолжительности предварительнаго слѣдствія“ *). Общество не могло быть суровѣе сената, и участь арестованныхъ вызывала сочувствіе. Единственно, на кого все это не произвело впечатлѣнія, это была высшая администрація: политическихъ заключенныхъ петербургскій градоначальникъ Треповъ находилъ возможнымъ пороть розгами, наравнѣ съ уголовными арестантами—притомъ даже не за какія-нибудь провинности, а за недостатокъ почтительности къ начальству. Такой образъ дѣйствія и вызвалъ первый, хронологически, въ 70-хъ гг. актъ политическаго террора—покушеніе В. И. Засуличъ на жизнь Трепова. Отношеніе къ этому случаю петербургскаго общества очень ярко выразилось въ томъ, что Засуличъ была оправдана судомъ (съ присяжными—тотчасъ послѣ этого дѣла такого рода были изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ) и стала предметомъ грандіозной овація со стороны присутствовавшей на процессѣ публики. Послѣ подобныхъ манифестацій, правительству оставалось, повидимому, одно изъ двухъ—или продолжать бороться съ движеніемъ исключительно путемъ матеріальной силы, не разсчитывая ни на чье сочувствіе, или, если оно дорожило сочувствіемъ общества, измѣнить тактику. Но въ высшихъ сферахъ, повидимому, были убѣждены, что для пріобрѣтенія общественнаго сочувствія никакой перемѣны тактики не требуется. Правительство начало съ того, что „рѣшилось усугубить мѣры строгости“ **): „усугубленіе“ выразилось въ предоставленіи начальнику III отдѣленія собственной его величества канцеляріи (теперь—департаментъ полиціи) неограниченнаго права ссылать подозрительныхъ людей въ Сибирь безъ суда. Естественно, что послѣ этого „ожесточеніе росло, и все болѣе и болѣе распалялись страсти“ ***). Произошло еще нѣсколько террористическихъ покушеній, закончившихся, 4 августа 1878 г., убійствомъ на улицѣ Петербурга начальника III отдѣленія, генерала Мезенцова (Кравчинскимъ, извѣстнымъ въ

*) Татищевъ, „Александръ II“ въ Рус. Біогр. словарѣ, стр. 863.
**) Ibid. 864.
***) Ibid.

литературѣ подъ именемъ „Степняка“). Связь этого акта именно съ „усугубленіемъ“ съ несомнѣнностью доказывается брошюрой, изданной въ Петербургѣ нѣкоторое время спустя. Въ этой брошюрѣ „воздержаніе отъ дальнѣйшихъ политическихъ убійствъ ставилось въ зависимость отъ слѣдующихъ трехъ условій: прекращеніе преслѣдованій противъ членовъ соціально-революціоннаго сообщества; отказъ правительства отъ всякихъ административныхъ мѣръ взысканія и въ частности—отъ высылки административнымъ порядкомъ; полная амнистія всѣмъ, обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ, осужденнымъ за совершеніе ихъ“ *). Правительство отвѣтило на это новыми мѣрами: полиція, съ жандармами во главѣ, получила неограниченное право обысковъ и арестовъ, независимо отъ судебной власти; политическія преступленія могли судиться военными судами, „съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ для военнаго времени“.

Въ такой обстановкѣ, 20 августа, черезъ двѣ недѣли послѣ убійства Мезенцова, въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе, гдѣ увѣренно заявлялось, что „правительство должно найти себѣ опору въ самомъ обществѣ, и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій“. Единственнымъ органомъ, черезъ посредство котораго въ отвѣтъ на обращеніе правительства могли высказаться хотя бы верхніе слои русскаго общества, были земскія собранія. Зимою 1878—1879 г. рядъ губернскихъ земскихъ собраній и отозвался на „правительственное сообщеніе“, въ формѣ „адресовъ“. Наиболѣе полно и рѣшительно высказалось земство черниговское, въ адресѣ котораго говорилось: „Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, если бы общество располагало соотвѣтственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣній и свободная наука. Въ то время, когда анархическія идеи распространяются и тайной печатью, и устною пропагандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свои мнѣнія. Общественнаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій,

*) Татищевъ, о. с.

грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждало бы чувство самостоятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй. Провинціальная Россія, т.-е. русскій народъ, стоитъ подъ безусловнымъ запретомъ свободы слова, и его мнѣнія высказываются лишь правительственной администраціей. Само земство лишено возможности имѣть не только печатный органъ свободнаго обмѣна идей по своимъ ближайшимъ потребностямъ; оно лишено даже въ собственномъ собраніи свободы выраженія мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заявленій о своихъ нуждахъ правительству"... Если черниговцы поставили центръ тяжести на изображеніе отрицательныхъ условій, тверское земство выдвинуло положительныя требованія. „Государь императоръ, говорилось въ тверскомъ адресѣ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полной готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему царю освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія" *).

Мы не будемъ останавливаться на нѣкоторыхъ „наглядныхъ несообразностяхъ" этихъ двухъ адресовъ. Исторически гораздо важнѣе два другія обстоятельства. Во-первыхъ, какъ можно считать теперь окончательно установленнымъ, земскіе адреса были результатомъ организованной кампаніи, которая хотя и не отличалась особою яркостью и энергіей, все же повела къ зародышу чего-то въ родѣ либеральнаго тайнаго общества (земскій съѣздъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1879 г.). Какъ ни было все это скромно, по признанію самихъ главныхъ участниковъ, ничего подобнаго не было видано еще со времени декабристовъ. Въ предыдущее десятилѣтіе далѣе оппозиціонныхъ разговоровъ дѣло никогда не шло. Документъ, откуда мы узнаемъ все это **), прямо беретъ за исходную точку для „земскаго движенія" войну 1877—78 гг. А во-вторыхъ, рядомъ съ этой

*) А. А. Корниловъ, цитр. сол., стр. 244—246.

**) Письмо тогдашняго лидера земцевъ, И. И. Петрункевича, напечатанное у г. Богучарскаго „Изъ исторіи политической борьбы 70—80-хъ гг.", стр. 397 и слѣд.

причиной, на политическомъ возбужденіи земцевъ, по ихъ собственному признанію, отразился терроръ: „Выступленіе земствъ признавалось необходимымъ, говоритъ цитируемый документъ, въ виду того, что полное бездѣйствіе общества признавалось одной изъ причинъ существованія террора, какъ краснаго, такъ и бѣлаго“. При чемъ, гласно заявляя себя безсильными въ борьбѣ съ „анархистами“, негласно земцы дѣлали попытки остановить, по крайней мѣрѣ, „красный“ терроръ. Они устраивали совѣщанія съ террористами и на этихъ совѣщаніяхъ развивали ту мысль, что террористическія выступленія, „запугивая общество и озлобляя правительство“, достигаютъ цѣли, какъ разъ обратной той, которая ставилась террористами. Не видно, чтобы увѣщанія подѣйствовали: но мысль, что терроръ пугалъ болѣе общество, нежели правительство, эта мысль, несомнѣнно, была правильной. Дальнѣйшее развитіе террористической тактики (покушеніе Соловьева 2 апрѣля 1879 г.) и оборвало начавшееся было земское движеніе, принявшее вновь конкретную форму не ранѣе 1881 г., въ связи съ „конституціонными вѣяніями“, отмѣтившими собою „диктатуру сердца“ Лориса-Меликова. Что среднему землевладѣнію оказалось не по дорогѣ съ радикальной молодежью, это едва ли требуетъ поясненій для читателя, не забывшаго данную нами выше характеристику политической физіономіи этого землевладѣнія.

Первые шаги террора относятся еще къ „землевольческому“ періоду революціоннаго движенія (общество „Земля и Воля“ существовало съ 1876 по 1879 г.)—но спеціализировались на немъ только народовольцы („Народная Воля“ возникла въ результатѣ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ революціонеровъ лѣтомъ 1879 г.). Внѣшняя исторія „Народной Воли“, постепенно сосредоточившей терроръ около покушеній на жизнь императора Александра II, всѣмъ болѣе или менѣе хорошо извѣстна изъ учебниковъ. Внутренняя ея исторія остается недоступной для объективнаго изслѣдованія, между прочимъ потому, что до сихъ поръ мы имѣемъ въ распоряженіи лишь наименѣе надежный изъ всѣхъ историческихъ матеріаловъ—мемуары. Чтобы оцѣнить положеніе, стоитъ вспомнить, что́ мы знали о декабристахъ, напримѣръ, пока были извѣстны только ихъ воспоминанія—и что́ знаемъ теперь, когда опубликовано, въ главныхъ частяхъ, подлинное ихъ „дѣло“. Пока не открылись архивы бывшаго III отдѣленія, мы по отношенію къ народовольцамъ останемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были относительно

декабристовъ до 1905 года. Только тогда выяснятся и истинные размѣры движенія. Основываясь, главнымъ образомъ, на судебныхъ документахъ и на воспоминаніяхъ „профессіональныхъ революціонеровъ“, новѣйшіе историки склонны необычайно суживать эти размѣры—сводя всю революціонную армію къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ. Но внѣ-судебныя репрессіи въ то время были во много разъ чаще судебныхъ: мы едва ли ошибемся, если примемъ, что на одного осужденнаго приходилось сто подвергнутыхъ карѣ въ административномъ порядкѣ. А, съ другой стороны, если количество „профессіональныхъ революціонеровъ“ было, въ самомъ дѣлѣ, невелико, то количество „сочувствующихъ“ могло быть опять-таки во сто разъ больше. При чемъ „сочувствіе“ иногда доходило и до прямого участія въ террористическихъ актахъ—только не постоянаго, а такъ сказать, спорадическаго: подкопъ подъ Курской дорогой (осенью 1879 г.) рыла, какъ это достовѣрно извѣстно, не только та маленькая группка террористовъ, которая жила въ нанятомъ для этой цѣли домикѣ—ей помогали добровольцы, приходившіе изъ города. Сочувствіе это исходило, конечно, не изъ народной массы: та оставалась глуха къ революціонно-демократической пропагандѣ, какъ и къ соціалистической. Исключеніе представляли передовыя группы городскихъ рабочихъ—но и они увлекались, за единичными исключеніями, не террористической борьбой, а другими сторонами движенія; объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Но интеллигенція вся, за единичными, опять-таки, можетъ быть, исключеніями, была на сторонѣ движенія. Пародируя слова Бибикова о Пугачевѣ, и здѣсь вполнѣ можно было сказать: „важны были не народовольцы, а всеобщее неудовольствіе“. При чемъ земскія манифестаціи, какъ ни были онѣ робки, показывали, что неудовольствіе шло шире интеллигенціи во „второмъ“ смыслѣ этого слова—и захватывало интеллигенцію въ болѣе широкомъ ея пониманіи, т.-е. всѣхъ образованныхъ людей всѣхъ классовъ. Не забудемъ, что черниговскій адресъ былъ принятъ единогласно!

Это всеобщее неудовольствіе—а никакъ не самый терроръ, только озлоблявшій, но не пугавшій верхи—и было исходной точкой цѣлаго ряда правительственныхъ шаговъ, наиболѣе популярные изъ которыхъ связаны съ именемъ Лориса-Меликова. Массовой фантазіи, какъ всегда бываетъ, нуженъ былъ „герой“: его и нашли въ наиболѣе симпатичномъ изъ тогдашнихъ администраторовъ. На самомъ дѣлѣ, Лорисъ не былъ ни первымъ, ни самымъ радикальнымъ изъ

Семейные расчеты.

Оригиналъ картины Н. В. Неврева (1830—1904 гг.) «*Семейные расчеты*» (1888 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№№ 463). На картинѣ Неврева лишь въ иной соціальной средѣ, въ иной обстановкѣ, при воздѣйствіи иныхъ гражданско-правовыхъ нормъ наблюдается въ живописной формѣ то же явленіе, что и на картинѣ В. М. Максимова «*Семейный раздѣлъ*». Объ картины приходится сопоставлять и сравнивать; сопоставленіе цѣнно, ибо изъ него можно вывести рядъ соціально-бытовыхъ построеній. Такая живопись и такое сопоставленіе часто говорятъ наблюдателю гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ цѣлый трактатъ, пытающійся въ словесной формѣ изобразить истинную подкладку отношеній въ семьяхъ различныхъ общественныхъ классовъ: борятся не только классы другъ съ другомъ, но при извѣстной обстановкѣ и отдѣльныя особи одной семьи каждаго общественнаго класса.

* * *

тѣхъ, кто понималъ, наверху, въ 70-хъ годахъ XIX вѣка то же, что понялъ за сто лѣтъ раньше Бибиковъ. Правда, даже и наиболѣе „радикальные“ не шли дальше совѣщательнаго представительства: русскій парламентъ всѣмъ тогдашнимъ высшимъ чиновникамъ казался своего рода „морской змѣей“ — существомъ, о которомъ могутъ серьезно говорить лишь самые легкомысленные люди. Можно ли ихъ за это винить, если даже самимъ „лѣвымъ земцамъ“ совѣщательное собраніе казалось вполнѣ достаточнымъ? Тѣмъ не менѣе историческая справедливость заставляетъ отмѣтить, что проекты Валуева и в. кн. Константина Николаевича давали представителямъ губернскихъ земствъ и крупнѣйшихъ городскихъ думъ, дѣйствительно, постоянный совѣщательный голосъ въ законодательствѣ, предусмотрительно, впрочемъ, организуя ихъ участіе такимъ образомъ, чтобы большинства они ни въ какомъ случаѣ не могли получить. Проектъ же Лориса-Меликова даже и до этой скромной границы далеко не доходилъ: у него предполагалось участіе „представителей общества“ лишь однократное, при обсужденіи опредѣленныхъ проектовъ; что будетъ послѣ, объ этомъ „конституція Лориса-Меликова“ ничего не говорила. А думалъ ея творецъ, по всей вѣроятности, что этого совершенно достаточно для того, чтобы успокоить общество: затѣмъ можно будетъ приняться за реформы, не политическаго, а соціальнаго характера: главнымъ былъ обязательный выкупъ крестьянами своихъ надѣловъ, отмѣна подушной подати и фабричное законодательство—все, какъ извѣстно, и проведенное при имп. Александрѣ III. Вообще, представлять себѣ дѣло такъ, что крушеніе „конституціи Лорисъ-Меликова“ было какой-то катастрофой, оборвавшей ходъ историческаго развитія, есть самая ненаучная точка зрѣнія, какую можно себѣ вообразить: но объ этомъ читатели подробнѣе найдутъ въ слѣдующей главѣ.

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ этой главѣ, необходимо остановиться на одной сторонѣ общественнаго движенія, не укладывающейся въ очерченную нами рамку; на характеристикѣ рабочаго движенія.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи 70—80-хъ годовъ опредѣлялось, главнымъ образомъ, двумя условіями: во-первыхъ, почти непрерывной промышленной депрессіей, дошедшей къ началу 80-хъ годовъ до размѣровъ настоящаго кризиса; во-вторыхъ, тѣмъ способомъ, какимъ была произведена крестьянская реформа въ 1861 году. Мы помнимъ,

что крестьянина поостереглись сдѣлать пролетаріемъ—его пролетаризація, напротивъ, была даже искусственно затруднена. Крестьянинъ былъ сдѣланъ принудительнымъ владѣльцемъ небольшого клочка земли, недостаточнаго, чтобы съ него существовать, не пріарендовывая барской земли или не прирабатывая въ барской экономіи, но юридически привязывавшаго крестьянина къ деревнѣ. На первыхъ порахъ это „освобожденіе съ землей“ какъ будто вредно отразились на интересахъ русскаго фабриканта: ему стало чуть ли не труднѣе находить рабочихъ, нежели до 19 февраля, когда этихъ рабочихъ можно было нанимать прямо отъ барина. За пятилѣтіе 1863—67 гг. число рабочихъ (на фабрикахъ и заводахъ, необложенныхъ акцизомъ) увеличилось крайне незначительно: съ 358 тысячъ до 407 тысячъ *). Но нѣтъ худа безъ добра: привязанный къ землѣ рабочій обходился за то хозяину гораздо дешевле, нежели его пролетаризованный собратъ за границей. Денежная заработная плата рабочаго Московской губерніи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія была вчетверо ниже, чѣмъ въ Англіи, и впятеро ниже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Уже съ перваго взгляда видно, что реальная плата никоимъ образомъ не могла быть равна у насъ и въ Англіи или въ Америкѣ: ибо цѣны на продукты у насъ и въ этихъ странахъ не могли различаться такъ сильно. Детальныя вычисленія автора, у котораго мы заимствуемъ эти данныя, показываютъ, что если „первый взглядъ“ грѣшитъ чѣмъ-нибудь, то развѣ излишнимъ оптимизмомъ по отношенію къ русскимъ цѣнамъ и пессимизмомъ по отношенію къ цѣнамъ англійскимъ и американскимъ. Въ общемъ, послѣднія выше первыхъ были тогда не вчетверо, или впятеро, а самое большое, въ полтора раза, при чемъ по главной статьѣ питанія, хлѣбу, англійскія и американскія цѣны были выгоднѣе русскихъ (не забудемъ, что мы въ разгарѣ аграрнаго кризиса). Цитируемый нами авторъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что реальная заработная плата въ Московской губерніи была въ 1884 году втрое ниже, чѣмъ въ Массачусетсѣ **). Какъ бы низко ни ставили мы потребности московскаго рабочаго той поры сравнительно съ американскимъ, такую колоссальную разницу мы можемъ объяснить только специфическими особенностями русскаго рабочаго рынка. Въ то время,

*) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 313. Для сравненія отмѣтимъ, что за пятилѣтіе 1893—97 гг. крайнія цифры будутъ 860 тыс. и 1.100 тыс.

**) Е. М. Дементьевъ. „Фабрика“, 2-е изд., стр. 164—183.

какъ американскій или англійскій рабочій всецѣло существовалъ на свой фабричный заработокъ, его русскій собратъ покрывалъ ими только часть своихъ расходовъ: другую часть онъ—или его семья—находили въ своемъ принудительномъ деревенскомъ хозяйствѣ, опять-таки недостаточномъ, чтобы жить только имъ однимъ, но вмѣстѣ съ фабрикой коекакъ заполнявшимъ бюджетъ. Детальное обслѣдованіе положенія рабочихъ на московской фабрикѣ Цинделя, въ 1898 году, показало, что почти $^3/_4$ всѣхъ занятыхъ на ней рабочихъ имѣютъ это „подспорье“: 11,9% цинделевскихъ рабочихъ сами уходили ежегодно на полевыя работы, и 61,4% вели сельское хозяйство при помощи своихъ семей. А если прибавить къ этому 12,3%, сдававшихъ свои надѣлы въ аренду, т.-е. тоже кое-что получавшихъ изъ деревни — то фабрикантъ оказывался „разгруженнымъ“ отъ необходимости платить своимъ рабочимъ полнымъ рублемъ почти на $^9/_{10}$ всего своего персонала *). Промышленный кризисъ 80-хъ годовъ толкалъ въ томъ же направленіи еще дальше: заработная плата русскаго рабочаго не только была ниже заграничной, но ниже даже той, какую получали русскіе рабочіе въ предшествующую эпоху. Тотъ же авторъ составилъ сравнительную таблицу средней мѣсячной платы рабочимъ въ Шуйскомъ уѣздѣ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и въ 1883 году. За исключеніемъ квалифицированныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ кузнецовъ и столяровъ, плата которыхъ повысилась въ $2^1/_2$ раза, остальные получали, въ среднемъ, лишь на 50% больше прежняго, а нѣкоторые разряды—механическіе ткачи, напримѣръ, всего на 4%. Между тѣмъ цѣна хлѣба въ Шуйскомъ уѣздѣ повысилась, за то же время, на 95%. Отсюда авторъ сдѣлалъ заключеніе, что „реальная заработная плата рабочихъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ Шуйскаго уѣзда понизилась, въ общемъ, не менѣе, чѣмъ на 20—30%“. Не мудрено, если, по отзыву одного мѣстнаго автора-фабриканта, во Владимірской губерніи въ это время замѣчалась обратная тяга—съ фабрики въ деревню: „начинается опять поворотъ къ земледѣлію“. То же было и въ Московской губерніи. Но если рабочему центральнаго района сравнительно легко было произвести такой „поворотъ“—его деревня, откуда онъ пришелъ на фабрику, была тутъ же, рядомъ, то гораздо труднѣе

*) Цит. соч. Туганъ-Барановскаго, стр. 449. У автора въ этомъ мѣстѣ очень рѣзко сказался марксистскій „оптимизмъ“ 90-хъ годовъ, но фактъ онъ все же призналъ, и выводъ изъ него сдѣлалъ (стр. 450).

было превратиться снова въ крестьянина рабочему Петербурга или юга Россіи, за тысячи верстъ ушедшему отъ роднаго угла и часто сохранившему лишь номинальную связь съ родиной. Особенно трудно было продѣлать эту операцію „заводскому“ рабочему—съ машиностроительнаго, литейнаго и т. под. завода. Уже въ Московской губерніи лишь ничтожный процентъ машиностроительныхъ рабочихъ (по вычисленіямъ д-ра Дементьева, 2,7%) уходили на лѣто на полевыя работы. Въ Петербургѣ дѣло шло, конечно, еще дальше. Вотъ какъ описываетъ эту среду, по личнымъ воспоминаніямъ, Г. В. Плехановъ, работавшій среди петербургскихъ „заводскихъ мастеровыхъ“, въ качествѣ пропагандиста, въ серединѣ 70-хъ годовъ: „Я съ удивленіемъ увидѣлъ, что эти рабочіе живутъ нисколько не хуже, а многія изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ, каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 руб. 25 к. до 2 рублей въ день. Разумѣется, и на этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ не легко было существовать семейнымъ людямъ. Но холостые,—а они составляли между знакомыми мнѣ рабочими большинство,— могли расходовать вдвое больше небогатаго студента... Всѣ рабочіе этого слоя одѣвались несравненно лучше, а главное, опрятнѣе, чище нашего брата студента...“ „Чѣмъ больше знакомился я съ петербургскими рабочими, тѣмъ больше поражался ихъ культурностью. Бойкіе и рѣчистые, умѣющіе постоять за себя и критически отнестись къ окружающему, они были горожанами въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Многіе изъ насъ держались тогда того мнѣнія, что „спропагандированные“ городскіе рабочіе должны итти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или иной революціонной программы. Мнѣніе это раздѣлялось и нѣкоторыми рабочими... Господствовавшія въ средѣ революціонной интеллигенціи народническія идеи естественно налагали свою печать также и на взгляды рабочихъ. Но привычекъ ихъ они передѣлать не могли, и потому настоящіе городскіе рабочіе, т.-е. рабочіе, совершенно свыкшіеся съ условіями городской жизни, въ большинствѣ случаевъ оказывались совершенно непригодными для деревни. Сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ революціонерамъ - „интеллигентамъ“. Горожанинъ, если только онъ не „кающійся дворянинъ“ и не совсѣмъ проникся вліяніемъ дворянъ этого разряда, всегда смотритъ сверху внизъ на деревенскаго человѣка. Именно такъ смотрѣли на этого человѣка петербургскіе рабочіе. Они называли его сѣрымъ и въ душѣ всегда

нѣсколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бѣдствіямъ“ *). Между тѣмъ, уже въ первой половинѣ 70-хъ годовъ положеніе и этого верхняго слоя рабочаго класса должно было идти не въ гору, а подъ гору. Міровой кризисъ 1873 года совпалъ съ сокращеніемъ желѣзнодорожнаго строительства въ Россіи около того же времени. Выплавка чугуна—вѣрный показатель положенія металлургическаго производства,—за 10 лѣтъ, съ 1862 по 1872 годъ, поднявшаяся съ 15 до 24 милліоновъ пудовъ, застыла на этой цифрѣ, съ небольшими колебаніями, до 1878 года. Крахъ слѣдовалъ за крахомъ: въ округѣ одного московскаго коммерческаго суда за 1876 годъ было 113 несостоятельностей съ общимъ пассивомъ въ $31^1/_2$ милліонъ рублей **). Правда, больше всего доставалось отъ кризиса мануфактурнымъ предпріятіямъ: но отмѣчаемая единогласно всѣми современниками связь кризиса съ пріостановкой въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ сама по себѣ уже достаточно показываетъ, что на заводахъ дѣло не могло идти въ обратномъ направленіи, и что тяжелый крахъ начала 80-хъ годовъ ***) давно здѣсь подготовлялся. Мануфактуры были лишь точкой наименьшаго сопротивленія; здѣсь прежде всего начали распускать рабочихъ, понижать заработную плату, вводить болѣе тяжелыя условія труда—и здѣсь же, въ Петербургѣ на Новой Бумагопрядильнѣ, у Кенига, Шау и т. д. начались первыя забастовки, т.-е. первыя, исторически извѣстныя: стачечное движеніе, до 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, не привлекало къ себѣ ничьего особеннаго вниманія, рѣдкая стачка попадала даже въ газеты. Если мартовская забастовка 1878 года (на Новой Бумагопрядильнѣ, въ Петербургѣ) сразу стала въ центрѣ вниманія тогдашней петербургской публики, то на это былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ причинъ. „Зимою 1877—78 гг. „интеллигенція“ находилась въ крайне возбужденномъ состояніи“, говоритъ близкій свидѣтель событій, Г. В. Плехановъ: „процессъ 193, этотъ долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ волновалъ всѣ оппозиціонные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. Въ университетѣ, въ медико-хирургической академіи и въ технологическомъ институтѣ происходили огромныя сходки, на кото-

*) Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“, русск. изданіе, стр. 9—11.

**) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 328.

***) См. ниже стр. 273.

рыхъ „нелегальные“ ораторы „Земли и Воли“, ни мало не стѣсняясь возможнымъ присутствіемъ шпіоновъ, держали самыя недвусмысленныя рѣчи... Когда среди петербургской интеллигенціи разнесся слухъ о стачкѣ, студенты немедленно собрали въ пользу забастовавшихъ очень значительную сумму денегъ“. Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, „деньги давали не одни студенты. Все либеральное общество отнеслось къ стачечникамъ весьма сочувственно. Говорили, что даже г. Суворинъ разорился для ихъ поддержки на три рубля. За достовѣрность этого слуха не могу, однако, поручиться“ *). Сочувствіе „либеральнаго общества“ выражалось въ формахъ, иногда комическихъ, но оно спасло питерскія стачки 1878—79 годовъ отъ забвенія, въ которомъ безвозвратно потонула масса ихъ современницъ и предшественницъ.

Сначала движеніе отнюдь не носило революціоннаго характера: достаточно сказать, что самымъ эффектнымъ моментомъ первой стачки была подача прошенія рабочими наслѣднику-цесаревичу Александру Александровичу. Попытки интеллигентовъ разагитировать ихъ на первый случай не дали никакихъ результатовъ: „сначала рабочіе совсѣмъ не понимали, чего хотятъ отъ нихъ „интеллигентные“ собесѣдники и совершенно нелицемѣрно поддакивали людямъ противоположныхъ мнѣній“ **). Но уже и тогда, по словамъ того же автора, на забастовавшей фабрикѣ былъ „небольшой революціонный кружокъ“. Изъ записокъ Кропоткина мы знаемъ, что революціонная пропаганда среди петербургскихъ ткачей велась чайковцами еще въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ. А среди механическихъ рабочихъ у чайковцевъ была цѣлая небольшая школа—человѣкъ въ тридцать. Но, по словамъ того же Кропоткина, къ практическимъ результатамъ вся эта пропаганда и агитація не приводили. Стачечное движеніе началось въ концѣ 70-хъ гг. подъ вліяніемъ иныхъ условій. Петербургскія стачки 1878—79 гг. были чисто оборонительными: это была самооборона противъ ухудшенія условій труда, а не борьба за ихъ улучшеніе. Но ухудшеніе вызывалось причинами, въ предѣлахъ буржуазнаго хозяйства неотвратимыми: благодаря кризису, падала предпринимательская прибыль, и, благодаря тому же кризису, предпринимателю не на чемъ было возмѣстить свои убытки, кромѣ заработной платы его рабочихъ. Нужно было или распустить часть этихъ послѣднихъ (въ московскомъ районѣ такъ именно и поступили), или умень-

*) „Русскій рабочій“, стр. 45—46.
**) Ibid., стр. 51.

шить плату всѣмъ—иногда и то, и другое сразу. Такъ или иначе, налицо оказывалась масса безработныхъ или недоработывающихъ, масса озлобленныхъ и не видящихъ выхода изъ своего положенія. При этомъ и стачки не улучшали его, какъ это бываетъ со стачками наступательными, въ періодъ благопріятной промышленной конъюнктуры. Мы не знаемъ, насколько воспользовались описаннымъ характеромъ этихъ стачекъ тогдашніе народники для свой пропаганды. Но предшествующая пропаганда, тянувшаяся не одинъ годъ, и ясное, экономическое положеніе сдѣлали свое дѣло. Конецъ 70-хъ годовъ видѣлъ появленіе въ русской рабочей средѣ первыхъ, и, для перваго случая, очень яркихъ проблесковъ соціализма.

Исторія первыхъ рабочихъ соціалистическихъ организацій въ Россіи чрезвычайно типична для эволюціи нашего рабочаго движенія. Самой ранней изъ нихъ былъ, повидимому, Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, возникшій, можетъ быть, уже въ 1878 году—хотя выступилъ на сцену онъ только въ декабрѣ слѣдующаго, 1878, года, параллельно съ упоминавшимся нами выше стачечнымъ движеніемъ въ Петербургѣ, а свою программу онъ опубликовалъ въ январѣ 1879 года. Почти немедленно послѣ этого „Союзъ“ палъ жертвою провокаціи, которая свила себѣ гнѣздо въ его средѣ съ самыхъ первыхъ дней его существованія. Не приходится говорить, поэтому, о дѣятельности „Союза“—была лишь попытка организаціи, что, однако, не лишаетъ „Союза“ крупнаго историческаго значенія. Характерно, прежде всего, то, что оба его основателя принадлежали къ крайнему лѣвому крылу тогдашнихъ революціонеровъ—Викторъ Обнорскій былъ очень близокъ къ набатовцамъ,Степанъ Халтуринъ явился потомъ одною изъ самыхъ яркихъ фигуръ народовольческаго террора—ему принадлежитъ устройство взрыва въ Зимнемъ двоцѣ 5 февраля 1880 года. Вы ждете, поэтому, призыва къ рѣшительной борьбѣ, къ непосредственнымъ выступленіямъ самаго революціоннаго характера—и встрѣчаете, вмѣсто того, призывъ „опоясаться духовнымъ мечемъ истины“ и заняться мирной пропагандой („идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ“). Напоминаніе о „великихъ словахъ Христа“, сравненіе съ апостолами—„простыми поселянами“, приглашеніе „не стыдиться поруганія“—все это придаетъ программѣ „Союза“ такой характеръ, что сочетать ее съ „Набатомъ“ и взрывомъ Зимняго дворца кажется необычайно мудреной задачей. Тогдашніе револю-

ціонеры-народники остались очень недовольны малой революціонностью программы, составленной рабочими-революціонерами. Авторъ статьи о „Сѣверномъ Союзѣ“ въ „Землѣ и Волѣ“ былъ очень радъ, что хоть стачки-то допускаютъ, въ качествѣ орудія борьбы, эти подражатели апостоловъ. Но послѣдователи „первыхъ христіанъ“ были, въ сущности, очень практическими людьми—и стремились также къ созданію организаціи. Въ первыхъ же строкахъ программы они и ставятъ цѣлью „Союза“: „сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія,—служить достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давать ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы“. Упоминаніе на ряду съ „городскимъ“ и „сельскаго рабочаго населенія“ (разумѣлся, очевидно, не сельскій пролетаріатъ, а крестьяне) и было единственной данью официальному тогда народничеству русскихъ революціонеровъ; центральный органъ этихъ послѣднихъ, въ упоминавшейся выше статьѣ „Земли и Воли“, горько жалуется на эту скупость: „аграрные вопросы оставлены втуне“. Фактически, это невѣрно—программа содержитъ въ себѣ пунктъ объ „уничтоженіи поземельной собственности и замѣнѣ ея общиннымъ землевладѣніемъ“. Но авторъ статьи правильно, съ своей точки зрѣнія, реагировалъ на духъ программы: она, дѣйствительно, имѣла въ виду, прежде всего, городского рабочаго, и когда она говорила, что „въ члены Союза избираются только рабочіе“, то это значило, разумѣется, что союзъ представлялся составителямъ программы, какъ организація чисто пролетарская. Сквозь народничество, петербургскіе рабочіе „своимъ умомъ дошли“ до классовой точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же программа усвоила себѣ соціалъ-демократическую („энгельсовскую“, можно было бы сказать, примѣнительно ко времени, когда была выработана программа) точку зрѣнія на конституціонныя „свободы“, какъ необходимое условіе успѣшной борьбы за интересы рабочаго класса. Очень интересно, конечно, что первыми соціалъ-демократами „энгельсовскаго“ типа были въ Россіи не интеллигенты, а рабочіе; но какъ разъ въ этомъ пунктѣ мы имѣемъ опредѣленное указаніе на вліяніе, идущее изъ интеллигентской среды. „Лекціи полковника А. Н. Фалецкаго, читавшаго въ Петербургѣ въ 1873—74 гг. лекціи о нѣмецкой соціалъ-демократіи, несомнѣнно, отразились на взглядахъ многихъ изъ рабочихъ,

Въ коридорѣ окружнаго суда.

Оригиналъ картины Н. А. Касаткина (род. 1859 г.) «*Въ коридорѣ окружнаго суда*» находится въ Румянцовскомъ Музеѣ въ Москвѣ въ особомъ отдѣлѣ К. Т. Солдатенкова (№ 104). Картина принадлежитъ къ числу бытовыхъ и характерныхъ для второй половины XIX вѣка, если имѣть въ виду практику *Судебныхъ Уставовъ* 20 ноября 1864 года. Въ своемъ изображеніи художникъ отмѣчаетъ бытовыя черты въ собственномъ смыслѣ этого слова.

* * *

впослѣдствіи вошедшихъ въ Союзъ", констатируетъ историкъ этого послѣдняго *). Съ точки же зрѣнія той задачи, которую непосредственно ставили себѣ Обнорскій и Халтуринъ—организаціи рабочей массы—конституція являлась, само собою разумѣется, очень облегчающимъ дѣло факторомъ. Но основатели „Союза" не давали обѣщаній, что рабочіе будутъ дѣйствовать исключительно конституціонными средствами и послѣ того, какъ они сорганизуются. Поставленная „Союзомъ" рабочему движенію конечная цѣль была бы не-конституціонной и въ тогдашней Германіи, съ ея исключительнымъ закономъ противъ соціалистовъ (принятымъ рейхстагомъ 19 октября 1878 года—какъ разъ въ тѣ мѣсяцы, когда вырабатывалась программа „Союза"). Мы не знаемъ, сыграло ли какую-нибудь роль въ выработкѣ воззрѣній „Союза" поведеніе германскаго народнаго представительства въ этомъ случаѣ: но характерно, что какъ разъ парламентаризма программа-minimum „Союза" не требуетъ. Въ ней есть свобода слова, печати, собраній, сходокъ, передвиженія, уничтоженіе сословій, отмѣна косвенныхъ налоговъ, замѣна постоянной арміи милиціей; но требованія созыва народныхъ представителей въ ней нѣтъ. А пунктъ 2-й программы-maximum „учрежденіе свободной народной федераціи общинъ" такъ далекъ отъ классическаго соціалъ-демократизма, какъ только можно... Ни Бакунинъ, ни Энгельсъ не признали бы программы своей, а въ ней есть и отъ того, и отъ другого: и это потому, что она была отраженіемъ не той или иной теоретической линіи, а практическихъ требованій русскаго пролетаріата конца 70-хъ годовъ.

То немногое, что извѣстно о южно-русскомъ рабочемъ союзѣ, возникшемъ почти ровно черезъ годъ послѣ „провала" сѣвернаго, не позволяетъ судить, была ли эта позднѣйшая организація въ какой-либо идейной связи съ болѣе ранней. Можно только сказать, что не было никакой организаціонной связи: южный союзъ развился изъ кружка, основаннаго интеллигентами-анархистами (Е. Ковальской и Щедринымъ), вышедшими изъ рядовъ „Чернаго Передѣла" **). Сопоставленіе программъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ южной программы имѣлъ передъ глазами сѣверную; но, какъ послѣдовательный анархистъ, онъ вытравилъ въ ней все, что было „отъ Энгельса", и оставилъ лишь

*) В. Л. Бурцевъ. „Сѣверно-русскій рабочій союзъ". „Былое" 1906, январь.
**) О болѣе ранней рабочей организаціи на югѣ извѣстно еще меньше—и самое существованіе ея оспаривается. См. ст. Е. Ковальской въ „Быломъ".

то, что было „отъ Бакунина“. Программа очень выиграла въ смыслѣ логичности и стройности, но связать ее съ практическими задачами рабочаго движенія оказалось уже почти невозможно. То, что прекрасно понимали Халтуринъ и Обнорскій—необходимость, прежде всего другого, организовать рабочую массу, повидимому, не только не сознавалось интеллигентными чернопередѣльцами, руководившими южнымъ союзомъ, но едва ли не отрицалось ими сознательно. Универсальное средство для достиженія цѣли они видѣли въ террорѣ—аграрномъ, „промышленномъ или фабричномъ“, „военномъ“ и политическомъ. Первая же прокламація, выпущенная союзомъ, давала „трехнедѣльный срокъ начальнику (кіевскаго) арсенала, полковнику Коробкину, для выполненія требованій рабочихъ, изъ которыхъ главныя были: увеличеніе платы и уменьшеніе рабочаго дня. Въ случаѣ отказа ему грозили смертнымъ приговоромъ“. Помѣщикъ Левандовскій тѣснилъ чиншевиковъ, сидѣвшихъ на его землѣ: союзъ потребовалъ, чтобы Левандовскій раздѣлилъ между ними всю землю и вознаградилъ ихъ за всѣ потери, которыя они понесли по его винѣ. „Въ случаѣ же, если г. Левандовскій не подчинится вышеизложеннымъ требованіямъ, Общество приговоритъ его къ смертной казни... Спустя 4 дня, главная, существенная часть требованій рабочихъ (кіевскаго арсенала) была удовлетворена“ *). „Послѣ такого успѣха первой прокламаціи, рабочіе повалили къ намъ въ такомъ количествѣ, что мы не знали, гдѣ найти мѣсто для собраній“, пишетъ Е. Ковальская. „Союзъ“ въ короткое время собралъ (никакъ нельзя сказать „сорганизовалъ„) до 700 человѣкъ. Но читатель догадывается, что никакого „рабочаго движенія“ такимъ путемъ вызывать было нельзя: послѣ ареста руководителей (опять-таки черезъ провокатора) крупнѣйшій рабочій союзъ тогдашней Россіи (въ „сѣверномъ“ было не болѣе 200 человѣкъ, здѣсь 700) пересталъ существовать, потому что „была потеряна связь у рабочихъ съ интеллигенціей“. Какого-либо успѣха отъ экономическаго террора, кромѣ указаннаго случая въ арсеналѣ (собственно, значитъ, не въ промышленномъ предпріятіи), повидимому, не получилось. Но что анархическая пропаганда и позже легче всего привилась на югѣ Россіи, имѣло, вѣроятно, свои причины — детальная исторія русскаго рабочаго движенія, еще не написанная, должна ихъ раскрыть.

---

*) „Русская Историческая Библіотека“, вып. 5-й, стр. 151 и 159.

Какъ бы то ни было, симптомомъ революціоннаго броженія среди рабочихъ былъ и южный союзъ не меньше, чѣмъ сѣверный. И главный стимулъ этого броженія, кризисъ, чѣмъ дальше, тѣмъ давалъ себя чувствовать больше. Разсказавъ, какъ голодаютъ крестьяне и рабочіе въ провинціи, „Рабочая газета",—издававшаяся въ Петербургѣ, въ концѣ 80-года, народовольцами для рабочихъ—даетъ такую петербургскую картину. „Первымъ дѣломъ зайдешь на какой-нибудь заводъ, либо фабрику; всюду только и слышишь, что разсчитываютъ. Напримѣръ—у Голубева, у Леснера разсчитали четвертую часть всѣхъ рабочихъ; у Путилова, у Нобеля, на Балтійскомъ—третью часть; у Растеряева, на Патронномъ, у Петрова—половину; заводъ Берда совсѣмъ сталъ, а было въ немъ 1500 рабочихъ. То же и на фабрикахъ. Выходитъ, значитъ, что и постояннымъ питерскимъ рабочимъ некуда дѣться, а тутъ, на несчастье, неурожай нагналъ изъ провинціи немало рабочаго люда. Какъ теперь поглядишь на все это, такъ тебѣ и видно станетъ, почему на нѣкоторыхъ улицахъ проходу нѣтъ отъ нищихъ, почему полиція, хоть и высылаетъ нищихъ тысячами изъ города, все же не можетъ очистить улицъ отъ нихъ". „Оборонительныя" забастовки продолжались—„хоть рабочій и понимаетъ, что теперь не время тягаться съ хозяиномъ, забастовку дѣлать, а все же иной разъ и не втерпежъ". Газета перечисляетъ и нѣсколько случаевъ самодѣльнаго фабричнаго террора. Естественно, что на рабочее движеніе обратило серьезное вниманіе и правительство. Единственныя мѣропріятія правительства 80-хъ годовъ, которыя не сводятся къ вліянію аграрнаго кризиса—это фабричные законы, градомъ посыпавшіеся, начиная уже съ 1882 года. Законъ 1 іюня этого года запретилъ работу малолѣтнихъ до 12 лѣтъ и ввелъ фабричный инспекторатъ; законы 12 іюня 1884 г. и 3 іюня 1885 г. развили дальше первый законъ и сдѣлали попытку урегулировать работу женщинъ и подростковъ; наконецъ, законъ 3 іюля 1886 г. былъ настоящимъ фабричнымъ регламентомъ, впервые „европеизировавшимъ" русскую фабрику: „патріархальному быту *), сводившемуся къ формулѣ „захочу—держу, захочу—прогоню и подохнешь съ голоду", былъ положенъ конецъ. Наиболѣе непріятнымъ для фабрикантовъ нарушеніемъ „обычнаго права"

*) Программа эта была, какъ извѣстно, въ рукахъ К. Маркса, который „испещрилъ" ее своими отмѣтками. Издатель программы въ заграничномъ „Вѣстникѣ" усмотрѣлъ здѣсь признакъ сочувственнаго вниманія Маркса; не было ли это скорѣе признакомъ противоположнаго?

было обязательство расплачиваться съ рабочими наличными деньгами въ опредѣленные сроки: въ былое время расплата натурой, купонами дальнихъ сроковъ и т. п., притомъ тогда, когда хозяину удобнѣе, была едва ли не такимъ же важнымъ источникомъ дохода, на мелкихъ фабрикахъ въ особенности, какъ и само производство. Другимъ, не менѣе важнымъ, источникомъ были произвольные штрафы: теперь и они попали подъ контроль правительственной инспекціи. Что все это било, главнымъ образомъ, мелкаго и отсталаго фабриканта — помогая, такимъ образомъ, конкурренціи съ нимъ крупныхъ, европейски обставленныхъ предпріятій, что фабричное законодательство имп. Александра III юридически додѣлывало то, что экономически подготовилъ кризисъ, губящій сотни мелкихъ фабрикъ въ пользу немногихъ фабричныхъ гигантовъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но этимъ лишь подтверждается банальная истина—что никакое законодательство въ мірѣ не можетъ итти *противъ* экономическаго теченія, всякое оперируетъ на той экономической почвѣ, какую даетъ ему историческій моментъ. *Мотивы* же, которыми сознательно руководилось правительство, не имѣли ничего общаго съ интересами крупнѣйшей буржуазіи, которая являлась для него, съ этой точки зрѣнія, случайнымъ попутчикомъ. Эти мотивы достаточно вскрываются уже хронологическимъ сопоставленіемъ фактовъ; крупнѣйшій изъ законовъ, 3 іюня 1886 г., непосредственно слѣдовалъ за крупнѣйшими забастовками 1884—85 гг., изъ которыхъ наиболѣе крупной была забастовка на морозовскихъ фабрикахъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, давшая поводъ къ громкому судебному процессу. Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Толстой, оставилъ совершенно ясное письменное изложеніе тѣхъ мотивовъ, которые руководили правительствомъ въ изданіи закона 3-го іюня—лишь номинально шедшаго отъ министерства финансовъ, фактически же созрѣвшаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. „Изслѣдованіе мѣстными властями причинъ означенныхъ стачекъ рабочихъ“, писалъ Толстой министру финансовъ Бунге, 4 февраля 1885 г., „обнаружило, что они грозили принять размѣры серьезныхъ волненій и произошли, главнымъ образомъ, *вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ законодательствѣ общихъ постановленій, на основаніи коихъ могли бы опредѣляться взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ*. Такой пробѣлъ въ законодательствѣ, обусловливая разнообразные порядки на фабрикахъ, открывалъ широкій просторъ произвольнымъ,

клонящимся къ ущербу рабочихъ, распоряженіямъ фабрикантовъ и ставилъ первыхъ въ крайне тяжелое положеніе: несоразмѣрно высокіе штрафы, въ виду временнаго упадка промышленной дѣятельности, часто служили въ рукахъ фабрикантовъ способомъ искусственнаго пониженія заработной платы до того, что рабочій лишался возможности уплатить лежавшія на немъ повинности (!) и прокормить свою семью; высокія цѣны въ фабричныхъ лавкахъ и недобросовѣстность приказчиковъ вызывали справедливый ропотъ и недовольство рабочихъ, а недостатокъ точности при составленіи условій съ малограмотными людьми порождали постоянные споры въ расчетахъ задѣльной платы... Совокупность всѣхъ изложенныхъ и многихъ другихъ причинъ влекла за собою, какъ показалъ опытъ, возникновеніе безпорядковъ, а необходимость для прекращенія ихъ прибѣгать къ содѣйствію войска въ достаточной степени свидѣтельствовала о настоятельности приступить къ составленію, въ развитіе дѣйствующаго фабричнаго законодательства, такихъ нормальныхъ правилъ, которыя, ограничивая въ извѣстной степени произволъ фабрикантовъ, способствовали бы устраненію въ будущемъ прискорбныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто въ Московской и Владимірской губерніяхъ“ *). Если припомнить, что фабричное законодательство входило уже въ программу Лорисъ-Меликова, картина будетъ совершенно закончена: мы имѣемъ несомнѣнный опытъ—осуществить на русской почвѣ „соціальную монархію“, о которой любилъ помечтать тогда и Бисмаркъ, и—въ дни своей юности—Вильгельмъ II. „Мы знаемъ нужды рабочихъ не хуже вашихъ соціалистовъ“, говорилъ Судейкинъ еще въ 1881 году попавшему къ нему на допросъ рабочему: „мы сами соціалисты, но соціалисты мирные...“ **). Несомнѣнный упадокъ революціоннаго рабочаго движенія въ серединѣ 80-хъ годовъ показываетъ, что правительственныя мѣры оказали извѣстное дѣйствіе. Работавшая въ 80-хъ годахъ въ Петербургѣ, преимущественно среди металлистовъ, „благоевская“ группа, теоретически, ухитрилась отстать даже отъ „Сѣвернаго Рабочаго Союза “: а мы знаемъ, что какъ разъ теоретическая выдержанность отнюдь не составляла сильной стороны этой послѣдней организаціи. Практическое положеніе доста-

*) Цитируемъ по г. Тургань-Барановскому, „Фабрика“, стр. 411.
**) В. Панкратовъ. „Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1880—84 гг.“ „Былое“, 1906 г., мартъ.

точно характеризуется тѣмъ, что группа „состояла исключительно изъ однихъ интеллигентовъ“ и дальше связей съ отдѣльными рабочими не шла. Плехановъ явно сомнѣвался въ тѣ дни: устоятъ ли рабочіе передъ соблазномъ „соціальнаго“ миража? Но промышленный подъемъ сразу вырвалъ почву изъ-подъ ногъ у „мирныхъ соціалистовъ“.

Борьба между рабочимъ и предпринимателемъ изъ-за уровня заработной платы съ одной стороны, уровня прибыли съ другой, происходитъ и при подъемѣ такъ же, какъ и во время кризиса: но условія этой борьбы иныя. По мѣрѣ подъема прибыль растетъ и растетъ всегда быстрѣе заработной платы. Предпринимателю есть съ чего „спустить“—и хотя онъ старается присвоить себѣ возможно большую долю прибавочнаго продукта, но, въ случаѣ надобности, онъ можетъ увеличить плату своимъ рабочимъ и не терпя „убытковъ“, т.-е. не понижая своей прибыли ниже обычнаго уровня, и не рискуя банкротствомъ. Теперь для рабочихъ открывается возможность борьбы за улучшеніе условій существованія. Борьба эта облегчается еще тѣмъ, что предпринимателю, при подъемѣ, крайне невыгоденъ малѣйшій перерывъ въ производствѣ: не говоря уже о прямомъ убыткѣ отъ остановки теченія золотой рѣки, льющейся въ его карманъ, при подъемѣ новыя предпріятія растутъ, какъ грибы—стоитъ потерять рынокъ на минуту, какъ на немъ появились уже десятки конкурентовъ. Оттого въ минуты наиболѣе интенсивнаго подъема предприниматель готовъ примириться даже съ существованіемъ рабочихъ организацій, лишь бы не терпѣть разорительныхъ остановокъ въ производствѣ — предупредить стачки: на промышленномъ подъемѣ выросла „фабричная конституція“ Англіи. Рабочіе, само собою разумѣется, смотрятъ на предметъ съ другой стороны — и для нихъ подъемъ всюду бываетъ періодомъ стачекъ особенно интенсивныхъ и побѣдоносныхъ,—стачекъ наступательныхъ въ противоположность оборонительнымъ стачкамъ періодовъ упадка. Промышленный подъемъ 90-хъ годовъ былъ и у насъ временемъ повышенія заработной платы. На фабрикѣ Цинделя средній годовой заработокъ рабочаго-мужчины въ 1886 г. составлялъ 235 р., а въ 1896 — 270 р.: между тѣмъ цѣна хлѣба за этотъ промежутокъ времени понизилась, такъ что реальная заработная плата должна была увеличиться еще значительнѣе, чѣмъ номинальныя. Повышеніе продолжалось и въ слѣдующіе годы: средняя поденная плата на той же фабрикѣ Цинделя въ 1895—96 гг. равня-

лась приблизительно 60 копейкамъ, а въ 1898 — 99 уже 67 — 68. На Юзовскомъ заводѣ, Екатеринославской губерніи, въ 1884 — 85 гг. минимальная заработная плата была 30 — 40 к. въ день, а максимальная 3 р. 70 коп.: въ 1897 первая не спускалась ниже 70 коп., а вторая поднялась до 6 рублей *). Но тѣ же девяностые годы отмѣчены, въ то же время, интенсивнымъ забастовочнымъ движеніемъ **).

Это послѣднее, опять-таки, нельзя объяснять только дѣйствіемъ пропаганды. Она, правда, не прекращалась ни на минуту, но районъ ея вліянія былъ крайне незначителенъ, и, что болѣе важно, по характеру своему она отличалась чрезвычайной скромностью и умѣренностью. Когда, согласно рѣшенію международнаго соціалистическаго конгресса въ Парижѣ (въ 1889 г.), 1-е мая стало официальнымъ праздникомъ рабочихъ всего міра, на русской территоріи это рѣшеніе было проведено въ жизнь только поляками: цѣлый рядъ варшавскихъ фабрикъ стоялъ 1 мая 1890 года; была демонстрація, были и аресты. Въ Петербургѣ было все тихо. Только годъ спустя, „въ маѣ состоялось первое въ Петербургѣ тайное собраніе рабочихъ, посвященное празднованію перваго мая“, разсказываетъ современникъ. „Устроено оно было центральнымъ кружкомъ... Фактъ собранія хранился въ глубокой тайнѣ. Только осенью одинъ изъ рабочихъ рѣшился дать текстъ рѣчей знакомой учительницѣ воскресной школы за Невской заставой. Отъ учительницы рѣчи попали въ руки только что образовавшагося народовольческаго кружка и тотчасъ изданы на гектографѣ, къ большому неудовольствію соціалъ-демократической петербургской интеллигенціи. Затѣмъ рѣчи были перепечатаны загра-

*) Туганъ-Барановскій. „Фабрика“, стр. 440—441.

**) Для наглядности приводимъ слѣдующую табличку:

Годы.	Число бастовавшихъ рабочихъ: по офиц. даннымъ.	по вычисленіямъ Л. Мартова.
1894	?	17.000
1895	31.195	48.000
1896	29.527	67.000
1897	59.870	102.000
1898	43.150	87.000
1899	97.498	130.000

См. Л. Мартова „Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 по 1904 г.“ въ „Исторіи Россія въ XIX в.“, изд. Гранатъ, т. VIII, стр. 69.

ницей „Группой Освобожденія Труда“ *). Нѣтъ надобности говорить, что если полицейскія условія Петербурга чѣмъ-нибудь отличались отъ таковыхъ же Варшавы, временъ Гурко, то развѣ къ лучшему, а никакъ не къ худшему. И все-таки, пропагандисты были бы не прочь, чтобы „манифестація“ осталась тайною ото всѣхъ, кромѣ нихъ самихъ и кучки собравшихся рабочихъ... Рѣчи, которыя держались на собраніи этими послѣдними, вполнѣ гармонировали со скромностью самого выступленія. „Намъ стоитъ только вооружить себя сильнымъ оружіемъ, а это оружіе есть знаніе историческихъ законовъ развитія человѣчества—тогда мы всюду побѣдимъ врага“, говорилъ одинъ изъ нихъ. „Никакія его притѣсненія и высылки на родину, заточеніе насъ въ тюрьмы и даже высылки въ Сибирь не отнимутъ у насъ этого оружія“. „Въ настоящее время“, говорилъ другой, „намъ остается только возможность заняться развитіемъ и организаціей рабочихъ, возможность, которою, надѣюсь, мы и воспользуемся, несмотря ни на какія препятствія и угрозы. А для того, чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе, намъ необходимо стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ, и болѣе энергично дѣйствовать, для того, чтобы окружающіе насъ смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили насъ въ примѣръ себѣ и другимъ“. Авторъ, у котораго мы заимствуемъ цитаты **), совершенно правильно говоритъ о „религіозной торжественности и глубокомъ идеализмѣ“, которыми дышали эти рѣчи: кромѣ нѣсколькихъ бранныхъ словъ по адресу правительства, въ нихъ нельзя найти даже отдаленнаго намека на революцію.

Одинъ тогдашній петербургскій пропагандистъ оставилъ чрезвычайно живую и наглядную картину первой забастовки, какую ему пришлось въ 1894 году наблюдать, въ качествѣ зрителя, съ имперіала трамвайнаго вагона. Какъ вылитые, передъ нами и разгромленная контора Семянниковскаго завода, съ выбитыми стеклами, и обступившія заводъ, „тысячи“ рабочихъ, и скачущіе казаки. Пропагандистъ честно признаетъ, что во всемъ этомъ своеобразномъ зрѣлищѣ онъ и его лекціи объ „историческихъ законахъ развитія человѣчества“ были совершенно не при чемъ: „я долженъ при-

*) М. С. Александровъ „Группа народовольцевъ (1891—94)“ „Былое“ 1906, ноябрь. Курсивъ нашъ.

**) В. П. Акимовъ-Махновецъ. „Первое мая въ Россіи“. Ibid., октябрь.

бавить, что во всей этой исторіи „наши“ рабочіе не принимали ровно никакого участія“, говоритъ онъ *). „Вся исторія“ возникла совершенно стихійно, на чисто экономической почвѣ: затягивали расчетъ, подходило, между тѣмъ, Рождество—и рабочіе рисковали остаться къ празднику безъ денегъ. Но финалъ „всей исторіи“ долженъ былъ заставить задуматься и пропагандистовъ. Побѣда семянниковскихъ рабочихъ привела къ тому, что „жандармскіе офицеры въ ту же ночь выдавали рабочимъ давно требуемую получку“. „Мирные соціалисты“ не дремали—а стихійныя забастовки шли, какъ волны, одна за другой. Въ декабрѣ 1894 года „отбунтовали“ семянниковцы,—а на масленицѣ слѣдующаго года былъ столь же грандіозный „бунтъ“ въ порту новаго адмиралтейства. Потомъ пришла очередь бумагопрядильнъ. „Среди кружковыхъ рабочихъ наступаетъ пора новыхъ вѣяній. Совершается переломъ... Весною 1895 года оттѣнки новаго направленія становятся гуще. Раздается уже довольно рѣзкій протестъ противъ прежняго способа веденія дѣла... Начинается явное неудовлетвореніе „кружковщиной“ и „саморазвитіемъ“. Является жажда новой плодотворной работы...“ Кружковая интеллигенція уступала не сразу: „послѣ горячаго спора представителей группы рабочихъ района Невской заставы съ представителемъ отъ группы интеллигентовъ, „старыхъ соціалъ-демократовъ“, иначе „литераторовъ“, было рѣшено начать примѣнять новую тактику массовой агитаціи на основаніи насущныхъ потребностей рабочихъ той или иной фабрики“ **). Въ западной Россіи процессъ шелъ быстрѣе—тамъ переходъ къ агитаціи назрѣлъ уже въ началѣ 1894 года, и на совѣщаніи виленцевъ съ москвичами возникла идея извѣстной брошюры „Объ агитаціи“ ***).

Разрѣшенія той задачи, которую ставила себѣ эта брошюра, пришлось ждать довольно долго. Забастовочная волна, поднимаясь все выше въ теченіе зимы 1895—96 года (за эту зиму въ одномъ Петербургѣ приходится отмѣтить: „бунтъ“ папиросницъ на табачной фабрикѣ Лаферма, стачку на фабрикѣ „товарищества механической производства обуви“, забастовку на ткацкой фабрикѣ Торнтона, ткацкой же Лебедева, у Кенига, на Сампсоньевской мануфактурѣ, на бумагопрядильнѣ Воронина, въ Новомъ Адмиралтействѣ, на

*) К. М. Таръ. „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ“, изд. 2-е, стр. 15.

**) Ibid., стр. 17 и 21. Курсивъ нашъ.

***) Объ этой брошюрѣ и различныхъ точкахъ зрѣнія на нее см. у М. Лядова, цит. сочин., стр. 85—87.

Александровскомъ чугунномъ заводѣ, на Сестрорѣцкомъ оружейномъ, на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Балтійскомъ судостроительномъ и т. д.,—не считая нѣсколькихъ повторныхъ *)) достигла своего апогея въ маѣ и іюнѣ 1896 года, когда стали всѣ ткацкія и прядильныя фабрики Петербурга, и число бастовавшихъ одновременно рабочихъ достигло 30.000. Стачкѣ предшествовала майская прокламація только что возникшаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Борьба шла уже не такъ стихійно, какъ раньше—но все же, по признанію близкаго свидѣтеля, „Союзъ былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы руководить такимъ широкимъ движеніемъ", а поводъ къ этому „широкому движенію" былъ, опять-таки, чисто экономическій—требованіе заработной платы за дни коронаціи, когда фабрики стояли не по винѣ рабочихъ. Матеріально, движеніе, длившееся почти мѣсяцъ (съ послѣднихъ чиселъ мая до 18 іюня), питалось не средствами какой-либо организаціи уже (въ кассѣ „Союза борьбы" было всего 3000 рублей!), а, главнымъ образомъ, щедрой поддержкой не бастовавшихъ рабочихъ (преимущественно съ механическихъ заводовъ). Въ результатѣ правительство обѣщало сокращеніе рабочаго дня, и въ 1897 г. явился законъ 2 іюня, установившій въ Россіи, теоретически, $11\frac{1}{2}$ часовой рабочій день. „Практическое значеніе закона 1897 года не подлежало бы спору,—говоритъ историкъ русской фабрики,—если бы постановленія закона о предѣльной нормѣ рабочаго дня не парализовались отсутствіемъ мѣръ наказанія и разрѣшеніемъ сверхурочныхъ работъ. Циркуляръ министра финансовъ отъ 14 марта 1898 г., разрѣшившій въ неограниченномъ размѣрѣ сверхурочныя работы, почти лишаетъ законъ 1897 г. всякой силы" **): уступка была, такимъ образомъ, только принципіальной. Въ результатѣ успѣшной наступательной стачечной борьбы 90-хъ годовъ складывалось настроеніе не революціонно-соціалистическое, а реформистское. На русской почвѣ этотъ своеобразный реформизмъ получилъ названіе „экономизма". Въ немъ мы должны отмѣтить два положенія: что основой всякаго серьезнаго рабочаго движенія должна быть широкая массовая организація—и что вовлечь массы въ такую организацію можно только на почвѣ ихъ повседневныхъ, будничныхъ нуждъ и требованій. Но „экономисты" были убѣждены, что

*) См. цит. соч. К. Тара.
**) Туганъ-Барановскій, цит. соч., стр. 429—30.

этого и достаточно—остальное само приложится; ближайшее же будущее готовило имъ жестокое разочарованіе.

Послѣднимъ годомъ промышленнаго подъема былъ 1898-й. Показателемъ наступавшей реакціи было повышеніе учетнаго процента на западноевропейскихъ биржахъ (въ Парижѣ съ 2,20, въ 1898 году, до 3,06 въ 1899—въ Лондонѣ до 3,75, въ Берлинѣ даже до 4,98, тогда какъ въ 1895 году берлинскій учетный процентъ былъ 3,15). „Зима 1899—900 г. была посвящена ликвидаціи предшествовавшаго промышленнаго подъема. Изъ всѣхъ концовъ Россіи приходили извѣстія о застоѣ торговли, банкротствахъ, безработицѣ". Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ „фабрики и заводы съ 1 октября (1899 года) сократили свою работу и лишній контингентъ рабочихъ увольняютъ на всѣ четыре стороны..." Въ Нижнемъ тою же осенью „усиленно сокращали штатъ рабочихъ на Сормовскихъ заводахъ и на заводѣ Доброва и Набгольцъ: сокращеніе это продолжалось до доброй половины зимы. Разсчитывали рабочихъ и на заводѣ Курбатова". Въ Тулѣ къ веснѣ слѣдующаго года „положеніе рабочаго населенія становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Фабрики и заводы, писали оттуда, сокращаютъ или вовсе пріостанавливаютъ свою дѣятельность, уменьшается точно такъ же спросъ на рабочія руки: напротивъ, количество послѣднихъ увеличивается. Многіе рабочіе давно уже перезаложили свои болѣе или менѣе цѣнныя вещи, даже кое-что изъ домашняго скарба, чтобы только не остаться безъ хлѣба" *). Дальнѣйшій ходъ кризиса рисуетъ слѣдующая табличка:

Годы.		Количество переработаннаго въ Россіи хлопка.	Выплавленнаго чугуна
		тысячъ пудовъ.	
1896	подъема:	12.861	98.951
1897		15.110	114.782
1898		16.803	135.636
1900	кризиса:	16.007	176.828
1901		16.123	172.876
1902		17.427	156.919

А вмѣстѣ съ кризисомъ поднималось и настроеніе рабочихъ. Уже харьковская маевка 1900 года не имѣла ничего общаго съ тѣми тайными собраніями, гдѣ говорилось о пользѣ

*) Цитаты изъ газетн. корреспонденцій у г. Туганъ-Барановскаго, стр. 355 и сл.

наукъ, какое мы видѣли въ Петербургѣ въ 1891 году. Десятитысячная толпа рабочихъ, съ красными знаменами, прошла весь городъ отъ одного конца до другого, выдержавъ цѣлый рядъ схватокъ съ казаками. А въ 1901 году дошла очередь и до Петербурга. Попытка отпраздновать 1 мая на Обуховскомъ заводѣ привела къ репрессіямъ, а репрессіи вызвали забастовку (съ чисто принципіальнымъ требованіемъ—8-ми часового рабочаго дня) и демонстрацію. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ вышла на Шлиссельбургскій трактъ и здѣсь, по словамъ обвинительнаго акта, повела себя „крайне вызывающимъ образомъ, осыпала бранью и насмѣшками чиновъ полиціи, по адресу же патрульныхъ раздавалась площадная ругань и крикъ, что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Скопленіемъ народа окончательно было прекращено всякое уличное движеніе, и остановленъ проѣздъ конныхъ патрулей, которымъ толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедшій же вагонъ конной желѣзной дороги съ чинами полиціи былъ засыпанъ градомъ заранѣе заготовленныхъ камней. Заперевъ и забаррикадировавъ изнутри ворота кирпичной фабрики, толпа стала бросать камни и кирпичи; жандармы и конная стража вынуждены были отступить. Захвативъ пѣшихъ городовыхъ, полицеймейстеръ Полибинъ трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ съ цѣлью ихъ выломать: большинство сопровождавшихъ его городовыхъ получили ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней. Вытребовавъ эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ, Полибинъ выстроилъ прибывшую на мѣсто морскую команду и открылъ огонь вдоль проспекта“ *)... „Мирные соціалисты“ и послѣ такихъ событій не теряли еще надежды, но характеръ средствъ, пускавшихся теперь ими въ ходъ, самъ по себѣ достаточно ясно показывалъ, какъ много воды утекло съ 80-хъ годовъ и наверху, и внизу, въ рабочихъ массахъ. Тогда, въ дни фабричныхъ законовъ 1882—86 гг., были реальныя уступки рабочему классу—уступки, останавливавшіяся, правда, весьма рано, но манившія перспективами на дальнѣйшія уступки, уже гораздо болѣе крупныя. А теперь въ московскія организаціи, связанныя съ именемъ Зубатова, рабочихъ привлекали обѣщаніями „самодѣятельности“, о которой въ проектѣ устава „Общества рабочихъ механическаго производства города Москвы“ рабочіе могли прочесть: „въ списки

*) Цит. по статьѣ В. П. Акимова-Махновца, „1-е мая въ Россіи“, „Былое“ 1906, ноябрь.

избирателей (совѣта „общества“) имѣетъ право быть записанъ всякій рабочій механическаго производства города Москвы, уплачивающій установленные для сего членскіе взносы. Въ случаѣ протеста со стороны собранія рабочихъ механическаго производства или со стороны Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, данный кандидатъ къ зачисленію въ списки не допускается... Совѣтъ рабочихъ механическаго производства гор. Москвы составляется изъ лицъ, принадлежащихъ къ числу рабочихъ этого производства, избранныхъ Собраніями Общества и утвержденыхъ Московскимъ Оберъ-Полицеймейстеромъ... Совѣтъ обязанъ, по требованію Московскаго Оберъ-Полицейместера, способствовать администраціи въ разъясненіи и улаженіи мирными и законными средствами недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и хозяевами на фабрикахъ и заводахъ“. Но несмотря на дѣятельность этихъ организацій, политическія требованія все чаще и чаще встрѣчаются въ первомайскихъ воззваніяхъ начала девяностыхъ годовъ, эволюціонируя, притомъ, весьма быстро— отъ „участія народа въ управленіи“ къ „политической свободѣ, созыву выборныхъ отъ народа для управленія государствомъ и контролю надъ министрами“и „народному полновластію“.

ГЛАВА XXIV.

Аграрный кризисъ.

Въ своемъ дневникѣ Валуевъ окрестилъ положеніе вещей, наступившее непосредственно послѣ 1 марта 1881 года, „эрратическимъ“ *), — терминъ, не совсѣмъ обычный въ политикѣ, но лучше трудно придумать. Начался, дѣйствительно, короткій періодъ блужданій и ошибокъ, притомъ съ обѣихъ сторонъ, нужно сказать. Не инымъ, какъ „эрратическимъ“ актомъ приходится признать, напримѣръ, знаменитое „письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“, гдѣ революціонное движеніе объявлялось „не такимъ дѣломъ, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей“, а „процессомъ народнаго организма“, и въ то же время ставились опредѣленныя условія „отдѣльной личности“, новому императору, — условія, по соблюденіи которыхъ „процессъ народнаго организма“ долженъ былъ прекратиться или, по крайней мѣрѣ, принять иную форму. Вотъ какъ описываетъ состояніе новаго государя, въ тѣ же первыя минуты, самый близкій къ нему человѣкъ — Побѣдоносцевъ: „Сегодня вечеромъ въ 12 ч. ночи (1 марта) бѣдный сынъ и наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня... Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго государя! Жаль, какъ бѣднаго, больного ошеломленнаго ребенка. Боюсь, что

*) Отъ латинскаго глагола e r r a r e „блуждать“ и „ошибаться“, въ то же время: въ геологіи валуны называются „эрратическими камнями“.

воли не будетъ у него. Кто же поведетъ его?..“ *) На послѣдній вопросъ очень обстоятельно отвѣтилъ тотъ же Валуевъ. „Въ теченіе всего періода царствованія съ 8 марта по 29 апрѣля противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, такъ сказать, наружно играть прежнюю роль, но, въ сущности, онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и гр. Воронцова (Дашкова), преимущественно по части личныхъ назначеній и анормальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ... Ни гр. Лорисъ-Меликовъ, ни его вдохновитель Абаза (министръ финансовъ) не рѣшались бороться съ этими вспышками прямого самодержавія. Они думали, какъ выразился Абаза, что игра такихъ вспышекъ пройдетъ, и они успѣютъ окончательно утвердиться на своей почвѣ и утвердить за собою прочное вліяніе. Послѣдствія показали, что они ошиблись. Между тѣмъ рядомъ съ ними и съ Побѣдоносцевымъ, съ гр. Воронцовымъ начинало упрочиваться еще другое вліяніе въ лицѣ графа Игнатьева“. Вотъ сколько было охотниковъ „вести“! И всякій изъ кандидатовъ въ руководители вносилъ что-нибудь свое въ эту какофонію—Лорисъ-Меликовъ свой „просвѣщенный деспотизмъ“ à la Николай Милютинъ, Абаза („тайный совѣтникъ Стрекоза“ щедринскихъ разсказовъ этой поры)—свой русско-бюрократическій либерализмъ, Игнатьевъ—свое славянофильство „послѣдняго образца“, Побѣдоносцевъ—свой фанатизмъ Торквемады XIX столѣтія—и, наконецъ, въ лицѣ Воронцова-Дашкова, будущаго главы „Священной дружины“, выступало нѣчто до того „сложное“, что въ этой „сложности“ изслѣдователи до сихъ поръ не могутъ, какъ слѣдуетъ, разобраться: съ одной стороны, какъ будто феодальный конституціонализмъ виднѣется, съ другой—какъ будто народовольчество навыворотъ **). Даже злосчастная „конституція Лорисъ-Меликова“ не даетъ ясной раздѣльной черты. На докладѣ графа Александръ III написалъ сначала: „онъ (докладъ) составленъ очень хорошо“; во время знаменитаго совѣщанія 8 марта большинство членовъ было на сторонѣ Лориса ***),—и даже гораздо послѣ, побѣдившая сторона, въ

*) Богучарскій, цит. соч. 274—275.
**) См. въ неоднократно цит. книгѣ г. Богучарскаго главы 10—12.
***) См. подробный отчетъ объ этомъ совѣщаніи въ „Быломъ“, 1906, январь, гдѣ только оно ошибочно названо „засѣданіемъ государственнаго совѣта“.

лицѣ Игнатьева и ближайшихъ сотрудниковъ Воронцова-Дашкова, носилась съ какими-то проектами то земскаго собора, то прямо „парламентскаго образа правленія“—непремѣнно съ палатой лордовъ. На совѣщаніи 8 марта вопросъ, правда, ставился—предсѣдательствовавшимъ на немъ императоромъ—такъ: за конституцію или противъ нея? При чемъ Александръ Александровичъ мобилизировалъ даже свои личныя европейскія наблюденія (въ хорошо знакомой ему Даніи). Но, судя по всѣмъ разсказамъ, своего мнѣнія онъ не навязывалъ—и явившаяся кульминаціоннымъ пунктомъ „совѣщанія“ рѣчь Побѣдоносцева поставила дѣло несравненно шире. Вотъ наиболѣе выдающееся мѣсто этой рѣчи: „Благодаря пустымъ болтунамъ, что сталось съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго государя, пріявшаго подъ конецъ своего царствованія мученическій вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія, — говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія со своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія,—новыя говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ

беззаконіямъ". Все это, положимъ, приводилось, какъ аргументъ противъ „учрежденія по иноземному образцу новой верховной говорильни" (о которомъ въ разбиравшемся проектѣ Лорисъ-Меликова не было еще пока ни слова); но сопоставьте подчеркнутыя нами фразы — развѣ это не полная программа контръ-реформъ? Тутъ все можно уже найти, что отмѣтило царствованіе Александра III—отъ земскихъ начальниковъ, судебныхъ новеллъ, стѣсненій печати до антисемитизма и даже до винной монополіи, не связавшейся съ этимъ царствованіемъ только по случайной причинѣ, преждевременной смерти императора. И если зловѣщія слова Побѣдоносцева не остались пустымъ звукомъ, а воплотились въ жизнь, то, очевидно, тутъ былъ какой-то „органическій процессъ", котораго не предусмотрѣли писавшіе Александру Александровичу члены Исполнительнаго Комитета. А въ томъ, что „личности" тутъ были не при чемъ, они, конечно, совершенно правы: не Побѣдоносцевъ своими интригами—которымъ такъ много удѣляетъ вниманія новѣйшій историкъ эпохи—повернулъ ходъ русской исторіи, а „органическій процессъ" подобралъ себѣ исполнителей, какіе ему были нужны въ томъ числѣ и Побѣдоносцева съ Д. Толстымъ и Катковымъ.

Мы видѣли, что настроеніе буржуазныхъ круговъ въ концѣ царствованія Александра II—настроеніе политическое—можно скорѣе всего охарактеризовать, какъ индиферентизмъ. Буржуазія не была настроена относительно правительства враждебно, но и горячей преданности ему (какъ это было въ 1863 г., напримѣръ) въ концѣ 70-хъ годовъ нельзя замѣтить. Этотъ индиферентизмъ, это безразличіе обѣ боровшіяся стороны истолковывали въ свою пользу. Революціонеры желали видѣть въ „обществѣ" оппозиціонную силу—и сѣтовали лишь, что эта сила слишкомъ робка, слишкомъ мало даетъ себя чувствовать. Правительство, въ свою очередь, искало въ „обществѣ" опоры противъ революціонеровъ. Въ общемъ, болѣе право, конечно, было правительство—что, вскорѣ послѣ 1 марта, и доказалъ одинъ маленькій случай. Самымъ яркимъ образчикомъ „эрратической" политики былъ, несомнѣнно, „бараній парламентъ"—совѣтъ изъ выборныхъ отъ петербургскаго населенія при петербургскомъ градоначальникѣ ген. Барановѣ, устроенный съ нарочитою цѣлью привлечь „общество" къ активной борьбѣ съ крамолой. Выборы были открытые—каждый избиратель долженъ былъ вручить свой бюллетень мѣстной полицейской

власти, за своею подписью: это, конечно, очень ослабляетъ значеніе этихъ выборовъ, какъ выраженія общественнаго мнѣнія. При такихъ условіяхъ трудно было ожидать, напримѣръ, чтобы часто повторялись имена „лѣвыхъ“ литераторовъ, профессоровъ и тому подобныхъ лицъ, начальству не угодныхъ. Но выбирала исключительно буржуазія—домовладѣльцы и квартиронаниматели,—люди, стало быть, лично не черезчуръ зависимые, и „совѣтъ“ за короткое время своего существованія держалъ себя сравнительно прилично *). И вотъ, на этихъ выборахъ подавляющее большинство (176 голосовъ на 228 выборщиковъ—выборы были двухстепенные) получилъ генералъ Треповъ,—тотъ самый, въ котораго стрѣляла Вѣра Засуличъ. Онъ прошелъ первымъ—остальные получили голосовъ меньше. При всѣхъ минусахъ барановской системы это, несомнѣнно, была манифестація—не революціонная. По случаю вступленія на престолъ Александра III рядъ земскихъ и дворянскихъ собраній поднесъ ему адреса. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ адресовъ выражались конституціонныя надежды, — выражались робко и блѣдно, тѣмъ не менѣе, ихъ было, конечно, достаточно, чтобы адреса повлекли за собою репрессіи. Но мы видѣли, что конституціонныя надежды были въ это время и наверху: земство шло въ тактъ съ извѣстной частью правительства. Ни одного адреса, носившаго оппозиціонный характеръ, не было не только подано (до этого бы и не допустили), но даже и проектировано: всѣ были одинаково вѣрноподданническіе. Словомъ, нейтралитетъ „общества“ былъ благожелательнымъ болѣе въ сторону правительства, враждебнымъ—болѣе въ сторону революціонеровъ. Но все же это былъ только нейтралитетъ, и на то были свои причины. Правительство Александра II, когда-то рьяно пошедшее по пути буржуазной политики и внутри страны, и внѣ ея, въ международныхъ отношеніяхъ (съ одной стороны, „великія реформы 60-хъ годовъ“, съ другой—завоеваніе Амура и Туркестана, рядомъ съ воздержаніемъ отъ вреднаго для развитія русскаго капитализма вмѣшательства въ европейскія дѣла), къ концу 70-хъ годовъ явно сбилось съ этого пути. Русско-турецкая война 1877—78 гг., если и отвѣчала интересамъ какихъ-либо буржуазныхъ группъ, то группъ немноголюдныхъ (главнымъ образомъ московскихъ промышленниковъ и желѣзнодорожныхъ грюндеровъ), и притомъ интересамъ, довольно отдаленнымъ. Ближайшимъ

*) См. о немъ въ ст. П. Е. Щеголева „Послѣ 1 марта 1881 г.“, „Былое“, 1907 г., мартъ.

образомъ это была растрата средствъ и силъ, для народнаго хозяйства совершенно безплодная и вредная. Внутренняя политика, по мѣрѣ развитія революціоннаго террора, выродилась въ систему мѣръ личнаго самоохраненія, для той же буржуазіи прямо убыточныхъ: одно обязательное дежурство дворниковъ было равносильно налогу въ 700.000 руб., наложенному на петербургскихъ домовладѣльцевъ. О странѣ просто забыли: за каждымъ угломъ мерещился „нигилистъ“ съ бомбой, всецѣло гипнотизировавшій тѣхъ, кто управлялъ. Оригинальность Лорисъ-Меликова въ томъ и заключалась, что онъ пытался покончить съ этой „охранной“ точкой зрѣнія въ политикѣ—во имя интересовъ самой же охраны, рѣшивъ сдѣлать что-нибудь и для управляемыхъ. И эту сторону лорисъ-меликовской политики правительство Александра III усвоило вполнѣ: оно, не приходится этого отрицать, старалось дѣлать то, что было нужно, если не всему „обществу“ то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вліятельной его части. И если въ итогѣ его „дѣла“ получилось возстановленіе крѣпостного режима въ тѣхъ его частяхъ, какія еще можно было реставрировать, то это потому, что реставрація носилась въ воздухѣ: ея желали, къ ней стремились.

Среди факторовъ, создавшихъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, настроеніе „правящихъ“ классовъ, на первомъ мѣстѣ приходится поставать экономическую конъюнктуру. Въ промышленности господствовалъ застой: нѣсколько цифръ дадутъ о немъ понятіе лучше длинныхъ разсужденій: *).

Годы.	Количество привезеннаго хлопка (тыс. пуд.).	Количество выплавленнаго чугуна (тыс. пуд.).
1881	9.076	28.662
1882	7.755	28.237
1883	8.949	29.407
1884	7.373	31.106
1885	7.574	32.206

Для самаго начала періода можно говорить даже больше, чѣмъ о застоѣ. Вотъ какъ характеризуетъ положеніе дѣла одинъ современный публицистъ, цитируемый тѣмъ же авторомъ: „Зимою 1880—81 гг. рабочіе во всѣхъ отрасляхъ про-

*) Данныя заимствованы у г. Туганъ-Барановскаго, „Русская фабрика“, стр. 313 (по 2-му изд.).

мышленности были поставлены въ самое бѣдственное положеніе. Въ Петербургѣ крупные заводы, особенно механическіе, стали распускать рабочихъ... Такъ, напр., на огромномъ заводѣ Берда, гдѣ прежде работало 3—4 тысячи человѣкъ, теперь осталось 1000 рабочихъ, на Александровскомъ заводѣ вмѣсто 800 осталось 350 рабочихъ, на Сампсоніевскомъ вмѣсто 1200—1500 только 450 человѣкъ, на заводѣ Нобеля вмѣсто 900—1200 около 600; на остальныхъ механическихъ заводахъ точно такъ же произошло значительное уменьшеніе числа рабочихъ. Вообще, милліонные обороты заводовъ сократились почти наполовину".

Такимъ образомъ крупная буржуазія промышленная, къ началу 80-хъ годовъ уже видный общественный факторъ, должна была быть настроена консервативно въ силу своего экономическаго положенія. Застой и кризисъ всегда переводятъ предпринимателей на оборонительную позицію; они стремятся только къ тому, чтобы отстоять свои „обычные" дивиденды: классовая борьба обостряется, а въ связи съ ея обостреніемъ промышленники чувствуютъ все больше и больше симпатіи къ полицейской силѣ. Все это едва ли нужно разъяснять читателю, пережившему 1906—9 годы. „Полѣвѣніе буржуазіи" всегда происходитъ на фонѣ промышленнаго подъема и оживленія, которымъ устарѣвшія политическія формы ставятъ препятствія; въ минуты застоя буржуазія всегда „правѣетъ". Но, уже большая общественная сила, промышленная буржуазія въ Россіи 80-хъ годовъ далеко не была еще силой рѣшающей,—какой она почти сдѣлалась въ наши дни. Рѣшающую роль продолжало играть землевладѣніе: крупное, непосредственно державшее въ рукахъ политическую власть, среднее—господствовавшее въ „мѣстномъ самоуправленіи", въ земствѣ. Политическое настроеніе этихъ группъ въ первой половинѣ вѣка диктовалось, какъ мы видѣли, прямо и непосредственно,—хлѣбными цѣнами. Вздорожаніе хлѣба на европейскомъ рынкѣ сдѣлало помѣщиковъ 50-хъ годовъ изъ крѣпостниковъ либералами. На „крѣпкихъ" цѣнахъ двухъ слѣдующихъ десятилѣтій держалось „буржуазное настроеніе" русскаго дворянства при имп. Александрѣ II. Какъ обстояло дѣло при имп. Александрѣ III? Дадимъ говорить опять цифрамъ. Вотъ табличка, характеризующая измѣненія въ цѣнахъ на пшеницу и рожь на главнѣйшихъ европейскихъ рынкахъ за двадцатипятилѣтіе съ 1870 по 1895 годъ:

Годы.	Цѣны пшеницы. Въ Англіи. (Въ маркахъ за 1000 кил.)	Въ Пруссіи.	Цѣны ржи. Пруссія. (Тоже.)
1871—75	246,4	235,2	179,2
1876—80	206,8	211,2	166,4
1881—85	180,4	189,0	160,0
1886—90	142,8	173,9	143,0
1891—95	128,2	165,5	148,5 *)

Такъ обстояло дѣло на западѣ, совершенно естественно, что русскій производитель, вывозя свой хлѣбъ за границу, получалъ за него все меньше и меньше.

Годы.	Вывозъ всѣхъ хлѣбовъ. Милліоны пудовъ.	Цѣны за пудъ. Пшеницы.	Ржи.
1871—75	193,2	144 коп.	78 коп.
1876—80	279,8	124 „	91 „
1881—85	294,0	118 „	98 „
1886—90	413,3	100 „	67,5 „
1891—95	440,5	081 „	65 „
1896	516,3	074 „	54 „

Цѣны русскаго хлѣбнаго экспорта даютъ возможность детализировать слишкомъ суммарное впечатлѣніе первой нашей таблицы. Изъ послѣдней видно лишь, что цѣны на хлѣбъ въ Европѣ, со второй половины 70-хъ годовъ, неуклонно падали—и особенно сильно падали онѣ какъ разъ въ 80-хъ годахъ. Русская таблица свидѣтельствуетъ, что это паденіе происходило не одинаково равномѣрно для всѣхъ хлѣбовъ: пшеница падала неудержимо, рожь держалась гораздо устойчивѣе, а въ началѣ 80-хъ годовъ даже поднялась въ цѣнѣ. Но мы уже знаемъ различное соціальное значеніе обоихъ этихъ видовъ хлѣба: пшеница всегда была барскимъ хлѣбомъ, рожь—мужицкимъ. Вотъ табличка, которая еще разъ иллюстрируетъ это.

Земли.	% земли засѣянной Пшеницей. 1881 г.	1903 г.	Рожью. 1881 г.	1903 г.
Частновладѣльч.	21%	27,6%	32,2%	27,6%
Крестьянскія	14,9%	18,7%	38,8%	35,1%

Мы не будемъ останавливаться на этомъ, чрезвычайно характерномъ, проникновеніи „бѣлаго хлѣба“ на крестьянскую землю: это явленіе лежитъ внѣ рамокъ вопроса, занимающаго насъ сейчасъ. Сейчасъ для насъ важно, что паденіе

*) Глядя на эту послѣднюю цифру, читатели не забудутъ колоссальный русскій неурожай 1891 года, сразу вздувшій цѣну.

хлѣбныхъ цѣнъ въ 80-хъ годахъ должно было сильнѣе отразиться на положеніи крупнаго, помѣщичьяго, землевладѣнія, нежели мелкаго, крестьянскаго. Мы видѣли, что непосредственно послѣ крестьянской реформы дворянство довольно прочно держало въ своихъ рукахъ землю: обычное представленіе объ „оскудѣніи“ помѣщичьяго класса для 60—70-хъ годовъ является предразсудкомъ. Но оно становится ужасающей, для дворянства, истиной въ 80 и 90-хъ гг. „Частная“ (не надѣльная крестьянская) земля такъ распредѣлялась у насъ по сословіямъ и по годамъ:

Сословія.	Годы. 1877.	1887.	1900.
Дворяне	79,87%	68,25%	52,94%.
Крестьяне	5,46%	13,15%	19,50%.
Купцы и мѣщане . . .	14,67%	18,60%	27,56%.

Изъ владѣльцевъ болѣе $^3/_4$ „частной“ земли въ 1877 году дворяне превратились къ концу столѣтія во владѣльцевъ едва половины! Тогда какъ процентъ земли, состоявшей въ частной собственности крестьянъ, увеличился за тотъ же періодъ времени слишкомъ втрое. По отдѣльнымъ губерніямъ—и какъ разъ тѣмъ, которыя являются главными очагами зернового хозяйства—цифры еще рельефнѣе: въ Казанской губерніи за восемнадцать лѣтъ, съ 1877 по 1895 годъ, дворяне потеряли треть своей земли (32,8%), въ Самарской почти треть (30,5%), почти столько же въ Саратовской—(27%). Ростъ же крестьянскаго землевладѣнія выразился не только въ покупкѣ дворянской земли лицами крестьянскаго званія, но, и еще рельефнѣе, въ колоссальномъ ростѣ крестьянской аренды за эти годы. Этотъ спросъ на арендную землю выразился въ не менѣе колоссальномъ ростѣ арендныхъ цѣнъ за конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ—по нимъ-то мы и можемъ составить себѣ представленіе о размѣрахъ явленія. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ той самой Самарской губерніи, которая видѣла въ эти годы такой разгромъ дворянской земельной собственности, вотъ какое измѣненіе испытали арендныя цѣны:

Годы.	Средн. арендная плата за десят. (въ коп.). Земли казенныя.	Удѣльныя.	Частныя.
1876—80	54,6	64,8	79,3
1881—85	121,7	122,7	153,2
% прироста:	122,9%	89,5%	93,2%.

Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, „послѣдній періодъ (1881—84 гг.) ознаменовался значительнымъ

подъемомъ арендныхъ цѣнъ, въ $2^1/_2$ и $3^1/_2$ раза противъ максимальныхъ цѣнъ предшествующаго періода". Въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, мы имѣемъ слѣдующую скалу арендныхъ цѣнъ, по пятилѣтіямъ, съ 1866 по 1885 годъ:

Годы.	% отношеніе по наемной платѣ за пятилѣтіе 1861—65 г.	Коэффиціентъ возрастанія для каждаго предш. пятилѣтія.
1866—70	9	—
1871—75	37,7	26,8
1876—80	69,7	23,2
1881—85	150,1	47,2
По годамъ.		
1882	—	1,7%
1883	—	2,8 „
1884	—	26,5 „
1885	—	34,8 „

Авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти цифры, при всемъ своемъ народничествѣ, даетъ факту объясненіе, совершенно не „народническое". Въ Хвалынскомъ уѣздѣ (Саратовской губерніи) особенно сильное возвышеніе цѣнъ (800—1000%), говоритъ онъ, замѣчается въ волостяхъ съ „цвѣтущимъ" земледѣліемъ, гдѣ спросъ на земли превышаетъ предложеніе. „Переходимъ къ серіи причинъ вздорожанія арендъ... Нельзя не замѣтить, прежде всего, что въ этомъ смыслѣ вліяетъ всякое проявленіе капитализма въ примѣненіи его къ земледѣлію" *). Знаменитая дифференціація крестьянства, на которую возлагали такія надежды марксистскіе писатели 90-хъ годовъ,—надежды, несомнѣнно отчасти обманутыя исторіей слѣдующаго десятилѣтія, относится главнымъ образомъ именно къ этому времени: нѣкоторая аберрація марксистской статистики тѣмъ и объясняется, что въ ея распоряженіи были преимущественно данныя земскихъ переписей 80-хъ годовъ,—періода, когда проникновеніе буржуазныхъ отношеній въ русскую деревню шло максимальнымъ темпомъ, какъ сравнительно съ предшествующими, такъ и сравнительно съ послѣдующими десятилѣтіями.

Основываясь на тѣхъ же, знакомыхъ намъ, крестьянскихъ „бюджетахъ" Воронежской губерніи, надъ которыми оперировалъ Щербина, В. Ильинъ далъ такую выразительную статистическую картину разслоенія русскаго крестьянства:

*) Карышевъ. „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды" („Итоги экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики", т. II. Дерптъ, 1892), стр. 332. Курс. нашъ.

Количество рабоч. скота на семью.	% денежной части Расхода.	Дохода.
0	57	55
1	46	41
2	44	46
3	41	42
4	45	41
5 и болѣе.	60	59.

Наиболѣе „денежнымъ“ являлось въ 80-хъ годахъ хозяйство самой бѣдной и самой богатой группъ: сельскаго пролетаріата и сельской буржуазіи. Хозяйство „средняго“ крестьянина было гораздо „натуральнѣе“. А какихъ размѣровъ достигало тогда это разслоеніе, показываетъ произведенное тѣмъ же авторомъ, по конскимъ переписямъ 1889 и 1891 гг., вычисленіе количества лошадей, приходившагося на ту или иную группу крестьянства. Онъ резюмируетъ это вычисленіе такъ: „въ рукахъ 22 процентовъ дворовъ сосредоточено $9^1/_2$ милліоновъ лошадей изъ 17 милліоновъ, т.-е. 56,3% всего числа. Громадная масса въ 2,8 милліона дворовъ совсѣмъ обдѣлена, а у 2,9 милліоновъ однолошадныхъ дворовъ лишь 17,2% всего числа лошадей“ *). „Крѣпкія“ цѣны „мужицкаго“ хлѣба создали расцвѣтъ крестьянскаго хозяйства, прежде всего выразившійся въ превращеніи наиболѣе сильныхъ элементовъ крестьянства въ мелкую сельскую буржуазію. Продолжайся благопріятная для крестьянства конъюнктура дольше,—и въ лицѣ этой сельской буржуазіи выросъ бы грозный конкурентъ помѣщика. Но пора расцвѣта была короткая, со второй половины 80-хъ годовъ и ржаныя цѣны стали падать такъ же неудержимо, какъ раньше падали пшеничныя: наступило „оскудѣніе“ всей земледѣльческой Россіи. Послѣдующія конскія переписи даютъ чрезвычайно быстро растущую абсолютную убыль крестьянскаго рабочаго скота. Для Орловской губерніи, напримѣръ, мы имѣемъ такія цифры:

1888 г.	221.989	лошадей
1893 г.	188.908	„
1899 г.	177.539	„

„Если цифру 1888 года мы возьмемъ за 100, то получится такой убывающій рядъ: 100; 85,1; 79,9“ **). И это на протяженіи всего одиннадцати лѣтъ—трети жизни одного поколѣнія! „Разслоеніе“ крестьянства продолжалось и теперь,

---

*) В. Ильинъ, „Развитіе капитализма въ Россіи“, стр. 92 ссл., 99 ссл. Для „разложенія крестьянства“ см. всю 2-ю главу.

**) Ст. Анненскаго, въ сборникѣ „Нужды деревни“, т. II, стр. 564.

На міру.

Оригиналъ картины С. А. Коровина (1858—1898 гг.) «*На міру*» находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 863). Художникъ посвятилъ свою работу бытовому моменту высокаго соціальнаго интереса... Передъ нами выразительные результаты явленій, связанныхъ съ актомъ 19 февраля 1861 года. Картина драгоцѣнна, какъ опытъ живописнаго изображенія соціально-экономическихъ перемѣнъ въ пореформенной русской деревнѣ XIX столѣтія.

* * *

конечно, но это было уже разложеніе не на „буржуазію“ и „пролетаріатъ“ въ европейскомъ смыслѣ этихъ словъ, а на нищихъ и тѣхъ, у кого еще что-нибудь уцѣлѣло.

Наиболѣе наглядным статистическимъ показателемъ этой „разрухи“ русскаго сельскаго хозяйства съ конца 80-хъ годовъ являются земельныя цѣны.

Для черноземной полосы ихъ резюмируетъ такая табличка *):

Губерніи.	Цѣна за десятину (въ рубляхъ). Годы.			
	60-е.	70-е.	1883.	1889.
Орловская	52	105	145	116
Тульская	48	95	139	119
Рязанская	50	92	122	107
Тамбовская	50	100	134	107
Пензенская	36	69	100	80
Воронежская	54	113	133	124
Курская	51	94	136	116
Средняя по черноземн. области.	49	95	130	110

Высокія хлѣбныя цѣны половины XIX столѣтія создали „дворянское манчестерство“. Аграрный кризисъ долженъ былъ подготовить его катастрофу—и любопытнѣе всего, что эту катастрофу мы можемъ изучать какъ разъ по произведеніямъ того автора, который нѣкогда былъ, если не самымъ цѣльнымъ и послѣдовательнымъ, то самымъ яркимъ и талантливымъ, самымъ ловкимъ практически глашатаемъ этого самаго „манчестерства“. Кто лучше Кавелина могъ объяснить въ свое время самому непонятливому помѣщику всѣ невыгоды крѣпостного режима? Кто находчивѣе могъ придумать практическія мѣры для мирнаго, безболѣзненнаго, наиболѣе для помѣщика выгоднаго перехода отъ крѣпостного хозяйства къ „вольному труду“? Уже въ 70-хъ годахъ этотъ прозорливѣйшій изъ русскихъ дворянъ долженъ былъ придти къ выводу, что „вольный трудъ“—для помѣщиковъ—не удался. „Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій деревенскаго хозяйства, которыхъ не мало, самое печальное и, къ сожалѣнію, самое безнадежное къ скорому поправленію—это рабочая сила, которою мы располагаемъ. Рабочіе у насъ, какъ вѣроятно и вездѣ въ Россіи, очень дороги и изъ рукъ вонъ плохи, какъ въ нравственномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи“ („Изъ деревенской записной книжки“ 1873 года). Какъ примѣръ неслыханной „дороговизны“ русскихъ рабочихъ приводится

*) Заимствуемая нами изъ очерка г. Семенова во II томѣ изд. Девріена „Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества“, стр. 201.

косецъ, не соглашавшійся косить за 60 коп. въ день (отъ Энгельгардта мы знаемъ, что косецъ могъ накосить въ день сѣна на 2 рубля); какъ примѣръ нравственной негодности— горничная, которая не крала хозяйскихъ яблокъ *), но признавалась, что хотѣла однажды украсть — не явное ли это доказательство глубокой развращенности? Какимъ градомъ сарказмовъ обрушился бы Кавелинъ 60-хъ годовъ на своего противника изъ „крѣпостническаго" лагеря, если бы тотъ вздумалъ приводить такіе „факты"! Но теперь другу Герцена и Николая Милютина приходилось самому, исподволь, подготовлять своего читателя къ реставраціи крѣпостного режима—и въ его знаменитомъ „Крестьянскомъ вопросѣ" (1881 года) мы найдемъ „въ зернѣ" уже всѣ мѣры, характеризующія крестьянскую политику 80-хъ годовъ: и необходимость опеки надъ крестьянствомъ („до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и правительственной опеки у нихъ были свои защитники въ лицѣ помѣщиковъ, коронныхъ стряпчихъ и другихъ чиновниковъ. Теперь они совсѣмъ предоставлены собственнымъ силамъ, и имъ не къ кому обратиться за помощью и защитой"); и необходимость „упрочить бытъ" крестьянъ, привязавъ ихъ къ мѣсту—и создавъ этимъ на мѣстѣ резервную армію труда для помѣщиковъ („съ упроченіемъ быта земледѣльцевъ окрѣпла бы ихъ осѣдлость и приростъ населенія вызвалъ бы необходимость постепеннаго перехода къ лучшимъ пріемамъ земледѣлія, немыслимымъ при теперешней наклонности къ бродяжеству"; „избытокъ населенія, по мѣрѣ его увеличенія, шелъ бы на потребности сосѣднихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ..."); и симпатію къ „прочнымъ" крестьянскимъ семьямъ („когда есть работа поблизости, крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаетъ держать сына, внука, племянника поблизости, у себя на глазахъ, зная по опыту и изъ примѣра сосѣдей, что внѣ надзора, за глазами, молодые парни забалтываются..."); и, наконецъ, иммобилизацію крестьянскаго землевладѣнія, „признавъ земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставя членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать" или иначе отчуждать.

---

*) Этотъ удивительный примѣръ читатели могутъ видѣть на стр. 791-й II тома „Собранія сочиненій" Кавелина.

И законъ 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы, такъ энергически боровшійся съ „нравственною недоброкачественностью“ сельскаго батрака, и законъ 18 марта того же года о семейныхъ раздѣлахъ среди крестьянъ, и законъ 12 іюля 1889 года о земскихъ начальникахъ, и законъ 14 декабря 1893 года о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ—все это законодательство „реакціи“ съ полнымъ правомъ могло бы признать своимъ, если не роднымъ, то крестнымъ отцомъ либеральнаго публициста эпохи „великихъ реформъ“. И—нѣтъ надобности это говорить—фактическая обоснованность всѣхъ этихъ „реформъ“ была не выше фактической обоснованности жалобъ Кавелина на дороговизну и распущенность русскихъ рабочихъ. Хотите ли вы знать, какъ велика была опасность обезземеленія крестьянства путемъ отчужденія надѣльной земли? Это выяснилъ государственный совѣтъ, обсуждая законъ 14 декабря 1893 года: „изъ общаго количества земель, полученныхъ крестьянами въ надѣлъ (96 милліоновъ десятинъ), выбыло изъ ихъ владѣнія за 28 лѣтъ, съ 1861 по 1889 годъ, всего около 200 тысячъ десятинъ, т.-е. 0,21%, при чемъ въ эту цифру вошли, въ значительной части, земли, отведенныя обязательно подъ желѣзныя и почтовыя дороги, кладбища и т. п.“ *). Очевидно, какъ ни убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ Кавелинъ необходимость въ интересахъ крестьянства изъять изъ оборота надѣльную землю, нужно это было не крестьянамъ, а кому-то другому, какъ не крестьянамъ, конечно, нужна была „опека“—въ лицѣ земскихъ начальниковъ, а тѣмъ паче ультра-крѣпостническій законъ о наймѣ на сельскія работы (настолько крѣпостническій, что онъ даже, какъ извѣстно, почти и не примѣнялся на практикѣ: слишкомъ далеко назадъ хватили!). Приглядѣвшись ближе, мы видимъ, что даже, несомнѣнно принадлежавшая къ разряду „симпатичныхъ“, кавелинская мысль—объ организованной помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земли у помѣщиковъ—не выводитъ насъ за предѣлы помѣщичьихъ интересовъ: какъ разъ въ началѣ 80-хъ годовъ, въ періодъ „крѣпкихъ“ цѣнъ на рожь, крестьянинъ являлся жаднымъ и желаннымъ покупателемъ барской земли, несмотря на пшеничный кризисъ, поднявшимъ ея цѣну слишкомъ на 30%, сравнительно съ цѣнами за 70-е годы. Учрежденіе крестьянскаго поземельнаго

*) И. М. Страховскій, въ сборникѣ „Крестьянскій строй“, т. I, стр. 437.

банка (18 мая 1882 года) опять-таки лишь по наружности было „крестьянской реформой“, на дѣлѣ и эта „реформа“ была дворянская. Учрежденіе дворянскаго банка (21 апрѣля 1885 года) подчеркнуло только всю глубину кризиса: даже уступкою части земли крестьянамъ, даже сдачею въ аренду другой части нельзя уже было болѣе продержаться. Если хотѣли сберечь „разумную и охранительную силу“, „заключающуюся въ частномъ потомственномъ землевладѣніи“—о чемъ такъ хлопотало еще валуевское совѣщаніе 1879 года,—не было другого способа, какъ взять эту „силу“ прямо на казенное иждивеніе. Дворянству стали ссужать деньги на условіяхъ болѣе льготныхъ, нежели сама казна ихъ получала: платя по своимъ обязательствамъ, фактически, не менѣе 5%, государство „одолжало“ помѣщика съ 1889 года изъ $4^1/_2$%, а съ 1894 года — даже только изъ 4%, тогда какъ частныя общества предшествующаго періода брали 7%. Дѣло и началось съ конверсіи частныхъ бумагъ „Общества взаимнаго поземельнаго кредита“ въ гарантированные правительствомъ $4^1/_2$% закладные листы. А затѣмъ, выпустивъ въ 1889 году по вздутому курсу выигрышный заемъ, получили деньги съ публики, въ сущности, изъ 1%.

Но искусственнымъ закрѣпленіемъ за „потомственнымъ землевладѣніемъ“ его имѣній нельзя было ограничиться, приходилось идти по пути „искусственности“ дальше, закрѣпляя точно такимъ же путемъ за потомственными землевладѣльцами ихъ власть на мѣстахъ, власть, которая, безъ помощи „искусства“, такъ же быстро стала бы уходить въ руки иныхъ общественныхъ слоевъ, какъ и земля. Земское положеніе 1890 года органически связано со всѣмъ рядомъ мѣръ „воспособленія“ дворянству, и считать его продуктомъ какого-нибудь „реакціоннаго самодурства“ можно менѣе всего другого. Мы знаемъ, что уже земское положеніе 1864 года обезпечивало господство помѣщиковъ надъ „мѣстнымъ самоуправленіемъ“. Практика пошла гораздо дальше закона. Назначенныя Лорисъ-Меликовымъ сенаторскія ревизіи обнаружили совершенно невѣроятные факты изъ области крестьянскаго „представительства“ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ Черниговской губерніи непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (долж-

ность, смѣнившая упраздненныхъ въ 1874 году мировыхъ посредниковъ), по закону имѣвшій право лишь открывать крестьянское избирательное собраніе, въ дѣйствительности „на выборахъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ выборщиковъ, самъ предлагалъ лицъ баллотировать въ гласные, самъ первый же себя записалъ въ списокъ, баллотировался и былъ избранъ". „По даннымъ другого сенатора, среди 209 гласныхъ, избранныхъ въ 1878 г. сельскими съѣздами Саратовской губерніи, насчитывалось 22 крупныхъ землевладѣльца. Изъ такихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, избранныхъ крестьянской куріей въ Саратовской и Самарской губерніяхъ, было 5 уѣздныхъ предводителей дворянства (состоявшихъ ex officio предсѣдателями крестьянскихъ присутствій), 4 „непремѣнныхъ члена", 2 брата уѣзднаго предводителя дворянства, 6 участковыхъ мировыхъ судей и т. д.". Третій сенаторъ заявлялъ въ своемъ отчетѣ, что крестьянами „большею частью въ гласные избираются должностныя лица, волостные старшины и волостные писаря, вліянію которыхъ при обсужденіи дѣлъ въ земскомъ собраніи подчиняются остальные гласные отъ крестьянъ, опасаясь высказывать свои мнѣнія и намѣренія; съ другой стороны, волостные старшины и волостные писаря, по собственному ихъ удостовѣренію, стѣснены въ свободѣ выраженія своего мнѣнія тѣмъ, что по должности своей подчинены предводителю дворянства, предсѣдательствующему какъ въ крестьянскомъ присутствіи, такъ и въ земскомъ собраніи" *). При такой „традиціи", введенное положеніемъ 1890 года назначеніе гласныхъ отъ крестьянъ de jure губернаторомъ, а de facto—земскимъ начальникомъ, въ сущности почти не мѣняло дѣла. Нововведеніемъ „положенія" приходится признать, главнымъ образомъ, замѣну земельнаго ценза, на которомъ и ранѣе держалось дворянское господство въ земскихъ учрежденіяхъ **), цензомъ сословнымъ: первый давалъ дворянамъ перевѣсъ, какъ землевладѣльцамъ, второй обезпечивалъ этотъ перевѣсъ за лицами дворянскаго происхожденія, какъ таковыми, независимо отъ количества земли, остававшейся въ рукахъ дворянскаго сословія въ данной мѣстности. Припомните прогрессію убыли этой земли—выразительницей ея можетъ служить таблица, приведенная

*) См. ст. С. Я. Цейтлина „Земское самоуправленіе и реформа 1890 года" въ „Исторіи Россіи въ XIX в.", изд. Гранатъ, т. V, стр. 86–87.

**) Въ уѣздныхъ земскихъ управахъ дворянъ и чиновниковъ было 55,7%, въ числѣ гласныхъ губ. земск. собраній тѣ и другіе составляли 81,5%, въ составѣ губернскихъ управъ—89,5%. См. цит. ст. Цейтлина.

нами на стр. 276 — и „экономическій базисъ“ закона 1890 г. встанетъ передъ вами со всею ясностью. Ни Побѣдоносцевъ со своимъ реакціоннымъ мистицизмомъ, ни Катковъ со своимъ „человѣконенавистничествомъ“, никакіе, словомъ, идеологическіе факторы тутъ ни при чемъ: земство грозило уплыть изъ рукъ помѣщиковъ, какъ уплывала земля; но помѣщики одинаково не желали разставаться ни съ землею, ни съ земствомъ.

Возвращеніе къ сословному строю было однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ ликвидаціи буржуазной монархіи: вѣдь это былъ, въ сущности, эквивалентъ замѣны экономическаго принужденія (въ данномъ случаѣ—господства общественнаго класса) внѣэкономическимъ (господствомъ сословія, утратившаго экономическое верховенство). Но, очевидно, что настоящимъ полемъ этой ликвидаціи должны были явиться не губернія и не уѣздъ, а средоточіе хозяйственной дѣятельности дворянина — деревня. Оттого законъ о земскихъ начальникахъ (изданный все въ томъ же, кульминаціонномъ для законодательства имп. Александра III, 1889 г.) гораздо глубже врѣзался въ жизнь мѣстнаго населенія, нежели даже новое земство. На счетъ каприза злой реакціи земскіе начальники могутъ быть отнесены такъ же мало, какъ и сословное земство слѣдующаго 1890 года. Напротивъ, идея этой новой должности была заимствована „правительствомъ“, внѣ всякаго сомнѣнія, у „общества“— воспринята изъ среды того самаго земства, которое якобы этимъ правительствомъ угнеталось и служило очагомъ всяческихъ либеральныхъ „движеній“. Въ то же время историческая связь законодательства имп. Александра III съ лорисъ-меликовскими планами опять выступаетъ здѣсь достаточно отчетливо. Вопросъ о реформѣ крестьянскихъ учрежденій былъ доставленъ циркуляромъ 22 декабря 1880 года—въ разгаръ „диктатуры сердца“. Онъ обсуждался въ началѣ 80-хъ годовъ, одновременно въ правительственной комиссіи (такъ называемой „кахановской“, по имени ея предсѣдателя) и въ комиссіяхъ различныхъ губернскихъ земствъ. Правительственная комиссія, со свойственною бюрократамъ отсталостью отъ жизни, высказывалась было за довершеніе земской реформы 1864 года книзу—путемъ созданія всесословной волости. Болѣе чуткія къ вѣяніямъ времени земства рѣшительно возстали противъ этой идеи. Одно изъ нихъ, орловское, откровенно мотивировало свои возраженія тѣмъ, что, при наличныхъ условіяхъ, во всесословной волости взялъ бы верхъ „тотъ вліятельный въ сельской жизни и вредный

классъ", большинство котораго составляютъ „мѣщане и разночинцы", иначе говоря, буржуазія. „Такимъ образомъ, низменные и своекорыстные интересы получатъ преобладаніе въ ущербъ интересамъ общиннымъ, а равно и (весьма хорошо это „равно"!) интересамъ относительно крупнаго личнаго землевладѣнія, представители коего будутъ съ перваго же шага отстранены численною силой". Но если всесословной волости не нужно, это отнюдь не значитъ, что не нужно и никакой реформы крестьянскаго управленія. Напротивъ, необходимо было оградить крестьянъ отъ „низменныхъ и своекорыстныхъ интересовъ", и лучше всего, конечно, могли это сдѣлать представители „относительно крупнаго землевладѣнія". Отсюда, симбирская, напримѣръ, комиссія находила совершенно необходимымъ „во главѣ волостного управленія поставить лицо, облеченное значительною властью, независимое по своему положенію, представляющее гарантію необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, способное дать защиту сельскому населенію отъ обидъ и притѣсненій и принять на себя отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ волости". Идея эта была чрезвычайно популярна въ земскихъ комиссіяхъ, и желательное для симбирцевъ „лицо", которому они давали наименованіе „земскаго судьи", встрѣчается намъ въ цѣломъ рядѣ и другихъ проектовъ („участковый членъ уѣздной земской управы" воронежскаго проекта, „попечитель" пензенскаго, „окружной членъ управы" тульскаго, „начальникъ земской волости" вологодскаго и т. д.). Законъ 12 іюля устранилъ одну существенную черту проектовъ—выборность этой должности, но такъ какъ выбираться „лицо" должно было помѣщичьимъ земствомъ, то сословный признакъ земскаго начальника—непремѣнно изъ дворянъ—въ полной мѣрѣ удержалъ ея соціальный смыслъ, какъ опека помѣщика надъ крестьяниномъ.

Законъ 12 іюля 1889 года создалъ въ деревнѣ положеніе, очень близкое къ тому, какое получилось бы, если бы крестьяне были освобождены по киселевскому проекту 30-хъ годовъ. Люди были изъяты изъ числа объектовъ частной собственности, но это было почти все, что уцѣлѣло отъ реформы 19 февраля. Отъ „гражданскихъ правъ" сельскаго обывателя не осталось почти ничего. Ст. 61 положенія 12 іюля предоставила земскимъ начальникамъ право арестовывать крестьянъ безъ суда и безъ объясненія причинъ. Результатомъ былъ такой, напр., случай (одинъ изъ тысячи аналогичныхъ, конечно): одинъ изъ земскихъ начальниковъ

Нижегородской губерніи подвергъ аресту цѣлый крестьянскій сходъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, за нарушеніе какого-то своего „обязательнаго постановленія“; только грандіозность операціи—невозможно было найти помѣщеніе для такого количества „арестантовъ“—обратила на нее вниманіе высшаго начальства:—дѣло дошло до сената, который приговоръ земскаго начальника и отмѣнилъ. Въ одной Тульской губерніи, за періодъ времени съ 1891 по 1899 годъ, статья 61 была примѣнена 24.103 раза—въ среднемъ по 2.678 разъ въ годъ. А между тѣмъ, ст. 61 въ сущности—роскошь. Земскіе начальники имѣли полную возможность подвергать не только аресту, но и тѣлесному наказанію, не вмѣшиваясь въ дѣло непосредственно, черезъ волостной судъ, прямо имъ подчиненный: ст. 62 предоставляла земскому начальнику право налагать на волостной судъ дисциплинарныя взысканія—не исполнить требованія земскаго волостной судъ никогда не посмѣлъ бы. Оттого, хотя право порки новому крестьянскому опекуну и не было предоставлено, всѣ отлично знали, что примѣненіе порки въ томъ или другомъ участкѣ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго земскаго начальника: строгій начальникъ—порка каждый день, добрый—волость вовсе забываетъ о розгахъ. Совсѣмъ, какъ со строгимъ и добрымъ бариномъ въ старое время. Но барину его дискреціонное право карать и миловать нужно было, прежде всего, для поддержанія экономической дисциплины въ деревнѣ. Въ Рязанской губерніи, по словамъ мѣстнаго „комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, „никакое постановленіе (сельскаго схода) по вопросамъ самымъ узкимъ, близко относящимся до сельскохозяйственныхъ нуждъ, не только не утверждается, если не было предварительнаго разрѣшенія (земскаго начальника) на обсужденіе вопроса, но еще можетъ караться арестомъ“. Въ Самарской губерніи требовалась санкція земскаго начальника даже для найма „пастуха и конюха“. Само собою разумѣется, что ни одинъ приговоръ о семейномъ раздѣлѣ не обходился безъ такой санкціи, какъ не посмѣла бы дѣлиться крестьянская семья безъ разрѣшенія барина въ крѣпостное время. Какъ и баринъ, „земскій“ могъ капризничать, могъ предаваться фантазіямъ маниловскаго типа за счетъ своихъ крестьянъ: въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи, напримѣръ, „обсаживались проселочныя дороги деревьями,—и крѣпко штрафовали; масса была потрачена труда и времени, а результаты самые плачевные: нѣтъ ни одного дерева“. Но гораздо чаще, разу-

Семейный раздѣлъ.

Оригиналъ картины В. М. Максимова (род. 1844 г.) „*Семейный раздѣлъ*“ (1876 г.) находится въ Третьяковской галлереѣ (№ 543) въ Москвѣ. Картина имѣетъ въ виду пореформенную русскую деревню XIX вѣка, ея гражданско-правовой бытъ въ первое десятилѣтіе со дня объявленія «воли», а слѣдовательно, уже въ дни, когда можно было говорить серьезно о крестьянской движимой собственности. Крестьянская семья производитъ раздѣлъ движимаго имущества, опираясь на волостной обычай; она изображена на картинѣ въ очень тяжелый для нея моментъ; она не знаетъ общихъ нормъ гражданскаго права, подчиняясь совершенно особымъ правовымъ понятіямъ, стиснутымъ новыми реальными отношеніями, которыя должны были ставить крестьянство на иную экономическую почву. Время этого столкновенія старыхъ гражданско-правовыхъ началъ съ новыми явленіями въ жизни русской деревни представляется весьма цѣннымъ для историческихъ наблюденій; но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ крайне чувствительнымъ для соотвѣтственнаго поколѣнія крестьянскихъ массъ. Размѣщеніе отдѣльныхъ фигуръ, лица участвующихъ въ дѣлежѣ говорятъ очень выразительно; зрителю явственно представляются и кипящія во время дѣлежа страсти, и тяжкія основанія этихъ страстей на ряду съ опредѣленными экономическими послѣдствіями семейнаго раздѣла движимости въ періодъ сложенія новыхъ отношеній и быстраго развитія новыхъ экономическихъ явленій въ деревнѣ...

* * *

мѣется, вмѣшательство носило экономически-цѣлесообразный характеръ. Въ Рязанской губерніи одинъ земскій начальникъ скупалъ по приговорамъ крестьянъ у нихъ право на ихъ мѣстныя, давно открытыя для общаго пользованія, дороги, и закрылъ ихъ благодаря тому, что эти дороги не были показаны на планахъ спеціальнаго межеванія. Такимъ путемъ этотъ господинъ регулировалъ мѣстную сельскохозяйственную промышленность: когда крестьяне и вообще продавцы везли картофель къ нему, на его крахмальный заводъ, дорога открывалась, а когда кто-либо везъ этотъ картофель на заводъ сосѣда-землевладѣльца, сторожа никого не пропускали, и, при необходимости объѣзда, дорога для конкурентовъ удлинялась на нѣсколько верстъ. Тутъ цѣли не выходили изъ области индивидуально-хозяйственнаго интереса: еще чаще онѣ были экономически-классовыя. Дисциплинарныя взысканія налагались, по словамъ одного очень освѣдомленнаго наблюдателя, за такіе, преимущественно, проступки: „ушелъ плотникъ, работающій поденно у помѣщика, скосить свою рожь—садись подъ арестъ на двое сутокъ; не платитъ мужикъ долги кабатчику—садись“ *).

Но уничтоженіе зародышей буржуазнаго правопорядка въ деревнѣ не могло остаться мѣстнымъ дѣломъ крестьянскихъ низовъ и не коснуться „политическихъ надстроекъ“. Какъ реформа 61 года была сигналомъ и для „новаго суда“, и для новаго, юридически безсословнаго, самоуправленія, такъ контръ-реформы 80-годовъ должны были отразиться и на судѣ, и на земствѣ. Какое вліяніе имѣли онѣ на судьбу послѣдняго, мы уже видѣли. Въ области суда феодальная реакція выразилась, прежде всего, въ усиленіи сословнаго элемента, какъ и надо было ожидать. По закону 7 іюля 1889 года (все тотъ же годъ опять!) всѣ преступленія по должности, т.-е. всѣ случаи, гдѣ подсудимымъ являлась власть, въ лицѣ хотя бы ничтожнѣйшаго своего представителя, были изъяты изъ вѣдома суда присяжныхъ и переданы судебнымъ палатамъ, съ участіемъ „сословныхъ представителей“. Но эти послѣдніе, начиная съ предводителей дворянства и кончая волостными старшинами, сами были чиновниками,—законъ 7 іюля 1889 года вводилъ для россійскаго чиновничества своего рода „судъ пэровъ“, еще дальше отодвинувъ границу, которой не могли переступать учрежденія „буржуазнаго“ типа. Даже око-

*) Изъ „Записокъ земскаго начальника“, г. Новикова—цитир. въ ст. С. М. Блеклова „Исторія Россіи въ XIX в.“, т. V, стр. 153. Другія цитаты см. въ ст. г. Розенберга „Земскіе начальники“ въ сборникѣ „Нужды деревни“. т. I.

лодочный надзиратель не подлежалъ уже ихъ вѣдѣнію! За то все, что подлежало вѣдѣнію полиціи до судебной реформы, опять въ это вѣдѣніе вернулось. Положеніе „о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, „положеніе объ охранѣ“, какъ короче говорятъ обыкновенно (14 августа 1881 года), предоставило администраціи, между прочимъ, „давать распоряженія о закрытіи торговыхъ и промышленныхъ заведеній какъ срочно, такъ и на все время усиленной охраны“. На ряду съ правомъ „воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны“, это возвращало дѣло снова къ тому порядку, когда III отдѣленіе дѣлало „экономическую политику“—и изъ недавнихъ процессовъ (хотя бы дѣло московскаго градоначальника Рейнбота) мы знаемъ, что практика въ этомъ случаѣ не отставала отъ теоріи. Какъ видимъ, крушеніе дворянскаго манчестерства унесло въ своемъ водоворотѣ много такого, что не стояло ни въ какой, казалось бы, даже отдаленной связи съ аграрнымъ кризисомъ: и между тѣмъ, нельзя не отмѣтить характернаго совпаденія, что режимъ Николая I, такъ удачно реставрировавшійся 80-ми годами, сложился на почвѣ такого же кризиса! Такъ сходныя причины даютъ сходныя послѣдствія, на разстояніи даже 50 лѣтъ. Но полнаго сходства мы стали бы ждать напрасно. При Николаѣ I помѣщикъ, купецъ и крестьянинъ исчерпывали весь наличный классовый составъ общества. Только къ концу его царствованія появился свободный рабочій. Къ концу царствованія Александра III этотъ рабочій былъ уже крупной общественной силой. Не существовавшая въ Россіи первой половины XIX вѣка классовая противоположность буржуазіи и пролетаріата, къ 90-мъ годамъ этого вѣка не только существовала объективно, но и сознавалась уже достаточно отчетливо. „Реакція“ 80-хъ годовъ была попыткою возродить николаевскій режимъ въ обществѣ уже европейскаго типа. Реакціи удалось, на время, завладѣть деревнею: но можно было заранѣе предсказать, что въ городѣ ея побѣда не можетъ быть такой полной, какой была она въ 20-хъ годахъ.—Такъ и случилось.

ГЛАВА XXV.

Внѣшняя политика буржуазной монархіи.

Казалось, что Крымская кампанія навсегда покончила съ имперіализмомъ николаевской эпохи. На двадцать лѣтъ исчезаетъ со сцены наиболѣе бьющій въ глаза его признакъ—промышленный протекціонизмъ. Таможенные тарифы 1857—1868 гг. были самыми льготными, какими пользовалась Россія въ XIX столѣтіи—если исключить короткій фритредерскій періодъ въ царствованіе Александра I (1819—1822 гг.): чугунъ, напримѣръ, былъ въ это время обложенъ въ 9—10 разъ легче, чѣмъ теперь, машины — въ 8 разъ легче и т. д. Финансово-экономическая литература 60-хъ гг. даетъ почти сплошной хоръ фритредеровъ—голоса протекціонистовъ почти не были слышны и, во всякомъ случаѣ, прислушивались не къ нимъ. Одна изъ наиболѣе раннихъ—и наиболѣе простыхъ и ясныхъ, въ то же время—формулировокъ господствующихъ взглядовъ была дана „Экономическимъ Указателемъ“ Вернадскаго, самымъ популярнымъ изъ журналовъ этого рода въ тѣ дни. „При свободѣ торговли положеніе государствъ земледѣльческихъ самое выгодное, и, слѣдовательно, Россія, какъ представительница этихъ госу-

дарствъ, при осуществленіи идеи о свободѣ торговли, имѣла бы, если не первенство, то, по крайней мѣрѣ, огромный вѣсъ въ системѣ міровой промышленности и торговли... Двѣ крайнія точки въ системѣ современной производительности Европы составляютъ два государства—Россія и Англія, первая въ полномъ смыслѣ слова земледѣльческая держава, вторая — мануфактурная. Обширность Россіи, качество земли ея, дѣлаетъ ее обильнымъ, можно сказать неисчерпаемымъ, источникомъ сельскихъ произведеній... обрабатываніе этихъ самыхъ произведеній, сообщеніе имъ первой, необходимой для употребленія формы, должно быть естественнымъ занятіемъ Россіи" *).

Соперничество Россіи и Англіи было бы, съ такой точки зрѣнія, въ самомъ дѣлѣ „борьбой слона съ китомъ". Дѣлить тѣмъ, кто дрался подъ Севастополемъ, оказывалось, было совсѣмъ нечего. Восторжествовавшій 19-го февраля аграрный капитализмъ, повидимому, окончательно оттѣснилъ на задній планъ капитализмъ промышленный. А такъ какъ международныя отношенія строятся, въ конечномъ счетѣ, на отношеніяхъ экономическихъ, то и вся система дружбы и вражды, характеризующая царствованіе Николая I, должна была подвергнуться радикальной перестройкѣ. Въ 1855 году Россія воевала съ Франціей и едва не начала войны съ союзницей этой послѣдней, Австріей: всего 4 года спустя, въ 1859 г., Россія дѣйствовала вмѣстѣ съ Франціей противъ Австріи. Франко-русскій союзъ оказался недолговѣченъ: еще черезъ четыре года Россія оказывается рядомъ съ Пруссіей противъ Франціи **). Но экономическая подкладка союзовъ не перемѣнилась: изъ союзницы одной „мануфактурной" державы Россія стала союзницей другой, враждебной первой, но тоже „мануфактурной". Русско-прусскій союзъ 60—70 гг., такъ помогшій превращенію Пруссіи въ Германскую имперію, до смѣшного напоминаетъ русско-англійскій союзъ начала XIX в. До перехода Германіи къ аграрному протекціонизму (1879—1885 гг.) она была главнымъ потребителемъ русской ржи и однимъ изъ главныхъ—пшеницы: а по ввозу

*) Цитаты у г. Туганъ-Барановскаго, „Фабрика", стр. 523, II изд.

**) Теперь, послѣ опубликованія Филипповичемъ секретной англійской переписки по поводу польскаго возстанія 1863 г., не можетъ быть сомнѣнія, что коалиція, которую пытался организовать въ этомъ году Наполеонъ III, была направлена своимъ остріемъ не противъ Россіи, но противъ Пруссіи: заступничество за Польшу было лишь предлогомъ начать войну на Рейнѣ. Комбинація сорвалась на нерѣшительности Австріи, побоявшейся попасть въ клещи между Пруссіей и Россіей; за эту минуту трусости Австрія жестоко поплатилась три года спустя при Садовой.

фабрикатовъ въ Россію она занимала первое мѣсто, обогнавъ Англію, хотя на немного, впрочемъ. Только увидавъ передъ собою барьеръ хлѣбныхъ пошлинъ, ставшій особенно замѣтнымъ съ 1885 г., русскій помѣщикъ почувствовалъ, что передъ нимъ, по ту сторону Вислы, не другъ, а врагъ; нѣмецкій фабрикантъ началъ чувствовать охлажденіе нѣсколько ранѣе, съ 1877 г.—но окончательный разрывъ дружбы и съ этой стороны датируется тѣмъ же концомъ 80-хъ годовъ.

Русско-прусскій (въ началѣ—потомъ русско-германскій) союзъ былъ осью, около которой вращалась русская внѣшняя политика въ промежуткѣ между польскимъ возстаніемъ и турецкой войной 1877—78 гг. Въ официальныхъ и официозныхъ русскихъ публикаціяхъ—другихъ почти нѣтъ—можно найти очень краснорѣчивыя разсужденія насчетъ той пользы, какую извлекла изъ этого союза бисмарковская Пруссія. Россія въ этихъ публикаціяхъ представляется безкорыстнымъ и самоотверженнымъ другомъ, которому заплатили—на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г.—черной неблагодарностью. Упомянутая выше, въ примѣчаніи, англійская секретная переписка—совершенно случайно попавшая въ руки польскихъ ученыхъ, и благодаря этой случайности ставшая достояніемъ науки,—служитъ достаточно внушительнымъ примѣромъ того, какіе сюрпризы скрываютъ тщательно охраняемые отъ взоровъ непосвященныхъ дипломатическіе архивы различныхъ европейскихъ государствъ *). Закулисную исторію русско-германскаго союза, написанную по документамъ, прочтутъ, вѣроятно, только внуки читателей настоящей книги. Но кое-какія сближенія чисто-внѣшнихъ, объективныхъ фактовъ возможны уже и теперь—возможны были и на другой день послѣ событій; а кое-какіе выводы можно сдѣлать уже изъ однихъ такихъ сближеній. Русско-прусскій союзъ датируется февралемъ 1863г. (т. наз. „конвенція Альвенслебена“); уже къ осени этого года онъ достаточно „оправдалъ себя“: заступившіяся за Польшу державы, съ Франціей во главѣ, должны были отступить передъ грозной аттитюдой Пруссіи и Россіи. А слѣдующей весной, въ маѣ 1864 г., начинается вновь, прервавшееся въ 1853 г., наступленіе русскихъ въ среднюю Азію. Какъ относилась къ этому наступленію Англія (см. выше, стр. 30), мы уже знаемъ. Въ періодъ

*) Подлинные дипломатическіе документы различныхъ европейскихъ державъ,—не исключая Англіи и Франціи,—если они моложе, примѣрно 1850 года (для различныхъ государствъ сроки различны), доступны для пользованія только съ особаго разрѣшенія—которое дается очень скупо и лишь вполнѣ „надежнымъ“ людямъ.

русско-французскаго союза, весьма знаменательно, и рѣчи не было о продолженіи дѣла, начатаго Перовскимъ (взятіе этимъ послѣднимъ кокандской крѣпости Акъ-Мечеть, теперешняго „Перовска“, было послѣднимъ эпизодомъ движенія, начавшагося при Николаѣ I): Англія была союзницей Франціи, хотя все менѣе и менѣе надежной. Поворотъ къ русско-прусскому союзу сейчасъ же возродилъ русскій имперіализмъ въ томъ пунктѣ, гдѣ онъ могъ встрѣтить наименьшее сопротивленіе. Первые шаги по давно оставленной дорогѣ были робкіе; походъ ген. Черняева былъ возвѣщенъ Европѣ циркуляромъ кн. Горчакова, написаннымъ явно конфузливо—и оправдывавшимъ дѣйствія русскихъ войскъ географическими соображеніями, не имѣвшими никакихъ точекъ соприкосновенія съ реальною географіей тѣхъ мѣстъ. Русское движеніе направлялось въ старинные культурные очаги, гдѣ, по отзывамъ офиціальныхъ русскихъ наблюдателей, „земледѣліе находится въ прекрасномъ состояніи и даетъ блестящіе результаты“ *). А циркуляръ толковалъ о какихъ-то „полудикихъ, бродячихъ народахъ“, „безъ твердой общественной организаціи“. Важнѣе этой, безусловно „не твердой“, географіи, было политическое обѣщаніе кн. Горчакова, что русскія завоеванія ни въ какомъ случаѣ не пойдутъ далѣе Чемкента: т.-е. что Россія не намѣрена распространять свое господство на междурѣчье Аму и Сыръ-Дарьи. Мы сейчасъ увидимъ, какое это имѣло международное значеніе. Но дипломатическія канцеляріи—добросовѣстность которыхъ въ этомъ вопросѣ признавала и наиболѣе заинтересованная сторона, англійская дипломатія **)—были не въ силахъ остановить побѣдоносный разбѣгъ русскихъ генераловъ. Лѣтомъ слѣдующаго года Черняевъ взялъ Ташкентъ и, послѣ неудачной, но тоже, надо думать, вполнѣ добросовѣстной, попытки образовать изъ этого города особое государство (помимо, кажется, всякаго желанія самихъ обитателей Ташкента—они-то, во всякомъ случаѣ, имперіализмомъ не страдали), онъ былъ по-просту присоединенъ къ Россіи: сѣверная половина междурѣчья, долина Сыръ-Дарьи, стала прочнымъ русскимъ владѣніемъ. Очень характерно, что уже колебанія насчетъ Ташкента—быть особому ташкентскому государству или нѣтъ? разрѣшились непосредственно послѣ событій, не имѣвшихъ къ Средней Азіи, казалось бы,

*) Слова г. Гулишамбарова о Хивинскомъ ханствѣ. См. „Экономическій обзоръ туркестанскаго района, обслуживаемаго средн.-аз. жел. дор.“, Асхабадъ, 1913, стр. 165.

**) См. объ этомъ у Мартенса „Россія и Англія въ центральной Азіи“, стр. 42 англійскаго перевода.

никакого отношенія: лѣтомъ 1866 г. Австрія была разгромлена Пруссіей, и западная союзница Россіи стала великой державой, а въ августѣ того же года Ташкентъ былъ присоединенъ къ Россіи. Но еще характернѣе, что прусскія побѣды на поляхъ Богеміи какимъ-то мистическимъ образомъ дали новый толчекъ русскому движенію въ Азіи, уже къ долинѣ Аму-Дарьи, до сихъ поръ остававшейся, безусловно, внѣ предѣловъ русской досягаемости. Объявивъ ташкентцамъ, что они стали русскими, оренбургскій ген.-губернаторъ Крыжановскій „вступилъ въ бухарскія владѣнія и штурмомъ взялъ города Ура-Тюбе и Джизакъ“ *). Цитируемый авторъ, дипломатъ по профессіи, очень хотѣлъ бы изобразить это дѣло Крыжановскаго, какъ результатъ „нарушенія преподанныхъ ему наставленій“: такъ сильна традиція кн. Горчакова среди русскихъ дипломатовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе пишутъ не дипломатическія бумаги! Но изъ приводимыхъ имъ же фактовъ видно, что Крыжановскій былъ смѣненъ какъ разъ за противоположное: за несвоевременное заключеніе мира съ Бухарой. Присланный на его мѣсто изъ Петербурга новый, уже туркестанскій ген.-губернаторъ, Кауфманъ, самымъ энергичнымъ образомъ продолжаетъ начатое движеніе вплоть до того момента, когда онъ взялъ Самаркандъ и, завладѣвъ теченіемъ Заровшана, снабжающаго водой бухарское ханство, сталъ фактическимъ хозяиномъ этого послѣдняго: послѣ этого номинально бухарскому эмиру оставили его „независимость“.

Уже за три года до этого, при первыхъ извѣстіяхъ о походахъ ген. Черняева, англійское правительство обратило вниманіе на возрожденіе николаевскаго имперіализма въ средней Азіи. Обѣщаніе Горчакова насчетъ Чемкента было косвеннымъ отвѣтомъ на англійскіе страхи, а столь быстро доказанная ненадежность обѣщанія не могла, разумѣется, успокоить этихъ послѣднихъ. Но дать болѣе опредѣленныя обязательства русскій министръ иностранныхъ дѣлъ теперь поостерегся. Событія 1866—68 гг. обратили на себя вниманіе уже не только англійскихъ дипломатовъ, но и англійскаго общественнаго мнѣнія. Крупнѣйшій авторитетъ по азіатскимъ дѣламъ въ глазахъ этого послѣдняго, извѣстный путешественникъ сэръ Генри Раулинсонъ, составилъ въ 1868 г. надѣлавшую огромнаго шума записку, изображавшую русскія завоеванія въ Средней Азіи, какъ начало систематической атаки на Индію. Линія Чемкента, линія Ташкента, линія Самарканда образно

*) Татищевъ, „Александръ II“.

сравнивались Раулинсономъ съ рядомъ параллелей, приближающихся къ осажденной крѣпости: когда Мервъ и Гератъ будутъ захвачены этими параллелями, русскіе будутъ на гласисѣ, и тогда начнется штурмъ. Англійскій ученый дѣлалъ слишкомъ много чести русскому правительству, приписывая ему столь строгую систематичность дѣйствія: можно съ полною увѣренностью принять, что завоеватели Туркестана тогда еще сами хорошенько не знали, какое именно употребленіе сдѣлаютъ они изъ своихъ завоеваній. Просто, отдохнувъ отъ крымскаго погрома, они вновь принялись за прерванное имъ дѣло, подчиняясь своего рода инстинкту, выработавшемуся за предшествующія 40 лѣтъ. Но англичане, въ своей колоніальной политикѣ, ничего не дѣлаютъ инстинктивно и наобумъ: Раулинсонъ судилъ о русскихъ по себѣ—и не могъ не видѣть, что, съ захватомъ не только Сыръ, а и Аму-Дарьи, прорѣзывающей бухарскія владѣнія, русскіе въ смыслѣ нападенія на Индію оказываются поставленными несравненно болѣе благопріятно, нежели англичане въ отношеніи обороны этой послѣдней. Въ образѣ Аральскаго моря и Аму-Дарьи Россія имѣла отличный водный путь, подходившій почти вплотную къ горнымъ проходамъ, являющимся воротами изъ Средней Азіи въ Индію. Насчетъ доступности этихъ проходовъ для современной арміи, съ обозомъ и артиллеріей, ничего опредѣленнаго тогда не знали не только русскіе, но и англичане: знали только, что всѣ предшествующіе завоеватели Индіи, двигавшіеся съ сѣвера, этими проходами пользовались — этого было достаточно для того, чтобы опасенія Раулинсона не казались безсмысленными. А если прибавить сюда газетныя статьи на ту же тему нѣкоторыхъ русскихъ, довольно высокопоставленныхъ и освѣдомленныхъ (какъ оріенталистъ Григорьевъ, скоро ставшій начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати), возможность начинала казаться несомнѣнностью. Что могла противопоставить Англія новому нашествію сѣверныхъ людей на индійскій полуостровъ? Тутъ надо принять въ разсчетъ, что въ дни записки Раулинсона индійская желѣзнодорожная сѣть почти не существовала. На всю Индію было съ небольшимъ 4 тысячи миль рельсовой колеи, изъ которыхъ на сѣверный конецъ, Пенджабъ, приходилось всего 300 миль. Другими словами, мобилизація англо-индійской арміи представляла огромныя трудности. И еще труднѣе было доставить этой арміи подкрѣпленіе изъ метрополіи: Суэзскій каналъ еще не былъ открытъ,

и сообщенія Индіи съ Англіей шли въ объѣздъ Африки. Стоитъ сравнить, на картѣ, длину воднаго пути, имѣвшагося въ распоряженіи русскихъ (Аральское море и Аму-Дарья), съ англійской дорогой вокругъ Капа, чтобы рѣшительный перевѣсъ Россіи въ этомъ отношеніи сразу бросился въ глаза.

Въ началѣ 1869 г. англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, обратился къ русскому послу въ Лондонѣ съ формальнымъ запросомъ: какъ ему успокоить англійское общественное мнѣніе и предупредить осложненія, могущія возникнуть между двумя правительствами по поводу Средней Азіи? Запросъ Кларендона былъ исходной точкой длиннаго конфликта, закончившагося юридически только въ наши дни (англо-русской конвенціей 31 августа 1907 г.): фактически, конфликтъ потерялъ свою остроту уже съ середины 80-хъ годовъ. Но до этого бывали моменты большого напряженія—и, однажды, дѣло дошло даже до войны, правда, не непосредственно между Россіей и Англіей, а только между Россіей и Турціей. Послѣдняя въ это время была, однако же, настолько явно кліенткой Англіи, помогавшей туркамъ прямо деньгами и оружіемъ, а косвенно даже и вооруженной силой (появленіе англійскаго флота передъ Константинополемъ въ началѣ 1878 г.) — что политически споръ воспроизводилъ вполнѣ точно кризисъ 1830—50-хъ гг., только безъ севастопольскаго финала. Мы скоро увидимъ, что и экономическіе корни кризиса были тѣ же самые. Пока, для ясности, остановимся на его внѣшнемъ ходѣ. Въ отвѣтъ на англійскій запросъ, барону Бруннову, представлявшему тогда Россію въ Лондонѣ, было поручено дать „положительное увѣреніе“, что русское правительство „разсматриваетъ Афганистанъ, какъ находящійся всецѣло внѣ сферы русскаго вліянія“. Русскихъ спрашивали, зачѣмъ они зашли такъ далеко? Въ отвѣтъ на это русскіе намекали, что они могли бы пойти и дальше, но, пока, не хотятъ. При чемъ и эта послѣдняя уступка была обусловлена довольно непріятнымъ для англичанъ ограниченіемъ: не вмѣшиваться въ афганскія дѣла Россія обѣщала только до тѣхъ поръ, пока Афганистанъ останется независимымъ. Но стремленіе Англіи поставить афганскаго эмира къ себѣ въ такія же отношенія, въ какихъ былъ къ Россіи эмиръ бухарскій, не составляло ни для кого секрета уже съ 40-хъ годовъ. При такихъ условіяхъ, напоминаніе о независимости Афганистана было явной угрозой—и не мудрено, что Кларендонъ отнюдь не чувство-

валъ себя удовлетвореннымъ русскимъ отвѣтомъ. Мысль—создать изъ Афганистана государство-буферъ—его очень привлекала. Но, чтобы функціонировать съ пользою для Англіи, буферъ долженъ былъ быть достаточно проченъ. Въ сентябрѣ того же 1869 г. англійскій министръ отправился въ Гейдельбергъ, для личныхъ разговоровъ на эту тему съ кн. Горчаковымъ. Можно думать, что не безъ задней мысли Кларендонъ поставилъ разговоръ на географическую почву—гдѣ, мы знаемъ, русскій министръ былъ особенно слабъ. Россія согласна уважать независимость Афганистана—хорошо: но гдѣ же границы этого независимаго государства? Англичане находили, что границей можетъ быть только Аму-Дарья: другими словами, они соглашались успокоиться лишь въ томъ случаѣ, если возможная операціонная линія русскаго похода на Индію будетъ наполовину въ англійскихъ рукахъ. Къ несчастію для своего собесѣдника, Горчаковъ къ этому времени сдѣлалъ замѣтные успѣхи въ географіи центральной Азіи. Онъ твердо помнилъ, что большая часть бухарскаго ханства находится на лѣвомъ берегу Аму: включать весь этотъ берегъ въ сферу англійскаго вліянія было бы, послѣ побѣдъ Крыжановскаго и Кауфмана, явной нелѣпостью. „Независимый“ Афганистанъ долженъ былъ начинаться гораздо южнѣе. Гейдельбергское свиданіе „не имѣло никакихъ практическихъ результатовъ“ *). И въ концѣ все того же 1869 г. англійскій посолъ въ Петербургѣ „съ явнымъ безпокойствомъ освѣдомлялся“: правда ли, что русскимъ правительствомъ уже рѣшена экспедиція противъ Хивы? Отвѣтъ былъ отрицательный: русское правительство „надѣялось еще обойтись безъ этой мѣры“. Скоро, однако же, наступили событія, сдѣлавшія эту мѣру совершенно необходимой.

События, по обыкновенію, происходили чрезвычайно далеко отъ береговъ Аму-или Сыръ-Дарьи—и даже отъ береговъ Босфора: ихъ театромъ были берега Рейна и Мааса. Въ августѣ-сентябрѣ 1870 года прусскія пушки покончили со второй французской имперіей—а въ октябрѣ того же года дипломатическій міръ съ крайнимъ изумленіемъ узналъ изъ циркуляра, разосланнаго кн. Горчаковымъ русскимъ представителямъ за границей, что Россія не считаетъ для себя болѣе обязательнымъ парижскій трактатъ 1856 г. Фактически, пока, она отмѣняла лишь ту его статью, которая запрещала ей держать флотъ на Черномъ морѣ: но простая ло-

*) Martens, цит. соч., стр. 66.

гика подсказывала, что если сегодня Россія считаетъ себя въ правѣ одностороннимъ распоряженіемъ отмѣнить одну изъ статей договора, завтра она отмѣнитъ другую или всѣ другія. Англичане словъ не находили для того, чтобы охарактеризовать горчаковскій циркуляръ. И такъ какъ связь событій была яснѣе дня, то по поводу русскаго выступленія англійскій уполномоченный, Одо Россель, явился въ прусскую главную квартиру, находившуюся тогда въ Версалѣ—требовать объясненій. И Бисмаркъ и король Вильгельмъ были не мало скандализованы безпримѣрнымъ поступкомъ своей союзницы. Но отъ союза не отреклись, и, отведя душу нѣсколькими замѣчаніями, не совсѣмъ лестными для кн. Горчакова, поддержали его, насколько дипломатическія приличія допускали такую поддержку. Одо Росселю было дано понять, что на содѣйствіе пруссаковъ возстановленію парижскаго трактата нечего разсчитывать. Что же касается главной виновницы этого трактата, Франціи, ея положеніе достаточно иллюстрировалось тѣмъ, что ея правительству пришлось отвѣчать на горчаковскій циркуляръ изъ Тура: Парижъ былъ уже осажденъ. Съ Англіей случилось то, что она всегда считала величайшей изъ непріятностей: она была лишена всякихъ континентальныхъ союзниковъ. Пришлось пойти на уступки и ограничиться моральнымъ афронтомъ Россіи (на лондонской конференціи января — февраля 1871 г.). Разорванный кн. Горчаковымъ международный документъ не былъ вновь склеенъ, и Россія получила теоретическое право построить снова черноморскій флотъ. Что право это осталось пока чистой теоріей, на то была добрая воля самой Россіи: какъ и въ средней Азіи, у насъ умѣли взять; что дѣлать со взятымъ, объ этомъ догадывались долго спустя. Раулинсонъ со своимъ раціонализмомъ былъ рѣшительно неспособенъ оцѣнить такой глубоко-органическій процессъ, какъ русская внѣшняя политика.

То, что говорилось—и писалось—на лондонской конференціи, было, такимъ образомъ, одними словами. Поступки послѣдовали опять чрезвычайно далеко отъ мѣста этихъ разговоровъ. Повидимому, англійскіе дипломаты ошибались, предполагая, что экспедиція въ Хиву была рѣшена уже въ 1869 г.: но послѣ 1870 стало совершенно ясно, что государство злосчастнаго хивинскаго хана скоро „развалится, какъ карточный домикъ“ (слова директора азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ англійскому послу,

лорду Августу Лофтусу). Въ самомъ дѣлѣ, только Хивы не доставало для того, чтобы водный путь Аральское море—Аму-Дарья былъ всецѣло въ русскихъ рукахъ: хивинское ханство, занимавшее низовья рѣки, какъ разъ его перерѣзывало. Завоеванію Хивы до сихъ поръ мѣшали исключительныя физическія трудности, о которыя разбилась экспедиція Перовскаго въ 1839 г. Въ военномъ отношеніи, хивинскій ханъ не былъ, конечно, болѣе страшнымъ противникомъ, чѣмъ бухарскій эмиръ. Повидимому, онъ разсчитывалъ на непосредственную поддержку англичанъ: его посланцевъ мы встрѣчаемъ въ Симлѣ, при дворѣ англійскаго вице-короля Индіи. Съ русской стороны рѣшили, поэтому, подсластить пилюлю: въ началѣ 1873 г. кн. Горчаковъ заявилъ англійскому правительству, что Россія готова признать маленькія ханства Ваханъ и Бадакшанъ—юридически спорныя между Афганистаномъ и Бухарой, фактически же не зависѣвшія ни отъ перваго, ни отъ послѣдней,—афганскими владѣніями. Съ англійской точки зрѣнія, это могло считаться большимъ выигрышемъ: Ваханъ и Бадакшанъ непосредственно прилегаютъ къ горнымъ проходамъ, ведущимъ изъ Средней Азіи въ Индію. Но такъ какъ индійская экспедиція, вопреки слишкомъ поспѣшнымъ прорицаніямъ Раулинсона, вовсе еще не входила тогда въ практическую программу русскаго правительства—такъ какъ, съ другой стороны, уступка была чисто словесная: на практикѣ въ спорныхъ ханствахъ не имѣли никакой власти ни бухарскій, ни афганскій эмиры, то русское пожертвованіе было не такъ велико, какъ казалось. Чтобы еще лучше прикрыть готовившійся ударъ, въ Петербургѣ прибѣгли къ слѣдующему пріему. Въ Англію былъ отправленъ генералъ-адъютантъ гр. Шуваловъ со спеціальнымъ порученіемъ заявить англійскому кабинету, что „Императоръ не только вовсе не желаетъ завладѣть Хивой, но и далъ положительное приказаніе, дабы предупредить возможность этого завладѣнія, и что Кауфману посланы инструкціи, предписывающія наложить на хана такія условія, чтобы занятіе Хивы ни въ какомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ“ *).

Когда въ Англіи стало, послѣ этого, извѣстно содержаніе договора, заключеннаго неизмѣнно побѣдоноснымъ генераломъ Кауфманомъ съ хивинскимъ ханомъ въ его, занятой русскими войсками, столицѣ,—въ „англійской печати подня-

*) Татищевъ, „Александръ II“; ср. Мартенсъ op. cit., 82—83.

лась буря, и британское общественное мнѣніе было охвачено пароксизмомъ острой вражды по отношенію къ Россіи". Въ самомъ дѣлѣ, договоръ говорилъ діаметрально противоположное тому, что, только что, было обѣщано гр. Шуваловымъ. Не только занятіе Хивы должно было „быть продолжительнымъ"—но хивинскій ханъ признавалъ себя на вѣчныя времена вассаломъ русскаго государя; при чемъ, дабы не внушить ему излишней гордости, сношенія онъ долженъ былъ вести не непосредственно съ Петербургомъ, и даже не непосредственно съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ—а съ начальникомъ сыръ-Дарьинскаго отдѣла туркестанской области. „Независимый государь" попросту подчиненъ былъ уѣздному исправнику! Что соблюденъ былъ т е к с т ъ шуваловскаго обѣщанія — русскій гарнизонъ не остался въ Хивѣ, не имѣвшей никакого военнаго значенія, это могло только еще болѣе озлобить англичанъ: ибо, по другой статьѣ трактата, низовья Аму стали русской территоріей — и въ этомъ была суть дѣла. Есть ли внутри глиняныхъ стѣнъ Хивы хоть одинъ русскій солдатъ, когда владыка этихъ стѣнъ и всѣ ихъ обитатели дрожали при одномъ имени этого солдата—было, практически, совершенно безразлично. Въ Англіи не было ни одного разумнаго человѣка, который не считалъ бы Раулинсона проницательнѣйшимъ изъ всѣхъ пророковъ. Дѣло ясное; мы наканунѣ послѣдней изъ предсказанныхъ имъ параллелей. Русскимъ остается занять Мервъ—и тогда начнется походъ на Индію. И, какъ будто нарочно, для оправданія такого взгляда, на запросъ встревоженнаго лондонскаго кабинета насчетъ именно Мерва, изъ Петербурга отвѣтили уклончиво: Мервъ слишкомъ далекъ еще отъ признанной афганской границы—и русское правительство никакъ не можетъ обѣщать, что оно никогда не будетъ вынуждено принять мѣры противъ населяющихъ его туркменскихъ разбойниковъ. Теперь, послѣ 1870 года, приходилось добиваться отъ Россіи того, что раньше обѣщалось очень легко: признанія неприкосновенности для русскаго расширенія, по крайней мѣрѣ, Афганистана. Правда, отречься сразу отъ обѣщаній 1869 года, какъ отъ парижскаго трактата, у кн. Горчакова не хватило духу: дѣло было еще слишкомъ свѣжо. Но онъ тянулъ переговоры, явно домогался отъ англійскаго министерства гарантій независимости Афганистана (въ отвѣтъ на подчиненіе Россіей Бухары и Хивы!)— и воспользовался первымъ же удобнымъ случаемъ, заявленіемъ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Дерби,

что Англія оставляетъ за собой полную свободу дѣйствій по отношенію къ Афганистану, чтобы потребовать такой же полной свободы дѣйствій и для Россіи. И англичане сейчасъ же должны были убѣдиться, что все это не пустыя слова. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ хивинской экспедиціи, какъ Россія формально аннексировала Коканъ—третье „независимое“ государство междурѣчья, съ котораго начались русскія завоеванія въ 1864 г. и которыми они, къ востоку отъ Аральскаго моря, кончились. „Бурѣ негодованія“ въ англійскихъ газетахъ послѣ этого не было уже предѣла.

Исторія присоединенія Кокана показала бы англійскому общественному мнѣнію—если бы оно могло разсуждать болѣе спокойно—что суть русскихъ поступательныхъ дѣйствій, пока, вовсе еще не въ подготовкѣ похода на Индію. И завоеваніе Кокана, какъ покореніе Хивы, было продиктовано русскому правительству, точнѣе говоря, туркестанскому генералъ-губернаторству, соображеніями „внутренней политики“. Несмотря на всѣ увѣренія официальныхъ бюллетеней, что русскихъ въ Средней Азіи вездѣ принимаютъ съ распростертыми объятіями, на самомъ дѣлѣ завоеваніе Туркестана было не менѣе завоеваніемъ, чѣмъ всякое другое. Покоренные ненавидѣли покорителей, и достаточно было найтись по близости хоть одному свободному уголку, чтобы онъ непремѣнно сталъ центромъ сопротивленія русскому господству. Реальнымъ поводомъ къ захвату Кокана было поднявшееся тамъ возстаніе противъ мѣстнаго правителя Худояръ-хана, слишкомъ усердно служившаго русскимъ интересамъ. Вести войну пришлось не съ правительствомъ, а именно съ народомъ. И при свѣтѣ коканскихъ событій намъ становится понятна одна статья, затерявшаяся въ договорѣ съ Хивой: „ханское правительство не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволительнаго вида отъ русской власти, къ какой бы національности они не принадлежали, а укрывающихся въ ханствѣ русскихъ преступниковъ задерживаетъ и выдаетъ русскому начальству“. Само собою разумѣется, что тутъ имѣлись въ виду не члены кружка Чайковскаго, а мѣстные, мусульманскіе агитаторы, непрестанно возбуждавшіе мѣстное населеніе къ священной войнѣ съ невѣрными всюду, гдѣ къ этому представлялась малѣйшая физическая возможность. Эту возможность у нихъ и старались отнять расширеніемъ сферы непосредственнаго русскаго господства. Но англичане на все смотрѣли глазами Раулинсона, и ближайшимъ результатомъ хивинской экспедиціи

и аннексіи Кокана было то, что англійское правительство поставило на первую очередь завоеваніе Афганистана, а какъ къ болѣе отдаленному, но все же неизбѣжному дѣлу, стало готовиться къ войнѣ съ Россіей.

Зная только эти внѣшніе факты, можно подумать, что все дѣло было лишь грандіознымъ недоразумѣніемъ. Англія была готова къ самымъ сильнымъ мѣрамъ потому, что считала Россію готовой къ походу на Индію. Но это была ошибка—Россія вовсе не собиралась еще завоевывать Индію. Можетъ показаться, что отношенія двухъ странъ портили, дѣйстительно, какія-то „призраки"—о разсѣяніи которыхъ не безъ пафоса говорилъ кн. Горчаковъ въ одной изъ своихъ депешъ. Чтобы правильно оцѣнить положеніе, нужно помнить, что споръ изъ-за Средней Азіи былъ только частнымъ, наиболѣе конкретнымъ эпизодомъ общаго конфликта. Этотъ общій конфликтъ и давалъ тонъ всему дѣлу. Если мы возьмемъ, въ широкой рамкѣ 60-хъ—80-хъ годовъ, русскую внѣшнюю политику съ одной стороны, развитіе производительныхъ силъ Россіи, съ другой, мы безъ труда увидимъ три параллельныя линіи, сопровождающія другъ друга на всемъ протяженіи этихъ десятилѣтій. Этими тремя линіями будутъ: во-первыхъ, ростъ русской обрабатывающей промышленности; во-вторыхъ, ростъ русскаго промышленнаго протекціонизма; въ-третьихъ, ослабленіе нашихъ экономическихъ связей съ Англіей и ухудшеніе нашихъ политическихъ отношеній съ нею. Яснѣе всего эти три линіи выступаютъ, когда мы обращаемся къ цифровымъ даннымъ.

Года	Вновь основано акціонерныхъ компаній	Переработано иностр. хлопка (тысячи пудовъ)	пряжи	Выплавлено чугуна (тоже)
1867	12	3.298	184	17.553
1870	33	2.801	254	21.949
1873	106	3.530	323	23.484
1876	41	4.708	340	26.957

Какъ видимъ, медленнѣе всего развивалась за это десятилѣтіе текстильная промышленность, не выросшая даже въ полтора раза; немного, очень немного, энергичнѣе шло развитіе металлургіи. Та и другая, однако же, не стояли на мѣстѣ: фритредерскій тарифъ 1868 г. не убилъ русскаго предпринимательства; напротивъ, если судить по цифрамъ вновь открывавшихся крупныхъ предпріятій (акціонерныя компаніи), онъ даже далъ ему весьма сильный тол-

чекъ къ поступательному движенію. 1876 годъ былъ послѣднимъ годомъ дѣйствія льготнаго тарифа: въ слѣдующемъ году пошлины стали взиматься золотомъ, т.-е. были сразу повышены на 33%. Дальнѣйшій ходъ развитія русскаго протекціонизма удобно иллюстрировать на одномъ примѣрѣ—пошлинахъ съ чугуна:

Тарифы:	1868	1877	1884—5	1885—6	1886	1891
Пошлины съ пуда чугуна:	5 коп.	5 коп. золотомъ	9 к. з.	12 к. з.	15 к. з.	45—52½ к. з.

Производительность русской крупной индустріи при такомъ дѣйствіи тарифнаго пресса росла, однако же, особенно въ началѣ, немногимъ быстрѣе прешествующаго десятилѣтія.

Года	1877	1887	1892	1897
Общяя сумма производства въ милл. р.	541	802	1010	1816

Какъ видимъ, въ Россіи, какъ и вездѣ въ мірѣ, протекціонизмъ былъ не столько условіемъ развитія крупной промышленности, сколько результатомъ этого развитія. По мѣрѣ того, какъ капиталистъ становился сильнѣе, онъ требовалъ себѣ все новыхъ и новыхъ прерогативъ, все болѣе и болѣе стремился монополизировать внутренній рынокъ. Когда ему это удалось окончательно (тарифъ 1891 года), его дѣла, разумѣется, расширились на всю сумму вытѣсненныхъ ихъ съ рынка иностранныхъ продуктовъ:

Года	число фабрикъ		производство.		число рабочихъ	
	металл.	текстильн.	мет.	текст.	мет.	текст.
			(милл. р.)		(тысячи)	
1887	1377	2847	112,6	463	103,3	309,2
1897	2412	4449	310,6	946,3	152,9	642,5

Но гораздо раньше, чѣмъ обнаруживались эти положительные результаты торжества „національнаго“ капитала, его соперники почувствовали отрицательные для нихъ послѣдствія новаго порядка вещей.

Ввозъ Великобританіи въ Россію:

Года	1860	1870	1871—80	1881—90
Тысячи фунт. стерл.	5.147	10.071	10.007	7.783

Давно уже сдѣлано наблюденіе, что Англія никогда не можетъ быть другомъ державѣ, которая введетъ у себя строго протекціонную систему. Одного того факта, что на границахъ Россіи съ 70-хъ годовъ вновь поднялась николаевская стѣна таможеннаго тарифа, было бы достаточно, чтобы

Памятникъ Императору Александру III въ Петроградѣ.

Императору Александру III (род. 26 февр. 1845 г.) воздвигнуто два памятника: одинъ—въ Петроградѣ у Николаевскаго вокзала, другой—въ Москвѣ у Храма Спасителя... Въ обоихъ случаяхъ историческія воспоминанія влекутъ зрителя къ существу явленій Николаевской поры, къ первой половинѣ XIX столѣтія. Паоло Трубецкому для Петрограда удалось справиться съ своей задачей: его замыселъ величественно простъ. На громадномъ гранитномъ пьедесталѣ, тяжко и грузно придавившемъ землю, покоится конная фигура императора, тяжело сидящаго на коренастой массивной лошади и куда-то зорко смотрящаго вдаль... Лошадь властно и рѣзко задержана въ своемъ движеніи, она не двинется съ мѣста. Всадникъ исполненъ вѣры въ правоту своей позиціи; онъ не даетъ прорваться наружу никакимъ сомнѣніямъ и страхамъ.

* * *

испортить англо-русскія отношенія *). Но это общее наблюденіе въ данномъ случаѣ легко детализировать—и хронологически, и географически. Мы можемъ довольно точно опредѣлить, когда и гдѣ Англія стала чувствовать промышленное соперничество Россіи—и при этомъ, кстати, еще разъ видѣть, что протекціонизмъ является вѣнцомъ промышленнаго зданія, а отнюдь не его фундаментомъ. Еще дѣйствовалъ тарифъ 1868 г., даже золотыхъ пошлинъ еще не было, а уже англійскій ввозъ въ Россію сталъ замѣтно сокращаться.

Года	1867	1870	1873	1874	1875	1876
Англійск. ввозъ въ Россію. (тысячи фунт. ст.) . . .	3.944	6.991	8.997	8.776	8.059	6.182

Мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи детальныхъ данныхъ, которые позволяли бы судить, чѣмъ, именно, было обусловлено паденіе англійскаго ввоза въ Россію въ 1876 г. (наканунѣ торжества русскаго протекціонизма!) до уровня ниже даже 1870 г. Но для нашей цѣли—экономически характеризовать внѣшнюю политику Россіи—достаточно самаго факта. Англія теряла русскій рынокъ. Повторяемъ, уже одно это никакъ не могло усилить англо-русской дружбы. Но у насъ есть неоспоримыя доказательства того, что русское правительство сознательно пыталось вытѣснить англичанъ и съ сосѣднихъ рынковъ, и что театромъ такой сознательной политики русскаго правительства былъ, именно, Ближній Востокъ—тѣ самыя мѣста, гдѣ скоро должны были разыграться войны 1876—78 г. Въ числѣ второстепенныхъ рынковъ англійскаго сбыта послѣ Крымской войны замѣтную роль стала играть Румынія. Освобожденіе низовьевъ Дуная изъ русскаго таможеннаго кольца было тутъ главнымъ благопріятствующимъ условіемъ. Англійскій ввозъ въ Румынію, составлявшій въ 1860 г. всего 9 милл. франковъ (седьмая часть общей суммы ввоза), къ 1875 г. превышалъ 25 милл. фр., что составляло уже четверть всего румынскаго ввоза. Но это повышеніе останавливается, опять-таки, на срединѣ 70-хъ гг.: достигнувъ максимума (33 милл. фр.) въ 1874 г., англійскій ввозъ въ Румынію къ слѣдующему году упалъ до 25 милліоновъ. Маленькій эпизодъ позволяетъ составить нѣкоторое мнѣніе насчетъ того, кто, именно, тѣснилъ въ этихъ мѣстахъ англичанъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ одна англійская компанія получила отъ турец-

*) Рѣчь идетъ о промышленной Англіи XIX в. Банкирская Англія нашихъ дней держится въ своей внѣшней политикѣ иныхъ принциповъ.

каго правительства концессію на устройства порта въ Кюстенджѣ (теперешняя румынская Костанца) и желѣзную дорогу отъ этого порта къ Дунаю. Блестящая роль Костанцы въ наши дни показываетъ, что англичане нащупали мѣсто вѣрною рукою. Но Костанца, непосредственно связанная рельсовой колеей съ нижнимъ Дунаемъ, въ обходъ его труднопроходимыхъ гирлъ, Костанца, гораздо ближе расположенная къ Константинополю, чѣмъ русская Одесса, угрожала стать страшнымъ конкурентомъ этой послѣдней. Русское правительство не могло этого перенести—и по его настояніямъ Порта аннулировала англійскую концессію въ 1870 г. Можно себѣ представить, какъ было принято въ англійскихъ коммерческихъ кругахъ извѣстіе, что въ Россіи носятся съ планомъ исправить Парижскій трактатъ еще въ одномъ пунктѣ, вернувъ въ русскія границы Бессарабію и устье Дуная, потерянныя въ 1856 г. А въ наличности этого плана нельзя было сомнѣваться уже тотчасъ послѣ лондонской конференціи 1871 г.: уже тогда на этотъ счетъ велись секретные, но не составлявшіе, конечно, тайны для заинтересованныхъ лицъ, переговоры съ Турціей *).

На этомъ общемъ фонѣ англо-русскаго конфликта становятся понятны тѣ осложненія, которыя были вызваны въ серединѣ 70-хъ годовъ фактами, ничуть не болѣе крупными сами по себѣ, чѣмъ имѣвшіе мѣсто на десять или пятнадцать лѣтъ ранѣе. Герцеговинское возстаніе 1875 г. было не хуже и не лучше герцеговинскаго возстанія 1862 г.—а критская революція 1867 г. была значительнѣе ихъ обоихъ. Но въ 60-хъ годахъ, до лондонской конференціи и въ самомъ началѣ средне-азіатскихъ завоеваній, русское правительство еще не дерзало активно выступать на театрѣ своихъ пораженій 1853—56 гг. Теперь очень быстро вспомнили, что герцеговинцы—братья-славяне, и рѣшили, что оставлять ихъ безъ помощи никакъ нельзя. Сентиментальная картина—русскаго народа, въ единодушномъ порывѣ устремившагося на помощь вновь обрѣтеннымъ братьямъ противъ невѣрныхъ,—картина, къ удивленію, повторяющаяся еще иногда и теперь, притомъ на страницахъ вполнѣ, казалось бы, при-

---

*) Вышеприведенный цифровой матеріалъ заимствованъ изъ слѣдующихъ изданій: Statesman's yearbook за соотвѣтствующія годы; Гулишамбаровъ „Европейская торговля XIX в. и участіе въ Россіи"; Wittschewsky, Russlands Handelspolitik, Berlin, 1905. Туганъ-Барановскій „Русская фабрика"; Baicoiano „Handelspolitiche Bestrebungen Englands zur Erschliessung d. unteren Donau", München 1913.

личныхъ книжекъ *), офиціальными кругами давно сдана въ архивъ за ненадобностью. Авторы, націонализмъ которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія, весьма спокойно присоединяются къ оцѣнкамъ, давно даннымъ печатью, всего менѣе націоналистической. И мы не находимъ лучшаго способа объективно изобразить дѣло, какъ—процитировавъ генерала Куропаткина, свидѣтеля, прибавимъ въ скобкахъ, тѣмъ болѣе цѣннаго, что онъ, начальникъ штаба генерала Скобелева въ кампанію 1877 г., былъ уже сознательнымъ дѣятелемъ описываемой имъ эпохи **). „Въ сущности „вся Россія" вовсе не соединялась въ порывѣ придти на помощь славянскимъ братьямъ. Огромная масса русскаго народа даже понятія не имѣла, и не имѣетъ его и теперь, о славянскихъ народностяхъ и ихъ племенномъ и религіозномъ родствѣ съ русскимъ племенемъ. Это не было патріотическимъ движеніемъ, напоминавшимъ 1812 годъ. Тогда это движеніе проникло вглубь народныхъ массъ, ибо было понятно имъ: врагъ пришелъ въ предѣлы Россіи, врагъ сжегъ Москву. Ничего подобнаго, конечно, не было въ 1876 г. Возбужденіе въ Россіи носило искусственный характеръ и захватило только поверхностно русскій народъ. Главную роль въ этомъ искусственномъ возбужденіи играли славянофилы, искренно вѣрившіе въ призваніе Россіи жертвовать жизнью и достаткомъ ея сыновъ для устройства славянскихъ дѣлъ и разстройства собственныхъ. Въ военныхъ кругахъ возможность войны съ Турціей встрѣчалась съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Наиболѣе горячія головы, чтобы скорѣе попасть въ бой, шли въ добровольцы, нѣкоторые идейно, а нѣкоторые отъ избытка жизненной энергіи. Было патріотическое возбужденіе и среди отставныхъ военныхъ; многіе и изъ нихъ пошли въ Сербію идейно, но для многихъ отставныхъ поступленіе въ добровольцы вызывалось желаніемъ новой обстановки, опасности, борьбы, обезпеченнаго куска хлѣба. Особыхъ же симпатій къ сербамъ у многихъ замѣтно не было. Попадали въ добровольцы и такіе, которые, кромѣ вреда дѣлу и русскому имени, ничего ни принесли". Но даже и для славянофиловъ вѣра въ „народное одушевленіе" была лишь минутой угара—и похмелье наступило очень быстро. Уже въ декабрѣ 1876 г. Ив. Аксаковъ писалъ въ частномъ письмѣ: „Весь грѣхъ

*) См. г. Богучарскаго „Активное народничество".

**) См. „Россія для Русскихъ. Задачи русской арміи" А. Н. Куропаткина Спб. 1910, томъ II, стр. 444 и сл. Разрядка наша.

сербской войны въ томъ и состоялъ, что она началась будто бы за освобожденіе южныхъ славянъ, а не просто за сверженіе турецкаго сюзеренства, за пріобрѣтеніе Старой Сербіи и Босніи, словомъ, началась ложью и фразой". Правильная перспектива получится лишь, когда мы, вмѣсто слова „народъ", поставимъ „правящіе круги русскаго общества". „Сочувствіе къ славянамъ балканскаго полуострова, говоритъ ген. Куропаткинъ, находило поддержку въ аничковскомъ дворцѣ у наслѣдника-цесаревича и въ зимнемъ дворцѣ у государыни Маріи Александровны. Изъ приближенныхъ къ государынѣ особенно вліятельною славянофилкою была графиня Блудова, къ убѣжденнымъ сторонникамъ рѣшительныхъ мѣръ противъ турокъ принадлежалъ и великій князь Николай Николаевичъ". Къ нимъ принадлежали, нужно добавить, и представители крупнаго капитала. Хлудовъ принималъ большое участіе въ посылкѣ Черняева въ Сербію, крупнѣйшіе банки и городскія думы щедрою рукою приходили на помощь добровольцамъ. Собственно „народъ" давалъ и деньги, и людей въ минимальномъ количествѣ. „Порывъ извѣстной части общества къ пожертвованіямъ на пользу славянъ былъ непродолжителенъ и по результатамъ незначителенъ. Денегъ было собрано не много, а число всѣхъ добровольцевъ составило только до 1.500 человѣкъ, но и въ ихъ числѣ, по отзывамъ особо командированныхъ лицъ—генерала Никитина и полковника Снессарева—находилось много лицъ, о которыхъ пришлось доносить, что среди нихъ господствовали полная распущенность, разладъ между собою и ненависть къ сербамъ" *).

Для осуществленія своихъ плановъ, славянофиламъ всего меньше приходилось разсчитывать, такимъ образомъ, на „народное одушевленіе". На кого въ дѣйствительности, а не на словахъ, можно было надѣяться, это уже давно раскрыли дипломатическія разоблаченія русскихъ и не-русскихъ авторовъ. Разоблаченія установили фактъ весьма парадоксальный, но, тѣмъ не менѣе, совершенно несомнѣнный: осуществленіе славянофильскихъ плановъ всецѣло зависѣло отъ содѣйствія двухъ нѣмецкихъ державъ, Австріи (именно Австріи, а не Австро-Венгріи, ибо венгерцы были безусловно враждебны русскимъ планамъ) и, въ особенности, Германіи. Освободить балканскихъ славянъ можно было только при содѣйствіи злѣйшихъ враговъ „славянства"!

*) Ibid, стр. 447. Разрядка наша.

А такъ какъ, само собою разумѣется, никакой нѣмецкій политическій дѣятель не сталъ бы оказывать поддержку „панславизму“—то уже изъ самой возможности нѣмецкаго содѣйствія ясно, что серьезные дѣловые люди, въ родѣ Бисмарка, никакого значенія славянофильской фразеологіи русскихъ правящихъ круговъ не придавали, считая всѣ разговоры о „славянствѣ“ простой блажью, которую, конечно, нѣсколько непріятно слушать, но которая никакихъ практическихъ послѣдствій имѣть ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Съ замѣчательной чуткостью Бисмаркъ сразу нащупалъ нервъ всего дѣла, съ самаго начала взглянувъ на него, какъ на конфликтъ Англіи и Россіи. Конфликтъ этотъ для него былъ въ высшей степени непріятенъ. Германія уже тогда начинала становиться великой морской державой, ея коммерческій флотъ росъ не по днямъ, а по часамъ—соотвѣтствующей же ему военной морской силы еще далеко не было на лицо. Миръ на морѣ былъ необходимъ Германіи, какъ никогда—и ничто больше не могло угрожать этому миру, какъ русско-англійская война. Еще въ 1876 г., поэтому, Бисмаркъ предложилъ русскому правительству свои услуги, какъ „честнаго маклера“, на предметъ соглашенія съ англичанами: съ большой опять-таки проницательностью онъ видѣлъ, что конфликтъ далеко не такъ безысходенъ, какъ казалось Раулинсону и его единомышленникамъ, въ сущности, очень далеко стоявшимъ отъ практической политики. Намѣреніе Россіи вернуть себѣ Бессарабію онъ считалъ „бездѣлицей“ (bagatelle) и полагалъ, что она ни въ какое сравненіе не идетъ съ русско-англійскимъ споромъ въ центральной Азіи. Стоитъ Россіи гарантировать англичанамъ Индію—Бисмаркъ предвидѣлъ, что для полнаго успокоенія послѣднихъ придется отдать имъ Египетъ, какъ онъ мягко выразился, „обезпечить безопасность Суэзскаго канала“, съ 1875 г. перешедшаго фактически въ англійскія руки, такъ какъ Англія купила большую часть акцій суэзской компаніи—и она охотно уступитъ Россіи „бездѣлушки“. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, такъ и произошло: завладѣвъ въ началѣ 80-хъ гг. Египтомъ, англичане стали гораздо менѣе непреклонны въ средней Азіи. Но въ Петербургѣ насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній Германіи находились въ самомъ странномъ заблужденіи: тамъ были увѣрены, что, въ случаѣ войны на Востокѣ, Германія окажетъ Россіи ни болѣе, ни менѣе, какъ вооруженную поддержку. Кн. Горчаковъ писалъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри: „Въ случаѣ разногласія

между нами и Австріей по восточному вопросу, мы, какъ увѣрялъ Шувалова Бисмаркъ, можемъ безусловно разсчитывать на него. Пруссія, сказалъ Бисмаркъ, должница Россіи за ея поддержку въ 1866 и 1870 гг. Расплатиться съ этимъ долгомъ для нея—дѣло чести. Поэтому, какъ дворянинъ, а не какъ канцлеръ Имперіи, онъ (Бисмаркъ) заявилъ, что для поддержанія нашихъ претензій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію". „Онъ сдѣлалъ это заявленіе, не какъ канцлеръ, прибавлялъ Горчаковъ, потому, что въ политическихъ сношеніяхъ онъ не позволяетъ себѣ быть вполнѣ откровеннымъ il se réservait une espèce d'élasticité dans l'expression de sa pensée)" *).

Для объясненія этого страннаго разговора могутъ быть привлечены многія соображенія — начиная съ того, что въ нѣкоторыя минуты дня (послѣ обѣда) гр. Шуваловъ, по словамъ людей, близко его знавшихъ, не способенъ былъ вести дѣловыя бесѣды, и могъ не понять того, что ему говорили, или понять не такъ, какъ слѣдовало. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Бисмаркъ публично высказывалъ, что весь восточный вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Во всякомъ случаѣ, здѣсь шла рѣчь только о русско-австрійскомъ спорѣ, какъ возможности: насчетъ спора русско-англійскаго (а въ немъ была суть дѣла), Бисмаркъ, уже въ совершенно трезвой бесѣдѣ съ Убри, вполнѣ опредѣленно давалъ понять, что на большее, чѣмъ безусловный нейтралитетъ Германіи, Россія разсчитывать не должна. Но помимо канцлеровъ и посланниковъ, существовали личныя, очень близкія отношенія между государями двухъ странъ—и тѣсная дружба высшихъ военныхъ и придворныхъ чиновъ, принадлежавшихъ не только къ одному соціальному классу, но, нерѣдко, и къ одной національности въ обѣихъ странахъ: и не пересчитать остзейскихъ бароновъ, носившихъ и носящихъ русскій военный или придворный мундиръ. Когда императоръ Александръ II былъ въ Варшавѣ, къ нему явился, съ письмомъ и личнымъ порученіемъ императора Вильгельма, генералъ-адъютантъ послѣдняго, фельдмаршалъ Мантейфель. Кн. Горчаковъ поспѣшилъ со своей стороны, побесѣдовать съ довѣреннымъ лицомъ германскаго императора. На вопросъ, окажетъ ли Германія поддержку Россіи въ случаѣ войны, Мантейфель отвѣтилъ категорически: „мы васъ не покинемъ". Послѣ этого, какъ было

*) Горяиновъ „Босфоръ и Дарданеллы", стр. 316 франц. перевода.

сомнѣваться, что прусскіе штыки, можно сказать, въ карманѣ?

Князь Бисмаркъ былъ совершенно невиновенъ въ этомъ упорствѣ русскаго самообмана: добиться отъ него официальнаго подтвержденія словъ Мантейфеля русскимъ дипломатамъ такъ и не удалось, къ великому огорченію кн. Горчакова. Только это и побуждало принять, все же, минимальныя мѣры предосторожности, и попытаться столковаться, до войны, по крайней мѣрѣ съ Австріей—если не съ Англіей. Австрія чрезвычайно охотно шла навстрѣчу: точнѣе говоря, она двинулись въ путь первая. Въ свое время не безъ большихъ основаній предполагали, что герцеговинское возстаніе стало серьезнымъ дѣломъ при прямомъ содѣйствіи австрійскаго правительства. По крайней мѣрѣ, именно, оно, въ лицѣ канцлера гр. Андраши, первое реагировало на герцеговинскія событія 1875 года, выступивъ съ планомъ реформъ въ сосѣднихъ съ Австріею христіанскихъ провинціяхъ Турціи. Планъ—его подробности ни для кого теперь не интересны—клонился къ тому, чтобы создать перманентный поводъ для австрійскаго вмѣшательства въ Босніи и Герцеговинѣ, вмѣшательства, которое рано или поздно должно было привести сначала къ военной оккупаціи Австріею этихъ областей, а потомъ и къ аннексіи ихъ. Согласіе на все это Германіи имѣлось уже съ 1871—2 гг. Англія въ этой части Балканскаго полуострова насущныхъ интересовъ не имѣла и относилась къ дѣлу безразлично. Оставалась Россія. Когда выяснилось горячее желаніе тѣхъ, кто ею управлялъ, вмѣшаться въ дѣло, гр. Андраши сейчасъ же сообразилъ, какую изъ этого можно извлечь пользу. При единоличномъ дѣйствіи Австріи дѣло могло дойти до австро-турецкой войны: къ чему такъ рисковать, когда можно заставить воевать Россію, и въ результатѣ русско-турецкой войны получить Боснію и Герцеговину даромъ, не вынимая шпаги изъ ноженъ? На свиданіи двухъ императоровъ австрійскаго и русскаго, въ Рейхштадтѣ (26 іюня 1876 г.) весьма легко пришли къ соглашенію, по которому Австрія получала Боснію (о Герцеговинѣ, какъ цинически объяснялъ потомъ Андраши, „случайно забыли“ упомянуть), а Россія Бессарабію и Батумъ въ Азіи. Ни то, ни другое, скажетъ читатель, не имѣетъ никакого отношенія къ балканскимъ славянамъ, которыхъ стремились освобождать. Подождите: не всѣ славяне были такъ „случайно забыты“, какъ герцеговинцы. Относительно другихъ было положительно установлено, что они ни

въ какомъ случаѣ не могутъ образовать на балканскомъ полуостровѣ одного большого государства. Это, конечно, очень плохо ладило со славянофильской фразеологіей: но это же лишній разъ доказываетъ, что дѣло было вовсе не въ ней. А такъ какъ—ген. Куропаткинъ въ этомъ правъ—въ русскихъ правящихъ сферахъ встрѣчались все же и „искренніе славянофилы“, то рейхштадтскую сдѣлку рѣшено было держать въ строжайшемъ секретѣ не только отъ публики, но и отъ русскаго посла въ Константинополѣ Игнатьева. Такъ какъ послѣдній былъ главнымъ рычагомъ славянскаго „освобожденія“ на Балканахъ, то удобнѣе было не повергать его въ ослабляющее волю состояніе психической раздвоенности. Игнатьевъ, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, продолжалъ вѣрить, что Австрія—„коварный врагъ“,—а на самомъ дѣлѣ австрійцы были, вполнѣ формально, нашими союзниками...

Труднѣе, неизмѣримо труднѣе дѣло было съ Англіей. Выборы 1874 г. поставили у власти консервативное министерство съ Дизраэли, впослѣдствіи лордомъ Биконсфильдомъ, во главѣ. То была первая яркая вспышка англійскаго имперіализма послѣ многихъ лѣтъ. Экономической почвой былъ кризисъ, охватившій всю Европу; англичанамъ, до тѣхъ поръ вѣрившимъ въ свое промышленное первенство, какъ въ законъ природы, вдругъ стало тѣсно на европейскомъ рынкѣ: выше мы видѣли, какія спеціальныя причины еще усиливали тѣсноту. Перспектива—пусть даже просто миражъ—экзотическихъ завоеваній и новыхъ колоніальныхъ рынковъ, перспектива, развернутая Дизраэли, сдѣлала его богомъ буржуазнаго общественнаго мнѣнія (англійскіе рабочіе тогда стояли въ сторонѣ отъ политики). Но поддержать такую репутацію было не легко. Нужны были, если не громкія дѣла, то громкія фразы; если не рѣшительныя дѣйствія, то рѣзкіе, кричащіе эффекты. Безъ континентальныхъ союзниковъ Англія такъ же мало могла воевать съ Россіей, какъ и 40 годами раньше. Единственнымъ возможнымъ союзникомъ казалась Германія—но она была союзницей Россіи *). Вдо-

*) Можетъ быть, уже въ это время мало надежной. Поддержка, оказанная Россіей Франціи въ 1875 г., очень раздражила Бисмарка, и онъ—есть извѣстія—предлагалъ Англіи свою поддержку въ обмѣнъ за союзъ противъ Франціи. Англійскій министръ отказался, сославшись на то, что такого союза англійское общественное мнѣніе не потерпитъ.

бавокъ, въ русско-англійскомъ конфликтѣ роль наступающаго неизмѣнно принадлежала Россіи: Англія оборонялась. Но какъ разъ къ серединѣ 70-хъ годовъ условія обороны стали измѣняться къ большой выгодѣ англичанъ. Во-первыхъ, былъ прорытъ—и, какъ мы видѣли, попалъ въ англійскія руки—Суэзскій каналъ: британскія войска на мѣсяцъ пути оказались ближе къ Индіи, чѣмъ были раньше. Затѣмъ, индійская желѣзнодорожная сѣть, почти не существовавшая въ 60-хъ годахъ, къ серединѣ слѣдующаго десятилѣтія считала уже $6^1/_2$ тысячъ миль, изъ которыхъ на Пенджабъ приходилось 664 (противъ 246 въ 1867 г., иными словами, сѣверо-западный, обращенный къ Россіи, уголъ сѣти выросъ въ $2^1/_2$ раза). Нападеніе Россіи теперь было менѣе страшно, чѣмъ въ дни записки Раулинсона; нападеніе на Россію—менѣе нужно. Этими двумя соображеніями и опредѣлялась политика Биконсфильда въ восточномъ кризисѣ 1875—78 гг. Онъ до послѣдней степени поднялъ тонъ разговоровъ съ русскимъ правительствомъ—и это чрезвычайно льстило англійскому общественному мнѣнію. Въ то же время, по существу, онъ весьма готовъ былъ „выжидать событій“—и дождался, наконецъ, такого момента, когда русское положеніе было хуже, чѣмъ оно могло бы быть послѣ двухъ сраженій, проигранныхъ въ Афганистанѣ, Англія же была поставлена такъ выгодно, какъ никогда. Въ результатѣ, безъ прямого участія въ войнѣ, Англія добилась не меньшаго, чѣмъ ей дала бы война. Но она обязана была этимъ отнюдь не одному только дипломатическому искусству Дизраэли: еще болѣе помогли ей въ этомъ безпримѣрныя неискусство и неловкость его противниковъ. Пословица „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ никогда еще такъ не оправдывалась, какъ въ англо-русскихъ отношеніяхъ этихъ лѣтъ. Русскіе дипломаты дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы дать пищу громкимъ фразамъ англійскаго имперіализма—и ничего не дѣлали такого, что могло бы въ самомалѣйшей степени служить ему серьезной угрозой.

Слухи о воинственныхъ намѣреніяхъ Россіи относительно Турціи, несомнѣнно, обезпокоили англійское правительство. Война съ Россіей казалась неизбѣжной—а, мы знаемъ, вести эту войну для Англіи было совсѣмъ не легко. Затруднительность положенія англичанъ нашла себѣ выраженіе въ донельзя странныхъ совѣтахъ, которые они сочли себя обязанными давать Турціи. Ей рекомендовали изъ Лондона „какъ можно скорѣе подавить“ начавшееся между балкан-

скими славянами движеніе. Турки поняли это, какъ только они могли понять—и цѣлый болгарскій округъ былъ вырѣзанъ баши-бузуками. Въ Англіи это произвело такое впечатлѣніе, что Дизраэли на нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлался почти не популяренъ, а его либеральнаго противника, Гладстона, обличившаго турецкія звѣрства, публика носила на рукахъ. При такихъ обстоятельствахъ, британскій кабинетъ долженъ былъ очень обрадоваться, узнавъ, что русское правительство и съ нимъ готово договориться относительно своихъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ „секретной“ депешѣ—содержаніе которой стало, конечно, сейчасъ же извѣстно англичанамъ хотя бы черезъ того же Бисмарка—кн. Горчаковъ шелъ такъ далеко, что соглашался ограничить русскія военныя операціи сѣверной Болгаріей—не переходя, стало быть, балканскаго хребта. Официально было обѣщано, что русскія войска ни въ какомъ случаѣ не войдутъ въ Константинополь. Понять эти обѣщанія можно, только припомнивъ тотъ наивный византитизмъ, которымъ сопровождалась хивинская экспедиція. Хотѣли „усыпить вниманіе“ соперника—и дали ему возможность вставить намъ палку въ колесо въ самую критическую минуту. Въ самомъ дѣлѣ: псевдосекретная депеша Горчакова гласила, что русскіе не перейдутъ Балканы, если султанъ обратится къ императору Александру съ просьбой о мирѣ ранѣе, нежели военныя операціи подойдутъ къ Балканамъ. Для того, чтобы аннулировать это условіе, передовой отрядъ ген. Гурко и былъ командированъ занять балканскіе проходы немедленно послѣ переправы черезъ Дунай. Турки были лишены физической возможности просить мира ранѣе, чѣмъ русскіе спустились въ долину Тунджи. Но удержаться тамъ Гурко не смогъ, военнаго значенія его набѣгъ не пріобрѣлъ—а Дизраели получилъ превосходный поводъ декламировать на тему о русскомъ вѣроломствѣ. Когда послѣ этого англійскій флотъ сначала былъ сконцентрированъ у входа въ Дарданеллы, а потомъ появился передъ Константинополемъ, у Принцевыхъ острововъ, все это были шаги, формально, строго оборонительные и вполнѣ законные, какъ ни негодовало на нихъ русское правительство. Никто не обязанъ вѣрить обѣщаніямъ державы, которая систематически свои обѣщанія нарушаетъ.

Но Англія была врагомъ—по отношенію къ врагамъ допускаются военныя хитрости, хотя, можетъ быть, тотъ типъ этихъ хитростей, который примѣненъ былъ русской дипло-

матіей съ кн. Горчаковымъ во главѣ, и являлся для второй половины XIX в. нѣсколько устарѣлымъ. Гораздо удивительнѣе, что эта дипломатія считала позволительными для нея аналогичные шаги относительно державъ, связанныхъ съ Россіей союзными договорами.

Выше мы говорили, что еще лѣтомъ 1876 г. между Россіей и Австріей состоялось соглашеніе, обезпечивавшее Россію отъ всякихъ сюрпризовъ со стороны ея сосѣдки на случай войны съ Турціей. Собственно только это соглашеніе и дѣлало войну физически возможной: имѣя австрійскую армію съ тылу, русскіе, какъ показалъ опытъ кампаніи 1853—4 гг., не смогли бы предпринять походъ въ Болгарію. Вотъ почему императоръ Александръ II и медлилъ съ начатіемъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока австро-русская конвенція не была выработана во всѣхъ деталяхъ—а это взяло много времени. Рейхштадтское соглашеніе лѣта 1876 г. было только принципіальнымъ. Когда дѣло дошло до конкретной формулировки русскихъ требованій, Андраши обнаружилъ крайнюю недовѣрчивость, сильно оскорблявшую кн. Горчакова: послѣдствія показали, что Андраши былъ болѣе, чѣмъ правъ. Благодаря ожесточеннымъ спорамъ изъ-за каждой мелочи, текстъ конвенціи былъ готовъ только въ мартѣ слѣдующаго 1877 года (хотя датировали ее, зачѣмъ-то, $^{3}/_{15}$ января). Когда она была, наконецъ, подписана, Александръ Николаевичъ двинулъ свою армію противъ Турціи (манифестъ о войнѣ былъ данъ 12 апрѣля 1877 г.). Казалось бы, совершенно ясно, что австро-русская конвенція—вещь серьезная. Полный текстъ ея не напечатанъ до сихъ поръ, но и русскіе, и австрійскіе дипломаты признавали въ общихъ чертахъ точнымъ изложеніе, появившееся въ австрійскихъ газетахъ ровно десять лѣтъ спустя послѣ событій, въ 1887 г. *) Седьмой, и послѣдній, пунктъ конвенціи гласилъ: „не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ“. О томъ, какъ гармонировалъ этотъ пунктъ съ офиціальными славянофильскими лозунгами нашей дипломатической кампаніи, уже говорили выше. Теперь дѣло не въ этомъ. Какъ никакъ, Россія обязалась не создавать большихъ славянскихъ государствъ изъ обломковъ Европейской Турціи—на этомъ условіи ей позволили вести войну. А когда война кончилась

*) См. на этотъ счетъ Д. Г. Анучина, Берлинскій конгрессъ 1878 г. (Русская Старина за 1912 г.—для даннаго случая особ. январь, стр. 44—45).

полной, хотя и достаточно-таки дорого купленной побѣдой Россіи, послѣдняя, С.-Стефанскимъ трактатомъ 19 февраля 1878 г., превратила почти всю Европейскую Турцію именно въ одно огромное славянское государство, Болгарское княжество, занимавшее, по Санъ-Стефанскимъ условіямъ, пространство отъ Дуная до Эгейскаго моря съ сѣвера на югъ, и отъ Чернаго моря до Охридскаго озера въ Албаніи съ востока на западъ. Одинъ изъ русскихъ дипломатовъ, участниковъ берлинскаго конгресса, и черезъ 30 лѣтъ послѣ событій недоумѣнно спрашивалъ: „Если Россія хотѣла остаться вѣрной конвенціи съ Австріей, зачѣмъ же было забыть объ этомъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора? Были ли и какія даны по этому поводу инструкціи Н. П. Игнатьеву?*) Что Игнатьевъ лично не зналъ ничего о конвенціи, объ этомъ мы упоминали. Но Санъ-Стефанскій трактатъ не былъ личнымъ соглашеніемъ Игнатьева съ Турціей. Онъ былъ утвержденъ русскимъ правительствомъ — тѣмъ самымъ, что заключило соглашеніе съ Австріей. Единственное возможное объясненіе заключается въ томъ, что вѣра въ прусскіе штыки, якобы готовые придти на помощь Россіи, пережила и плевненскія неудачи, и побѣдоносный переходъ черезъ Балканы. И подъ Санъ-Стефано въ ушахъ стояли слова Мантейфеля: „мы васъ не оставимъ“! И эти слова, которые сказалъ самъ генералъ-адъютантъ германскаго императора, затмевали, въ сознаніи русскихъ дипломатовъ, всякую писаную бумагу — тѣмъ болѣе, что писали эти дипломаты такъ много, что и сами едва ли могли упомнить все написанное. Что удивительнаго, въ самомъ дѣлѣ, что забыли какую-то статью какой-то конвенціи: по увѣренію того же участника берлинскаго конгресса, русская дипломатія запамятовала о существованіи на Балканскомъ полуостровѣ цѣлой страны, именуемой Грецією. Спасибо, французы напомнили. Тогда начались хлопоты, стали бросаться другъ къ другу за справками: но оказалось, что никто ничего не знаетъ, какъ же рѣшено въ Петербургѣ насчетъ Греціи? Горчаковъ, можетъ быть, и зналъ—но забылъ. Такъ и положено было оставить Грецію за французами. Они первые заговорили—значитъ, имъ есть, что сказать...

Санъ-Стефанскій трактатъ — онъ сталъ извѣстенъ австрійскому правительству еще ранѣе своего офиціальнаго утвержденія, въ видѣ проекта—произвелъ въ Вѣнѣ впечатлѣніе

*) Анучинъ, тамъ же, май, стр. 35.

разорвавшейся бомбы. Еще не дальше, какъ въ іюнѣ—іюлѣ 1877 г. Горчаковъ завѣрялъ Андраши, что Россія останется вѣрна принципамъ рейхштадтскаго соглашенія. Австрійскіе разговоры о вѣроломствѣ Россіи были теперь едва ли не энергичнѣе англійскихъ. И — это не трудно было предвидѣть—Англія поспѣшила использовать положеніе. По статьѣ 2-й все той же австро-русской конвенціи, по окончаніи войны никакіе новые порядки на Балканскомъ полуостровѣ не должны были быть устанавливаемы „помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи“. Берлинскій конгрессъ былъ предусмотрѣнъ, такимъ образомъ, до войны—и позднѣйшія ламентаціи славянофиловъ насчетъ, якобы, западни, въ которую заманилъ Россію Бисмаркъ съ англичанами, могутъ быть объяснены только тѣмъ обстоятельствомъ, что русско-австрійская сдѣлка отъ славянофиловъ была скрыта. Но русская дипломатія, съ характеризующимъ ее на всемъ протяженіи разсматриваемаго нами кризиса наивнымъ лукавствомъ, пыталась истолковать эту статью такъ, что „новые порядки“ касаются только Константинополя и проливовъ—о всемъ же прочемъ Россія можетъ договариваться съ Портой tête-à-tête. Само собою разумѣется, что эта военная хитрость удалась не лучше всѣхъ остальныхъ. Австрія начала мобилизацію—и положеніе Биконсфильда сдѣлалось блестящимъ, какъ никогда. Наконецъ, Англія имѣла то, чего ей такъ давно не хватало: континентальнаго союзника! Военное одушевленіе англійскихъ консерваторовъ достигло размѣровъ бреда. Хорошо знакомые всѣмъ читателямъ газетъ термины „джинго“ и „джингоизмъ“ родились именно въ тѣ мѣсяцы, и обязаны своимъ происхожденіемъ одной пѣсенкѣ, распѣвавшейся во всѣхъ music-hall'яхъ Лондона, гдѣ это словцо *) повторялось въ каждомъ куплетѣ, подчеркивая ультро-воинственное настроеніе поющаго. Въ Константинополь былъ посланъ самый энергичный изъ дипломатовъ „раулинсоновскаго“ направленія Лейардъ. Парламентъ былъ созванъ на двѣ недѣли ранѣе обычнаго срока. Тронная рѣчь королевы съ грозной неопредѣленностью говорила о „неожиданныхъ событіяхъ, которыя могутъ сдѣлать необходимыми мѣры предосторожности“. Канцлеръ казначейства потребовалъ кредита въ 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на чрезвычайные военные и морскіе расходы. Въ газетахъ печатались подробныя извѣстія о составѣ англій-

*) Джинго значитъ „чертъ“.

ской арміи, предназначавшейся для дѣйствій противъ Россіи (ее исчисляли въ 150.000 человѣкъ), сообщались имена главнокомандующаго и его штаба. Словомъ, такой военной шумихи Великобританія не переживала съ тѣхъ мѣсяцевъ, которые предшествовали Крымской войнѣ.

Предшествовалъ ли теперь этотъ шумъ чему-нибудь серьезному? Политическіе противники лорда Биконсфильда все время видѣли во всемъ этомъ одну комедію. Никакой 150-тысячной арміи въ распоряженіи англійскаго правительства не было. Былъ сосредоточенъ на о. Мальтѣ корпусъ англо-индійскихъ войскъ, гдѣ имѣлись образчики контингентовъ и „независимыхъ“ раджей Индостана—но эти живописные отряды годились болѣе для фееріи, нежели для военныхъ дѣйствій; солдаты Сулеймана или Османа-пашей, только что разбитые русскими, были, сравнительно съ этимъ, серьезной боевой силой. Шесть милліоновъ фунтовъ (60 мил. рублей) были ничтожной суммой для войны съ Россіей—сулившей издержки въ сотни милліоновъ. Въ одномъ отношеніи, правда, война могла казаться менѣе опасной, чѣмъ, напримѣръ въ 30-хъ годахъ: тогда у Николая Павловича былъ внушительный флотъ, въ 70-хъ годахъ у Россіи, въ сущности, никакого флота не было. Былъ одинъ крупный броненосецъ, два-три броненосныхъ крейсера, да нѣсколько наскоро вооруженныхъ коммерческихъ пароходовъ, которымъ дали пышное имя Добровольнаго флота. Но даже и эти ничтожныя силы могли болѣе навредить англійской морской торговлѣ, нежели весь великобританской флотъ—русской, по той простой причинѣ, что послѣдней вовсе не существовало. Словомъ, съ какого конца ни взять, у противниковъ консервативнаго министерства были основанія считать все дѣло грандіознымъ bluff'омъ. Далѣе большой военной демонстраціи Биконсфильдъ едва ли собирался идти. Можно сказать больше: производя неслыханный джингоистскій шумъ, руководители англійской политики превосходно сознавали, вѣроятно, что практически никакая война невозможна — ибо Россія уже истощила на борьбѣ съ Турціей всѣ свои военно-финансовые рессурсы. „Прибывъ въ Петербургъ 30 апрѣля,—разсказываетъ офиціозный историкъ царствованія Александра II,—Шуваловъ (русскій посолъ въ Лондонѣ—о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь ниже) нашелъ высшіе правительственные круги утомленными войной и единодушно расположенными въ пользу мира. Средства государства были истощены, боевые запасы израсходованы. Въ трудности, едва ли не въ полной невоз-

можности продолжать войну увѣряли посла высшіе государственные сановники, гражданскіе и военные" *). Сановники были совершенно правы. Война стоила уже около милліарда рублей. Половина этого расхода была покрыта печатаніемъ бумажныхъ денегъ—что уронило курсъ кредитнаго рубля съ 87 до 63 коп. золотомъ. Внутренній кредитъ былъ исчерпанъ—внѣшняго не оказывалось: попытки заключить заемъ за границей не удались. Золотыя пошлины 1877 г. были не только мѣркой политическаго вліянія крупной индустріи—но и попыткой достать во что бы то ни стало необходимаго для заграничной кампаніи золота, которое естественнымъ путемъ не притекало въ страну, а уплывало изъ нея: за пятилѣтіе 1871—75 гг. нашъ средній вывозъ составлялъ всего 470 мил. р. противъ 565 мил. р. ввоза. Если русско-турецкая война только угрожала банкротствомъ — угрожала по мнѣнію такихъ компетентныхъ людей, какъ министръ финансовъ Рейтернъ—то русско-англо-австрійская вела къ такому банкротству неизбѣжно. Россіи все равно пришлось бы сдаться—и даже форма капитуляціи, пересмотръ санъ-стефанскаго трактата на международномъ конгрессѣ, была подсказана русско-австрійской конвенціей. Но Биконсфильду нужно было показать, что Россія сдалась именно передъ военной угрозой Англіи—и судьба въ образѣ русской дипломатіи, распорядилась такъ, что у него въ рукахъ оказались даже документальныя доказательства для такого, въ сущности совершенно неисторическаго, утвержденія.

Какъ это ни странно, но въ Петербургѣ Англію считали и болѣе вѣроятнымъ, и болѣе грознымъ противникомъ, нежели Австрію. Относительно этой послѣдней упорно продолжали вѣрить въ магическую силу прусскихъ штыковъ—какъ ни явственно говорилъ Бисмаркъ о несбыточности такой надежды. „Русская дипломатія все еще разсчитывала на содѣйствіе князя Бисмарка для образумленія Австріи", говоритъ тотъ же сейчасъ цитированный нами официозный историкъ. Въ то же время тотъ фактъ, что у Англіи никакихъ штыковъ не было, и что одна она была, пожалуй, менѣе страшна для Россіи, чѣмъ даже Турція, какъ-то не вмѣщался въ воображеніе тѣхъ, кто вѣдалъ русской внѣшней политикой. Гипнотизировало могущество англійскаго флота—и картина появленія англійскихъ броненосцевъ передъ Кронштадтомъ заставила умолкнуть всѣ здравыя стратегическія и дипломатическія сообра-

*) Татищевъ, „Александръ II".

женія: хотя англійскій флотъ передъ Кронштадтомъ едва ли былъ бы страшнѣе въ 1878 г., чѣмъ въ 1854—55 гг., когда обѣщаніе Непира взять русскую крѣпость безсильной угрозой повисло въ воздухѣ. Какъ бы то ни было, рѣшили сдаться именно Англіи. Посредникомъ явился гр. Петръ Шуваловъ, русскій посолъ въ Лондонѣ. По своей предыдущей карьерѣ—графъ былъ сначала петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, а потомъ шефомъ жандармовъ — онъ, быть можетъ, не былъ наиболѣе изъ русскихъ дипломатовъ подготовленнымъ для переговоровъ о восточномъ вопросѣ: злые языки увѣряли потомъ, что ему случалось смѣшивать Босфоръ съ Дарданеллами, для разъясненія какового географическаго казуса пришлось командировать изъ Петербурга особаго чиновника, такъ какъ всѣ переговоры съ англичанами, ради большей конспираціи, велись изустно. Но по тому довѣрію, какимъ пользовался бывшій шефъ жандармовъ въ Петербургѣ, едва ли можно было найти болѣе подходящее лицо. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ—тогда Салисбери—оцѣнилъ это, и поставилъ разговоръ съ Шуваловымъ на вполнѣ дѣловую почву. Шуваловъ не безъ крайняго удивленія узналъ отъ него, что, собственно, Англія ничего не имѣетъ противъ честнаго выполненія Россіей конвенціи 3 января 1877 г. Поморщились англичане только по поводу Бессарабіи—но, въ концѣ концовъ, Бисмаркъ и тутъ оказался правъ, что здѣсь англійскіе интересы имѣютъ минимальное значеніе. За то они очень охотно соглашались на аннексію Россіей Батума, и на превращеніе сѣверной Болгаріи, до Балканъ, въ полу-независимое княжество: что, впрочемъ, они сами, по собственной иниціативѣ, предлагали добиться отъ султана еще до войны. Когда въ Петербургѣ—гдѣ, очевидно, мерещилось чуть не требованіе возстановленія Парижскаго трактата—узнали объ англійской умѣренности, тамъ ее поняли не такъ, какъ только слѣдовало и возможно было понять: что англичане воевать не хотятъ и не могутъ. Тамъ въ первую минуту не повѣрили даже пользовавшемуся безграничнымъ довѣріемъ сферъ гр. Шувалову. Рѣшили, что онъ что-то путаетъ. А когда Шуваловъ сообщилъ, что англичане не прочь облечь свои условія въ письменную форму, какъ было не ухватиться за эту неожиданно упавшую съ неба благодать? Шувалову немедленно были посланы всѣ необходимыя полномочія,—и 18 мая въ Лондонѣ былъ подписанъ рядъ протоколовъ, въ сущности закрѣплявшихъ согласіе Англіи на русско-австрійскую сдѣлку. Въ

Торжественное засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта 7 мая 1901 года.

Оригиналъ картины И. Е. Рѣпина «*Торжественное засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта 7 мая 1901 года подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича*» находится въ Маріинскомъ дворцѣ; одинъ изъ этюдовъ къ картинѣ — портретъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте въ бытность его министромъ финансовъ—находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ (№ 1729). Картина И. Е. Рѣпина въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названа *исторической*, какъ по необычайному блеску исполненія, такъ и потому, что ея сюжетъ изображаетъ дѣйствительный фактъ очень недавняго прошлаго — одинъ изъ моментовъ засѣданія стараго Государственнаго Совѣта въ память столѣтія его жизненнаго поприща. Такъ называемый первоначально Непремѣнный Совѣтъ учрежденъ указомъ 30 марта 1801 года: «Для разсмотрѣнія и уваженія государственныхъ дѣлъ и постановленій.... признали мы за благо учредить при Насъ на особыхъ правилахъ совѣтъ непремѣнный, составивъ его изъ лицъ, довѣренностію нашею и общею почтенныхъ, коихъ число не ограничивая и предоставляя себѣ ихъ опредѣленіе и уменьшеніе, назначаемъ на сей разъ членами совѣта....» Всего было назначено двѣнадцать лицъ. По традиціи, идущей отъ статьи М. М. Сперанскаго «О государственныхъ установленіяхъ», этотъ Непремѣнный Совѣтъ не безъ основанія сливается съ Государственнымъ Совѣтомъ 1 января 1810 года. Въ «Планѣ всеобщаго государственнаго образованія» 1809 года М. М. Сперанскій такъ опредѣлялъ его главныя основанія: «Коренные государственные законы опредѣляютъ составъ совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія. Особенныя учрежденія опредѣляютъ подробно предметы его и образъ производства дѣлъ. I. Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ центральной власти и отъ нея изливаются. II. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ. III. Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти». Хотя исторія Государственнаго Совѣта 1801—1901 годовъ не подчеркиваетъ въ дѣйствительной жизни возлагавшихся на учрежденіе высокихъ теоретическихъ упованій; тѣмъ не менѣе она представляетъ большой научный интересъ и даетъ удивительную бытовую картину и обширную коллекцію политическихъ pas очень разнообразнаго состава. Сословіе, собравшееся здѣсь 7 мая 1901 г., т.-е. наканунѣ общественнаго движенія 1905 г. представляетъ къ тому же особый интересъ, и вниманіе зрителя къ картинѣ И. Е. Рѣпина невольно растетъ, не падая въ наступившіе дни воспоминаній о моментѣ превращенія бюрократической камеры въ верхнюю палату. Нельзя не признать, что какъ разъ С. Ю. Витте немало посчастливилось на этомъ историческомъ рѣпинскомъ полотнѣ: онъ выдѣляется на немъ выразительно и ярко. Характерныя особенности лицъ вообще схвачены художникомъ изумительно, а техника воспроизведенія этихъ лицъ на столь громадномъ полотнѣ достигаетъ крайнихъ предѣловъ возможнаго совершенства.... Здѣсь, можно сказать, увѣковѣчены дѣятели, которые для теперешняго средняго поколѣнія даютъ рядъ весьма опредѣленныхъ воспоминаній... Невольно бросаются въ глаза зрителя К. П. Побѣдоносцевъ, П. С. Ванновскій, Н. В. Муравьевъ, Д. С. Сипягинъ, А. Н. Куропаткинъ, И. Н. Дурново, князь М. Й. Хилковъ, П. П. Тыртовъ и др.

* * *

„РУССКАЯ ИСТОРІЯ".

Изд. Т-ва „МІРЪ“.

Лондонѣ Россія вновь изъявила согласіе на то, на что она однажды уже согласилась въ Рейхштадтѣ—но о чемъ она позабыла подъ Санъ-Стефано. Ничего ровно новаго въ англо-русскихъ конвенціяхъ 18 мая (онѣ офиціально были „секретными“, но чуть ли не тотчасъ же были оглашены лондонской консервативной печатью) не было. Но Биконсфильдъ могъ теперь показать своимъ поклонникамъ осязательные плоды имперіалистской политики. „Биконсфильдъ сказалъ: русскіе не войдутъ въ Константинополь! И не вошли“, въ упоеніи восклицали „джинго“. А разбираться въ исторіи дипломатическихъ трактатовъ было не ихъ дѣло: управлявшій Англіей великій антрепренеръ зналъ свою публику.

По существу, лондонскими конвенціями 18 мая дѣло было кончено. Но для поставленной Биконсфильдомъ политической фееріи это былъ слишкомъ скромный конецъ: ему нуженъ былъ апоѳеозъ его политики передъ всей Европой. Съ другой стороны, его противникамъ тоже было бы пріятнѣе чувствовать себя побѣжденными всей Европой, а не одной Англіей: такъ для самолюбія было легче. Наконецъ, и Бисмарку не могла не быть пріятна роль суперъ-арбитра англо-русскаго спора, притомъ купленная по такой дешевой цѣнѣ—не потративъ не только костей ни одного померанскаго гренадера, но даже ни одного милліона марокъ на мобилизацію. Ко всеобщему удовольствію, такимъ образомъ, и рѣшено было покончить дѣло, гласно и офиціально, на все-европейскомъ конгрессѣ, который и собрался въ Берлинѣ 1 іюня 1878 г. Онъ не далъ, и не могъ дать ничего новаго, кромѣ второстепенныхъ деталей—но такъ какъ „показала себя“ русская дипломатія именно на немъ, то нельзя не дать его краткой характеристики, при чемъ мы можемъ пользоваться подлинными словами одного изъ его участниковъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, этотъ участникъ пошелъ представляться кн. Горчакову—назначенному первымъ уполномоченнымъ Россіи, такъ сказать, по собственному выбору: предполагалось собственно, первымъ послать Шувалова, но Горчаковъ захотѣлъ непремѣнно ѣхать, и нельзя же было его подчинить его вчерашнему подчиненному. Въ ту минуту, когда былъ допущенъ къ русскому канцлеру авторъ цитируемыхъ нами воспоминаній, Горчаковъ былъ занятъ оживленной бесѣдой съ черногорцами—которыхъ онъ уговаривалъ быть умѣреннѣе и не настаивать на пріобрѣтеніи во что бы то ни стало Антивари. „Если вамъ такъ понравились Антивари, то отдайте Австріи за это хоть Спицу“, говорилъ Гор-

чаковъ. „Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ ему черногорскій уполномоченный: да жаль, что она и безъ того австрійская". Присутствующіе были бы очень рады провалиться сквозь землю, но глава русской дипломатіи нисколько не чувствовалъ себя смущеннымъ своей маленькой обмолвкой. Онъ продолжалъ вести свою линію—и убѣждалъ черногорцевъ отвести границу „къ вершинамъ горъ". „Но здѣсь никакихъ горъ нѣтъ, а лежатъ пахатныя земли", возражали все болѣе и болѣе приходившіе въ отчаяніе братья-славяне. Настроеніе же русскаго канцлера становилось съ каждой минутой лучше. Онъ мило шутилъ и все продолжалъ уговаривать своихъ собесѣдниковъ не спорить съ Австріей. „Развяжитесь съ ней: она покровительствуетъ теперь Сербіи, вы и отдайте сербамъ Подгорицу". „Всѣ мы, говоритъ авторъ, въ замѣшательствѣ переглянулись"... Горчаковъ это, наконецъ, замѣтилъ и спросилъ: „Въ чемъ дѣло?" „Нельзя отдать Подгорицу, отвѣтили ему: она лежитъ на противоположной границѣ". „А нельзя отдать Подгорицу, такъ отдайте Спужъ". „Спужъ еще дальше въ глубь страны". „Что-нибудь надо отдать, сказалъ канцлеръ, я слабъ въ географіи этихъ мѣстъ. Для меня существуютъ только основныя линіи" *). Намъ становится понятно, почему Бисмаркъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ, что первымъ русскимъ уполномоченнымъ будетъ Горчаковъ и собрался даже, вмѣсто того, чтобы предсѣдательствовать на конгрессѣ, уѣхать въ Киссингенъ. Большее довѣріе чувствовалъ германскій канцлеръ къ Шувалову, который, въ трудныя минуты, по крайней мѣрѣ, ясно и отчетливо сознавалъ свою безпомощность. Вотъ какую рѣчь держалъ этотъ, фактически главный русскій уполномоченный (читатели догадались конечно, что съ Горчаковымъ никто серьезно не считался), своимъ коллегамъ передъ началомъ работъ конгресса. „Меня учили на мѣдныя деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, можетъ быть, лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительныя знанія—внѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему, что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—мы будемъ собираться у меня: я укажу предметы обсужденія и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно

*) „Русская Старина" 1912 г., январь, стр. 55—56.

но и постараюсь понять (sic!). Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употребляю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ, какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтитъ что-либо подобное или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа, помогите и начнемте". „Любезный баронъ Жомини", очевидно, былъ величайшимъ дипломатическимъ авторитетомъ въ глазахъ Шувалова: полезно, поэтому, оговорить, что и этотъ великій дипломатъ не зналъ точно, гдѣ находится Филиппополь, къ сѣверу или къ югу отъ Балканъ... Фактически, судьба Россіи была въ рукахъ „столоначальниковъ"—подтверждая извѣстное изрѣченіе, вырвавшееся въ минуту отчаянія у императора Николая I. Но и положеніе этихъ послѣднихъ было не изъ завидныхъ. „Когда мы (военные) узнали, что на насъ будетъ возложено проектированіе границъ, пишетъ нашъ авторъ, мы обратились въ путевую канцелярію канцлера за необходимыми для насъ картами. Никакихъ картъ для подобныхъ занятій не оказалось. У меня рѣшительно ничего не было съ собой, такъ какъ меня схватили на дорогѣ, Бобриковъ имѣлъ карту Сербіи, а Боголюбовъ—Черногоріи. Бросились въ магазины—тоже нѣтъ полнаго экземпляра австрійской карты Балканскаго полуострова. Пришлось явиться на первое засѣданіе безъ всякихъ картъ". Потомъ карты выписали изъ Вѣны. Любопытнѣе всего, что фактомъ—защиты русскихъ интересовъ противъ Австріи по австрійской картѣ—авторъ уже и не смущается. Что могла бы быть русская карта Балканскаго полуострова, ему просто не приходитъ въ голову. Гдѣ уже тутъ! *).

Биконсфильдъ могъ торжествовать надъ Россіей еще разъ—теперь уже на самой большой сценѣ, какую только можно было найти на земномъ шарѣ. Черезъ 10 дней послѣ открытія конгресса Шуваловъ долженъ былъ донести въ Петербургъ: „Обстоятельства настолько выяснились, что теперь мы ясно видимъ противъ насъ всю Европу, за исключеніемъ Германіи. Европа ничего не сдѣлала для насъ, но произведетъ репрессію, чтобы поддержать противу насъ Австрію и

*) Для приведенныхъ цитатъ см. Анучина, Берлинскій конгрессъ, „Русская Старина" за 1912 г., январь—май.

Англію. Если бы только нашлась возможность безъ войны—которой не хотятъ—отнять у насъ все нами достигнутое, то отняли бы охотно. Германія съ нами, но ничего сдѣлать не можетъ для насъ, и князь Бисмаркъ преспокойно уѣдетъ въ Киссингенъ, оставивъ насъ драться съ Англіей и Австріей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь. Что мы можемъ выиграть? а) въ нравственномъ смыслѣ—1) независимость Румыніи, но это мало насъ занимаетъ; 2) независимость Сербіи—но ей хотятъ дать больше, чѣмъ мы желаемъ; 3) образованіе княжества Болгарскаго (*NB.* въ тѣхъ предѣлахъ, которые англичане намѣтили, въ сущности, до войны. М. П.); б) въ матеріальномъ: Бессарабію, часть Малой Азіи съ Карсомъ и Батумомъ. Объ остальномъ думать невозможно" *). При этомъ, дѣйствительно, и пришлось, въ концѣ концовъ, остаться. Не только на Св. Софіи не былъ снова водруженъ православный крестъ, но не удалось добиться даже открытыхъ воротъ въ Средиземное море: Берлинскій трактатъ 1878 г. давалъ меньше, чѣмъ Хункіаръ-Искелесскій договоръ 1833 г. Козломъ отпущенія для славянофильской печати явился Бисмаркъ, будто бы „предавшій" и „продавшій". На самомъ дѣлѣ, Бисмаркъ не хвасталъ, когда говорилъ, что онъ сдѣлалъ для защиты интересовъ Россіи больше, чѣмъ всѣ ея уполномоченные, вмѣстѣ взятые. Но было бы ошибкой думать, что Биконсфильду его успѣхъ прошелъ совсѣмъ „даромъ". Непосредственнымъ результатомъ событій 1877—78 гг. было то, что походъ русскихъ на Индію, раньше бывшій чѣмъ-то въ родѣ навязчивой галлюцинаціи „знатоковъ" азіатскихъ дѣлъ, въ родѣ Раулинсона, теперь вдвинулся въ сферу практическихъ возможностей—и послѣдніе годы царствованія Александра II отмѣчены первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Русская операціонная линія въ Средней Азіи рѣзко перемѣстилась. До сихъ поръ о предвидѣвшейся Раулинсономъ параллели Мервъ—Гератъ никто не думалъ: теперь, ахалтекинскимъ походомъ Скобелева (1880—81 гг.), Россія начинаетъ наступать со стороны Каспійскаго моря, и на концѣ линіи ея наступленія оказывается именно Гератъ,—„ворота въ Индію".

Проектъ похода на Индію, собственно, старше не только Берлинскаго конгресса, но даже войны Россіи съ Турціей: онъ связанъ съ именемъ генерала Скобелева, и письмо послѣдняго изъ Кокана—гдѣ онъ былъ военнымъ губернаторомъ — излагающее этотъ проектъ, датировано январемъ

*) Ibid. май, стр. 227.

1877 г.; но это—хронологія чисто литературная, такъ сказать, въ умѣ автора письма война съ Турціей, и участіе, прямое или косвенное, въ этой войнѣ Англіи—дѣло рѣшенное, и онъ пишетъ такъ, какъ если бы оба факта уже были на лицо. „Какъ бы счастливо ни велась кампанія въ Европѣ и Азіатской Турціи, на этихъ театрахъ войны трудно искать рѣшенія восточнаго вопроса“, говоритъ Скобелевъ, ссылаясь на авторитеты Мольтке и Паскевича. „Не лучше ли воспользоваться нашимъ новымъ могущественнымъ стратегическимъ положеніемъ въ Средней Азіи, нашимъ сравнительно гораздо лучшимъ противъ прежняго знакомствомъ съ путями и со средствами въ обширномъ смыслѣ этого слова въ Азіи, чтобы нанесть дѣйствительному нашему врагу смертельный ударъ, въ томъ случаѣ (сомнительномъ), если ясные признаки того, что мы рѣшились дѣйствовать по самому чувствительному для англичанъ операціонному направленію, не будутъ достаточны для того, чтобы побудить ихъ къ полной уступчивости“ *). По мнѣнію будущаго побѣдителя турокъ подъ Шипкой и Адріанополемъ, Россія смѣло могла бы ограничиться на Дунаѣ и въ Азіатской Турціи оборонительной кампаніей: но за то выдвинуть 30-ти-тысячный корпусъ къ Астрабаду, который оттуда двинулся бы черезъ Гератъ къ Кабулу—въ то время, какъ 18-ти-тысячный отрядъ, выдѣленный изъ войскъ Туркестанскаго военнаго округа, двинулся бы въ томъ же направленіи отъ Самарканда, черезъ Гиндукушъ. Этотъ горный походъ настолько практически занималъ Скобелева, что онъ предпринялъ въ этомъ направленіи рядъ опытовъ, убѣдившихъ его въ возможности перейти Гиндукушъ съ артиллеріей даже въ февралѣ мѣсяцѣ, когда горные проходы завалены снѣгомъ. Раулинсонъ, какъ видимъ, географически и стратегически не фантазировалъ, когда говорилъ о возможности появленія русскихъ штыковъ въ Пенджабѣ, разъ уже они стояли на Аму-Дарьѣ. То, что ему грезилось, до 1877 г. было политически неосуществимо, т.-е. не входило въ политическіе разсчеты русскаго правительства. Этихъ политическихъ разсчетовъ сначала не измѣнила и записка Скобелева. Вопреки его совѣтамъ, активную компанію вели по старымъ путямъ, черезъ Дунай и Балканы въ Европѣ, на Карсъ и Эрзерумъ въ Азіи. Но когда выяснилось, что здѣсь борьба съ Англіей ни къ чему привести не можетъ, планъ бывшаго кокандскаго губер-

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., кн. XII. Ср. Edwards, Russian Projects against India, London 1885.

натора вновь всплылъ наверхъ. Хотя опубликовавшіе письмо Скобелева и разсматриваютъ его, какъ чисто литературный документъ, интересный для личности автора, но не имѣвшій вліянія на событія эпохи, бросается въ глаза, что двѣ существенныя черты письма нашли себѣ конкретную реализацію въ 1878 и слѣдующихъ годахъ. „Когда послѣдуетъ объявленіе войны съ Англіей, то въ Туркестанѣ слѣдовало бы начать съ того, что послать немедленно посольство въ Кабулъ", пишетъ Скобелевъ. „Цѣль посольства втянуть въ союзъ съ нами Ширъ-Али (афганскаго эмира) и войти въ связь съ недовольными въ Индіи". „Періодъ дипломатическихъ перегсворовъ съ Афганистаномъ" является, въ его проектѣ, неизбѣжнымъ прологомъ всей кампаніи. А затѣмъ—со словъ одного англійскаго автора—Скобелевъ очень тѣшится мыслью о желѣзной дорогѣ, связывающей Среднюю Азію съ Европейской Россіей. И вотъ, лѣтомъ 1878 г. мы находимъ въ Кабулѣ русское посольство Столѣтова (отозванное въ результатѣ заключенія Берлинскаго трактата)—а два года спустя, по слѣдамъ наступающаго по линіи Герата отряда Скобелева начинаетъ строиться Закаспійская желѣзная дорога. Трудно видѣть во всемъ этомъ только случайныя совпаденія.

Теперь становится понятно и то, почему Скобелевъ, занявшій послѣ войны 1877—78 гг. одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ русской арміи, не погнушался два года спустя такого скромнаго поста, какъ начальство надъ небольшимъ отрядомъ (и Скобелевъ находилъ еще, что отрядъ слишкомъ великъ!), посланнымъ расправляться съ текинскими „разбойниками"—грабившими, впрочемъ, не Россію, а Персію. Это была „усиленная рекогносцировка" будущаго главнокомандующаго передъ самой блестящей кампаніей, которая могла только пригрезиться русскому военному. Что мысль объ Индіи не оставляла его и послѣ текинскаго похода, свидѣтельствуется его письмомъ къ Каткову, написаннымъ въ августѣ 1881 г. „Безъ серьезной демонстраціи къ Индіи, по всей вѣроятности, къ сторонѣ Кандагара, немыслимо себѣ представить войны за Балканскій полуостровъ", читаемъ мы здѣсь. Но за этими строками, напоминающими письмо 1877 г., слѣдуетъ совершенно неожиданное заключеніе: „Всю Среднюю Азію можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союзъ съ Англіей". И хотя дальше опять развивается любимая мысль о походѣ черезъ Гератъ на Индію, но она переплетается съ другою,

совершенно новою: пожеланіемъ, чтобы Россія не стала „Липпе-Детмольдомъ или княжествомъ Монако, или Швейцаріей“, но была „Россіей настолько грозной, чтобы не отдать нѣмцамъ на поруганіе колыбель своей вѣры, всю славу историческаго прошлаго, милліоны кровныхъ, братскихъ сердецъ!“ Въ послѣднія два года жизни Скобелева мечты о войнѣ съ Германіей—и, по его всегдашнему обычаю, практическая тренировка солдатъ въ этомъ направленіи—совершенно вытѣсняютъ прежніе, англо-индійскіе планы. Онъ пишетъ и говоритъ—о нѣмцахъ, и только о нихъ. Англо-русскій конфликтъ далъ еще одну яркую вспышку—въ началѣ 1885 г. Но это былъ послѣдній рикошетъ по инерціи катящагося ядра, на самомъ дѣлѣ давно утратившаго силу. „Врагъ“ былъ теперь не въ Лондонѣ, а въ Берлинѣ,—въ Лондонѣ же былъ возможный союзникъ.

Такъ, уже въ 80-хъ годахъ намѣтился кризисъ, разрѣшеніе котораго суждено было увидѣть нынѣ живущему поколѣнію. Обстоятельства, осложнившія конфликтъ въ самые послѣдніе годы, выходятъ за хронологическія рамки „Русской Исторіи“. Но основной смыслъ конфликта, соперничество русскаго и прусскаго помѣщика въ борьбѣ на хлѣбномъ рынкѣ, было только подчеркнуто лишній разъ самымъ послѣднимъ изъ эпизодовъ, предшествовавшихъ русско-германской войнѣ: введеніемъ въ Россіи пошлинъ на германскую рожь. Какъ ни мелокъ кажется этотъ фактъ, но именно онъ долженъ былъ окончательно убѣдить болѣе чуткую часть публики, что роковая развязка близится. Русско-французскій союзъ былъ неизбѣжнымъ политическимъ выводомъ изъ этой экономической схемы: какъ въ 60-хъ годахъ, быть съ Пруссіей значило быть противъ Франціи, такъ въ 80-хъ, быть противъ Германіи значило быть съ Франціей.

Но экономическія послѣдствія франко-русскаго союза возвращали дѣло къ его исходной точкѣ — русско-германскому соперничеству. Французскій капиталъ, въ тѣ годы безплодный у себя дома, оплодотворилъ русскую обрабатывающую промышленность и выдвинулъ противъ Германіи такого конкурента, какого въ 70-хъ годахъ она не ожидала. Русско-германское столкновеніе вышло изъ тѣснаго круга дворянскихъ антагонизмовъ (прусскій юнкеръ—русскій помѣщикъ) и перестало быть правительственнымъ дѣломъ (при всей разницѣ государственнаго устройства, теперь, впрочемъ, не такой большой, какъ въ 80-хъ годахъ, оба правительства одинаково дворянскія по своему составу и тенденціямъ): въ

него втянуто было общество, въ лицѣ германской и русской буржуазіи. Этимъ объясняется несомнѣнная популярность русско-германской войны въ обѣихъ странахъ—но это же объясняетъ намъ и ея неизбѣжность. Съ хлѣбными пошлинами, какъ-никакъ, можно было еще помириться,—но остановокъ въ своемъ развитіи капитализмъ не терпитъ. Русско-германскій торговый договоръ, въ редакціи 1904 года, былъ компромиссомъ, невыгоднымъ для Россіи; но все же только компромиссомъ. Новый договоръ, которымъ неизбѣжно закончится война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, разрѣшитъ вопросъ окончательно. Каково будетъ это рѣшеніе, на это отвѣтитъ уже не та исторія, которая пишется, а та, которая дѣлается.

Заставки, концовки и буквы пятаго тома.

1. Образцы *заглавныхъ* буквъ—см. о нихъ въ объясненіяхъ перваго тома.

2. *Заставка къ II-му раздѣлу XIX-й главы* — изъ альбома видовъ села Грузина, принадлежавшаго графу А. А. Аракчееву — въѣздъ съ рѣки въ с. Грузино. Подборъ видовъ с. Грузина имѣется въ 36-мъ томѣ «Русскихъ Граверовъ» Д. А. Ровинскаго въ Румянцовскомъ Музеѣ.

3. *Заставка къ III-му раздѣлу XIX-й главы* — медаль Ch. Wiener'a въ честь Александра Герцена и десятилѣтія его русской типографіи въ Лондонѣ (1853 — 1863 гг.). Взята изъ собранія сенатора Д. А. Ровинскаго въ Румянцовскомъ Музеѣ.

4. *Заставка къ I-му раздѣлу XX-й главы*—«Родомыслъ девятаго на десять вѣка»—Александръ I—изъ извѣстнаго собранія медальоновъ работы графа Ѳ. П. Толстого.

Концовка—портретъ П. Я. Чаадаева, русскаго философа и западника первой половины XIX вѣка (род. въ Москвѣ 27 мая 1794 г., † тамъ же 14 апрѣля 1856 г.), автора «философическихъ писемъ», въ которыхъ читаемъ, что «даже въ мірѣ науки, обнимающемъ все, наша исторія ни къ чему не примыкаетъ, ничего не уясняетъ, ничего не доказываетъ». Чаадаевъ не находилъ у Россіи прошлаго... «Окиньте взглядомъ всѣ прожитые нами вѣка, все занимаемое нами пространство,—писалъ Чаадаевъ, — и вы не найдете ни одного привлекательнаго воспоминанія, ни одного почтеннаго памятника, который властно говорилъ бы вамъ о прошломъ, который возсоздавалъ бы его передъ вами живо и картинно... Мы живемъ однимъ настоящимъ въ самыхъ тѣсныхъ его предѣлахъ, безъ прошедшаго и будущаго, среди мертваго застоя... Въ нашихъ головахъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго; все въ нихъ индивидуально и все шатко и неполно». О движеніи декабристовъ Чаадаевъ могъ сказать только одно, что, «вернувшись изъ тріумфальнаго шествія чрезъ просвѣщеннѣйшія страны міра, мы принесли лишь идеи и стремленія, плодомъ которыхъ было громадное несчастіе, отбросившее насъ на полвѣка назадъ» (1829).

5. *Заставка ко II-му раздѣлу XX-й главы* — портретъ графа А. А. Аракчеева изъ коллекціи литографированныхъ портретовъ Д. А. Ровинскаго въ Румянцовскомъ Музеѣ.

Концовка—съ гравюръ русскаго изданія стихотвореній второй четверти XIX вѣка.

6. *Заставка къ XXI-й главѣ*—портретъ К. П. Побѣдоносцева.

Концовка къ главѣ XXI-й—портретъ московскаго митрополита Филарета.

7. *Заставка къ XXII-й главѣ* — памятникъ надъ братской могилой на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ (съ натуры).

Концовка — старинное изображеніе Іисуса съ рукою, сложенною для двуперстнаго крестнаго знаменія.

8. *Заставка къ XXIII-й главѣ* — Мясницкая улица на мѣстѣ нынѣшняго главнаго почтамта въ Москвѣ (съ литографіи).

9. *Заставка къ XXV-й главѣ*—изъ видовъ села Грузина (см. выше № 2).

10. *Заставка къ главѣ XXV-й*—пушечныя мастерскія Обуховскаго сталелитейнаго завода въ С.-Петербургѣ. Срв. снимки въ книгѣ «Торговое и промышленное предпріятіе Рябушинскихъ». М. 1912.

Концовка—россійскій гербъ уткинской работы.

В. Стор.

Библіографія.

Прилагаемая библіографическая справка имѣетъ цѣлью удовлетворить лишь *элементарнымъ* запросамъ читающихъ по русской исторіи; ея интересъ заключается въ указаніяхъ, благодаря которымъ возможно было бы въ сознаніи интересующихся намѣтить опредѣленный кругъ, исходя изъ котораго, читатель чувствовалъ бы себя нѣсколько оріентированнымъ въ обширной литературѣ по русской исторіи. Справка, какъ бы это для многихъ ни было желательнымъ, не представляетъ собою указателя, выдержаннаго въ *единомъ* направленіи. Новые пути въ наукѣ русской исторіи только намѣчены, по нимъ идутъ еще немногіе, а потому естественно, что въ предлагаемой справкѣ нашли себѣ мѣсто работы разнообразныхъ теченій русской исторической мысли, при чемъ, имѣя въ виду, какъ сказано выше, лишь *элементарные* запросы, въ справкѣ пришлось игнорировать указанія на первоисточники, мемуары, иностранныя сочиненія, также на такъ называемую популярную литературу, въ цѣломъ, пожалуй, обильную, но часто крайне безпринципную, не взирая на тѣ или другія имена.

I.

Общія сочиненія.

1.— **Н. А. Рожковъ.** Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1901.

Учебникъ написанъ въ формѣ сжатаго конспекта съ цѣлью ознакомить „въ цѣльномъ и связномъ изложеніи съ процессомъ развитія явленій общественной жизни, разумѣя подъ послѣднимъ не событія или прагматическіе факты, а состоянія или культурныя явленія“.

2.— **Проф. В. О. Ключевскій.** Краткое пособіе по русской исторіи. М. 1899 и дал.

Книжка появилась первоначально (М. 1899) какъ „частное изданіе для слушателей автора“ и, представляя собою сжатый обзоръ всей русской исторіи, въ шестомъ изданіи 1908 г. доведена до момента распубликованія Положенія о выборахъ въ Государственную Думу 1907 года включительно.

3.— **Проф. С. Ѳ. Платоновъ.** Лекціи по русской исторіи. Спб. 1899 и слѣд.

Книга представляетъ собою курсъ автора, изданный по запискамъ его слушателей и пригодный для элементарнаго ознакомленія съ общимъ ходомъ русской исторіи.

4.— **Проф. В. О. Ключевскій.** Курсъ русской исторіи. Изданіе автора въ пяти частяхъ. М. 1904 и слѣд.

Курсъ „составился изъ многолѣтнихъ чтеній по русской исторіи“ въ московскомъ университетѣ, въ высокой степени популяренъ и въ отдѣльныхъ частяхъ неодинаковъ по своей литературной обработкѣ. Авторъ заявляетъ, что, „отправляясь отъ фактовъ политическихъ и экономическихъ съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія“, онъ изучаетъ „государство и общество, ихъ строеніе и взаимное отношеніе, людей, руководившихъ строеніемъ того и другого, условія внѣшнія—международныя и внутреннія—физическія и нравственныя, устанавливавшія отношеніе между тѣмъ и другимъ, внутреннія борьбы, какія при этомъ приходилось переживать народу, пропзводи-

тельныя силы, которыми созидалось народное хозяйство, формы, въ какія отливался государственный и хозяйственный бытъ народа".

5.— **П. Н. Милюковъ**. Очерки по исторіи русской культуры. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій" въ трехъ частяхъ. Спб. 1896—1903 и слѣд.

„Очерки" представляютъ собою переработку лекцій автора, читанныхъ въ московскомъ университетѣ въ 1894—1895 г., какъ „Введеніе въ курсъ русской исторіи". Цѣль „Очерковъ"—„въ сообщеніи читателямъ тѣхъ основныхъ процессовъ и явленій, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію", при чемъ „ничего кромѣ элементарныхъ данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманія историческаго процесса не могло быть введено въ содержаніе" книги.

6.— **Н. А. Рожковъ**. Городъ и деревня въ русской исторіи. Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи. Спб. 1902.

Авторъ изучаетъ „значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа", исходя „изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объясняя явленія соціальной и политической жизни" и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что „вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество".

7.— **Н. А Рожковъ**. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть I. Кіевская Русь съ VI до конца XII вѣка. Спб. 1903.—Часть II. Удѣльная Русь XIII, XIV, XV и половины XVI в. Спб. 1905.

Авторъ исходитъ изъ основного соображенія, что „исторія каждаго отдѣльнаго народа, каждой отдѣльной страны должна освѣщаться съ соціологической точки зрѣнія; конкретный процессъ историческаго развитія отдѣльной части человѣчества становится понятенъ и получаетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если его разсматривать, какъ матеріалъ для построенія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ".

8.— **Проф. С. М. Соловьевъ**. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изданіе т-ва „Общественная Польза", въ шести книгахъ. Спб. 1894 и слѣд.

Трудъ устарѣлый, но богатый фактическимъ матеріаломъ. Авторъ на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ гг. XIX столѣтія представлялъ себѣ свою „обязанность историка такъ: „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію" (первое изданіе М. 1851—1879).

9—20.—Для разнообразныхъ фактическихъ, біографическихъ и библіографическихъ справокъ можно обращаться къ изданіямъ:

а) *Новый Энциклопедическій Словарь* въ изданіи Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Спб. 1911 и слѣд.

б) *Русскій Біографическій Словарь* въ изданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1896 и слѣд.

в) Проф. *В. С. Иконниковъ*. Опытъ русской исторіографіи. Кіевъ. 1891—1892 и слѣд.

г) *П. Н. Милюковъ*. Главныя теченія русской исторической мысли. М. (Для приступа къ занятіямъ по изученію разныхъ направленій въ области русской исторической науки.) М. 1897 и 1908.

д) *В. А. Келтуяла*. Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1906 и слѣд.

е) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія русской этнографіи. Спб. 1900.

ж) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія русской литературы. Спб. 1902—1903.

з) *В. Е. Данилевичъ*. Курсъ русскихъ древностей. Кіевъ. 1909.

и) *Игорь Грабарь*. Исторія русскаго искусства. М. 1911 и сл.

к) *М. Макарій*. Исторія русской церкви. Спб. 1857—1883.

л) Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1888 и слѣд.

м) Проф. *Е. Е. Замысловскій*. Учебный атласъ по русской исторіи. Спб. 1887.

II.

Древность и Средневѣковье.

1.— **В. Томсенъ.** Начало русскаго государства. М. 1891.

2.— **И. Е. Забѣлинъ.** Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. М. 1876—1879 и слѣд. изд.

3.— **А. Л. Погодинъ.** Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1902.

4.— **В. Б. Антоновичъ и Армашевскій.** Публичныя лекціи по археологіи и исторіи Кіева. Кіевъ. 1896.

5.— **Н. П. Кондаковъ и И. И. Толстой.** Русскія древности въ памятникахъ искусства. Спб. 1889—1899 (по древнимъ памятникамъ искусства Кіева см. также работы Д. Айналова и Е. Рѣдина. Спб. 1889 и Харьковъ. 1899).

6.— **Н. П. Кондаковъ.** Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Спб. 1895.

7.— **В. Ѳ. Миллеръ.** Осетинскіе этюды. М. (только третій томъ) 1881.

8.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Скиѳскія древности. Спб. 1887.

9.— **Н. П. Барсовъ.** Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. Варшава. 1873 и 1885.

10.— **Л. Н. Майковъ.** Замѣтки по географіи древней Руси. Спб. 1874.

11.— **А. А. Шахматовъ.** Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908.

12.— **В. Н. Сторожевъ** (подъ ред.). Кіевская Русь. Сборникъ статей. М. 1910.

13.— **М. С. Грушевскій.** Кіевская Русь. Спб. 1911.

14.— **М. С. Грушевскій.** Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV в. Кіевъ. 1891.

15.— **С. М. Соловьевъ.** Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847.

16.— **А. Е. Прѣсняковъ.** Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909.

17.— **М. Н. Бережковъ.** О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Спб. 1879.

18.— **В. И. Сергѣевичъ.** Вѣче и князь. М. 1867.

19.— **В. И. Сергѣевичъ.** Русскія юридическія древности. Т. I и II. Спб. 1900—1902. Т. III. Спб. 1903.

20.— **Е. Е. Голубинскій.** Исторія русской церкви. М. 1880—1881 и слѣд.

21.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Юрьевъ. 1907.

22.— **Н. Я. Аристовъ.** Промышленность древней Руси. Спб. 1866.

23.— **Н. Л. Дювернуа.** Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869.

24.— **Б. Н. Чичеринъ.** Опыты по исторіи русскаго права. М. 1858.

25.— **Д. И. Багалѣй.** Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ. 1889.

26.— **П. В. Голубовскій.** Исторія смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895.

27.— **В. Е. Данилевичъ.** Очеркъ исторіи полоцкой земли до конца XIV в. Кіевъ. 1896.

28.— **П. В. Голубовскій.** Печенѣги, тюрки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в.

29.— **В. Ляскоронскій.** Исторія переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII вѣка. Кіевъ. 1897 и 1903.

30.— **А. М. Андріяшевъ.** Очеркъ исторіи волынской земли. Кіевъ. 1887.

31.— **И. А. Линниченко.** Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной галицкой Руси XIV—XV в. М. 1894.

32.— **М. К. Любавскій.** Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно. М. 1910.

33.— **В. В. Борзаковскій.** Исторія тверского княжества. Спб. 1876.

34.— **Д. И. Иловайскій.** Исторія рязанскаго княжества. М. 1858 (см. въ I-мъ томѣ сочиненій. М. 1884).

35.— **Д. А. Корсаковъ.** Меря и Ростовское княжество. Казань. 1872.

36.— **В. О. Ключевскій.** Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871.

37.— **В. Н. Дебольскій.** Духовныя и договорныя грамоты московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Спб. 1901.

38.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907.

39.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Феодализмъ въ удѣльной Руси. Община и боярщина. Феодальныя учрежденія. Спб. 1910.

40.— **Ѳ. В. Тарановскій.** Феодализмъ въ Россіи. Варшава. 1902.
41.— **В. О. Ключевскій.** Боярская Дума древней Руси. М. 1882 и сл.
42.— **М. А. Дьяконовъ.** Власть московскихъ государей. Спб. 1889.
43.— **Н. И. Костомаровъ.** Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльновѣчевого уклада. Спб. 1863, 1886 и слѣд.
44.— **А. И. Никитскій.** Очеркъ внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873.
45.— **А. И. Никитскій.** Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893.
46.— **В. Васильевъ.** Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. М. 1893.
47.— **А. Н. Аѳанасьевъ.** Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. М. 1865—1869.
48.— **П. Пирлингъ.** Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ. Спб. 1892.
49.— **Е. Е. Голубинскій.** Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Сергіевъ-Посадъ. 1894 и М. 1903.
50.— **С. М. Соловьевъ.** Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1846.

III.

Московское государство.

1.— **В. О. Ключевскій.** Опыты и изслѣдованія. М. 1912.
Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря.— Псковскіе споры.—Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему.— Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи.—Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. — Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси.
2.— **Н. А. Рожковъ.** Происхожденіе самодержавія въ Россіи. Спб. 1906.
3.— **М. С. Грушевскій.** Иллюстрированная исторія Украины. Спб. 1913.
4.— **В. Б. Антоновичъ.** Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Кіевъ. 1885.
5.— **Д. И. Иварницкій.** Исторія запорожскихъ казаковъ. Три тома. Спб. 1892—1897.
6.— **А. Я. Ефименко.** Южная Русь. Спб. 1905 и слѣд.
Очерки исторіи правобережной Украины. — Малорусское дворянство и его судьба.—Южно-русскія братства. — Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Дворищное землевладѣніе въ южной Руси и друг.
7.— **А. Я. Ефименко.** Изслѣдованія народной жизни. М. 1884.
7.— **М. С. Грушевскій.** Очеркъ исторіи украинскаго народа. Спб. 1906.
8.— **В. Н. Латкинъ.** Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1885.
9.— **В. Савва.** Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ. 1901.
10.— **А. С. Бѣлокуровъ.** О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. М. 1899.
11.— **Н. П. Лихачевъ.** Разрядные дьяки XVI вѣка. Опытъ историческаго изслѣдованія. Спб. 1888.
12.— **А. И. Маркевичъ.** Исторія мѣстничества въ московскомъ государствѣ. XV—XVII вв. Одесса. 1888.
13.— **А. И. Маркевичъ.** О мѣстничествѣ. 2 тома. 1879—1880.
14.— **И. Е. Забѣлинъ.** Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. М. 1872 и слѣд. Домашній бытъ русскихъ царицъ. М. 1872 и слѣд.
15.— **К. А. Неволинъ.** Сочиненія. Спб. 1858.
15.— **И. Г. Гурляндъ.** Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902.
16.— **И. Е. Забѣлинъ.** Исторія города Москвы. М. 1905.
17.— **Г. Г. Тельбергъ.** Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ московскомъ государствѣ XVII в. М. 1912.
18.— **П. Н. Милюковъ.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб. 1892 и слѣд.
19.— **П. Н. Милюковъ.** Спорные вопросы финансовой исторіи московскаго государства. Спб. 1891.
20.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1890.

21.— **А. Лохвицкій.** Губернія. Ея земскія и правительственныя учрежденія. Спб. 1865.

22.— **А. Д. Градовскій.** Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Спб. 1868 (или во второмъ томѣ собранія сочиненій).

23.— **И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 1896.

24.— **И. Д. Бѣляевъ.** Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. М. 1860 и 1879.

25.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ московскомъ государствѣ. Спб. 1898.

26.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Разысканія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ московскомъ государствѣ. Спб. 1900.

27.— **И. И. Дитятинъ.** Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Спб.

28.— **К. П. Побѣдоносцевъ.** Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1875.

29.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Государевы служилые люди. Спб. 1898 и слѣд.

30.— **В. Н. Сторожевъ.** Указная книга Помѣстнаго Приказа. М. 1889.

31.— **С. В. Рождественскій.** Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ XVI в. Спб. 1897.

32.— **Н. А. Рожковъ.** Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ. М. 1899.

33.— **А. С. Павловъ.** Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Одесса. 1871.

34.— **Ѳ. М. Дмитріевъ.** Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до учрежденія о губерніяхъ. М. 1859. См. также сочиненія Дмитріева.

35.— **Б. Н. Чичеринъ.** Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. М. 1856.

36.— **Г. Ф. Блюменфельдъ.** О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи.

37.— **Д. И. Багалѣй.** Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства. М. 1887.

38.— **И. Н. Миклашевскій.** Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины московскаго государства XVII в. М. 1894.

39.— **П. Н. Буцинскій.** Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. М. 1889.

40.— **Г. Перетятковичъ.** Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи края и его колонизація. М. 1877.

41.— **Г. Перетятковичъ.** Поволжье въ XVII и началѣ XVIII ст. Очерки изъ исторіи колонизаціи края. Одесса. 1882.

42.— **Ю. В. Готье.** Замосковный край въ XVII вѣкѣ. М. 1906.

43.— **Н. И. Костомаровъ.** Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII ст. Спб. 1862 и слѣд.

44.— **Н. И. Костомаровъ.** Собраніе сочиненій. Изданіе Литературнаго фонда. Спб. 1903 и слѣд.

45.— **М. М. Богословскій.** Земское самоуправленіе на крайнемъ сѣверѣ въ XVII в. 2 тома. М. 1909 и 1912.

46.— **В. Н. Сторожевъ.** Государевы служилые люди въ XVII вѣкѣ. М. 1910.

47.— **М. А. Дьяконовъ.** Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Юрьевъ. 1907.

48.— **Е. Бѣловъ.** Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка. Спб.

49.— **Н. Д. Сергѣевскій.** Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. Спб. 1887.

50.— **Г. В. Форстенъ.** Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст. Спб. 1893.

51.— **Г. В. Форстенъ.** Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI ст. Спб. 1884.

52.— **Влад. Грабеньскій.** Исторія польскаго народа. Спб. 1910.

53.— **А. И. Маркевичъ.** Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в. Одесса. 1895.

54.— **С. М. Середонинъ.** Сочиненіе Джильса Флетчера „Of the russe common wealth", какъ историческій источникъ. Спб. 1891.

55.— **Н. Д. Чечулинъ.** Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Спб. 1889.

56.— **А. С. Фаминцынъ.** Скоморохи на Руси. Спб. 1889.

57.— **И. Е. Забѣлинъ.** Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. М. 1896.

58.— **П. Пирлингъ.** Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902.

59.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Древнерусскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Спб. 1888.

60.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ. Спб. 1899 и 1901.

61.— **С. Ѳ. Платоновъ.** Статьи по русской исторіи (1883 — 1902). Спб. 1903. Есть второе изданіе дополненное.

62.— **А. И. Черепнинъ.** О гривенной денежной системѣ въ Россіи по древнимъ вкладамъ. М. 1910.

63.— **Ѳ. И. Успенскій.** Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ. Спб. 1887.

64.— **Н. С. Тихонравовъ.** Сочиненія. Три тома. М. 1898.

65.— **П. О. Морозовъ.** Исторія русскаго театра. Спб. 1889.

66.— **В. В. Сусловъ.** Очерки по исторіи древнерусскаго зодчества. Спб. 1889.

67.— **А. А. Потаповъ.** Очеркъ древней русской гражданской архитектуры. М. 1902 и 1903.

68.— **И. Е. Забѣлинъ.** Русское искусство. Черты самобытности въ древнерусскомъ творчествѣ. М. 1910.

70.— **І. Татарскій.** Симеонъ Полоцкій. М. 1886.

71.— **Л. Н. Майковъ.** Симеонъ Полоцкій. Спб. 1889.

72.— **А. А. Царевскій.** Посошковъ и его сочиненія. М. 1883.

73.— **И. А. Шляпкинъ.** Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1894.

74.— **А. Прозоровскій.** Сильвестръ Медвѣдевъ. М. 1896.

75.— **С. А. Бѣлокуровъ.** Арсеній Сухановъ. М. 1891—1894.

76.— **В. С. Иконниковъ.** Максимъ Грекъ. Кіевъ. 1866.

77.— **Н. Ѳ. Каптеревъ.** Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. М. 1885.

78.— **Д. В. Цвѣтаевъ.** Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. М. 1890.

79.— **А. С. Пругавинъ.** Расколъ—сектантство. М. 1887.

80.— **Еп. Макарій.** Исторія русскаго раскола. Спб. 1858.

81.— **Н. Ѳ. Каптеревъ.** Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Сергіевъ-Посадъ. 1909 и слѣд.

82.— **П. И. Мельниковъ.** Историческіе очерки поповщины. М. 1864.

83.— **А. П. Щаповъ.** Сочиненія. Изданіе М. В. Пирожкова по программѣ и выборкамъ В. Н. Сторожева. Спб. 1906.

84.— **А. К. Бороздинъ.** Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. Спб. 1898. 2-ое, дополнен. изд. Спб. 1900.

85.— **Н. И. Субботинъ.** Дѣло патріарха Никона. М. 1862.

86.— **В. В. Андреевъ.** Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Историческій очеркъ. Спб. 1870.

87.— **Д. И. Сапожниковъ.** Самосожженіе въ русскомъ расколѣ 2-й половины XVII в. до конца XVIII ст. М. 1891.

88.— **В. Г. Дружининъ.** Расколъ на Дону. Спб. 1889.

89.— **М. И. Милѣевъ.** Изъ исторіи раскола на Вяткѣ и въ Стародубьѣ XVII и XVIII вв. Изслѣдованія. Кіевъ. 1895.

90.— **В. А. Мякотинъ.** Протопопъ Аввакумъ. Спб. 1894.

91.— **П. С. Смирновъ.** Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898.

92.— **И. П. Хрущовъ.** Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Спб. 1868.

93.— **В. В. Жмакинъ.** Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881.

94.— **Л. Рущинскій.** Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. М. 1871.

95.— **И. Г. Гурляндъ.** Ямская гоньба въ московскомъ государствѣ до конца XVII в. Ярославль. 1900.

96.— **П. Щебальскій.** Чтенія изъ русской исторіи. Спб. 1861 и 1868.

IV.

Россія крѣпостная и Россія пореформенная.

1.— **Три вѣка.** Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912—1913.

2.— **С. В. Ешевскій.** Сочиненія по русской исторіи. М. 1900.

3.— **Н. Д. Чечулинъ.** Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II. 1762—1774 гг. Спб. 1896.

4.— **М. И. Сухомлиновъ.** Изслѣдованія и статьи. Томъ I. Спб.

5.— **Н. А. Поповъ.** В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861.

6.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Очерки по русской исторіи XVIII—XIX вв. Спб. 1912.

7.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленное въ царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1897.

8.— **В. Н. Латкинъ.** Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в. Спб.

9.— **А. Н. Филипповъ.** Исторія сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Юрьевъ. 1895.

10.— **В. А. Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902.

11.— **А. С. Алексѣевъ.** Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I. М. 1896.

12.— **В. В. Андреевъ.** Представители власти въ Россіи послѣ Петра I. Изданіе 2-е. Спб. 1871.

13.— **В. А. Бильбасовъ.** Исторія Екатерины Второй. Томы I и II. Спб. 1890 и 1891. Берлинъ. 1900. Томъ XII. Берлинъ. 1896.

14.— **А. Г. Брикнеръ.** Исторія Петра Великаго. Спб. 1882.

15.— **А. Г. Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб. 1891.

16.— **А. Г. Брикнеръ.** Исторія Екатерины Второй. Спб. 1885.

17.— **А. Г. Брикнеръ.** Смерть Павла I. Спб. 1907.

18.— **Д. А. Корсаковъ.** Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Казань. 1880.

19.— **Д. А. Корсаковъ.** Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. Казань. 1891.

20.— **Н. П. Павловъ-Сильванскій.** Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. Спб. 1897.

21.— **Е. Ф. Шмурло.** Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Спб. 1912.

23.— **А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.** Пугачевщина въ Сибири. М. 1898.

24.— **Н. Ѳ. Дубровинъ.** Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ царствованія Екатерины Второй (1773—1774 г.). Спб. 1884.

25.— **А. И. Незеленовъ.** Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг. Изслѣдованіе. Спб. 1885.

26.— **В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII ст. Спб. 1896.

27.— **П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.** Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ. М. 1876.

28.— **С. А. Петровскій.** О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. М. 1875.

29.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Очеркъ внутренней политики императрицы Екатерины II. Спб. 1898.

30.— **М. Н. Лонгиновъ.** Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867.

31.— **П. К. Щебальскій.** Начало и характеръ пугачевщины. М. 1865.

32.— **П. М. Майковъ.** Иванъ Ивановичъ Бецкой. Опытъ его біографіи. Спб. 1904.

33.— **В. И. Семевскій.** Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1901—1903.

34.— **В. И. Семевскій.** Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. Спб. 1888.

35.— **С. И. Шубинскій.** Историческіе очерки и разсказы. Спб. 1893 и 1908.

36.— **Е. Н. Щепкина.** Старинные помѣщики на службѣ и дома. Спб. 1890.

37.— **А. С. Лаппо-Данилевскій.** Русская промышленность и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII ст. Спб. 1899.

38.— **Н. Фирсовъ.** Пугачевщина. Спб. 1909.

39.— **В. Строевъ.** Бироновщина и Кабинетъ министровъ. М. 1909 и Спб. 1910.

40.— **Г. Писаревскій.** Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи XVIII в. М. 1909.

41.— **М. В. Клочковъ.** Населеніе въ Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени. Спб. 1911.

42.— **Н. Фирсовъ.** Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Казань 1896.

43.— **Е. Карновичъ.** Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Спб. 1885.

44.— **М. М. Богословскій.** Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. М. 1902.

45.— **В. Григорьевъ.** Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб. 1910.
46.— **Г. В. Есиповъ.** Люди стараго вѣка. Спб. 1880.
47.— **Г. В. Есиповъ.** Раскольничьи дѣла XVIII ст. Спб. 1861–1863 г.
48.— **В. Витевскій.** Расколъ въ уральскомъ войскѣ. Кіевъ. 1878.
49.— **Кельсіевъ.** Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ. 1860—1862.
50.— **А. Лебедевъ.** О духоборцахъ въ слободской Украйнѣ. Харьковъ. 1890.
51.— **В. Андерсонъ.** Старообрядчество и сектантство. Спб. 1910.
52.— **П. Знаменскій.** Приходское духовенство въ Россіи со временъ реформы Петра. Казань. 1873.
53.— **Т. Соколовская.** Русское масонство. Спб.
54.— **Н. С. Соколовъ.** Расколъ въ Саратовскомъ краѣ. Саратовъ. 1888.
55.— **Н. Субботинъ.** Исторія Бѣлокриницкой епархіи. М. 1874.
56.— **Реутскій.** Люди божіи и скопцы. М. 1872.
57.— **А. Рождественскій.** Южно-русскій штундизмъ. М. 1889.
58.— **Ив. Знаменскій.** Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М. 1880.
59.— **М. Горчаковъ.** Монастырскій приказъ. М. 1868.
60.— **Ю. Ѳ. Самаринъ.** Сочиненія. Т. V.
61.— **Н. Субботинъ.** Современныя движенія въ расколѣ. 1863—1866.
62.— **М. О. Гершензонъ.** П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. М. 1908.
63.— **М. О. Гершензонъ.** Жизнь В. С. Печерина. М. 1910.
64.— **М. О. Гершензонъ.** Исторія молодой Россіи. М. 1908.
65.— **М. И. Туганъ-Барановскій.** Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб. 1898 и 1909.
66.— **Н. Д. Чечулинъ.** Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 1906.
67.— **К. Лодыженскій.** Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Спб. 1886.
68.— **В. Э. Денъ.** Населеніе Россіи по пятой ревизіи. М. 1902.
69.— Исторія удѣловъ. Спб. 1902.
70.— О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Н. М. Карамзина. М. 1870. Оттискъ изъ № 12-го журнала „Русскій Архивъ“ П. И. Бартенева.
71.— **Никольскій.** Бумажныя деньги въ Россіи. Казань. 1892.
72.— **С. М. Соловьевъ.** Исторія паденія Польши. М. 1863.
73.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Павелъ Первый. Спб. 1901.
74.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Николай Первый. Спб. 1903.
75.— **Н. К. Шильдеръ.** Императоръ Александръ Первый. Спб. 1897—1898 и слѣд.
76.— **Императрица Елисавета Алексѣевна,** супруга императора Александра I. Спб. 1908.
77.— **И. Н. Божеряновъ.** Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ. Спб. 1897.
78.— **И. И. Дитятинъ** Городское самоуправленіе въ Россіи. Ярославль. 1874—1877.
79.— **А. Д. Градовскій.** Высшая администрація въ Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры. Спб. 1866.
80.— **А. А. Кизеветтеръ.** Посадская община въ Россіи XVIII столѣтія. М. 1903.
81.— **А. А. Кизеветтеръ.** Городовое положеніе Екатерины II. М. 1909.
82.— **Е. С. Шумигорскій.** Императрица Марія Ѳеодоровна. Т. I. Спб. 1892.
83.— **Д. Ф. Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Спб. 1887 и 1900.
84.— **Е. С. Шумигорскій.** Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Спб. 1898 и 1902.
85.— **Е. Карновичъ.** Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Спб. 1899.
86.— **М. И. Семевскій.** Очерки и разсказы изъ русской исторіи. Три тома. Спб. 1883—1884.
87.— **С. С. Татищевъ.** Внѣшняя политика императора Николая I. Спб. 1887.
88.— **С. С. Татищевъ.** Изъ прошлаго русской дипломатіи. Спб. 1890.
89.— **С. С. Татищевъ.** Императоръ Александръ II. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1903 и 1912.
90.— **С. М. Середонинъ.** Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Спб. 1902.
91.— **А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ.** Декабристы въ Западной Сибири. Очеркъ по официальнымъ документамъ. М. 1895.
92.— **А. И. Пыпинъ.** Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885 и 1908.

93.— **В. И. Семевскій.** Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1898.
94.— **Н. П. Барсуковъ.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб. 1888 и слѣд.
95.— **А. А. Корниловъ.** Общественное движеніе при Александрѣ II. М. 1908.
96.— **Г. А. Джаншіевъ.** Эпоха великихъ реформъ. Спб. 1907.
97.— **С. М. Середонинъ.** Графъ М. М. Сперанскій. Спб. 1910.
98.— **А. А. Кизеветтеръ.** Историческіе очерки. М. 1912.
99.— **А. А. Васильчиковъ.** Семейство Разумовскихъ. Спб. 1882.
100.— **С. В. Рождественскій.** Исторія министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1902.
101.— **М. О. Гершензонъ.** Эпоха Николая I. М. 1910.
102.— **Д. А. Ровинскій.** Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Спб. 1895.
103.— **Д. А. Ровинскій.** Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1886—1889.
104.— **В. П. Батуринскій.** А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Спб. 1904.
105.— **И. И. Игнатовичъ.** Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Спб. 1902.
106.— **П. А. Соколовскій.** Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб. 1878.
107.— **В. В.** Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886.
108.— **Вл. Ильинъ.** Развитіе капитализма въ Россіи. Спб. 1899.
109.— **В. Я. Богучарскій.** Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904.
110.— **П. Н. Милюковъ.** Изъ исторіи русской интеллигенціи. Сборникъ статей и этюдовъ. Спб. 1902.
111.— **Н. Я. Данилевскій.** Россія и Европа. Спб. 1871.
112.— **А. Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872.
113.— **Крестьянскій строй.** Сборникъ. Спб. 1905.
114.— **И. А. Бліохъ.** Исторія финансовъ въ Россіи XIX вѣка. 4 тома. Спб. 1882.
115.— **Вел. кн. Николай Михайловичъ.** Александръ I. Спб. 1912.
116.— **В. И. Семевскій.** Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1908.
117.— **М. К. Лемке.** Политическіе процессы М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1907.
118.— **В. Я. Богучарскій.** Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. М. 1912.
119.— **А. М. Скабичевскій.** Очерки исторіи русской цензуры. Спб. 1892.
120.— **К. Д. Кавелинъ.** Сочиненія. Спб. 1897—1900.
121.— **Освобожденіе крестьянъ.** Изданіе „Научнаго Слова". М. 1911.
122.— **І. В. Гессенъ.** Судебная реформа. Спб. 1905.
123.— **И. И. Иванюковъ.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб. 1903.
124.— **А. А. Корниловъ.** Крестьянская реформа. Спб. 1905.
125.— **И. Кауфманъ.** Серебряный рубль въ Россіи отъ его возникновенія до конца XIX ст. Спб. 1910.
126.— **П. П. Мигулинъ.** Русскій государственный кредитъ. Харьковъ. 1879.
127.— **Н. Бржескій.** Государственные долги Россіи. Спб. 1884.
128.— **П. Головачевъ.** Сибирь. М. 1905.
129.— **К. Ординъ.** Покореніе Финляндіи. Спб. 1909.
130.— **А. В. Пѣшехоновъ.** На очередныя темы. Спб. 1909.
131.— **А. А. Исаевъ.** Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. Спб. 1896.
132.— **А. Д. Повалишинъ.** Рязанское земство въ его прошломъ и настоящемъ. Рязань. 1889.
133.— **П. Соколовскій.** Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877.
134.— **А. Кауфманъ.** Крестьянская община въ Сибири. Спб. 1897.
135.— **В. В.** Крестьянская община. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. М. 1892.
136.— **К. Кочаровскій.** Русская община. Спб. 1900 и слѣд.
137.— **В. В.** Къ исторіи общины въ Россіи. М. 1902.
138.— **Н. А. Благовѣщенскій.** Четвертное право. М. 1899.
139.— **П. Б. Струве.** Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб. 1894.

140.— **С. Покровскій.** Министерская власть въ Россіи. Ярославль. 1906.
141.— **В. Щегловъ.** Государственный Совѣтъ въ Россіи. Ярославль. 2 тома. 1892 и 1895.
142.— **А. А. Кизеветтеръ.** Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. М. 1910.
142.— **В. М. Гессенъ.** Вопросы мѣстнаго управленія. Спб. 1904.
143.— **Б. Веселовскій.** Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Спб. 1908.
144.— **Н. М. Коркуновъ.** Указъ и законъ. Спб. 1894.
145.— **К. К. Арсеньевъ.** Законодательство о печати. Спб. 1904.
146.— **М. К. Лемке.** Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики. Спб. 1904.
147.— **М. К. Лемке.** Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904.
148.— **П. Масловъ.** Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Спб. 1903 и слѣд.
150.— **Д. Семеновъ.** Городское самоуправленіе. Спб. 1901.
156.— **Баронъ С. А. Корфъ.** Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1769—1865. Спб. 1906.
157.— **Н. Іорданскій.** Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906.
158.— **А. Кауфманъ.** Сибирское переселеніе на исходѣ XIX в. Спб. 1901.
159.— **Е. Дементьевъ.** Фабрика. М. 1893 и 1897.
160.— **М. И. Демковъ.** Исторія русской педагогики. Спб. 1897.
161.— **А. Д. Повалишинъ.** Исторія рязанскаго губернскаго земства. Рязань. 1890.
162.— **Б. Веселовскій.** Классовые интересы въ земствѣ. Спб. 1905.
163.— **Мелкая земская единица.** Сборникъ. Спб. 1904.
164.— **В. Ю. Скалонъ.** По земскимъ вопросамъ. Спб. 1905.
165.— **Нужды деревни.** Сборникъ. 2 тома. Спб. 1904.
166.— **Князь Н. С. Волконскій.** Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 1908.
166.— **Аграрный вопросъ.** Сборникъ. Спб. 1905.
167.— **А. Д. Повалишинъ.** Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Рязанской губерніи въ XIX ст. Рязань. 1903.
168.— **Ивановъ-Разумникъ.** Исторія русской общественной мысли. Спб. 1908.
169.— **С. Г. Сватиковъ.** Общественное движеніе въ Россіи (1700—1905). Ростовъ на Дону. 1905.
170.— Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“ Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. М. 1907 и слѣд. (Въ приложеніяхъ имѣется довольно обширная библіографія).

В. Стор.

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

Стр.

Глава XIX. Крестьянская реформа.
1. Соціальная политика Николая I. 1
2. Кризисъ барщиннаго хозяйства 36
3. 19-е февраля 52

Глава XX. Шестидесятые годы.
1. Пореформенная экономика 87
2. Буржуазная монархія 104

Глава XXI. Государственная церковь въ XVIII и XIX вѣкахъ. *Н. М. Никольскаго* 132

Глава XXII. Религіозныя движенія въ XIX вѣкѣ. *Н. М. Никольскаго* . . . 159

Глава XXIII. Общественное движеніе во второй половинѣ XIX вѣка 214

Глава XXIV. Аграрный кризисъ 268

Глава XXV. Внѣшняя политика буржуазной монархіи 289

Заставки и концовки 327

Библіографія. Составилъ *В. Н. Сторожевъ* 329

Оглавленіе V тома 339

Оглавленіе I—V томовъ 340

Иллюстраціи V тома.

1. К. Ѳ. Рылѣевъ. Меццотинтогравюра 8
2. Декабристъ П. И. Пестель. Mattdruckkunst 24
3. „ М. А. Бестужевъ-Рюминъ. Mattdruckkunst 32
4. „ П. Г. Каховскій. Mattdruckkunst 48
5. „ С. И. Муравьевъ-Апостолъ. Mattdruckkunst 64
6. Слава Россіи. Съ гравюры А. Грачева. „ 80
7. Всадница. Съ картины К. П. Брюлова. „ 96
8. Nicolas I, empereur de toutes les Russies. Съ литографіи Mattdruckkunst. 104
9. Гвардейцы имп. Николая I. Съ картины А. И. Зауэрвейда. Mattdruckkunst. 112
10. Торгъ. Съ картины Н. В. Неврева. Mattdruckkunst 128
11. Михайловскій замокъ. Съ гравюры „ 144
12. Явленіе Спасителя народу. Съ картины А. А. Иванова. Mattdruckkunst. 152
13. Поминки у купца. Съ картины Ф. С. Жиравлева. Mattdruckkunst 206
14. Похищеніе невѣсты. Съ картины Фешина. Mattdruckkunst 222
15. Толкучій рынокъ. Съ гравюры П. М. Шмелькова. Mattdruckkunst 238
16. Семейные расчеты. Съ картины Н. В. Неврева. Mattdruckkunst 246
17. Въ кулуарахъ суда. Съ картины Н. Л. Касаткина. Mattdruckkunst . . . 254
18. На міру. Съ картины С. А. Коровина. Mattdruckkunst 278
19. Семейный раздѣлъ. Съ картины В. М. Максимова. Mattdruckkunst . . . 286
20. Памятникъ имп. Александру III въ Петроградѣ. Съ фотогр. Mattdruckkunst. 302
21. Торжественное засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта 7 мая 1911 г. Съ картины И. Е. Рѣпина. Mattdruckkunst 318

ОГЛАВЛЕНІЕ I—V ТОМОВЪ.

ТОМЪ I.

		Стр.
Предисловіе	*М. Н. Покровскаго* и *Н. М. Никольскаго*	5
„	*В. Н. Сторожева*	7
Глава I.	Великая Россійская равнина въ прошломъ. *В. К. Агафонова*	9
Глава II.	Слѣды древнѣйшаго общественнаго строя. *М. Н. Покровскаго* *)	39
Глава III.	Феодальныя отношенія въ древней Руси	64
Глава IV.	Заграничная торговля, города и городская жизнь X—XV вв.	95
Глава V.	Первобытныя религіозныя вѣрованія и появленіе христіанства. Н. М. Никольскаго	149
Глава VI.	Новгородъ	182
Глава VII.	Образованіе Московскаго государства	208

ТОМЪ II.

Глава VIII.	Народная религія и церковь въ XIV—XVI вв. *Н. М. Никольскаго.*	5
Глава IX.	Грозный.	
	1. Аграрный переворотъ первой половины XVI в.	60
	2. Публицистика и „реформы“	79
	3. Опричнина	96
Глава X.	Смута.	
	1. Экономическіе итоги XVI в.	126
	2. Феодальная реакція, Годуновъ и дворянство	138
	3. Дворянское возстаніе	161
	4. „Лучшіе“ и „меньшіе“	185
Глава XI.	Дворянская Россія.	
	1. Ликвидація аграрнаго кризиса	218
	2. Политическая реставрація	236
Глава XII.	Реформа Никона и религіозно-соціальныя движенія второй половины XVII в. *Н. М. Никольскаго*	256

ТОМЪ III.

Глава XIII.	Борьба за Малороссію.	
	1. Западная Русь XVI—XVII вв.	1
	2. Казацкая революція	28
	3. Украина подъ московскимъ владычествомъ	52

*) Въ дальнѣйшемъ главы безъ обозначенія имени автора принадлежатъ М. Н. Покровскому.

Глава XIV. Петровская реформа. *Стр.*
1. Торговый капитализмъ XVII в. 76
2. Меркантилизмъ 107
3. Промышленная политика Петра 123
4. Разложеніе феодальной администраціи 132
5. Новый административный механизмъ 145
6. Новое общество 172
7. Агонія буржуазной политики 198

ТОМЪ IV.

Глава XV. Монархія XVIII в.
1. Бироновщина 1
2. Новый феодализмъ 32
3. Теорія сословной монархіи 61
4. Денежное хозяйство 84
5. „Домашній врагъ“ 121
6. Централизація крѣпостного режима 157
Глава XVI. Религіозныя движенія въ XVIII в. *Н. М. Никольскаго* 180
Глава XVII. Александръ I.
1. 11 марта 1801 г. 227
2. „Молодые друзья“ 240
3. Континентальная блокада и дворянская конституція . . . 253
Глава XVIII. Декабристы.
1. Тайныя общества 281
2. 14 декабря 309

ТОМЪ V.

Глава XIX. Крестьянская реформа.
1. Соціальная политика Николая I 1
2. Кризисъ барщиннаго хозяйства 36
3. 19-ое февраля 52
Глава XX. Шестидесятые годы.
1. Переформенная экономика 87
2. Буржуазная монархія 104
Глава XXI. Государственная церковь въ XVIII и XIX вв. *Н. М. Никольскаго.* 132
Глава XXII. Религіозныя движенія въ XIX в. *Н. М. Никольскаго* 159
Глава XXIII. Общественное движеніе во второй половинѣ XIX вѣка 214
Глава XXIV. Аграрный кризисъ 268
Глава XXV. Внѣшняя политика буржуазной монархіи 289
Библіографія. Составилъ *В. Н. Сторожевъ* 329
Оглавленіе I—V томовъ 339

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ТОМЪ I.

Стр.

Предисловіе. *В. Сторожева* 3

I. Происхожденіе русскаго государства.

Варяги и Русь.

Начало земли Русьстѣ. (Сочетаніе Новгородскаго лѣтописнаго свода 1050 г. съ Кіевскимъ 1039 г. въ редакціи 1073 г.) 5

II. Убійство князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Отъ Кіева къ Владиміру Суздальскому.

Отрывокъ изъ „Лѣтописи по Лаврентьевскому списку“ 9
Отрывки изъ Новгородской 4-й и 3-й лѣтописи 11
Отрывки изъ Новгородской 1-й и 2-й лѣтописи 12
Отрывокъ изъ Лаврентьевскаго лѣтописнаго свода сѣвернаго извода. 13

III. Монгольское иго.

1. Битва на Калкѣ (по Ипатской лѣтописи подъ 1224 г.). Алецкое побоище 17
2. Покореніе Руси Сѣверо-Восточной (по Лаврентьевской лѣтописи подъ 1237 г.) 19
3. Взятіе Кіева татарами (по Ипатской лѣтописи подъ 1240 г.) . . . 23

IV. Происхожденіе Московскаго княжества.

Отрывокъ изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1147 г. 24
Отрывки изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1176, 1177, 1207, 1208 гг. 25

Стр.

Отрывки изъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1213, 1237, 1304 гг. 28

V. Духовныя грамоты великихъ князей московскихъ.

1. Грамота Ивана Даниловича Калиты 1328 г. 29
2. Грамота Димитрія Ивановича Донского 1389 г. 32

VI. Договорныя грамоты великихъ князей московскихъ.

1. Грамота Димитрія Ивановича Донского 1362 г. 37
2. Грамота Василія Васильевича Темнаго около 1451 г. 39
3. Договорная грамота великаго князя Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ 1392 г. . 42

VII. Новгородъ Великій.

I. Отношенія Новгорода Великаго къ великимъ князьямъ тверскимъ и московскимъ.

1. Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Александромъ Михайловичемъ 1327 г. 44
2. Договорная грамота съ вел. кн. тверскимъ Борисомъ Александровичемъ около 1451 г. 46
3. Договорная грамота съ вел. кн. московскимъ Димитріемъ Ивановичемъ 1372 г. 47
4. Договорная грамота съ вел. кн. московскимъ Василіемъ Васильевичемъ 1434 г. 48
5. Грамота великому князю московскому Василію Васильевичу на черный боръ въ Новоторжскихъ волостяхъ около половины XV вѣка 50

Стр.

II. Отношенія Новгорода Великаго къ Литвѣ и Польшѣ.

6. Договорная грамота съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ половины XV вѣка . . . 51

Стр.

7. Договорная грамота съ польскимъ королемъ Казимиромъ IV 1471 г. . 52

III. Псковъ.

8. Договорная грамота литовскаго великаго князя Казимира со Псковомъ 1440 г. 55

ТОМЪ II.

I. Новгородскій погромъ 1570 года. 3
II. Грозный въ изображеніи русскаго современника 10
III. Учрежденіе опричнины 28
1. Поѣздъ большой государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи 29
2. Челобитная (указъ) царя Ивана IV на имя Симеона Бекбулатовича отъ 30 октября 1575 г. 34
3. Изъ повѣсти князя И. М. Катырева-Ростовскаго 35
4. Изъ временника дьяка Ивана Тимоѳеева 37

ТОМЪ III.

I. Русская жизнь XVI вѣка по Стоглаву 3
II. Протопопъ „богатырь“ и „священномученикъ“ XVII вѣка . . 31
III. Челобитная суздальскаго соборнаго попа Никиты Пустосвята 45
IV. Соловецкая челобитная 56

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

ТОМЪ I.

Стр.

Иллюстраціи къ статьѣ „Великая Россійская равнина въ прошломъ“ *В. К. Агафонова.*

1. Таблица I. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды 8
2. Таблица II. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды 8
3. Таблица III. Морская фауна кембрійскаго періода: трилобиты, медузы, полипы, слизняки 16
4. Таблица IV. Фауна девонскаго періода 16
5. Таблица V. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 5. Распредѣленіе моря и суши въ пермскій періодъ. № 6. Распредѣленіе моря и суши въ юрскій періодъ 24

Стр.

6. Таблица VI. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 7. Распредѣленіе моря и суши въ началѣ мѣлового періода. № 8. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ мѣловаго періода 24
7. Таблица VII. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 9. Распредѣленіе моря и суши въ концѣ міоценовой эпохи. № 10. Обледенѣніе Европы.—Скандинаво-русскій ледникъ 32
8. Таблица VIII. Великая россійская равнина въ различные геологическіе періоды: № 11. Распредѣленіе моря и суши въ ледниковую эпоху. № 12. Іольдіево море . . . 32
9. Таблица IX. Флора каменноугольнаго періода 36
10. Таблица X. Ландшафтъ юрскаго періода 36

Стр.

11. Таблица XI. Великая россійская равнина въ различныя геологическія эпохи: № 13. Анциловое озеро. № 14. Литориновое море . . 40
12. Таблица XII. Фауна плейстоценоваго періода 40

Иллюстраціи съ объяснительнымъ текстомъ *В. Н. Сторожева* *).

1. Мозаическій образъ „Нерушимой Стѣны“ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ Ярослава I 48
2. Алтарная фреска „Богоматери Великой Панагіи“ въ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода Великаго 64
3. Богоматерь Кіевскаго Владимирскаго собора. В. М. Васнецова . 80

Стр.

4. Фреска южной стѣны Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода Великаго съ изображеніемъ князя-строителя 96
5. Похороны Руса въ Булгарѣ. Съ картины Г. И. Семирадскаго . . . 112
6. Богатыри. Съ картины В. М. Васнецова 128
7. Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами. Съ картины В. М. Васнецова 136
8. Городъ строятъ—Старая Русь. Съ картины Н. К. Рериха 144
9. Видѣніе отроку Варѳоломею. Съ картины М. В. Нестерова 176
10. Юность Преподобнаго Сергія. Съ картины М. В. Нестерова . . . 225
11. Труды Преподобнаго Сергія. Съ картины М. В. Нестерова . . 240
12. Москва XVI столѣтія. Съ рисунка А. М. Васнецова 256

ТОМЪ II.

1. Денсусъ и Дѣянія Св. Троицы . . 32
2. Великій постригъ. Съ картины М. В. Нестерова 48
3. Марѳа посадница. Скульптура Д. С. Стеллецкаго 56
4. Боярская свадьба. Съ картины К. В. Лебедева 64
5. Поцѣлуйный обрядъ. Съ картины К. Е. Маковскаго 80
6. Ѣдутъ. Съ картины А. П. Рябушкина 96
7. Иванъ Грозный. Съ картины В. М. Васнецова 112
8. Грозный и сынъ его Иванъ 16 января 1581 г. Съ картины И. Е. Рѣпина 144
9. Царь Димитрій I ложный и царица Марина Юрьевна 176
10. Обрученіе Марины Мнишекъ . . 192
11. Коронованіе Марины Мнишекъ . 208
12. Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на царство. Съ картины Г. И. Угрюмова 224
13. Москва XVII столѣтія. Съ картины А. М. Васнецова 240
14. Москва XVII столѣтія. Съ картины А. М. Васнецова 256
15. Вешній поѣздъ царицы на богомолье. Съ картины В. Г. Шварца . 272
16. Пріѣздъ иностранцевъ въ Москву. Съ картины С. В. Иванова . 288
17. Сокольничьи царя Алексѣя Михайловича. Съ картины А. Д. Литовченко 304

ТОМЪ III.

1. Смерть Іосафата Кунцевича. Съ картины Зиммлера 8
2. Баторій передъ Псковомъ. Съ картины Я. Матейко 24
3. Запорожцы. Съ картины И. Е. Рѣпина 40
4. Московскія женщины и дѣвушки въ церкви (XVII ст.). Съ картины А. П. Рябушкина 56
5. Утро стрѣлецкой казни. Съ картины В. И. Сурикова 72
6. Самодержица Софья. Съ гравюры. 80
7. Правительница царевна Софья Алексѣевна. Съ картины И. Е. Рѣпина 88
8. Петръ — отецъ отечества. Съ гравюры 104
9. Царица Евдокія Ѳедоровна Лопухина. Съ портрета масляными красками 112
10. Свадебный пиръ Петра Романова и Екатерины Скавронской. Съ гравюры 120
11. Царь Иванъ V. Съ гравюры . . 128

---

*) Всѣ дальнѣйшія иллюстраціи съ объяснительнымъ текстомъ *В. Н. Сторожева*.

Стр.

12. Сраженіе при Нарвѣ. Съ картины Зауэрвейда 136
13. Великій полководецъ. Съ карт. Ю. Рѣпина 144
14. Изъ букваря Каріона Истомина . 160
15. Потѣшные Петра I въ кружалѣ. Съ картины Рябушкина 168
16. Петръ допрашиваетъ царевича Алексѣя Петровича въ Петергофѣ. Съ картины Н. Н. Ге 184
17. Царевичъ Алексѣй Петровичъ . 192
18. Отреченіе царевича Алексѣя. Съ картины Шера 200

Стр.

19. С.-Петербургъ 1727 г. 208
20. Апоѳеозъ кн. А. Д. Меншикова . 216
21. Меншиковъ въ Березовѣ. Съ картины В. И. Сурикова 224
22. Кондиціи Верховнаго Тайнаго Совѣта 232
23. Черный Соборъ С. Д. Милорадовича . . . . . 8 *)
24. Аввакумъ 24
25. Боярыня Морозова. Съ картины В. И. Сурикова 40
26. Никита Пустосвятъ. Съ картины В. Г. Перова 48

ТОМЪ IV.

1. Императрица Анна Ивановна. Съ гравюры 8
2. Герцогъ Бирономъ. Съ гравюры . . 24
3. Шуты при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Съ картины В. И. Якобія. 32
4. Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова передъ постриженіемъ. Съ картины Н. В. Неврева 48
5. Императрица Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ. Съ акварели Е. Е. Лансере 56
6. Кнутъ. Наказаніе г-жи Лопухиной. Съ гравюры 64
7—8. Проспектъ внизъ по Невѣ рѣкѣ между Зимнимъ Ея Имп. Величества домомъ и Академіей Наукъ. 80
9—10. Галлерея, нареченная вмѣстилище чувствій вѣчныхъ. Храмъ истины 88
11. Ломоносовъ. Съ гравюры 96
12. Первый актъ въ Императорской Академіи Художествъ. Съ картины В. И. Якобія 112
13. Е. И. Пугачевъ. Съ гравюры . . 120
14. Пугачевскій бунтъ. Съ картины В. Г. Перова 128
15. Русскій сельскій пейзажъ. Съ картины И. М. Танкова 136
16. Семейство русскихъ крестьянъ. Съ картины І. Эриксена 144
17. Тадеушъ Косцюшко. Съ гравюры 162
18. Варшавскій сеймъ 1773 года. Съ картины Я. Матейко 176
19. И. А. Кавылинъ. Съ гравюры . 192
20. Сыновнее благочестіе. Съ гравюры 232
21. Графъ П. А. фонъ-деръ Паленъ. Съ гравюры 256
22. Графъ А. А. Аракчеевъ. Н. И. Уткина съ пастели Вагнера . . . 272
23. На случай восшествія на престолъ Александра I. Съ гравюры . 280
24. Миръ Европы. Съ гравюры . . . 288
25. Храмъ славы россійскихъ героевъ. Съ гравюры 296
26. Аллегорія побѣдъ 1812—1815 годовъ. Съ гравюры 304
27. Нашъ ангелъ въ небесахъ. Съ гравюры 312
28. М. А. Нарышкина. Съ картины Стройли 320

ТОМЪ V.

1. К. Ѳ. Рылѣевъ. Съ портрета . . 8
2. П. И. Пестель. Съ портрета . . . 24
3. М. А. Бестужевъ-Рюминъ. Съ портрета 32
4. П. Г. Каховскій. Съ портрета . . 48
5. С. И. Муравьевъ-Апостолъ. Съ портрета 64
6. Слава Россіи. Съ гравюры А. Грачева 80
7. Всадница. Съ картины К. И. Брюллова 96
8. Nicolas I, empereur de toutes les Russies. Съ гравюры 104
9. Гвардейцы императора Николая I. Съ картины А. И. Зауэрвейда . . 112
10. Торгъ. Съ картины Н. В. Неврева 128
11. Михайловскій замокъ. Съ грав. . 144
12. Явленіе Спасителя народу. Съ картины А. А. Иванова 152
13. Поминки у купца. Съ картины Ф. С. Журавлева 206
14. Похищеніе невѣсты. Съ картины Фешина 222
15. Толкучій рынокъ. Съ гравюры П. М. Шмелькова 238

---

*) стр. въ приложеніяхъ.

Стр.

16. Семейные расчеты. Съ картины Н. В. Незрева 246
17. Въ кулуарахъ суда. Съ картины Н. Л. Касаткина 254
18. На міру. Съ карт. С. А. Коровина. 278
19. Семейный раздѣлъ. Съ картины В. М. Максимова 286
20. Памятникъ Имп. Александру III въ Спб. Съ фотографіи 302
21. Торжественное засѣданіе общаго собранія Государственнаго Совѣта 7 мая 1901 г. Съ картины И. Е. Рѣпина 318

Заставки и концовки.

ТОМЪ I.

1. Заставка предисловія — золотая стленгида изъ женской гробницы Большой Близницы (IV в.) 5
2. Концовка предисловія—отрывокъ изъ древней мозаики Кіево-Софійскаго собора 8
3. Заставка главы I—ожерелье изъ серебряныхъ позолоченныхъ бляшекъ . . . . . .
4. Концовка главы I — серебряная подвѣска изъ рязанскаго клада . 38
5. Заставка главы II — фреска керченской катакомбы 39
6. Концовка главы II—фреска керченской катакомбы 63
7. Заставка главы III—золотое ожерелье жрицы Деметры, погребенной въ Большой Близницѣ (IV—III вв. до Р. Х.) 64
8. Концовка главы III—гривна(шейное кольцо) царя изъ гробницы Куль-Обскаго кургана 94
9. Заставка главы IV—образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 95
10. Концовка главы IV — образецъ шиферной плиты Кіево-Софійскаго собора 148
11. Заставка главы V — снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 149
12. Концовка главы V—снимокъ съ рѣзныхъ изображеній на гробницѣ Ярослава I 181
13. Заставка главы VI — заставка одной изъ главъ рукописнаго новгородскаго евангелія 182
14. Концовка главы VI—изображенія на оборотной сторонѣ серебряныхъ монетъ Владиміра I (первыя два), Святополка I (третье) и Ярослава I (пятое и шестое) 207
15. Заставка главы VII — изображеніе шлема XIII вѣка 208
16. Концовка главы VII—изображеніе святого князя на медальонѣ изъ клада золотыхъ предметовъ, найденныхъ на землѣ Старой Рязани 259
17. Заставка предисловія къ приложеніямъ—орнаментальная рѣзьба съ Никорцминды 3
18. Концовка предисловія къ приложеніямъ — Спаситель, мозаика XI вѣка въ куполѣ Новгородской Софіи 4
19. Заставка перваго отдѣла приложеній — фреска лѣстницы Кіево-Софійскаго собора 5
20. Концовка перваго отдѣла приложеній—Сигтунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ . . 8
21. Заставка второго отдѣла приложеній — прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ 9
22. Концовка второго отдѣла приложеній—подвѣска изъ мерянскихъ могилъ 16
23. Заставка третьяго отдѣла приложеній — западный порталъ Дмитріевскаго собора 17
24. Концовка третьяго отдѣла приложеній — изображеніе четырехъ орнаментальныхъ гробницъ (XII—XIII вв.) съ саккоса московскаго митрополита Алексѣя 23
25. Заставка четвертаго отдѣла приложеній—барельефъ сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора во Владимирѣ 24
26. Концовка четвертаго отдѣла приложеній — сцена съ козой изъ лѣстничныхъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора 28
27. Заставка пятаго отдѣла приложеній—фреска Георгій Побѣдоносецъ изъ церкви XII вѣка въ Старой Ладогѣ 29
28. Концовка пятаго отдѣла приложеній—подвѣска изъ мерянскихъ могилъ 36
29. Заставка шестого отдѣла приложеній—прилѣпы сѣверной стѣны Дмитріевскаго собора 37
30. Концовка шестого отдѣла приложеній — поливное блюдо изъ Херсонеса 43

Стр.

13. Заставка седьмого отдѣла приложеній — височное кольцо изъ кургановъ Вотской пятины . . . 44

Стр.

32. Концовка седьмого отдѣла приложеній — круглая пряжка изъ Вотскихъ могилъ 56

ТОМЪ II.

1. Заставка главы VIII — деталь „День и ночь“ съ иконы „Ангелъ хранитель съ похожденіями“ . . . 5
2. Концовка главы VIII—деталь съ иконы „Огненное восхожденіе пророка Иліи“ 59
3. Заставка главы IX — снимокъ съ иконы „Рождества пресвятыя Богородицы съ птицами“ 60
4. Концовка главы IX — бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владим. губ. 125
5. Заставка главы X — деталь съ иконы „Соборъ пресвятыя Богородицы“ 126
6. Концовка главы X — деталь съ иконы „Единородный сынъ со святыми“ 217
7. Заставка главы XI—„Вознесеніе“ съ такъ называемыхъ „Корсунскихъ вратъ“ Новгородскаго Софійскаго Собора 218
8. Концовка главы XI — бронзовое украшеніе изъ Муромскаго могильника Владим. губ. 255
9. Заставка и концовка главы XII—снимки съ Корсунскихъ вратъ. 256—306
10. Заставка перваго отдѣла приложеній—московскій соборный храмъ Покрова пресвятой Богородицы (Василій Блаженный) 3
11. Заставка второго отдѣла приложеній — часть Корсунскихъ вратъ. 10
12. Концовка второго отдѣла приложеній—гербъ князей Курбскихъ . 28
13. Заставка третьяго отдѣла приложеній — древній портретъ Ивана IV 29
14. Концовка третьяго отдѣла приложеній—отрывокъ изъ синодика Грознаго 39

ТОМЪ III.

1. Заставка перваго раздѣла главы XIII-ой — изображеніе польскаго сейма, съ гравюры, напечатанной въ Римѣ въ 1622 году. 1
2. Концовка перваго раздѣла XIII-й главы—изображеніе на смертномъ одрѣ Ягайла Ольгердовича (Владислава) 27
3. Заставка второго раздѣла XIII-й главы—изображеніе епископа владимірскаго и брестскаго, позднѣе митрополита кіевскаго и галицкаго Ипатія Потѣя 28
4. Концовка второго раздѣла XIII-й главы—изображеніе польской королевы Ядвиги, взятое съ родословнаго древа 51
5. Заставка третьяго раздѣла XIII-й главы—изображеніе Богородицы, снятое съ одной изъ Почаевскихъ досокъ 52
6. Концовка третьяго раздѣла XIII-й главы—гербъ князя Константина Константиновича Острожскаго . . 75
7. Заставка перваго раздѣла главы XIV-й — взята съ особаго листка, приложеннаго къ старой голландской брошюрѣ 1698 г. 76
8. Концовка перваго раздѣла главы XIV-й — подпись подъ гравюрой, упомянутой выше въ пунктѣ 7-мъ. 106
9. Заставка второго раздѣла главы XIV-й—образчикъ русской гравюры XVIII столѣтія 107
10. Концовка второго раздѣла главы XIV-й — изображеніе малороссійскаго гетмана Мазепы; то же представляетъ собой и заставка четвертаго раздѣла той же главы. 122
11. Заставка и концовка третьяго раздѣла главы XIV-й представляютъ собой одну старую, петровскаго времени, гравюру, разрѣзанную пополамъ; одна ея половина—лѣвая—взята для заставки, а другая—правая—для концовки . 123—131
12. Заставка четвертаго раздѣла главы XIV-й—см. 7 132
13. Заставка пятаго раздѣла главы XIV-й—апоѳеозъ Петра I, работы гравера Алексѣя Зубова 144
14. Концовка пятаго раздѣла главы XIV-й—геральдъ въ своемъ уборѣ. 171
15. Заставка шестого раздѣла главы XIV-й — видъ петербургской биржи, снимокъ съ гравюры первой половины XVIII столѣтія 172
16. Концовка шестого раздѣла главы XIV-й—снимокъ съ виньетки изъ изд. времени Екатерины Второй . 197
17. Заставка седьмого раздѣла главы XIV-й — фасадъ придворной

Стр.

залы въ зимнемъ домѣ, что на Яузѣ, работы гравера Ивана Соколова изъ упомянутаго выше изданія 198
18. Концовка седьмого раздѣла главы XIV-й — снимокъ съ медали, выбитой въ честь графа Алексѣя Григорьевича Орлова 232
19. Заставка перваго отдѣла приложеній—портретъ царя Ивана Грознаго, работы профессора Николая Уткина 3
20. Концовка перваго отдѣла приложеній—бронзовое украшеніе . . . 30
21. Заставка второго отдѣла приложеній — знакъ печатника Ивана Ѳедорова 31
22. Концовки второго отдѣла приложеній — съ гравюры на деревѣ изъ старопечатныхъ славянскихъ книгъ XVII вѣка; заставка четвертаго отдѣла приложеній — тоже . . . . . 44—56
23. Заставка и концовка третьяго раздѣла приложеній—съ гравюры на деревѣ, южно-русской печати. 45—55
24. Заставка четвертаго отдѣла приложеній—см. 22-й 56
25. Концовка четвертаго отдѣла приложеній—бронзовое украшеніе . . 64

ТОМЪ IV.

1. Заставка къ I-му раздѣлу XV-й главы—изъ русской печатной книги второй половины XVIII вѣка . 1
2. Концовка—снимокъ съ медали въ честь Бирона 31
3. Заставка ко 2-му раздѣлу XV-й главы—арестъ Анны Леопольдовны съ мужемъ императрицей Елизаветой въ 1741 г. 32
4. Концовка—изъ русской печатной книги 2-й половины XVIII вѣка . 60
5. Заставка къ 3-му раздѣлу XV-й главы — портретъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина . . 61
6. Концовка — портретъ графа А. П. Бестужева-Рюмина 83
7. Заставка къ 4-му раздѣлу XV-й главы—портретъ Анны Петровны. Съ оригинала Танауера 84
8. Концовка — портретъ Анны Леопольдовны. Съ оригинала Л. Каравака, гравированнаго Вортманомъ около 1739 г. 120
9. Заставка къ 6-му раздѣлу XV-й главы—тоже 157
10. Концовка—снимокъ съ заглавнаго листа „карманнаго календаря его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича на 1759 годъ“ 179
11. Заставка къ 5-му раздѣлу XV-й главы — снимокъ съ гравюры. Е. И. Пугачевъ въ желѣзной клѣткѣ. 157
12—13. Заставка и концовка къ главѣ XVI-й (см. объясненіе къ приложенію „И. А. Кавылинъ“) . 180—226
14. Заставка къ главѣ XVII-й — съ англійской гравюры, изображающей Александра I-го 227
15. Концовка—съ англійской гравюры, изображающей князя Михаила Иларіоновича Голенищева-Кутузова 280
16. Заставка къ 1-му раздѣлу главы XVIII-й—съ перваго листа изданія А. И. Герцена „Полярная Звѣзда“ 1861 года . . . . . .
17. Концовка—съ англійской гравюры, изображающей Александра I-го. 308
18. Заставка ко 2-му раздѣлу главы XVIII-й—съ гравюры, изображающей Александра I-го, который подаетъ книгу (Уставъ Академіи Художествъ) четыремъ музамъ . . . 309
19. Концовка — съ геліогравюры по способу Скамони, изображающей Александра I-го, типа Кюгельхена. 331

ТОМЪ V.

1. Заставка ко II-му раздѣлу XIX-й главы — изъ альбома видовъ села Грузина, принадлежавшаго графу А. А. Аракчееву—въѣздъ съ рѣки въ с. Грузино 36
2. Заставка къ III-му раздѣлу XIX-й главы — медаль Ch. Wiener'a въ честь Александра Герцена и десятилѣтія его русской типографіи въ Лондонѣ (1853—1863 гг.). Взята изъ собранія сенатора Д. А. Ровинскаго въ Румянцовскомъ музеѣ 52
3. Заставка къ I-му раздѣлу XX-й главы — „Родомыслъ девятаго на десять вѣкѣ“—Александръ I—изъ извѣстнаго собранія медальоновъ работы графа Ѳ. П. Толстого . . . 87
4. Концовка — портретъ П. Я. Чаадаева 103
5. Заставка ко II-му раздѣлу XX-й главы—портретъ графа А. А. Арак-

Стр.

чеева изъ коллекціи литографированныхъ портретовъ Д. А. Ровинскаго въ Румянцовскомъ Музеѣ 104
6. Концовка — съ гравюръ русскаго изданія стихотвореній второй четверти XIX вѣка 131
7. Заставка къ XXI-й главѣ — портретъ К. П. Побѣдоносцева 132
8. Концовка къ главѣ XXI-й — портретъ московскаго митрополита Филарета 158
9. Заставка къ главѣ XXII-й — памятникъ надъ братской могилой на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ (съ натуры) 159
10. Концовка — старинное изображеніе Іисуса съ рукою, сложенною для двуперстнаго крестнаго знаменія . 213
11. Заставка къ XXIII-й главѣ — Мясницкая улица на мѣстѣ нынѣшняго главнаго почтамта въ Москвѣ (съ литографіи) 214
12. Заставка къ XXIV-й главѣ — изъ видовъ села Грузина (см. выше подъ № 1) 268
13. Заставка къ главѣ XXV-й — пушечныя мастерскія Обуховскаго сталелитейнаго завода въ С.-Петербургѣ 289
14. Концовка — россійскій гербъ уткинской работы 326

Duke University Libraries
D036968694